

Марион Мелвилль – История ордена Тамплиеров

Melville Marion. La Vie des Templiers. Paris: Gallimard, 1982.

Мельвилль М., История ордена тамплиеров. СПб.: Евразия, 2000. 415 с.

Перевод с фр. к. и. н. Г. Ф. Цыбулько. Науч. редактор М. Ю. Медведев. - СПб: "Евразия", 2000 - 416с.

В средневековой истории найдется немного сюжетов, которые бы привлекали читающую публику так, как история ордена Тамплиеров, одновременно находясь в забвении у историков, порождая тем самым самые невероятные домыслы. Может быть поэтому в популярной литературе появилась пресловутая "Загадка тамплиеров". Но, вероятно, проникнуть в тайну тамплиеров невозможно без анализа истории ордена начиная с момента его возникновения как братства Бедных рыцарей, призванного охранять паломников на пути к Святым местам, до мощной организации, сконцентрировавшей огромные материальные и военные ресурсы, каким он стал к концу XIII в. Книга Марион Мелвилль - одна из немногих, если не единственная в своем роде, пытающаяся воссоздать эту историю объективно. Ее отличает глубина исторических экскурсов, прекрасное знание политической ситуации, событий, условий жизни, обычаев эпохи.

Данное издание представляет интерес как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей.

© Перевод с фр. к. и. н. Г. Ф. Цыбулько, 2000

© Обложка Лосев П. П., 2000

© Издательская группа "Евразия", 2000

Содержание

Предисловие	Часть первая	ГЛАВА XI. Совместные операции
ГЛАВА I. Собор в Труа		Часть вторая
ГЛАВА II. Странствующие рыцари		ГЛАВА XII. Сыновья Любви Небесной
ГЛАВА III. Omne Datum Optimum		ГЛАВА XIII. Строители замков
ГЛАВА IV. Французский устав		ГЛАВА XIV. Ключи от Египта
ГЛАВА V. "Похвала новому рыцарству"		ГЛАВА XV. Неудавшийся крестовый
ГЛАВА VI. Цитадель	поход	
ГЛАВА VII. Дороги Вавилона		ГЛАВА XVI. Архиепископ и труверы
ГЛАВА VIII. Банкиры и дипломаты		ГЛАВА XVII. Монастырская жизнь
ГЛАВА IX. "Свод"		ГЛАВА XVIII. Правосудие Дома
ГЛАВА X. Потеря Иерусалима		ГЛАВА XIX. Крестовый поход Людовика

Святого	ГЛАВА XXIII. Проекты Климента V
ГЛАВА XX. "Гнев и боль"	ГЛАВА XXIV. Инквизиция и кардиналы
ГЛАВА XXI. Конец Иерусалимского	ГЛАВА XXV. Кто захочет защищать
королевства	орден Храма?
Часть третья	Примечания
ГЛАВА XXII. Расчеты Гийома Ногаре	Список великих магистров ордена Храма

Предисловие

Может показаться дерзостью еще одно обращение к сюжету, уже привлекавшему внимание многочисленных авторов и послужившему темой самых различных дискуссий. Намереваясь представить историю ордена Храма в новом свете, я дала тамплиерам возможность высказаться самим, с помощью их устава и статуты, картулярия и собрания булл, их писем (более многочисленных и поучительных, чем можно было бы предположить) и сочинений их друзей. Таким образом, данное исследование основывается целиком на современных событиям документах. И если порой может показаться, что я составила защитную речь *pro domo*, то это потому, что тамплиеры здесь отстаивают свое собственное дело.

Изучая устав ордена тамплиеров, я избегала описания истории крестовых походов, излишнего после превосходного труда Груссе: рассматриваются лишь события, прямо связанные с храмовниками, прочие факты, не менее знаменательные для Святой Земли, остаются в стороне.

Моими главными источниками были "Устав ордена Тамплиеров", изданный А. де Кюрзоном для Общества Истории Франции в 1886 г., рукопись которого находится в Национальной библиотеке в Париже; "Собрание булл" - манускрипт из коллекции маркиза д'Альбона, ныне также хранящийся в Национальной библиотеке; "Картулярий ордена", опубликованный в 1913 г.; "Собрание историков крестовых походов"; "Латинская Патрология" и "Папские регистры". "Библиография ордена Тамплиеров" Дессюбре и "Введение к рукописному картулярию ордена Тамплиеров" Леонара помогли мне ценными материалами, так же как и "Досье по делу тамплиеров" Лизерана.

Часть первая

ГЛАВА I. Собор в Труа

Прежде всего мы обращаемся ко всем, кто гнушается быть ведомым своими собственными изволениями и, желая с истинной храбростью послужить рыцарству Вышнего Царя, усердно жаждет облечься и облакаться навеки в преблагородные доспехи повиновения. И мы призываем вас - вас, кто до сей поры принадлежал к мирскому рыцарству, к которому Иисус Христос не имеет никакого отношения, но которое вы избрали лишь ради мирского благополучия, - последовать за теми, кого Бог выделил из множества обреченных на гибель, предназначив в своем милосердии к защите Святой Церкви, и поспешить присоединиться к ним <...>

*Нам споспешествуют Господь Бог [Damedieu] [*1] и Повелитель наш Иисус Христос, который из Святого Града Иерусалима призвал к Себе друзей Своих, двинувшихся в путь из Франции и Бургундии, кои ради нашего спасения и возвеличения веры истинной не прекращают приносить угодную Богу жертву - свои души.*

*Итак, ко всеобщей радости и всеобщему братству, молитвами магистра [1] Гуго де Пейена, коим милостью Божией положено начало вышеназванному рыцарству, мы собрались в Труа из разных провинций по ту сторону гор на праздник господина нашего святого Илария [*2] в год от Воплощения Христова 1128, в девятую годовщину возникновения вышеупомянутого рыцарства. И об обычае и установлении рыцарского ордена мы услышали на общем капитуле из уст названного магистра, брата Гуго де Пейена. И, сознавая всю малость нашего разума, мы то, что сочли за благо, одобрили, а то, что показалось*

неразумным, отвергли. [2].

Свечи и лампы, зажженные в этот день святителя Илария - 14 января 1128 года - в соборе Труа с раннего утра, освещали серьезные и благочестивые лица и одеяния аббатов и епископов в митрах, плащи рыцарей, созданных на Собор; между тем писец собрания, Жан Мишель, "смирненно записывающий решения, кои они изрекут и вынесут", [3] скользил гусиным пером по пергаментному свитку.

Два архиепископа - Реймский и Санский, десять епископов, семь аббатов, ученые клирики - мэтры Фуше и Обери Реймский - со множеством прочих лиц, "о которых, - говорит Жан Мишель, - трудно было бы рассказать", [4] собрались в Труа. Возглавлял Собор кардинал-легат Матвей Альбанский, но истинным авторитетом для Собора был Бернар Клервоский, ибо собрание состояло почти целиком из его друзей, учеников и ревностных последователей. [5]

Нет ни малейшей надобности говорить здесь о жизни или трудах св. Бернара, мистика и эрудита, государственного мужа и "Божьего человека". Его призвание дало о себе знать с отроческих лет, и власть над душами людей становилась со временем все более неотразимой. В двадцать три года отказавшись от мира, он почти силой увлек за собой пятерых братьев, дядю по матери, отца, сеньора де Фонтен, и три десятка друзей, которые все, как один, были "люди благородные или образованные". Бернар принял обет в Сито, оплоте цистерцианского монашества, откуда он вскоре уехал, дабы основать отделение ордена в Клерво. Обладая духовной мощью, строгостью, личным обаянием и многочисленными дарованиями, он скоро стал бесспорным авторитетом Церкви своего времени, не испытывавшей недостатка ни в знаменитых людях, ни в святых.

Два таких человека, - Гуго Монтегю, епископ Оксеррский, и Этьен (Стивен) Хардинг, цистерцианский аббат, - также присутствовали на Соборе в Труа. Этьен, англичанин по происхождению, [6] был, возможно, наиболее влиятельным духовным лицом после Бернара. Он принял постриг в Шерборнском монастыре, основанном в древности еще англосаксонскими королями, но вкус к учению сначала привел его в Шотландию, затем - в парижские школы и наконец - в Рим. "Он умел сочетать знание литературы с благочестием; был вежлив в своих речах, улыбка на лице; духом своим он всегда утешался в Господе". [7] Покидая Рим, чтобы возвратиться в Англию, Этьен Хардинг по пути остановился в бенедиктинском монастыре в Молесме, в Бургундии. Тамшний аббат, молодой и пылкий Робер де Тьерри, [8] старался изменить жизнь своих монахов и привести их к чистоте изначальных правил. Этьен принял участие в его реформах, а когда оказалось, что монахи неисправимы, уехал с Робером и несколькими молесмскими братьями учреждать новую общину в Сито, третьим аббатом которой он стал. Это и был святой Этьен, составивший цистерцианцам их измененный устав, "Хартию милосердия", произведение удивительной четкости и ясности, которое определяло монастырскую жизнь до мельчайших деталей.

Из всего ученого собрания лишь один оказался неподвластным влиянию св. Бернара и не страшился даже его гнева. Это был Жан II, епископ Орлеанский, возведенный на кафедру милостью короля Франции Людовика VI, прелат, снискавший своим скандальным образом жизни прозвище *Флора* - по имени прекрасной римлянки, воспетой Овидием, что так занимала средневековые умы [9]. Но и это служит нам поводом для любопытного наблюдения. Ибо Жан Мишель, вне сомнений, избегая величать подобного человека прекрасным духовным званием *episcopus* ("тот, кто бдит"), называет его просто *praesul* ("тот, кто возглавляет" или буквально "тот, кто танцует впереди"), - эпитет главного из жрецов Марса. [10] Термин общепринят в церковной латыни для обозначения епископа, и Жан Орлеанский не мог обижаться. Но намерение Жана Мишеля очевидно, когда в списке из десяти епископов он именуется так лишь того, кого великий Иво Шартрский [*3] называл "суккубом и содомитом". [*4] [11] И это представляется доказательством, что наш текст - подлинный протокол Собора. Такое презрение к Жану Орлеанскому могло исходить только от современника.

Что до прочих, вовсе необразованных, то мне сдается полезным привести их как свидетелей в этом деле, ибо они являются поборниками правды, как то: Тибо, граф [Шампанский и де Бри]; граф Неверский; Андре де Бодман. [12]

Бернар Клервоский старался прекратить разгоревшиеся в ту пору распри между епископом Ланским и графом Шампанским [13], чтобы оба присутствовали на Соборе, поскольку вопросы, которые собирались рассматривать, требовали столько же военного опыта, сколько и духовного. Сохранилось письмо аббата Клерво, написанное графу незадолго до Собора, где он просил всеми средствами помочь легату, а в особенности - присоединиться к имеющим быть принятыми решениям. Это письмо воздает должное милосердию графа Шампанского, заканчиваясь перечнем достойных сострадания случаев, по поводу которых св. Бернар взывает к его помощи. Послание не скрывает также и жестокости нравов того времени, ибо у одного из несчастных, чьим защитником выступает святой, были выколоты глаза, а имущество после его поражения в судебном поединке конфисковано по приказу самого графа [14].

Дружба Бернара и Тибо была горячей и прочной; тем не менее она не помешала последнему покровительствовать Пьеру Абеляру. [*5] Но граф Шампанский был весьма могущественным правителем со сложным характером, не вполне понятным простым монахам Клерво, которые говорили о нем в "Житии святого Бернара" со смесью робости и снисхождения, как если бы превозносили кротость льва.

Этих четырех человек - Бернара, Этьена, Тибо и Жана - можно представить олицетворением четырех сторон облика нового ордена: Бернар - дух аскетичный и мистический; Этьен - умеренная дисциплина и братская жизнь; Тибо - куртуазные рыцарские добродетели. А Жан в самом начале пути позволяет разглядеть призрак трагедии, которой завершится история тамплиеров.

Чтобы лучше понять, каким нуждам отвечал этот новый рыцарский орден и ради чего в день святителя Илария 1128 г. собрался Собор в Труа, следовало бы повернуть вспять - от *дорог Франции и Бургундии к Святому Граду Иерусалиму* - и бросить взгляд на Латинское королевство крестоносцев. Первый крестовый поход, провозглашенный Урбаном II, двинулся на Ближний Восток в 1096 г. Поначалу это был стремительный поток паломников, невооруженных и недисциплинированных, поднятых энтузиазмом их предводителя Петра Пустынника. Отправившись дорогами Венгрии и Византии, они самым плачевным образом погибли на берегах Босфора. За беспорядочной толпой следовала армия крестоносцев, прибывших из Франции и Фландрии во главе с Готфридом Бульонским и его братом Бодуэном (Балдуином). По дороге к ним присоединились и другие крупные феодалы: Роберт Нормандский и Роберт Фландрский; Раймунд де Сен-Жиль, двинувшийся из Тулузы со своими провансальцами; Боэмунд и его племянник Танкред, которые возглавили своих сицилийских и апулийских норманнов. После длительных переговоров с византийским императором крестоносное войско прошло через Константинополь, пересекло Малую Азию, осадило Антиохию и в июле 1099 г. приступом взяло Иерусалим.

Готфрид Бульонский отказался от королевской короны, приняв скромный титул "Защитника Гроба Господня". Но после смерти Готфрида в 1100 г. брат Балдуин наследовал ему как король Иерусалимский и управлял делами королевства с великим мужеством и умом. В последнем 1118 г. его правления. Восточное королевство еще ограничивалось узкой полосой земли, протянувшейся по побережью от Антиохии до Яффы. Оно расширялось на севере, образуя графство Эдессу, в то время как на крайнем юге, по ту сторону Мертвого моря, подобно наконечнику копья в Египет врезался замок Монреаль - цитадель Заиорданской сеньории; прибрежные же города Аскалон и Газа оставались в руках каирских сарацин. Толпами прибывали паломники и арендаторы-колониисты, привлеченные ловкой политикой Баддуина I. Приведем еще раз известный пассаж его капеллана Фульхерия Шартрского:

Посмотрите и поразмыслите про себя, каким образом в наше время Бог перенес Запад на Восток; мы, жители Запада, стали жителями Востока; тот, кто был римлянином или франком, превратился здесь в галилеянина или обитателя Палестины; тот, кто проживал в Реймсе или Шартре, видит себя горожанином из Тира или Антиохии. Мы уже позабыли свое место рождения, оно уже неизвестно многим из нас, или, по крайней мере, мы не получаем больше оттуда вестей. Одни из нас уже владеют в этой стране домами и слугами, которых

обрели по наследственному праву; другие женились на женщинах, не являющихся их соотечественницами, - сирийках, армянках или даже сарацинках, принявших благодать крещения; у третьих есть среди местных либо зять, либо невестка, либо тесть, либо пасынок; последние окружены своими племянниками или даже внучатыми племянниками; один выращивает виноград, другой возделывает поля; они говорят на разных языках, но все достигли уже взаимопонимания. Самые разнообразные местные наречия становятся теперь общими для той или иной нации, а доверие сближает самые отдаленные расы. И впрямь, как написано, "лев и бык едят из одних яслей". Чужеземец теперь оказывается местным, паломник становится жителем; изо дня в день прибывают сюда наши родные и близкие, чтобы присоединиться к нам, покидая свое имущество, коим они владели на Западе. Тех, кто были бедными в своей стране, Бог сделал богатыми; те, у кого было лишь немного эку, владеют здесь бесчисленным числом византийских монет; тем, кто только арендовал землю, Бог даровал здесь город. К чему возвращаться на Запад тому, кто обрел столь благословенный Восток? [15]

Однако, несмотря на наплыв нового населения, нехватка воинов чувствовалась всерьез. Многие из ветеранов первого крестового похода умерли или состарились, некоторые возвратились в Европу. Поражение посланного для подкрепления и рассеянного в 1101 г. крестового похода лишило Палестину ста тысяч иммигрантов, убитых или плененных в Анатолии. [16]

И в то время, как все на свете сословия, богатые и бедные, девушки и юноши, старики и дети торопились к Иерусалиму, дабы посетить святыне места, разбойники и воры наводнили дороги и захватывали паломников, грабя великое множество и убивая многих из них. [17]

Именно покровительству этих путешественников посвятил себя около 1118 г. некий шампанский рыцарь по имени Гуго де Пейен. Об этой личности мы почти ничего не знаем, кроме того, что Гуго был уже немолод. Но во многом он должен был походить на идеал - благородного "Защитника Гроба Господня", будучи, как и тот, доблестным, набожным, исполненным великого простодушия. По преданию, с маленькой группой соратников, чьи имена история даже не сохранила полностью, он посвятил себя служению паломникам. Эти "Бедные рыцари Христа" могли бы пребывать в неизвестности, если бы к 1126 г. не приняли в качестве собрата графа Гуго Шампанского. Он стал крестоносцем отчасти из сострадания, отчасти с досады - после того, как лишился сына наследства и передал свои земли племяннику Тибо де Бри (на Соборе присутствовавшему уже как граф Шампанский). Св. Бернар, получивший от графа Гуго земли Клерво, чтобы основать там свой монастырь, поздравил его в письме, где выразил и свое разочарование тем, что обитель не получила такого брата:

Раз Божьим промыслом ты создан графом, рыцарем, создан богатым, то мы, бедные, приветствуем тебя в твоём преуспевании, поскольку оно праведно, и славим в тебе Бога, зная, что эта перемена сотворена справедливой рукой Господа. Впрочем, признаюсь, что нам не снести терпеливо того, что лишаемся мы, не знаю, каким судом Божиим, твоего радостного присутствия, если хотя бы время от времени мы не будем видеться, ежели сие возможно и чего мы желаем более всего. Что мне еще сказать? Сможем ли мы забыть старую дружбу и благодеяния, кои ты так щедро расточал нашей обители? Пусть за любовь, с которой ты это совершил, Богу будет угодно на веки вечные не предавать сие забвению. Ибо сами мы, исполненные всевозможной благодарности, сохраним в памяти воспоминание о твоём великодушии, а если нам позволено будет, явим его и своими делами. С какой радостью ухаживали бы мы за твоим телом, душой и умом, если бы нам было дано жить вместе. Но раз это не так, мы всегда будем молиться за того, кого не можем иметь среди нас. [18]

Гуго Шампанский не покидал больше Святую Землю, где и умер в 1130 г., но вполне можно полагать, что именно он послужил связующим звеном между Гуго де Пейеном и св. Бернаром. Клервоский аббат сразу же проникся горячей дружбой к магистру Бедных рыцарей, "моему дражайшему Гугону", и призвал Папу, легата и архиепископов Реймского и Санского собрать Собор [19].

*А также был там брат Гуго де Пейен, магистр [*6] рыцарства, с некоторыми из своих*

братьев, коих он привел с собой, а именно: братом Роланом, братом Годфруа и братом Жоффруа Бизо; братом Пейеном де Мондидье, братом Аршамбо де Сент-Аманом. Сей же магистр Гуго, из-за своего всем известного послушания, поведения и строгого следования правилам, сразу же получил место позади названных Отцов. [20]

Наилучший рассказ о первых шагах ордена Храма дошел до нас от кардинала Жака де Витри. [21] Правда, он писал почти столетие спустя и обильно заимствовал у Гийома Тирского, историка совершенно иного склада. Но Витри был тесно связан с тамплиерами - и в своем диоцезе [*7] Акры, и во время экспедиции к Дамьетте в 1216 г. Когда речь заходит о сообществе тамплиеров, он прекращает вдохновляться архиепископом Тирским и приводит детали, которые мог узнать от самих братьев.

Некоторые рыцари, любимые Богом и состоящие у Него на службе, отказались от мира и посвятили себя Христу. Торжественными обетами, принесенными перед патриархом Иерусалимским, они обязались защищать паломников от разбойников и воров, охранять дороги и служить рыцарству Господню. Они блюли бедность, целомудрие и послушание, следуя уставу регулярных каноников. Во главе их стояли два почтенных мужа - Гуго де Пейен и Жоффруа де Сент-Омер. Вначале тех, кто принял столь святое решение, было лишь девятеро, и в продолжение девяти лет они служили в мирской одежде и одевались в то, что им подавали в качестве милостыни верующие. Король [Балдуин II], его рыцари и господин патриарх были преисполнены сострадания к этим благородным людям, оставившим все ради Христа, и пожаловали им некоторую собственность и бенефиции, дабы помочь в их нуждах и для спасения души дарующих. И так как у них не было церкви или жилища, которое бы им принадлежало, король поселил их в своих палатах, близ Храма Господня. Аббат и каноники Храма [22] предоставили им для нужд их служения землю неподалеку от палат: поэтому их и назвали позднее "тамплиерами" - "храмовниками".

Витри продолжает:

В лето милости Божией 1128, прожив совместно и, согласно своему призванию, в бедности девять лет, они заботами папы Гонория и Стефана, патриарха Иерусалимского, обрели устав, и была положена им белая одежда. Сие произошло в Труа, на Соборе, возглавляемом господином епископом Альбанским, папским легатом, и в присутствии архиепископов Реймского и Санского, цистерцианских аббатов и множества прочих прелатов. Позднее, во времена папы Евгения [23], они нашли на свои одежды красный крест, используя белый цвет как эмблему невинности, а красный - мученичества <...>

И поскольку веру нельзя сохранить без строгого послушания, сии умные и набожные мужи, предусмотрительные в отношении себя и своих преемников, изначально не допускали, чтобы проступки братьев оставались сокрытыми и безнаказанными. Тщательно и внимательно соизмеряя природу и обстоятельства проступков, они безоговорочно изгнали из своих рядов некоторых братьев, сорвав с их одежд красный крест [24]. Остальных они заставили поститься на хлебе и воде, есть на земле без скатерти вплоть до достаточного искупления, дабы подвергнуть их позору, а прочих - спасительному страху. А чтобы довершить их смущение, запрещалось им отгонять собак, ежели те прибегут с ними поесть <...> Было также много других способов смирить братьев, не соблюдающих иноческое послушание и доброе поведение. Число же братьев увеличивалось так быстро, что скоро на их собраниях стало собираться более трехсот облаченных в белые плащи рыцарей [25], не считая бесчисленных слуг. А еще они приобрели огромные ценности по сию и по ту сторону моря. Им принадлежат <...> города и дворцы, из доходов коих они ежегодно передают некоторую сумму на защиту Святой Земли в руки своего верховного магистра, главная резиденция которого находится в Иерусалиме. [26]

Таким образом, было бы ошибочным говорить, что устав ордена Храма написан св. Бернардом. Не является он и исключительным творением Собора, ибо этой ассамблее оставалось только дополнить и, вероятно, записать обычаи, уже существовавшие в Доме [ордена Храма].

И об обычае и установлении рыцарского ордена мы услышали из уст названного магистра, брата Гуго де Пейена. И сознавая всю малость нашего разума, мы то, что нам

представилось хорошим и полезным, одобрили, а то, что показалось неразумным, отвергли.
[27]

Особенно было необходимо изменить монашеские правила, ибо Бедные рыцари до сего времени следовали уставу св. Августина, в то время как их собственный устав ближе к цистерцианским порядкам.

Латинская редакция устава [28] содержит 72 статьи с прологом и включает протокол Собора. Восемь первых статей трактуют исключительно религиозные обязанности братьев: они должны с великим благочестием слушать божественную службу. Если дела их Дома мешают присутствовать на богослужении, они повторят молитву "Отче наш" по тринадцать раз - вместо заутрени, по девять раз - вместо вечерни и по семь раз - в другие часы. В случае смерти одного из братьев будет отслужена месса за упокой его души, и каждый из собратьев прочтет для него сто раз "Отче наш"; [29] в течение сорока дней на месте усопшего будут кормить одного бедняка. За душу мирского рыцаря, погибшего на службе ордена Храма, произносится тридцать раз "Отче наш", а бедняк получает пищу в течение семи дней. Священники и клирики, обслуживающие Дом временно (монастырских служителей-капелланов еще не было), имеют право на одежду и пищу, но ничего не получают из пожертвований, сделанных ордену. Братьям позволено сидеть во время мессы.

Следующие одиннадцать статей касаются повседневных правил: братья вкушают трапезу молча, слушая чтение Священного Писания (скоро обнаружится сделанный с этой целью перевод Книги Судей). Мясо подается только два раза в неделю, с двойной порцией по воскресеньям - для рыцарей, в то время как оруженосцы и сержанты [прислужники, военные слуги] должны довольствоваться обычным рационом. В прочие дни меню содержит два-три блюда из овощей или теста, в пятницу - из рыбы. Братья почитают необходимым соблюдение поста от дня Всех Святых до Пасхи, за исключением великих праздников. Десятую часть своего хлеба они должны отдавать бедным. Вечером они получают легкое угощение, сообразное степени воздержания магистра. После вечерни братья хранят молчание, за исключением случаев военной необходимости; те же, кто устал, могут ограничиться произнесением тринадцать раз "Отче наш" в своей постели вместо того, чтобы вставать к заутрене. Такова будет их монастырская жизнь.

Далее оговаривался внешний облик братьев: их платье должно быть либо совершенно белым, либо черным, из грубой шерстяной ткани, не отделяться мехом, разве что овчиной. Им будут выдавать одежды, подобные носившимся в миру конюшими. Братья не стригут бород и усов. Их башмаки не должны иметь острых носов и шнурков (тогда была мода на экстравагантную обувь с загнутыми носами [30]), У каждого брата - своя кровать с соломенным тюфяком, простыней, подушкой в виде валика и покрывалом из овечьей шерсти [31] , куда ложатся одетыми в рубаху и штаны. Всю ночь в дортуаре (общей спальне) должен гореть огонь.

Затем следует перечень требований к снаряжению и вооружению братьев: каждый может иметь трех лошадей и одного конюшего (оруженосца). Стремена и удила без позолоты или серебрения, а если кто-либо принесет в дар ордену свои старые золоченые доспехи, их следует покрасить. Когда мирской рыцарь присоединяется к Дому на определенное время, то фиксируется цена его коня, и с уходом ему возвращают половину этой суммы. Оруженосцы и сержанты, служащие в ордене *временно*, должны вносить задаток, дабы соблюдать свои обязанности.

Очередные статьи предписывают повиновение магистру, которому братья исповедуются, с тем чтобы он налагал на них покаяние в соответствии с серьезностью их проступка.

Последние указания устава более разнообразны. Братья не могут иметь какую-либо сумку или сундук с замком. Письма, адресованные им, будут читаться в присутствии магистра (мало кто из рыцарей знал грамоту). Их призывают не похваляться ни своими прегрешениями, ни своими безрассудными поступками, совершенными в миру. Если они получают подарок, даже от своих родителей, то обязаны передать его магистру или сенешалю. Охотиться - кроме охоты на львов - им запрещено. Больные препоручаются заботам сиделки; старики также имеют право

на уход.

Женатые могут стать членами Дома, но не будут пожалованы белыми одеждами. Если муж умирает раньше жены, половина состояния обоих отходит к ордену, вторая половина - вдове. Сестры (монахини) в орден не принимались.

Наиболее важны три статьи: братьям запрещено общение с отлученными от причастия; но принимать милостыню от тех, кто находится под отлучением, разрешалось; [*8] кто пожелает стать братом ордена Храма, должен просить об этом (в присутствии магистра и капитула) после того, как прослушает статьи устава. Продолжительность испытательного срока определяется магистром; "путешествуя, братья должны стремиться подавать добрый пример, особенно посещая собрания и жилища неотлученных рыцарей: если среди них окажется желающий стать тамплиером, он обратится с просьбой об этом в присутствии местного епископа, который и направит его к магистру ордена".

В этом - первом - уставе нет ничего поражающего воображение. Кроме военных деталей, устав мог бы принадлежать любой религиозной общине. Некоторым критикам было угодно отнести ряд статей или даже весь устав к эпохе, последующей за Собором. "Некоторые статуты <...> не могли определиться при основании ордена Храма: они свидетельствуют о приобретенном опыте, обширном влиянии". [32]

Однако следует учитывать, что Бедные рыцари жили сообща в течение девяти лет, и хотя вначале их было только девять, хронисты уверяют, что их численность увеличилась очень быстро. Возможно, это происходило за счет мирских рыцарей, которые служили Дому некоторое время, не принося обета и считаясь сотоварищами?

В 1120 г. Фульк V Анжуйский совершил паломничество в Святую Землю, где служил как собрат тамплиеров: он побудил и других французских сеньоров последовать своему примеру [33]. Согласно Жаку де Витри, вначале Бедных рыцарей было девять, в то время как Гийом Тирский утверждает, что в пору Собора в Труа их было столько же. Но это - абсурд! Гуго де Пейен привел шестерых своих соратников из Палестины во Францию; не оставил же он троих в Святой Земле? Намерение архиепископа Тирского сбить спесь с тамплиеров проявляется в первой же главе, посвященной ордену [34].

Впрочем, опыт и влияние ордена Храма были достаточно велики, его слава настолько широко известна, что король Альфонс I Арагонский оставил рыцарям треть своего королевства по завещанию, составленному при осаде Бургоса менее чем через четыре года после Собора в Труа (1131).

Единственная из статей очевидно является позднейшим добавлением к решениям Собора; даже из ее текста видно, что устав был утвержден не в Труа, но "по общему совету большинства капитула", то есть некоторое время спустя генеральным капитулом ордена. Во всем предыдущем тексте тамплиеры говорят от своего имени и пишут "мы" вместо "вы", употребленного в их адрес преподобными отцами.

Пусть сержанты и оруженосцы не носят белых одежд, ибо это наносит Дому великий урон. Ибо в землях по ту сторону гор появились лжебратья, женатые и прочие, которые называли себя братьями ордена Храма, но были мирянами. Это принесло нам много позора, а ордену рыцарства - много ущерба, ведь даже тамошние оруженосцы преисполнились гордыни, вызывая многочисленные распри. Так пусть же потрудятся выдать им черные платья, а если нельзя таковых найти/ то пусть дадут им такие, какие сыщутся в этой провинции, но пусть они будут самые дешевые, то есть, из грубой шерстяной ткани. [35]

Капитул ордена предстает здесь высшим авторитетом. Но это не значит, что статья появилась много позднее Собора. Ибо весной, 19 марта 1128 г., Тереза Португальская [36] отдала тамплиерам владение Сур на Мондего вместе с замком, преграждавшим южный путь из ее королевства. По существу эта крепость находилась "Tras Os Montes" [по ту сторону гор (порт.)]. Упомянутые уже инциденты вполне могли случиться там. Немало волнений и беспорядков должно было произойти в Португалии, прежде чем некоторые рыцари, отправленные туда с миссией, смогли установить дисциплину и поддержать зарождающиеся институты нового ордена в этой отдаленной стране.

ГЛАВА II Странствующие рыцари

Отцы Собора в Труа даровали рыцарям первоначальный устав, который впоследствии был вынесен на одобрение папы Луция II, патриарха Иерусалимского и магистра ордена Храма. В то же время Собор предоставил им право носить белые плащи, владеть и управлять землями и вассалами (невзирая на обет бедности) и получать, в качестве милостыни, десятину.

Основав таким образом орден Храма, Гуго де Пейен и его рыцари отправились, каждый по отдельности, на поиск соратников и пожертвований. Гуго возвратился в Нормандию к королю Генриху I Английскому. Генрих "принял его с великим почетом и пожаловал ему много сокровищ золотом и серебром. Затем король послал его в Англию, и был он там принят всеми достойными мужами, которые одарили его из своих сокровищ, равно как и в Шотландии" [37]. Вероятно, прежде чем покинуть Англию, Гуго заложил основание новой ветви ордена Храма с центром в Холборне. Во Фландрии перед графом Гийомом Клитоном ходатаем за орден от имени своего рода выступил Годфруа де Сент-Омер, сын шателена в городе Сент-Омер и один из первых Бедных рыцарей. Гийом Клитон предоставил тамплиерам *Фландрский Рельеф* - выплату, взимаемую с каждого наследника, вступившего в обладание своим феодалом, и этот дар государя получил одобрение фламандских и нормандских баронов [38]. Первым среди свидетелей, удостоверивших его, был Осто де Сент-Омер, которому впоследствии было суждено стать тамплиером и отличиться в ордене. [39] Гийом де Фоконбер, владелец Сент-Омера, вместе с прочими выплатил ордену Храма рельефы своей сеньории с приходами Шлипп и Лессенг. [40]

Однако пожертвования ордену Храма совершались не без трудностей. В течение двух предшествующих столетий, как следствие глубокого благочестия, основывались новые религиозные общины, одаренные милосердием верующих, щедро осыпанные фьефами, десятинами и привилегиями. Общины нередко приходилось ограничивать изнутри, чтобы освободить место для тамплиеров. В случае с Обстальской часовней в Ипре понадобилась власть архиепископа Реймского и вмешательство епископов Монса, Суассона, Шартра, Пана, Шапона и Арраса, а также папское подтверждение, дабы постановить: милостыня, собранная в часовне в течение трехдневных молитв для Благословения Полей [Rogations] и последующих пяти дней, принадлежала рыцарям, а каноникам св. Мартина Ипрского причиталось бы данное на протяжении остального года [41]. Бесчисленные повторения папской буллы свидетельствуют, что дело оставалось спорным, пока существовал орден Храма.

Гуго де Пейен находился в Туре в обществе Фулька Анжуйского, куда тот готовился к отъезду в Палестину, где предстояла его женитьба на наследнице Иерусалимского королевства. [42] [*9] До отъезда по морю с графом Анжуйским в 1130 г. Гуго назначил Пейена де Мондидье магистром во Франции [43]. И тот, по-видимому, отправился в Париж, хотя мы и не обнаруживаем следов командорства в этом городе до 1137 г., даты восшествия на престол Людовика VII. [44] Другой брат ордена Храма (возможно, это Жоффруа Бизо, провансалец, если судить по имени) обосновался в Лангедоке.

Радостная и изысканная культура, слишком быстро разрушенная Альбигойскими войнами, расцвела в Провансе в течение XII века. Литература, искусство, нравы опережали культуру северных провинций подобно тому, как смена времен года на юге обгоняет север. Жизнь хранила еще некоторый отпечаток классического. Но и здесь, как везде, страна была разрезана на фьефы различного размера, а центральная власть, способная их объединить, отсутствовала. Однако и раздираемые феодальными войнами Прованс, Лангедок, Руссильон и Аквитания обладали общей территорией, которая могла бы стать основой обширного средиземноморского государства, чуждого Франции, обращенного, быть может, к Испании. Ибо во всех отношениях Лангедок был намного ближе к испанским королевствам, чем к Ильде-Франсу. И именно из Тулузы в 1064 году начался самый первый крестовый поход, но не на Ближний Восток, а в Испанию, чтобы освободить Барселону от мавров. [45]

В душе провансальцев соединялось множество качеств, способных сблизить их с новым

рыцарским орденом: вкус к приключениям, риску, а также та неотступная мысль о смерти, которая так часто придает горьковатый привкус поэзии трубадуров. Но следует также сказать, что графы Тулузские и Барселонские сразу же осознали пользу и военное значение ордена, а также выгоду, которую они могли отсюда извлечь.

В течение десяти лет, минувших со времени Собора в Труа, вовсе не в Палестине, а в Лангедоке вырос орден Храма. Рыцари, сражавшиеся под черно-белым знаменем, одержали свои первые победы над испанскими маврами. И Граньена, и Барбара - замки сарацинской марки - свидетели того, как проявило себя новое рыцарство.

Два противоположных влияния сказывались на жизни ордена Храма, в уставе и орденских узаконениях. Вначале господствовал аскетический и мистический дух севера и запада Франции, областей Клуни и Сито, дух великих святых XI века, Гуго де Пейен родился в шампанской семье, Годфруа де Сент-Омер был фламандского происхождения. Отцы Собора в Труа прибыли из диоцезов Реймса и Санса. Это находит свое выражение в латинском уставе, более монашеском, нежели воинственном, и особенно в "Похвале Новому Воинству", составленной аббатом Клервоским для тамплиеров ок. 1130-1136 гг. В этом цистерцианском направлении проявилось влияние первого магистра. Но впоследствии, при его преемнике Робере де Краоне, смотревшем более широко на будущность своего ордена, в его среде получит распространение дух южного рыцарства. Он воплощается в куртуазности, изяществе, в часто проявляемом желании, чтобы все делалось красиво и искусно, в пристрастии к прекрасным лошадям, прекрасным доспехам, прекрасным платьям. В сущности, здесь сказывается средиземноморское влияние. Статуты XIII в. - это настоящие рыцарские трактаты. И возможно, развитый у тамплиеров культ Божией Матери - всего лишь отражение более плотского восхищения трубадура своей дамой.

О Жанне д'Арк III. Пеги сказал, что нельзя быть одновременно святым и рыцарем, ибо существует глубокое противоречие между законами чести и законами святости. Хотя для XV в., когда рыцарские обычаи превратились в правила игры, делавшие войну приятной для знати, эта идея и справедлива, она гораздо менее приложима к эпохе тамплиеров, когда господствовала весьма возвышенная концепция рыцарского долга. В тамплиерах много достаточно дерзкого желания соединить оба состояния (духовное и рыцарское); таинственное и немного тревожное обаяние устава отчасти и вызвано напряженными усилиями разрешить это противоречие.

Именно в Тулузе, между 1128 и 1132 гг., состоялась одна из первых публичных церемоний сбора средств в пользу тамплиеров. В некотором роде можно воссоздать ее по записи коллективных парений, сделанных по этому случаю. [46]

В центре события - кафедральный собор, где Папа поручает епископам оказать достойный прием рыцарям, посланным с миссией. В первых рядах восседают сеньоры Альбигойской провинции, одетые по моде того времени в длинные платья с расширяющимися рукавами, рубахи из тонкого полотна, в бархатные или парчовые штаны. Их башмаки - из кордовской кожи, с длинными и загнутыми носами, а у некоторых сеньоров на руке в перчатке сидит сокол. Дамы в длинных блузах из восточного шелка, на их уложенных косах - легкие вуали. И рыцари и дамы наряжены в просторные бархатные плащи, расшитые по краю и подбитые мехом. Позади - горожане и горожанки, как им и было положено, - в одеждах из темного сукна, подбитых овчиной или дешевыми мехами, но с золотыми или серебряными цепями. Деревенские жители - мелкий люд - толпились в глубине, в то время как жонглеры, нищие, калеки выпрашивали милостыню у врат.

По окончании мессы тамплиер в облачении своего ордена - белом, с капюшоном, плаще, не несущем еще красного креста на плече, поднявшись по ступеням кафедры, обращается к собранию. Быть может, это брат Жоффрау Бизо или брат Гуго Риго, имя которого столь часто встречается в провансальских грамотах. Рыцарь рассказывает собравшимся о происхождении ордена, об обетах братьев, об их суровой и трудной жизни, бедности, нехватке оружия и даже одежды, которая могла бы защитить от холода и солнца Палестины.

Приношения не заставляют себя ждать. Раймунд Рате с семейством по собственной воле даруют ордену Храма "все владения, которыми они обладают между церковью Пречистой Девы

Марии, проезжей дорогой и другой дорогой, проходящей пред церковью святого Ремигия". Их примеру следуют многочисленные донаторы: Беренгарий Раймунд обещает, что после смерти оставит тамплиерам коня и вооружение, - и многие рыцари поступают так же; Донна, жена Арно Жильбера, уверяет, что ежегодно будет шить им одну рубаху и штаны, а после смерти им перейдет ее плащ. Донне подражают жены Раймунда Арно и Бернарда Раймунда, а также Маргарита, мужа которой называют Кудрявый, - они тоже обещают шить рубахи и штаны и завещать ордену "свои лучшие плащи". Это знатные особы, у них много одежды. У их мужей также немало лошадей в конюшнях, и они обязуются завещать ордену Храма лучшую лошадь вместе со своими доспехами. Снаряженный конь стоил примерно сто тулузских су, а просто лошадь - от 20 до 50 су. Среди последних дарителей - Кюрвию де Ла Тур, обещающий рыцарям "своего лучшего коня и вооружение", или сто тулузских су, и обязующийся стать братом ордена Храма, если когда-либо он оставит мирскую жизнь. Под конец наступает очередь простого люда, таких как Пон по прозвищу Пен Пердю (Потерянный хлеб), который жертвует всего один денарий.

14 июля ИЗО г. брат Гуго Риго [47] в Барселоне. Дары, им получаемые, - от самого графа Барселоны и Прованса Раймунда Беренгария III, который дает обет тамплиера, принося клятву отныне жить в повиновении и без имущества, составлявшего бы его собственность: "И я предаю себя этим братьям, в руки сеньора Гуго Риго". Одновременно он уступает им свой замок Граньена в сарацинской марке с согласия своего сына и баронов. Грамота заканчивается смиренным: "А если я меж тем умру, братья мои пред Богом и людьми сделают для меня то, что они делают для каждого из них". [48] Месса, "Отче наш", произнесенный сто раз каждым из братии, и убогая пища для бедняка в течение сорока дней.

Раймунд III умер на следующий год, оставив ордену Храма по завещанию своего коня Данка и все оружие [49]. Годом позже, в сентябре 1132 г., другой испанский сеньор, граф Урхельский, поклялся, вложив свои руки в руки Робера Сенешаля и Гуго Риго, передать свой замок Барбара тамплиерам, "когда они придут и укрепятся силой оружия в Граньене и в марке для защиты христиан". [50] Первая награда в благодарственном списке Дома.

Следует ли отождествлять Робера Сенешаля с Робером де Красном, сменившим Гуго де Пейена на посту магистра ордена в 1136 г.? Хотя это ничем не подтверждается, но вполне вероятно, что Робер де Краон сделал какую-то карьеру в ордене Храма, прежде чем быть избранным его магистром.

В апреле 1134 г. Гуго Риго вновь в Барселоне. На сей раз молодой граф Раймунд Беренгарий IV и восемьдесят каталонских рыцарей поклялись служить год на коне и при оружии как члены ордена, при защите Граньены. Новый граф был сыном умершего Раймунда Беренгария III и Дульсинеи Прованской. Столь же куртуазен и дипломатичен, как и храбр, он навсегда сохранит добрые отношения с тамплиерами, невзирая на весьма деликатные обстоятельства, обнаружившиеся впоследствии. [51]

Приблизительно в то же время рыцари получают под свою ответственность и первую крепость в Кастилии.

Король дон Альфонс Кастильский осадил Калатраву, крепость Толедского королевства, откуда отправлялись мавры грабить владения окрестных христиан. Когда крепость была захвачена, король передал ее архиепископу Толедскому с правом пользования там всей полнотой власти, при условии, однако, принять на себя ответственность по ее защите. Прелат, считая себя неспособным защитить город, доверил охрану его тамплиерам, которые стали пользоваться там правами архиепископа. [52]

Несколько ранее, - между 1126 и 1130 гг., - Альфонс I Арагонский и граф Гастон Беарнский, вдохновленные примером Бедных рыцарей, основали орден подобного толка, которому король пожаловал город Монреаль и половину королевских доходов шести городов между Дарокой и Валенсией [53]. Но престиж тамплиеров был намного выше, и Монреальский орден вскоре слился с орденом Храма.

Восхищение Альфонса Арагонского рыцарскими орденами было донельзя пылким. Когда при осаде Байонны в 1131 г. он составлял завещание, то, за неимением сына-наследника,

разделил свое королевство между тамплиерами, госпитальерами и хранителями Гроба Господня. [54] Однако после смерти короля в 1134 г. подданные опротестовали завещание и передали королевство его брату дону Рамиро, бенедиктинскому монаху, незадолго до того избранному епископом Барбастро и Роды. Последовала беспорядочная борьба, в которую тамплиерам хватило скромности не вмешиваться, и в результате королевство досталось Раймунду Беренгарию IV Барселонскому, супругу дочери дона Рамиро.

Раймунд поддерживал дружеские отношения с орденом Храма. Его отец стал "рыцарем и братом Святого Воинства" и закончил жизнь "под его уставом и в его прославленном одеянии". Сам Раймунд был собратом Дома и прослужил год в Граньене, возможно, при Робере де Краоне, к которому обратился с посланием около 1140 г. В письме он настоятельно призывал магистра отрядить десять рыцарей для вступления во владение имуществом ордена в Арагоне и обязался содержать их на свои средства. Одновременно он обещал ордену Храма город Дароку, замки Бельхит и Оса с десятой долей будущих завоеваний в Испании и прочие земельные пожалования. Письмо заканчивалось увещанием: "Посему умоляем ваше братство поторопиться к славе подобного триумфа. Не уклоняйтесь от этой службы Богу и ответьте нам как можно скорее. Если вы запоздаете, то нанесете великий ущерб Церкви Господней". [55] Робер де Краон выказал готовность к переговорам, и соглашение было подписано в Жероне 27 ноября 1143 г. в присутствии легата, брата Эврара де Бара, магистра во Франции, и брата Пьера де Ла Ровера, магистра в Провансе и Испании. [56] По соглашению тамплиерам предоставлялось более выгодное положение, чем имели прочие наследники. В их собственность перешли замки Монзон, Монжуа, Каламера и Барбара с владениями Луп Санчес де Бельхит ("Как разберетесь вы с Луп Санчес" [57]), замок Ремолина ("Когда милость Божия его мне передаст") и замок Корбин ("Если Господь соизволит мне его отдать" [58]). Раймунд уступил тамплиерам и десятую часть доходов королевства, и пятую часть всей добычи и территорий, захваченных у сарацин. Он обещал помочь возвести "замки и крепости" против мавров и советоваться с тамплиерами, прежде чем заключать мир с неверными.

Однако - поразительная деталь, - в далекой Португалии Дома ордена опередили в возрастании всех прочих. 19 марта 1128 г., два месяца спустя после Собора в Труа, королева Тереза отдала тамплиерам замок и владение Сур на реке Мондего, южной границе королевства. [59] Несколькими годами позднее ее сын Альфонс пожаловал им обширный лес Сера, еще находившийся в руках сарацин. [60] После жестоких сражений рыцари, освободив участок земли, основали города Коимбру, Родин и Эгу. Церкви этих городов были подчинены непосредственно Папе, без права вмешательства какого бы то ни было епископа. Тамплиеры не платили десятины. Пользуясь игрой слов - Сера и сега (воск), - они отсылали в Рим в качестве всей подати лишь фунт пчелиного воска в год. [61]

Два столетия спустя, когда орден Храма, опозоренный, угасал в других странах, в Португалии он полностью сохранил свой престиж. Вопреки указу папы Климента V об упразднении ордена, король Дионисий Португальский отказался преследовать братьев и основал орден Христа, дабы собрать тамплиеров под прежним именем Бедных рыцарей. Этот орден сыграл видную роль в великих путешествиях вдоль африканского берега и открытиях, совершенных экспедициями, которые снаряжал великий магистр принц Генрих Португальский, прозванный Мореплавателем. Орден Христа и поныне существует [62] как почетное отличие.

ГЛАВА III Omne Datum Optimum [*10]

Первые магистры ордена Храма едва видимы во мраке времен. Однако есть основание полагать, что они стоят в раду наиболее замечательных людей в истории ордена. Гуго де Пейен предстает перед нами как легендарный рыцарь, заботящийся о беззащитных в пути паломниках. Он обладал достаточным практическим чутьем для понимания, что защита Пиренеев столь же необходима, как и защита Святых мест; достаточной твердостью, чтобы принять бремя обладания замком в Испании в то время, как его орден едва обосновался во Франции.

Гуго умер 24 мая 1136 г., [63] успев увидеть, как по всей Европе чествуют его Бедных

рыцарей. Преемник Гуго, Робер Бургундец, происходил из семьи де Краон в Анжу и был правнуком Рено Неверского и Аделаиды Французской. [64] Он считался "прехрабрым мужем, родовитым рыцарем, добрым и мудрым и на хорошем счету". [65] Вероятно, следует относить его к числу девяти соратников первого магистра, ибо в грамоте епископа Назаретского, датированной 1125 г., среди прочих свидетелей назван "Робер, рыцарь ордена Храма". [66] О Робере рассказывают (как позднее и о другом магистре), что его обет был следствием любовных разочарований. По легенде, источник которой неизвестен, Робер принял крест тамплиера в Палестине оттого, что герцог Гийом Аквитанский воспрепятствовал его женитьбе на наследнице Шабане и Конфолана. [67] Он снова появляется в Каталонии, в Граньене и Барбаре (если речь и впрямь идет о нем); но только изучая его труд магистра, можно понять его замечательные качества организатора.

Второй магистр ордена обладал достаточной дальновидностью, чтобы получить от обоих пап - Иннокентия II и Целестина II буллы, включавшие почти все привилегии, предоставляемые ордену Храма. [68] Собрание булл, относящихся к ордену, окажется в подавляющем большинстве только серией дополнений, пересмотром или просто новым изданием некоторых типичных булл, полученных Робером де Краоном.

В то же время, несмотря на слишком быстрый взлет нового ордена, Робер и его собратья смогли укрепить его на основании достаточно прочном, чтобы нести все здание. Благодаря их согласованному умению выстроилась иерархия, - от замка до командорства, от командорства до провинции, от провинции до генерального капитула и магистра, власть которых ограничивалась только уставом и статутами. По-видимому, французский перевод устава также датируется временем магистерства Бургундца.

Робер показал себя весьма тонким дипломатом и оказался достаточно дальновидным, чтобы отказаться от наследства Альфонса I Арагонского - имущества, которое принесло бы ордену Храма только неприятности. Зато он обеспечил прекрасные отношения с Раймундом Беренгарием Барселонским, завладевшим испанским наследством рыцарей. Робер явил ум куртуазный и изощренный одновременно во взаимоотношениях Дома с сарацинами Палестины, как подтверждается в записках Усамы ибн Мункида. [69]

Около половины из шестисот сохранившихся грамот, Датированных временем, когда орден возглавляли Гуго и Робер, исходит из Прованса и Лангедока, приблизительно треть - с севера и запада Франции и из Фландрии. Сравнительно мало число документов из других регионов Франции и Англии, а также испанского и португальского происхождения [70]. Дары, преподнесенные ордену, разнообразны: целые домены; разного рода права над церквями, рынками, ярмарками; земельные доходы; дома, приходские доходы, десятины, пожизненные ренты, вилланы с их владениями, сервы с семьями, мавританские рабы, испанские евреи. В первых грамотах нередки любопытные детали, иногда - рассказы, воскрешающие давно забытые образы. Такова "Азалия, женщина" из Руссильона, которая предает тело и душу Богу и святому рыцарству Иерусалимскому, чтобы служить Господу и жить без имущества, под властью магистра. В качестве вклада она приносит свой фьеф в Вилламолаке, с согласия двух своих детей - "и да приведет меня Господь к истинному покаянию и в свой святой Рай!" [71] Поскольку устав запрещал принимать в орден сестер, пострижение Азалии в монахини, вероятно, было лишь формальностью. Но что можно сказать о престарелой англичанке Джейн, супруге Ричарда Чалдфелда, которая также принесла свой обет сестры ордена Храма пред Азоном, архидиаконом Уилтшира? Азон отправил ее с грамотой в Дом тамплиеров, "поскольку видел, что она перешагнула возраст, когда можно было иметь по отношению к ней дурные подозрения". Какими таинственными путями, какая рыцарская мечта, запретная для женщин, заронила ей в голову мысль стать тамплиером? [72]

Иногда, листая картулярий, мы находим и следы трагедий. Вот - рыцарь Ги Корнелли из Тиль-Шатель, "где он пришел к мысли отправиться в Иерусалим и там, в Храме Божиим, нести службу Господу как рыцарь до конца своей жизни". Его жену Резвюиду, подарившую ему трех маленьких дочерей, после нескольких лет брака внезапно поразила проказа и с тех пор отделила и от него, и от мира. Чтобы обеспечить заботу о своей жене и девочках, Ги передал их под

опеку аббата св. Бенигны в Дижоне, которому уступил наследство, полученное от своего отчима Сито. Аббат же должен был за это снабдить его двумя лошадьми и тысячей су на экипировку и дорожные расходы. Грамота была удостоверена герцогом Бургундским и самыми благородными сеньорами края. [73]

В целом документы XII в. исчисляются тысячами, и благодаря такому изобилию мы достаточно хорошо осведомлены о структуре орденских командорств. В Европе, за исключением Иберийского полуострова, тамплиеры военной силой не располагали, не строя никаких замков, поскольку было решено никогда не сражаться против других христиан, хотя, особенно в глухих землях или на границах, существовали небольшие укрепления, способные оказать сопротивление разбойникам и грабителям. Сельские командорства тамплиеров создавали земледельческие хозяйства, часто весьма развитые; при этом было бы заблуждением полагать, что орден предпочитал дома и ренты землям, пригодным для обработки. Городские командорства являлись скорее складами и конторами. Орден Храма существенно отличался от прочих монашеских орденов определенной земной миссией - защитой Святой Земли; он нуждался в средствах, и функцией его западных командорств было их предоставление. У цистерцианцев, прошедших сходный путь развития, увеличение доходов было sporadическим; у тамплиеров же - необходимым и желанным. Рыцари Храма не были новаторами, и вполне практичное предпочтение, которое они оказывали арендной плате, вело к превращению зависимых крестьян с их "рабскими" наделами в лично свободных земледельцев; сегодня это назвали бы "социальным возвышением" крестьян, зависевших от ордена. Управление, которое вели тамплиеры, представляется справедливым. Они распоряжались ценностями согласно законам и обычаям того края, в котором обосновывались, и чаще всего обретали командоров среди мелкой знати с таким расчетом, чтобы их имения органично входили в жизнь местности.

Командорства поначалу состояли из давших обет братьев: рыцарей, сержантов или братьев-ремесленников; последние начинают преобладать на протяжении XIII в.: почти все свидетели на процессе, оборвавшем жизнь ордена, были братьями-сержантами, и именно в этом - одна из особенностей истории ордена Храма во Франции, нередко игнорируемая.

Вокруг монастырского ядра и формировалась вся организация добровольцев. Прежде всего, донатов - тех, кто всецело подчинялся ордену или довольствовался его покровительством вместе со своими семьями и имуществом согласно присяге, гласившей: "Отдаю тело мое и душу, мои земли и мою власть Дому ордена Храма, в руки магистра имярек"; в действительности же соглашение обычно заключалось на очень разных условиях. Далее следовали собратья (и сестры): благотворители, великие и малые; родственники давших обет братьев, каков бы ни был их статус; мирские рыцари, служившие временно в Палестине; женатые мужчины, примкнувшие к ордену Храма. На всех распространялись духовные привилегии, они имели доступ к сокровищницам милостей ордена и для себя могли выбрать место погребения на кладбищах командорства. Наконец - достойные мужи, друзья Дома, светские советники, посредники, а в случае надобности - заступники; тамплиеры отзываются о них с уважением.

Среди сервов и вилланов мы встречаем особый класс - люди Храма. Но в чем их отличие от прочих? Известно, что они носили красный крест на своих одеждах, что этим знаком были помечены их дома и стада; можно предположить связь между этими людьми Храма и фактом избавления их сеньоров от налога на первые плоды с земель, ими распаханых; тамплиеры также не платили ни десятины от урожая с полей, которые они обрабатывали собственными руками или за свой собственный счет и повинности, ни за корм для своих животных. Но если некоторые братья-ремесленники и в самом деле брались за плуг, в ордене Храма все же не существовало категории, сопоставимой с послушниками, которые трудились на земле у цистерцианцев. Быть может, подобную роль в ордене играли люди Храма, украшенные красным крестом?

Все зависящие от ордена извлекали выгоду из своего положения, особенно в смутные времена; они включались в Божье перемирие, [*11] и чинившие им насилие попадали ipso facto под отлучение, если до этого доходило, ибо сами тамплиеры, похоже, решительно защищали

своих. Преданные ордену люди считались свободными от повинностей, - от Них были избавлены тамплиеры, - каким бы ни было мнение сборщиков налогов. Папская булла запрещала приходским священникам налагать (даже под видом покаяния) на них денежные штрафы. Английский легист сэр Джон Коук рассказывает, что поскольку красный крест был признаком состояния тамплиеров и поскольку их жилища пользовались большими привилегиями, люди в Англии водружали кресты на свои дома, чтобы думали, будто обитатели этих строений принадлежат ордену. Воспоминание об этом сохранилось надолго, так как Коук писал уже в XVII в. [74]

Уместно отметить, какой притягательной силой обладал орден Храма для среднего класса - начиная с мелкой знати - по крайней мере, в течение первого столетия своего существования. Орден получал от этих людей большую часть пожертвований; из них состояла большая часть рыцарей и сержантов. Это общепризнано в отношении Англии, но равным образом характерно и для Франции, Прованса и даже Испании. Средний класс составлял наиболее надежную опору социального порядка в Средние века. Из него поставлялись королям лучшие администраторы, и орден Храма заимствовал из их опыта наиболее надежные методы и связи. Домом управляли выходцы из той же среды, что и слуги короля Англии Генриха II Анжуйского или короля Франции Филиппа II Августа, показавшие себя столь же способными в управлении монаршим имуществом. Описи, картулярии командорств - от Англии до Руссильона - везде, где бы они ни находились, свидетельствуют о беспристрастном управлении, о безукоризненной бухгалтерии.

Но чтобы понять сильное укрепление власти и престижа ордена Храма между 1130 и 1140 гг., следует вернуться к булле "Omne Datum Optimum", данной Иннокентием II Роберу де Краону 29 марта 1139 г. [75] Эта булла является "Великой Хартией" ордена Храма, основой всех его привилегий; и удивляться можно только тому, как скоро орден достиг могущества и славы. Вся история происхождения ордена Храма искажена отсутствием документов; к счастью, лакуна заполняется материалами из коллекции маркиза д'Альбона, хранящейся теперь в Национальной библиотеке Франции в Париже. До публикации картулярия в 1913г. полагали, что булла "Omne Datum Optimum" Александра III (1162) была оригинальной, в действительности же она - лишь повторение буллы Иннокентия II, обнаруженной д'Альбоном. Есть, однако, одна деталь, достойная внимания: булла "Quam sit utilis" (без даты) Александра III, в свою очередь являющаяся не более чем выдержкой из "Omne Datum", обращенной к духовенству, содержит имя "нашего дорогого сына Роберта". Клирик, готовивший ее текст, работал с первоисточником (буллой Иннокентия), но ни один историограф ордена Храма этого не заметил. [76]

Целью буллы Иннокентия II 1139 г. было учредить институт братьев-капелланов для обслуживания Дома. Истинное же ее назначение заключается в том, чтобы освободить тамплиеров от всякой церковной власти, кроме власти Папы, и передать магистру и капитулу ответственность за управление орденом. Этим и объясняется досада архиепископа Тирского, когда он пишет, что тамплиеры стали на добрый путь, но потом в гордыне отвергли власть епископов и патриарха.

Духовная автономия тамплиеров и в особенности то, как они освободились от власти патриарха, вызвали возмущение у хронистов Святой Земли. Ни архиепископ Тирский, ни его последователи не могли им этого простить. Гийом Тирский настаивает на факте, что орден Храма изначально основан самим патриархом, "a quo et ordinis institutionem et prima beneficia susceperent". [*12] Его переводчик подчеркивает на страницах "Истории Иракия": "Первым делом, которое им поручили и предписали во искупление их грехов, была охрана дорог, по коим проходили паломники, от воров и разбойников, чинивших им много зла. Это покаяние наложили на них патриарх и епископы". Освобождение тамплиеров от десятины - еще один повод для сетований. Во всей Церкви такое было предоставлено только ордену св. Бернара и пользующимся его покровительством тамплиерам. Архиепископ Тирский негодует: "Отрицая права духовных лиц и похищая у них десятины и первые плоды, они постыдно стеснили их в пользовании своим добром". Еще сильнее выражается переводчик: "Их соседи впали в смущение и защищались по-разному, что делают и по сию пору". [77] Однако Робер де Краон

не задумывался о подобных неблагоприятных последствиях привилегий, которые ему удалось стяжать для ордена. "Omne Datum Optimum" адресована "нашему дорогому сыну Роберту, магистру монашеского рыцарства Храма, расположенного в Иерусалиме", и с самого начала определяет смысл существования ордена.

Мы призываем вас и ваших сержантов неустрашимо сражаться против врагов Креста; и дабы вознаградить вас. Мы позволяем сохранить вам всю добычу, которую вы захватите у сарацин, из которой никто не имел бы права требовать у вас какой-либо части. Мы объявляем, что ваш Дом со всеми владениями, приобретенными вследствие щедрости государей, милостынь или неважно каким иным праведным путем, остается под опекой и покровительством Святого престола. Никакой Дом, за исключением того, в котором обосновался ваш орден изначально, не должен быть независимым и главным среди прочих.

То есть орден всегда должен иметь свой центр в Иерусалиме, невзирая на протяженность своих владений в Европе и незаурядную роль в Испании. И в самом деле, некоторые провинции остались навсегда тесно связаны с иерусалимским Домом. Это было естественным для командорств Франции, Италии или Англии, которые существовали только для того, чтобы поставлять людей и доходы монастырю Святой Земли. Орден в большом долгу перед испанскими и португальскими рыцарями, которые никогда не пытались отделиться от него, даже после потери Иерусалима, хотя и вели столь же ожесточенную борьбу, как и восточные братья.

Булла продолжает:

Тут же добавляем, что в случае вашей кончины, дорогой сын Роберт, или кончины любого из ваших преемников, никто, не давший обета брата ордена, не должен избираться магистром, и пусть выбор будет сделан только всеми братьями или наиболее мудрыми среди них. Далее, да не будет позволено никакому духовному или светскому лицу изменить недавно записанные статуты, установленные вашим магистром и вашими братьями; сии статуты могут быть изменены только вашим магистром с согласия его капитула.

Заметим, что булла не говорит ни о св. Бернаре, ни о Соборе в Труа. Так как Иннокентий II своим избранием был обязан аббату Клервоскому и всегда выражал ему признательность и даже почтение, мы обнаруживаем здесь наилучшее возможное свидетельство против включения устава в творения святого.

Запрещаем всем требовать от вас тех клятв или присяги, которыми пользуются миряне. Равным образом запрещаем вашим братьям - рыцарям и сержантам - покидать свое жилище и свой Дом или вступать в другой орден без разрешения вашего магистра и вашего капитула.

Поскольку защитники Церкви должны существовать на средства Церкви: "Мы запрещаем всем уступать вымогательству десятины; напротив, Мы утверждаем вас в пользовании десятиной, которая будет вам вноситься с согласия епископа". Битва за десятину завязалась и продлится долго. [78] Но еще серьезнее ущемляла власть диоцезов следующая привилегия:

Дабы ничто не мешало спасению ваших душ, вы можете взять себе в помощники клириков и капелланов и держать их в своем Доме и в собственном повиновении, даже без согласия епископа диоцеза, властью Святой римской Церкви. Эти капелланы должны пройти испытательный срок в один год, и ежели они окажутся зачинщиками беспорядков или просто бесполезными для Дома, вы можете отослать их, отобрав среди них лучших. Капелланы не должны дерзостно вмешиваться в управление Дома, по крайней мере если этого не прикажет магистр. Они заботятся о душах, если только этого желают магистр и рыцари. Они не подчинены никому вне капитула и должны повиноваться тебе, дорогой сын Роберт, как своему магистру и прелату.

Процитированные положения неоднократно повторяются в тексте статутов. К своим капелланам рыцари всегда относились с большим недоверием, даже с презрением. Но третья привилегия буллы окончательно отстраняла епископов от всякого контроля над духовными делами ордена Храма.

Оговаривая епископские права в том, что касается десятин, даров и погребений. Мы вам предоставляем право возводить часовни во всех местах, имеющих отношение к ордену Храма,

дабы вы и ваши близкие смогли бы там служить службу и быть там похороненными. Ибо непристойно и опасно для души, когда давшие обет брата, идя в церковь, должны смешиваться со сбродом грешников и с мужами, посещающими женщин.

Несколькими годами позднее часовни тамплиеров наполнились этими мужами - как и женщинами, - которые покидали свои приходские церкви ради храмов ордена. И борьба с епископами, отстаивавшими свои права, усугубилась еще больше.

За буллой "Omne Datum Optimum" в 1145 г. последовала другая - "Militia Dei", оповещавшая епископов о том, что тамплиеры отныне имеют право возводить часовни [79]. Сотня переизданий показывает, сколь трудно было навязать свою волю белому духовенству и воспользоваться привилегиями, дарованными Папой. Споры начались вокруг вопроса о деньгах. В 1160 г. тамплиеры жаловались на то, что епископы отбирают у них треть от имущества, завещанного ордену теми, кто желал быть похороненным на их кладбищах. Булла "Dilecti filii" [80] имела целью обязать белое духовенство удовлетвориться четвертью завещательного дара. Несмотря на предоставленную им часть завещанного имущества, епископы всегда противились погребению на кладбищах ордена. Они требовали также и уплаты десятины, от которой Дом был освобожден. В целом Папы принимали сторону тамплиеров; иногда просили их, ради согласия в Церкви, договориться миром. В споре между Домом Лиона и Шалона-на-Соне и канониками Турню по поводу десятины, некогда взимавшейся этой церковью, Александр III согласился с рыцарями, но все-таки просил их уплатить хотя бы что-нибудь, дабы удовлетворить каноников: "Et nos debemus honestatem vestram non immerito commendare" [81] [*13] В другой раз тамплиеры возвели часовню в приходе Шорхем в Сассексе. Местный аббат противопоставил их действиям привилегию, согласно которой ни архиепископ, ни епископ, ни иное лицо не могут сооружать часовню в приходе, принадлежащем его аббатству. Александр III вынес решение, что тамплиеры могут сохранить свою молельню, но не должны ни требовать десятины от прихожан, ни допускать их к мессе, ни хоронить их. Прихожане могли слушать мессу тамплиеров, но только после приходской службы, и подавать милостыню, какую пожелают. [82] Такое же решение было принято в споре между тамплиерами и дижонскими канониками св. Стефана, и во множестве подобных случаев. [83]

Продолжая упорно бороться за привилегии, уже предоставленные Святым престолом, тамплиеры живо интересовались лицами, находящимися под интердиктом или отлучением. Предание запрещению и анафеме было оружием, которым Церковь злоупотребляла в XII в., и тамплиеры в полной мере сознавали возможную выгоду. У них уже было право собирать пожертвования раз в год в каждом храме: по булле Milites Templi 1144 г., если они приезжали в город, деревню или замок, находившиеся под интердиктом, церковь должна была один раз открыться и месса - совершиться во имя "чести и почитания их рыцарства", - *suppressa voce et sine tintinnabulis* [*14] и исключая присутствие отлученных. [84]

В 1143 г. английские тамплиеры, окружив Жоффруа де Мандевиля, графа Эссекса, на смертном одре, покрыли его белым плащом в знак принятия *ad succurrendum*, несмотря на анафему, тяготеющую над ним (собственно, он вполне заслужил ее за совершенные преступления). Сначала его похоронили без церемоний, *in antro quodam*, в лондонском Старом Храме, а потом - с папским отпущением грехов и церковным обрядом на кладбище Нового Храма. [85] Десятью годами позже Александр III сурово упрекал орден за погребение тел отлученных, приказав убрать их с кладбищ. В следующем столетии те, кто был предан анафеме, допускались к мессе и Таинствам, и жены друзей ордена прибегали к помощи храмовников для крещения новорожденных детей, хотя бы мужья и были отлучены. Но эти наблюдения уводят нас далеко вперед в истории ордена, находящегося пока лишь в начале своего пути. [86]

Далее в квадратных скобках в тексте и в подстрочных примечаниях идут комментарии научного редактора.

Епископ Иларий Пиктавийский (т. е. Пуатевинский) (ум. 367), выдающийся богослов, гимнограф и историк Церкви. В западной традиции признается одним из Учителей Церкви.

Ок. 1040-1116; епископ Шартрский, церковный деятель и писатель.

Суккуб (succubus) - букв. "лежащий снизу" (позднелат.), т. е. совратитель мужчин, человек или (чаще) женщина-демон; содомит (по библейскому городу Содому) - общий термин для людей, подверженных разнообразным сексуальным извращениям (мужеложству, скотоложству и пр.).

Пьер Абеляр (1079 - 1142) - крупнейший философ и теолог XII в., автор книги воспоминаний "История моих бедствий". Взгляды и стиль поведения Абеляра нашли упорного врага в лице св. Бернара.

В данном случае слово магистр употребляется в смысле наставник.

Диоцез - епархия, епископский округ.

Существуют в принципе два рода церковного отлучения - полное извержение из лона Церкви (связанное часто с наложением анафемы) и обсуждаемое здесь отлучение от Таинств (запрещение, интердикт), обычно имеющее временный, дисциплинарный характер. Однако грань между двумя отлучениями нередко была весьма зыбкой.

Наследницей была старшая из дочерей Балдуина II - Мелюзина (вероятный прототип одноименной женщины-оборотня средневековых легенд). Брак с ней состоялся и принес Фульку иерусалимскую корону, а также двух сыновей - будущих королей Балдуина III и Амальрика I.

Всякий дар совершенен (лат.) - новозаветный библейский афоризм (Послание ап. Иакова, 1, 17), обычно цитируемый в усеченном виде; в славянском тексте - "Всякое даяние благо". Подлинный смысл этого места Священного Писания - не в том, что всякий дар хорош, а в том, что всякий хороший дар - от Бога.

Т.е. их неприкосновенность гарантировалась Церковью.

От коего последовали и основание ордена, и первые благодеяния (лат.).

И мы должны довериться вашей честности, вполне того заслуживающей (лат.).

Понизив голос и без звона колокольных (лат.). На Западе колокольчики традиционно используются для привлечения внимания молящихся к наиболее торжественным моментам богослужения.

ГЛАВА IV Французский устав

Французский перевод устава имеет явную связь с буллой "Omne Datum Optimum". Он не может быть датирован более ранним периодом, так как признает существование братьев-капелланов, буллой установленных. С другой стороны, предположение о дате появления перевода ограничено тем, что в нем не упоминается герб с красным крестом, дарованный рыцарям Евгением III (1145-1153). Это произошло, когда Папа присутствовал на генеральном капитуле в Париже в 1147 г. При последующих изменениях и дополнениях к французскому уставу вопрос о символике обсуждается постоянно, касаясь одежд, плащей и саванов. Кроме того, внимательное исследование сборника булл убеждает в том, что любая привилегия, предоставленная тамплиерам папской буллой, имела непосредственное применение. Когда мы читаем, что "эти статуты могут быть изменены только магистром с согласия его капитула", то это значит, что члены капитула уже имели намерение так поступить. Тамплиеры освобождались Папой от вмешательства какого бы то ни было духовного или светского лица потому, что не хотели выносить изменения на утверждение патриарха Иерусалимского, которому Собор вверил нечто вроде опеки над орденом Храма. Впрочем, эти изменения, введенные во французскую версию, имеют ту же цель, что и булла "Omne Datum" - освободить тамплиеров от всякой власти, кроме власти Папы.

Латинский устав можно пересказать вкратце; французскую же версию должно видеть целиком из-за свежести и наивности еще несовершенного языка, которым она изложена. Исключение составляют несколько изменений, смелых и первостепенных по значению, где версия достаточно точно следует латыни, хотя переводчик время от времени ошибается. Однако статьи следуют без разбора одна за другой, даже не в той последовательности, которая соблюдена латинским уставом.

Французский перевод открывается вдохновенным:

Вы, отказавшиеся от своих собственных желаний, и вы, прочие, служащие Царю Всевышнему с лошадьми и оружием во имя спасения своих душ, учитесь повсюду с чистым рвением слушать заутреню и службу целиком, согласно каноническому порядку и обычаю наставников монашества святого града Иерусалима.

О достопочтенные братья, с вами пребывает Бог уже за одно то, что вы дали обещание навеки пренебречь сим обманчивым миром ради любви к Богу и презрели свои телесные муки. Вкушающие тела Господня, насыщенные и наставленные повелениями Господа Нашего, да не устрашитесь после Божественной службы ни один из вас битвы, но пусть каждому будет уготован венец <...> [87]

И тотчас следует текст о принятии братьев в Дом ордена Храма:

Ежели какой-нибудь мирской рыцарь или другой человек желает расстаться со скопищем бедствий и уйти от мира, и избрать общинную жизнь, ни в коем случае не соглашайтесь тотчас же принимать его <...> Но прежде пускай будет он допущен в общество братьев, и пускай будет прочитан ему устав, и если магистру и братьям угодно будет его принять, соберите братьев в капитул и пред всеми пусть изъявит он свою чистосердечную волю, и свое желание, и свою просьбу. [88]

Здесь обнаруживается первое различие между латинской и французской версиями, ибо переводчик изымает срок *послушничества*, вменяемый латинским уставом. В действительности же во всей истории ордена Храма об испытательном сроке больше никогда не вспоминают, разве что для братьев-капелланов, по отношению к которым рыцари всегда проявляли недоверие.

Вторая статья - *Отлученные братья* - претерпела еще более решительное изменение, так как переводчик заменяет латинскую фразу "*ubi autem milites non excommunicatos congregare audierint <...>*" [*1] на ее противоположность - "туда, где как стало бы вам известно, собрались отлученные рыцари, мы и приказываем вам отправиться <...>". Конец статьи переведен слово в слово:

*<...> и если отыщется кто-нибудь, желающий препоручить себя и присоединиться к ордену рыцарства в заморской стране, [*2] вы должны учитывать не столько мирскую пользу, сколько спасение его души. Мы приказываем вам принимать его при условии, что он придет к епископу этой провинции и поведаст ему свое намерение. И когда епископ его выслушает, и отпустит грехи, пусть он направит его к магистру и братьям ордена Храма, и если жизнь этого человека честна и достойна их, если он покажется добрым магистру и братьям, да будет он принят милосердно; а ежели он в это время умрет, то ввиду тревог и труда, кои ему пришлось претерпеть, пусть будет даровано ему благословение во братстве как одному из бедных рыцарей ордена Храма.*

Таким образом, обязанность представиться епископу прежде, чем принести обет в ордене Храма, вменяется теперь только отлученным, для которых у епископа в некотором роде испрашивается прощение. Статья латинского устава "*ut fratres Templi cum excommunicatos non participentur*" [*3] проявляется теперь как продолжение другой, но изложенной следующими словами: "Никаким иным образом братья ордена Храма не должны общаться с людьми, которых провозгласили отлученными". Оба изменения введены с большой ловкостью, нисколько не расстраивая первоначальный текст. [89]

Здесь обнаруживаются истоки двух сил, просуществовавших так же долго, как и сам орден. Тамплиеры всегда боролись за освобождение от епископской власти. Равным образом, они постарались привлечь в свой орден отлученных от Церкви, готовые, в согласии со своим призванием, покрыть их грехи сиянием белого плаща. Они добились также права хоронить тела проклятых на своих кладбищах: когда граф Эссекса Жоффруа де Мандевиль умер в 1143 г. отлученным, именно английские тамплиеры приняли и предали земле его тело.

Папы поддерживали тамплиеров против епископов, покуда их кощунства не стали чрезмерными. Им никогда не позволялось останавливать свой выбор на отлученных, что в некотором роде означало бы уступить им ключи святого Петра. Уже в 1144 г. булла Целестина

II отмечает границу папских уступок: "Те, кто творит милостыню ордену Храма, будут ежегодно получать отпущение седьмой части своих прегрешений; если же им придется умереть без церковных обрядов и если они не будут отлучены, им не может быть отказано в церковном погребении". [90]

Хотя невозможно привести текст французского устава полностью, интересно рассмотреть некоторые из его статей:

О платьях братьев. Повелеваем, чтобы все платья братьев были бы во всякую погоду одного цвета, то есть белого или черного. И всем братьям-рыцарям зимой и летом мы разрешаем по возможности носить белые плащи. И никому другому, кроме вышеназванных рыцарей Христа, носить белый плащ не позволено: пусть те, кто покинул эту мрачную жизнь, примерив белые одежды, считают себя связанными со своим Создателем. Что означает белизна и полное целомудрие? Целомудрие есть уверенность в телесной храбрости и здоровье. [91]

Если в то время, когда была написана французская версия, на плащах уже был красный крест над сердцем, почему о нем не идет здесь речь? "Белое ради невинности и красное для мученичества", - как скажет Жак де Витри.

Но платья эти должны быть без каких-либо излишеств и безо всякой гордыни. И также мы постановляем, чтобы ни один брат не носил ни меха, ни шкуры на своем платье или на любой иной вещи, принадлежащей лично ему, даже на своем одеяле, за исключением шкуры ягненка или овцы. И такого вида мы приказываем придерживаться всем, дабы каждый мог легко одеться и раздеться, обуться и разуться. А смотритель одежд [Drapier] или тот, кто вместо него, обязан усердно заботиться, уповая на вознаграждение от Бога, обо всех вышеупомянутых вещах, чтобы око завистников и недоброжелателей не смогло бы обнаружить в выданных платьях ничего, что способно вызвать порицание: чтобы были они не слишком длинные, не слишком короткие, но по росту тех, кто должен их носить; и раздавать их надо сообразно количеству каждого платья <...> [92]

Среди прочего мы с милосердием постановляем, чтобы ввиду великого зноя и жары, которая стоит в странах Востока от Пасхи до дня Всех Святых, по милости, а вовсе не по праву, каждому брату, желающему ею воспользоваться, было выдано легкое платье из льняного полотна <...> [93]

И смотритель одежд должен заботиться, чтобы братья были разумно причесаны, так, чтобы могли без помехи смотреть вперед и назад; и также мы им строго приказываем носить бороду и усы, дабы никакое порочное излишество не могло быть замечено на их лице. [94]

Как они должны есть. В палатах, а лучше бы сказать, в трапезной, они должны есть все вместе. Но поскольку вы не приучены к знакам, употребляемым другими монахами, вам следует вежливо и потихоньку, со всем смирением, покорностью и почтительностью, справиться о вещах, знание которых могло бы оказаться необходимым вам за столом <...> [95]

Удальрик Ключнийский сообщает нам, какими были знаки, употребляемые монахами его монастыря [96]. Их было приблизительно тридцать, ибо у ключнийского стола не было недостатка в разнообразии. От достаточно простых - сделать двумя и большим пальцем круг, чтобы попросить хлеба, "потому что хлеба обыкновенно круглые"; пососать мизинец, чтобы потребовать молока; облизать палец, чтобы получить меда; для рыбы - имитировать рукой движения плавников в воде; и, наконец, мы подходим к таким усилиям воображения, как: "Чтобы получить блинов (*crepes*), захватите свои волосы в кулак, как если бы хотели завить (*creper*) себе вихор". [*4]

Как братья должны передвигаться. Подобное дело для всех братьев <...> соблюдать сгрозное повиновение своему магистру <...> Ради этого просим рыцарей, которые отказались от своих собственных желаний, и всех прочих, кои служат временно, не позволять себе отправляться ни в город, ни в поселение без разрешения магистра или того, кто несет эту службу, за исключением одной ночи у Гроба и в местах моления/ находящихся в

стенах града Иерусалима. И сюда два брата могут пойти вместе и иным образом, иначе, чем они ходят днем или ночью. И когда они станут на привал, пускай ни один брат или оруженосец, или сержант не ходит без разрешения, как сказано выше, в палатку другого брата, воспользовавшись случаем с ним поговорить. Мы приказываем, следуя всеобщему совету, чтобы в Доме сем, устроенном Богом, ни один брат не сражался и не отдыхал по собственной воле, но по приказам магистра, пред которыми должны склоняться все <...> [97]

Проступки. Если будь-какой брат, в беседе, в пути или как иначе, допустит небольшую провинность, он сам по собственной воле должен указать о своем проступке магистру и с истинной храбростью получить порицание. И если для него подобные дела не в обычае, пускай он понесет за это легкое наказание; но если проступок слишком серьезный, пусть он покинет общество братьев, не пьет и не ест ни за каким столом с ними, но пребудет совершенно один; и пусть подчинится милосердию и суду магистра и братии, дабы суметь спастись в Судный день. [98]

Об охоте. Мы сообщая высказываемся против того, чтобы какой-либо брат охотился на птицу с другой птицей. Монахам подобает не предаваться своим наслаждениям, а внимать охотно приказам Бога и часто пребывать в молитвах <...>, чтобы ни один брат не допускал нарочно езды с птицей. Поскольку приличествует всякому монаху ездить просто и смиренно, не смеясь и не разговаривая много, но разумно и не крича слишком громко, специально приказываем всем братьям, чтобы они не отправлялись в лес ни с луками, ни с арбалетами охотиться на животных, ни с тем, кто это будет делать, - если только не из желания защитить его от неверных язычников. Вы не должны ни скакать за собаками, ни кричать, ни болтать, ни прищипоривать коня в жажде захватить дикое животное. [99]

О священниках и клириках, собирающих милостыню. Все дароприношения и все виды милостынь, каким бы образом ни были они принесены капелланам и клирикам, и прочим, временно собирающим милостыню, приказываем, по единодушию общего совета, передавать в [Дом ордена Храма]. Пускай слуги Церкви, следуя наказу Господа нашего, получают только пищу и платье и не позволяют себе иметь ничего другого, если только магистр по своей доброй воле не даст им оттуда в качестве милостыни. [100]

Итак - третье из главных различий между латинской и французской версиями; ибо французский перевод заменяет слова "капелланы, служащие в ордене", употребленное в общем смысле, на выражение "священники и клирики, временно собирающие милостыню". Это существенное различие указывает, что во время создания французской редакции предписание не должно было больше относиться к капелланам ордена Храма, составлявшим часть ордена.

И это возвращает нас к отправной точке, ибо капелланы были учреждены буллой "Omne Datum Optimum" 29 марта 1139 г., в которой тамплиерам по собственной воле было позволено изменять статуты, "соблюдаемые ими в течение некоторого времени и недавно записанные". Перевод устава был крайне необходим, - многие ли рыцари понимали латынь? Вполне можно предположить, что перевод датируется 1139-1140 гг. или немногим позже.

ГЛАВА V "Похвала новому рыцарству"

Раз, второй и третий, мой дорогой Гуго, вы просили меня написать наставление для вас и ваших братьев и замахнуться на враждебных тиранов своим стилем, ибо копье запретно мне, - писал Бернар Клервоский Гуго де Пейену. - И вы заверили меня, что я был бы очень вам полезен, если бы оживил своими словами тех, кому я не могу помочь своей военной службой. Некоторое время я медлил с ответом вам - не потому, что не оценил вашей просьбы, но дабы суметь удовлетворить ее, насколько сие в моих силах. По правде, я заставил вас ждать достаточно долго <...> и теперь моим читателям судить меня, хотя и невозможно понравиться всем.

Новое рыцарство возникло на Земле Воплощения. Оно ново, говорю я, и еще не подвергнуто испытанию в мире, где ведет двоякую битву - то против врагов плоти и крови,

то против духа зла на небесах. И то, что рыцари сии сопротивляются силою своих тел врагам телесным, я полагаю неудивительным, ибо не считаю это редкостью. Но когда они ведут войну духовными силами против пороков и демонов, я назову сие не только чудесным, но достойным всяческих похвал, расточаемых монахам <...> Рыцарь, который защищает свою душу доспехами веры, подобно тому, как облакает свое тело в кольчугу, и впрямь есть [рыцарь] без страха и упрека. Вдвойне вооруженный, он не боится ни демонов, ни людей. Конечно, тот, кто желает умереть, не боится смерти. И как бы побоялся умереть или жить тот, для кого жизнь есть Христос, а смерть - вознаграждение? Вперед же, рыцари, и разите с неустрашимой душой врагов Христа, с уверенностью, что ничто не может лишить вас милости Божией. [101]

Задача св. Бернара была довольно деликатной: каноническое право, как и народное мнение, запрещало монахам проливать кровь и рассматривало акт умерщвления, даже в сражении, как убийство. Но тамплиеры были одновременно рыцарями, призванными к войне, и монахами, подчиненными трем обетам. Бернару, таким образом, пришлось внести различие в их пользу между понятиями войны феодальной и войны святой, *homiciddia* [человекоубийство (лат.)] и *malicidia* [убиение зла (лат.)]. [102]

"Насколько же обеспокоены вы, мирские рыцари, трепещущие оттого, что одновременно отнимаете жизнь своего противника и жизнь своей души или губите собственной рукой тело и душу одновременно <...>" в то время, как крестоносец носит праведный меч Бога. Св. Бернар отталкивается от этих соображений, чтобы с пылом и самой едкой иронией бичевать мирское рыцарство:

Вы рядите своих лошадей в шелка и окутываете свои кольчуги каким-то тряпьем. Вы разрисовываете свои копыта, щиты и седла, инкрустируете свои удила и стремяна золотом, серебром и драгоценными камнями. Вы пышно наряжаетесь для смерти и мчитесь к своей гибели бесстыдно и с дерзкой заносчивостью. Эти лохмотья - доспехи ли это рыцаря или женские наряды? Или вы думаете, что оружие ваших врагов остановится перед золотом, пощадит драгоценные камни, не разорвет шелк? К тому же, нам часто доказывали, что в битве необходимы три условия: чтобы рыцарь был проворным в самозащите, быстрым в седле, стремительным в атаке. Но вы, напротив, причесываетесь, как женщины, что мешает видеть; вы опутываете свои ноги длинными и широкими рубахами и прячете свои изящные и нежные руки в просторные и расширяющиеся рукава. И вырядившись таким образом, вы сражаетесь за самые пустые вещи, такие, как безрассудный гнев, жажда славы или возжелание к мирским благам <...>

Но не таковы тамплиеры:

Они выступают и являются по знаку своего командира; они носят одеяние, выдаваемое им, не стремясь ни к другим одеждам, ни к иной пище. Они остерегаются любого излишества в еде или одеждах, желая только необходимого. Они живут все вместе, без женщин и детей. И чтобы всего было достаточно в их ангельском совершенстве, все они живут под одним кровом, не имея ничего, что было бы их собственным, объединенные в почитании Бога своим уставом.

Среди них не найдут ни ленивых, ни праздных; когда они не на службе (что случается лишь изредка) или не заняты вкушением хлеба своего, воздавая благодарение Небесам, они занимаются починкой своих одежд или оружия, разорванных или искромсанных; или же они делают то, что их магистр им прикажет, или то, на что указывают им нужды их Дома. Ни один из них не является низестоящим; они почитают наилучшего, а не самого знатного; между собой ведут себя учтиво и следуют заповеди Христа, помогая друг другу.

*Дерзкие речи, ненужные поступки, неумеренный смех, жалобы и ропот, если они замечены, не остаются безнаказанными. Они ненавидят шахматы и кости; им отвратительна охота; они не находят обычного удовольствия в смешной погоне за птицами. Они избегают мимов, фокусников и жонглеров и питают отвращение к ним, к песням легкомысленным и глупым. Они стригут волосы коротко, зная, что, согласно Апостолу, [*5] мужчине не пристало ухаживать за своими волосами. Их никогда не видят причесанными,*

редко - умытыми, обычно - с всклокоченной бородой, пропахшими пылью, изможденными тяжестью доспехов и жарой <...> [103]

Этот грубоватый и нечистоплотный воин, противостоящий всем соблазнам Востока, быть может, никогда и не существовал за пределами воображения св. Бернара. Если первые Бедные рыцари и походили на него, то они уже не являлись образцом для Жоффруа Фуше, Осто де Сент-Омера, на равных общавшихся с самой высокой французской или нормандской знатью и вскоре ставших приближенными Людовика VII Французского и Генриха II Английского. Тамплиеры не были аскетами. "Memento Finis", [104] начертанное на форзаце их устава, может истолковываться двояко: "Думай о своем конце", - но также и "Думай о своей цели". Статуты являются трактатом о здравомыслии, ибо все должно делаться *разумно* (что равноценно - *следуя Богу*) и *на благо Дома*, но тем не менее - *славно* и достойным для ордена Храма образом.

Любопытно констатировать, что аббат Клервоский ничего не говорит о заботе о паломниках - первой заботе Дома, о которой тамплиеры никогда не забывали. "Мы не верим, чтобы верующие не знали, какое утешение и участие несут рыцари Храма беднякам, паломникам, нищим и всем тем, кто бы ни пожелал отправиться ко Гробу Господню <...>", - писал в это же время Эрлеберт Шалонский. [105] "Тамплиеры ухаживали за паломниками, как мать за своими детьми", - скажет два столетия спустя Жак де Моле. Но Бернар имеет в виду только святую войну, "хотя не было бы необходимости убивать язычников, если бы было возможно другим образом помешать им притеснять верующих". [106]

Что произошло с тамплиерами в Святой Земле за пятнадцать лет после Собора в Труа? Мы не знаем об этом почти ничего. Балдуин II устроил их в крыле своего дворца, древней мечети Аль-Аксар, которую христиане называли Дворцом Соломона. Его зять, Фульк Анжуйский, оставил им все здание, когда перенес свое жилище в Башню Давида.

В 1138 г. Робер де Краон и его сподвижники участвовали в битве при Такуа, [107] в которой погиб тамплиер Осто де Фоконбер из рода Сент-Омер. Несколько лет спустя Бернар Клервоский писал королеве Иерусалимской Мелизинде, дочери Балдуина II, которая осуществляла регентство при своем юном сыне Балдуине III:

Я удивлен, что уже давно не получаю от вас писем; но мой дражайший дядя Андре только что сообщил мне благоприятные новости о вас. Вы живете благостно и в мире, управляя своим имуществом и самой собою по совету мудрейших. Вы нежно лелеете братьев ордена Храма и относите их к числу своих друзей. Неизбежные опасности Святой Земли вы встречаете безбоязненно, мудро и предусмотрительно, по совету испытанных людей <...> [108]

Андре был братом Алеты де Монбар, матери Бернара; он стал сенешалем ордена Храма в 1150 г. (может быть, раньше) и магистром - в 1153 г. Андре должен был быть приблизительно того же возраста, что и его племянник, которого он пережил и который поддерживал с ним дружескую переписку.

Когда Бернар писал королеве. Святой Земле угрожали серьезные опасности. После смерти Фулька Анжуйского, мужа Мелизинды, корона досталась двенадцатилетнему мальчику. Регентша-мать Мелизинда, наполовину армянка, была чувственной и легкомысленной; вражда баронов раскалывала королевство. В то же время мусульман неожиданно возглавил грозный Зенги, атабек Мосула, первый из четырех великих вождей ислама, начавших *джихад*, священную войну до победы над христианами. [109] Франки называли его *Кровавым*, и прозвище ему соответствовало. Со времени смерти Фулька в 1142 г. Зенги захватил графство Эдессу, которое не сумел защитить граф Жослен де Куртене. Именно потеря Эдессы вызвала второй крестовый поход.

Св. Бернар воспринял дело Святых мест как свое личное. Как и Петр Пустынный пятьюдесятью годами ранее, он прошел по всей Франции, проповедуя и воспламеняя сердца. На Пасху 1146 г., в Везеле, он "поднял Крест" перед Людовиком VII и Алиенорой Аквитанской, [*6] которые, вместе со всей французской знатью, дали обет отправиться в крестовый поход. Евгений III, своим избранием обязанный Бернару, способствовал ему индульгенциями и отпущением грехов. Когда император Конрад III дал понять, что уклоняется от участия в

походе, Бернар отправился в Германию и почти силой вынудил его начать военные приготовления. [110]

На следующий год Евгений III прибыл в Париж. В аббатстве Сен-Дени перед алтарем король принял посох паломника и получил из рук Папы орифламмю [111]. На пасхальную октаву [*7] (27 апреля) Евгений присутствовал на генеральном капитуле ордена Храма в их новом доме в Париже, где были король Франции, архиепископ Реймский и многие другие прелаты. Собралось сто тридцать рыцарей, все облаченные в белые плащи. Магистр во Франции Эввар де Бар напомнил своим лучшим воинам, идущим в горы Киликии на помощь французским рыцарям, об опыте войны в испанской марке. Впечатление, производимое тамплиерами, видимо, было замечательным, ибо оборот "братья ордена Храма <...>,, все облаченные в свои белые плащи" - повторяют многие хронисты, даже в официальных документах [112].

На этом капитуле Евгений III даровал тамплиерам право носить на левой стороне плаща, под сердцем, изображение алого креста "с тем, чтобы сей победоносный знак служил им щитом, и дабы никогда не повернули они назад пред каким-нибудь неверным". [113] Крест выкраивался из красной ткани и имел самую простую форму: "принадлежащие к ордену Храма носят его простым, алого цвета". [114]

Удивительное дело - к крестовому походу были готовы вовремя. Но чтобы избежать столкновений между французами и немцами и чтобы легче решить вопросы снабжения провиантом, две армии отбыли поочередно - одна за другой, с Конрадом III и его войском во главе. Они пошли старой дорогой крестоносцев, через Венгрию до Босфора, где состоялся традиционный спор с византийским императором. Тем не менее немецкие крестоносцы были уже в Анатолии, когда Людовик VII со своим войском прибыл в сентябре 1147 г. в Константинополь. Мануил Комнин, [*8] имевший виды на франкское княжество Антиохию и опасавшийся слишком могущественного Иерусалимского королевства, удвоил притязания и сам провоцировал нападение на свою столицу, чего, впрочем, опасался. В последовавших переговорах с французской стороны отличился Эввар де Бар.

Рассказ о крестовом походе Людовика VII дошел до нас от его секретаря Одона де Дёй, монаха аббатства Сен-Дени, отославшего свои дорожные записки аббату Сугерию. [115] Поначалу состоявший из предельно кратких записей, его рассказ, начиная с описания переправы через Босфор 26 сентября 1147 г., становится драматически насыщенным.

Он пишет:

Отсюда в Антиохию ведут три дороги различной длины и несхожего характера. Та, что ведет налево, - короче, ежели на ней не встречается препятствий, и чтобы ее пройти, требуется всего три недели. Она проходит через Иконий в двенадцати днях перехода, и пятью днями позднее приводит на землю франков, если не помешают турки. Крепкая и решительная армия могла бы пренебречь их многочисленностью, но более серьезным противником является снег. Дорога, ведущая направо, лучше обеспечена продовольствием и пастбищами, но небольшие бухты побережья делают ее в три раза длиннее, и зимой вместо турок следует опасаться водных потоков или снега. Средний путь удобнее двух других <...>;

Немцы, шедшие впереди нас, разделились, и большая часть с императором Конрадом в роковой час двинулась левой дорогой к Иконию. Прочие отправились прибрежной дорогой с его братом [Отгоном Фрейзингенским], и последний был причиной всех наших бед. Нам же досталась средняя дорога, и невзгоды обеих сторон были для нас смягчены.

Когда мы, оставив слева город Никею, оказались близ озера, до нас дошли слухи, принесенные сначала греками, затем несколько рыцарей, посланных императором Конрадом к королю, рассказали нам, какой разгром принудил их укрыться в Никее. Мы были ошеломлены этим <...>; [116]

По словам немцев, проводник-грек предал их. "Он сказал им взять, выезжая из Никеи, провизии на десять дней, так как по истечении этого времени они придут в Иконий. Когда сии дни и продовольствие истекли, они подумали, что их переход также закончится, но увидели, что заблудились в горах, простирающихся до бесконечности. На следующий, и до

третьего дня проводник успокаивал их, увлекая все дальше и дальше в горы", пока на вершинах не появились турки и не начали осыпать их стрелами. Немецкие крестоносцы, изголодавшиеся, измученные неуязвимыми лучниками, плачевно ударились в бегство, оставляя за собой горы трупов. Тридцать тысяч погибли от голода или турецких стрел.

Людовик и Конрад встретились в замке Эссерон, и император настоял, чтобы крестоносцы двинулись по прибрежной дороге, которую он считал более легкой.

Король был привлечен этими речами, более соблазнительными, нежели справедливыми, в результате чего мы потратили три дня, чтобы добраться до Деметриады, коей наши авангарды достигли менее чем за день, следуя по правой дороге <...> Нам повстречался извилистый и очень быстрый поток, который пришлось переходить восемь или девять раз в один и тот же день. Малейший дождь вздул бы его до такой степени, что отрезал бы нам и продвижение вперед, и отступление, вынуждая нас дожидаться смерти, оплакивая на каком-то повороте дороги свои грехи. Потом мы обнаружили маленькие бухты побережья, скалистые горы и потоки в руслах столь глубоких, что их трудно было перейти даже посуху. Если бы тучи или снега напитали их, мы бы не смогли преодолеть их течение ни пешие, ни верхом. Мы прошли через множество разрушенных городов и через другие [города], где греки покинули пояс укреплений, чтобы укрепить гавань стенами и баинями. Наше назойливое постоянное присутствие заставляло их уступать нам продовольствие, кое алчность их оценивала очень дорого <...>

Крестоносцы проследовали мимо Смирны и Пергама, чтобы в начале декабря прибыть в Эфес. Здесь византийский император, не желая полного их уничтожения, предупредил, что турецкие силы преградили дорогу, и предоставил крестоносцам зимние квартиры. Конрад возвратился зимовать в Константинополь с небольшим числом выживших немцев, но Людовик, равным образом презирая и турок, и греков, продолжал свой путь.

Рождество франки провели на равнине Десервион, где впервые встретили врага. Воспользовавшись тем, что французы были заняты разбивкой лагеря накануне Рождества, турки попытались увести их скот; но несколько рыцарей сумели не допустить этого и весело сняли первинки их голов. Затем вмешалась погода.

Как если бы Божественное Провидение пожелало спрятать от нашего взора пасмурное небо, разразившееся дождями, которые заливали равнину, в то время как снег побелил вершины. Четыре дня спустя, когда реки немного спали и успокоившийся ветер разогнал дождь, король отдал приказ покинуть долину Эфезины, опасаясь быть отрезанным потоками, если начнут таять снега или возобновятся дожди.

Погода стояла хорошая, без заморозков и ливней. Победа над турками на берегах Меандра придала уверенности изголодавшейся армии, которая направилась в Лаодикею на поиски продовольствия. На подступах к городу французы встретили Отгона Фрейзингенского с малым числом оставшихся у него людей. Он предупредил их о присутствии турецкой армии, спрятавшейся в горах, которая только что захватила немцев врасплох и окрасила скалы их кровью. Людовик же приказал своему авангарду остановиться перед ближайшим ущельем, так как разумнее было бы пройти через него на следующее утро, располагая для этого целым днем.

Однако Жоффруа де Ранкон - достойный вечной ненависти (rancune) за это - забыл приказы короля, который наблюдал за тылом. Он [Жоффруа] прибыл к подножию горы довольно рано, так как ничто его не задержало в дороге, и начал подъем. К полудню он установил свои палатки на другом склоне. Гора была крутой и каменной, а подъем - труден для наших, видевших вершины, касающиеся небес, а в глубокой лощине - поток, спускавшийся в преисподнюю. Толпа все прибывала, люди толкались, пока не вскарабкались. Падающие камни завалили дорогу, и наши, отыскивая путь, теснились друг к другу, насколько это было возможно, опасаясь собственного падения или падения другого. В то же время турки и греки, недостижимые за хребтами для наших стрел, всюду развлекались этим представлением, дожидаясь вечера. Темнело, а наш обоз скопился в ущелье. Как если бы сих бед было недостаточно, враг выбрал именно этот момент, чтобы напасть. Турки вышли из-за утесов, так как не опасались больше нашего авангарда и не видели еще арьергарда. Они нанесли удар и

сбросили вниз наших пехотинцев, падавших и скользивших подобно стаду. Поднявшиеся вопли достигли небес и слуха короля. Тот сделал все, что смог, но небо послало только ночь - тем не менее темнота-то и остановила избиение. Цвет Франции был скошен, не успев принести свои плоды в Дамаске.

Из всего войска только у тамплиеров был опыт войны в горах. Ветераны Пиренеев, они знали, как уберечь лошадей и защитить поклажу. После смертельно тревожной ночи, когда восходящее солнце осветило турок, все еще хозяев вершин, Людовик воззвал к Эврару де Бару, чтобы спасти почти безнадежную ситуацию.

Уже наши лошади страдали от голода, так как прошли много дней без овса и почти без травы; уже не хватало продовольствия людям, которые брели в течение двадцати дней, в то время как жаждущие крови турки окружали нас, подобных жертвенным животным. Магистр ордена Храма сеньор Эврар де Бар, почитаемый за свою веру и ценный пример для войска, и его братья следили за своими собственными лошадьми и поклажей и, насколько могли, храбро защищали поклажу и лошадей других. Король, который любил их и охотно подражал их примеру, пожелал, чтобы все войско держалось их и чтобы наше духовное единство укрепило слабых. Наконец, по общему согласию, решили держаться в этой опасности по-братски, все вместе. Все, богатые и бедные, дали слово, что не сбегут из лагеря и во всем будут повиноваться магистру, которого им пошлют. Потом таковым избрали командира по имени Жильбер и определили ему пятьдесят рыцарей в качестве соратников <...> Все войско слушалось его приказов, и мы радовались, спускаясь в безопасности с гор, избавленные от любого нападения врага <...>

В порту Анталии французские бароны под угрозой бунта настояли, чтобы король оставил дорогу по суше и отплыл в Антиохию. Людовик заставил византийского наместника пообещать, что воины, сержанты, паломники, которых приходилось покинуть, будут проведены под охраной до Сирии. Пустое обещание: как только король уехал, греки предоставили этих несчастных их участи - турецкому рабству для тех, кто отправился к Святой Земле, голодной смерти - остававшимся у городских ворот.

Сам Людовик прибыл в Антиохию только после трех недель бури на море. Он настолько поиздержался, что Эврару де Бару пришлось вновь прийти ему на помощь и отправиться в Акру на поиски средств. [117]

Людовик VII никогда не забывал содействие, оказанное ему орденом Храма на Востоке.

Мы не видим, не можем себе представить, как бы смогли прожить хотя бы миг в этих краях без их [тамплиеров] помощи и их участия, - писал он Сугерию. - Мы никогда не испытывали недостатка в этой помощи, начиная с первого дня нашего прибытия и до сего момента, когда сии письма нас покидают, и они продолжают выказывать себя все более услужливыми. Мы же просим вас удвоить расположение по отношению к ним, чтобы они смогли почувствовать, что мы просили за них. Более того, мы уведомляем вас, что они нам одолжили значительную сумму, в свою очередь получив ее взаймы под собственную их ответственность. Эта сумма должна быть возвращена им из страха, чтобы Дом их не был опозорен или погублен. Мы не должны ни вынудить их нарушить свое слово, ни опозорить всех нас вместе. Умоляем же вас выплатить им без промедления сумму в две тысячи марок серебром. [118]

Крестовый поход, который начался при столь добрых предзнаменованиях, так и не воспрял после разгрома в Малой Азии. И отныне наступает начало конца, сопровождаемое смятением и раздорами. Император Конрад III покинул Византию по морю и первым подошел к Святой Земле. Он собрал совет в Акре, на котором присутствовал, среди прочих баронов Святой Земли, Робер де Краон, магистр ордена Храма. [119] Споры возобновились с прибытием Людовика VII. Вначале надо было определить стратегическую цель: французский король, храбрость и непредвзятость которого нельзя отрицать, хотел идти отбирать Эдессу у турок; молодой король Балдуин III Иерусалимский, более реалистичный, предполагал захватить Аскалон, - угрожающий плацдарм, все еще находившийся в руках египетских сарацин; Раймунд Антиохийский, видевший, возможно, военную ситуацию наиболее ясно, предлагал атаковать

Алеппо, где Нуреддин только что наследовал своему отцу Зенги. Но только что высадившаяся на берег королева Франции Алиенора Аквитанская - самая легкомысленная, по словам Гийома Тирского, женщина в мире - оказалась слишком чувствительной к знакам внимания со стороны князя Антиохийского и успешно рассорила мужа и любовника. [120] [*9] Так обстояли дела, когда часть сирийских баронов предложила отправиться на приступ Дамаска, и военный совет пришел к согласию относительно этой цели.

Несмотря на потери в дороге, крестоносцы смогли собрать еще довольно значительные силы; бароны Святой Земли, госпитальеры, тамплиеры поставили много воинов, и армия двинулась на Дамаск в июле 1148 г. Сначала французы разбили лагерь западнее города среди фруктовых садов и родниковых вод и начали осаду. Они уже рассчитывали на победу, а горожане считали себя погибшими, когда Людовик и Конрад внезапно изменили дислокацию и возобновили наступление с юго-востока. Говорят, что с этой стороны они надеялись столкнуться с менее основательной обороной. Однако стены осажденного города были крепки, а крестоносцы сменили сады и огороды на бесплодные пески. Осада тянулась, покуда вести о прибытии сарацинских подкреплений не заставили ее снять. [121]

Хронисты много писали о предательстве, видя в этом причину смены направления и провал крестового похода; Раймунд Антиохийский, Балдуин Иерусалимский, госпитальеры и тамплиеры поочередно обвинялись в том, что продались туркам. Награда, говорят, заключалась в трех бочках, полных золотых византийских монет; но когда открыли бочки. Бог превратил золото в медь! При всем том, завоевание Дамаска должно было казаться сирийским франкам менее всего желательным: его эмиры благоволили к христианам, считая их чуть ли не своими союзниками в борьбе против атабека Мосула; если бы город пал, победителям пришлось бы защищаться своими собственными силами от сыновей *Кровавого*. Мы увидим, что до самого конца Иерусалимского королевства тамплиеры упорно стремились к установлению союза с Дамаском. К тому же Людовик и Конрад пообещали передать город в фьеф новоприбывшему Тьерри Эльзасскому, что довершало отвращение *пуленов* [poulains], [*10] в то время как Балдуин III интересовал более Египет, где он видел возможность для обширных и легких завоеваний, которые укрепили бы позиции христиан в Палестине.

К несчастью, отступление от Дамаска сокрушило последние силы крестового похода. Конрад отправился в Европу раньше, а Людовик последовал за ним весной 1149 г. Во Францию его сопровождал Эввар де Бар. Он был уже магистром ордена Храма, и, возможно, был избран во время своего отсутствия. [122] 14 мая 1150 г. он собрал в Париже капитул, [123] во время которого пришло письмо от Андре де Монбара, сенешаля, сообщающее о гибели Раймунда Антиохийского на поле битвы и призывающее магистра вновь в Палестину. [124] Но Эввар больше никого не слушал. Охваченный ностальгией по Клерво, он сменил одеяние ордена Храма на цистерпианскую мантию и оказался неколебим в своем новом решении, несмотря на упорство, с которым тамплиеры побуждали его к возвращению. Эввар умер в Сито 25 ноября 1174 г. [125]

Св. Бернар скончался в 1153 г. Бедствия крестового похода, направленного им против язычников, подорвали его престиж и разбили сердце. В последние месяцы жизни он пишет с глубокой печалью своему дяде Андре:

Письма, которые вы мне только что прислали, застали меня лежащим в постели. Я принял их дрожащими руками. Я жадно читал и перечитывал их, но еще более горячо я желал вас видеть. Я нахожу в ваших письмах то же желание, но также и ваши опасения за землю, которую Господь наш почтил своим присутствием и освятил своей кровью. Горе нашим государям! Они ничего не сделали доброго на земле Господа, в своих же, куда они поспешно возвратились, ведут себя с немислимой злобой <...>

Поднимаем же над солнцем, и пускай наш разговор состоится на небесах. Там, мой Андре, окажутся плоды ваших тяжких трудов и там награда вам <...>

Вы желаете меня видеть, но говорите, что это зависит от меня, ибо пишете, что ждете моего решения. И что же мне вам сказать? Я изнемогаю от желания увидеть вас, но боюсь, что вы не приедете; итак, я повис между да и нет, влекомый то в одну, то в другую

сторону, я не знаю, что избрать. Но особенно соглашаясь с тем, что вы мне говорите о великой жалости к Святой Земле, и мне кажется, что ваше отсутствие увеличило бы ее разорение. Таким образом, не смею призывать вас - но как хотелось бы вас увидеть прежде, чем умру! Вы лучше меня рассудите, можете ли уехать, не нанеся вреда этим людям. Быть может, ваше путешествие не было бы бесполезным; и, по милости Божией, нашлись бы рыцари, желающие последовать за вами и послушать Жить Церкви Божией - ибо вы уважаемы и любимы всеми, - и вы смогли бы сказать, как патриарх Иаков: "Я перешел Иордан с посохом, и вот возвращаюсь с тремя воинствами".

И вот что я вам скажу: если вы едете, то не мешкайте, из опасения не застать меня больше. Ибо я уже собрался и не думаю продержаться долго на этой земле. Доставит ли мне воля Божия ваше сладостное и дорогое присутствие, или же, теряя малопомалу силы, я уйду до того, как увижу вас? [126]

Дяде и племяннику не довелось больше встретиться. С уходом Эвра де Бара военные кампании Балдуина III удерживали Андре де Монбара на его посту. Когда Бернар Клервоский 20 августа 1153 г. умер, а очередной магистр ордена Храма пал в бою в Аскалоне, Андре оказался во главе Дома, которому он так долго служил.

ГЛАВА VI Цитадель

Немного времени спустя после невеселого отбытия французских и немецких крестоносцев некий мэтр Иоанн из Вюрцбурга совершил путешествие за море и оставил нам свою путевую записную книжку. [127] Благодаря рассказам - его и других паломников, бывавших в Иерусалиме - можно представить и картину собственного посещения Соломонова Храма.

Путешественник, сошедший на берег в Яффе, должен был подняться к Иерусалиму, минуя самые бесплодные на свете пейзажи. После Рамлы нужно было перебраться через голую, крутую гору. Далее следовал утомительный дневной переход, к концу которого, после того как путник пересекал последнюю узкую и глубокую ложбину, перед ним вдруг открывался вид на Святой Град. Два огромных купола возвышались над легендарным городом: на западе - купол Templum Domini (Храма Господня), бывшей мечети Омара; на востоке - огромная ротонда церкви Гроба Господня, свод которой раскрывался в небо, чтобы впускать священный огонь Троицы. Близ Голгофы высилась дозорная башня ордена Госпитальеров. Весь горизонт между этими ориентирами был изрезан башенками с колокольнями и террасами; четыре главные башни венчали ворота четырех кварталов Иерусалима.

Святой Град пересекали четыре главные улицы: две из них - улица святого Стефана и улица Сиона - пересекали пояс укреплений с севера на юг, от ворот святого Стефана до ворот Сиона. Две других, пересекающихся с ними, назывались: на западе - улица Давида, а на востоке - улица Храма. Кварталы, расположенные между этими путями, состояли из церквей, монастырей, обителей, окруженных в беспорядке извилистыми и узкими улочками.

Все описания Святой Земли, [128] эти средневековые путеводители, начинаются у врат святого Стефана, в северной части города, ведя читателя, как на экскурсии, осматривать памятники. Мы поднимаемся по улице святого Стефана, проходя мимо паперти церкви Гроба Господня, потом прогуливаемся по защищенной от зноя сводом улице Трав, на которой располагались лавки торговцев фруктами и специями. Путеводитель ведет нас на другую крытую улочку - Суконную, с кипами переливающихся шелков, и, наконец, на улицу Скверных кухонь, где на углях с шипением готовятся экзотические блюда. Мы проходим улицей Храма, где можно купить пальмовые ветви и ракушки паломников, исполнивших свой обет, и, оставив позади себя торговцев сувенирами, выходим на простор мостовой - часть территории, отданной тамплиерам монахами Храма Господня.

Между стенами Иерусалима и Золотыми вратами находится Храм. Там есть пространство длиной более полета стрелы и шириной в бросок камня, и оттуда подходят к Храму. Эта площадка вымощена, откуда и происходит её название. На выходе из этого портала, слева, и находится Храм Соломона, где пребывали тамплиеры. [129]

От земляной насыпи ступени ведут вверх к Собору в Скале - Храму Господню, где рыцари прогуливались в часы досуга. Храм был городом в городе, крепостью в крепости. Иоанна из Вюрцбурга особенно поразили огромные конюшни, которые он посетил.

Направо от полуденной линии, - пишет он, - находится дворец, который, говорят, был построен для Соломона. [130] В этом дворце, или здании можно видеть конюшню столь удивительной вместимости и столь великую, что в ней может разместиться более двух тысяч лошадей или полторы тысячи верблюдов [131] . У рыцарей ордена Храма много прилегающих к дворцу зданий, широких и просторных, с новой и великолепной церковью, которая не была окончена, когда я ее посещал.

Как и большинство церквей ордена Храма, эта была посвящена Богородице, "ибо Богоматерь была началом нашего ордена, и в Ней и Ее чести пребудет окончание наших жизней и конец нашего ордена, когда Богу угодно будет их прервать". [132]

Церковь называли "Святая Мария Латеранская" [*11] - церковь латинян, - чтобы отличать от *Святой Марии Большой* и *Меньшей* и от *Святой Марии Магдалины* в еврейском квартале.

Трапезная/ которую тамплиеры упорно называли *палатами*, [133] была просторным залом с изогнутым сводом, поддерживаемым колоннами. Стены увешивались военными трофеями, коими тамплиеры украшали и свои церкви: мечи, шлемы с золотыми и серебряными узорами, разрисованные щиты, золоченые кольчуги, захваченные у врага [134] . Оруженосцы расставляли вдоль стен столы и перед обедом покрывали их скатертями из холста; пришедшие первыми усаживались спиной к стене, прочие - лицом. Особые места были отведены только для магистра и капеллана монастыря. Плиты пола посыпали тростником, как во всех замках, и, несмотря на запрещение тамплиерам охотиться, не было недостатка в собаках, лежащих под столами, которым, как и кошкам, не разрешалось давать остатки еды, предназначенные для бедных. [135]

Согласно Иоанну из Вюрцбурга, "Дом ордена Храма раздает довольно щедрые милостыни приверженцам Христа, но даже не десятую часть того, что дает орден госпитальеров". [136] Однако благотворительность ордена Храма была велика и ее оказывали с благородной учтивостью.

А еще в Доме было отдано распоряжение, чтобы братья, когда их обносят мясом и сыром, отрезали себе кусок таким образом, дабы и им было достаточно и - насколько возможно - кусок оставался красивым и целым <...> И сие было установлено, дабы кусок выглядел поприличнее, чтобы можно было отдать его какому-либо застенчивому бедняку, а бедняку было пристойнее принять его. [137]

Тамплиеров не раз упрекали в гордыне, но забота о чести застенчивого бедняка позволяет многое им простить. И сверх милостыни в виде остатков еды (они были столь обильны, что несъеденного двумя братьями должно было хватить двум нищим) в каждом замке или цитадели ежедневно кормилось четверо бедняков, и пятеро - всюду, где трапезовал магистр. В течение сорока дней, которые следовали после смерти брата, нищими съедалась доля усопшего, а когда Бог *призывал* магистра, то в течение недели сто бедняков получали обеды и ужины.

Гостей всех рангов были множество. Не только *достойным мужам - друзьям Дома*, приглашенным откусать с магистром или великими балы, но и друзьям простых рыцарей, даже братьям-сержантам во время обедов предоставлялось место. Каждого приглашенного усаживали за стол, ему подобающий: рыцаря - среди рыцарей, воина - с сержантами.

Между дворцом и церковью находились спальни братьев-рыцарей - ряды келий, выходящих в коридор. [138] В каждой келье был стул или скамеечка, ларь или сундук, кровать с соломенным тюфяком, подушкой в виде валика, простыней и одеялом - с покрывалом, "если кто-либо пожелает им его дать". [139] Спальни братьев-сержантов были только общими. Все имели доступ в церковь, куда братья спускались каждую ночь петть заутреню. Возле церкви находились также лазарет для больных и покои командоров и великих балы.

В дальнейшем в подчинение маршалу монастыря был отдан маршалский склад, в котором хранились оружие, доспехи и прочее снаряжение, вместе с большой кузницей, где изготовлялись доспехи, шлемы и кольчуги; кузня для подковки лошадей и склады для упряжи с

шорной мастерской. [140] Работали также сукнодельня и швейная, первая - склад тканей, потребляемых орденом: грубая шерстяная материя, парусина и бархат, лощенка и полотно из Реймса; вторая - мастерская, где шили одежду братьям. Одна и вторая управлялись суконщиком монастыря, равно как и сапожная мастерская по изготовлению обуви, поясов и перевязей. [141]

Во владения *командора по провианту* включались кухни, винный погреб и печи, где целый день у братьев-пекарей были руки в тесте (поэтому им прощали непосещение дневных служб, как и братьям из кузницы). Командор по провианту заведовал также свинарниками, курятниками и огородами, где росли чечевица, бобы, капуста, чеснок и лук. До сих пор существуют вырубленные в скале огромные площадки, отведенные под силосные башни, а также под зерно и фураж. Глубокие цистерны использовали как бассейны или водопойные желоба. Хлевы, овчарни располагались за городом, где паслись и табуны лошадей.

Вся эта кипучая деятельность имела целью содержание монастыря, подвижной военной силы ордена Храма, состоящей приблизительно из трех сотен рыцарей и неопределенного числа сержантов. Рыцари носили гербовую котту [*12] и белую эксклавию [одежда с капюшоном], сержанты одевались в черное; коричневый цвет предназначался для рыцарей-мирян, примыкавших к ордену. Все нашивали на одежду большой красный крест, помещая его на груди и спине. [142]

По правде говоря, вряд ли рыцари ордена Храма презирали своих сержантов. Напротив, в статутах обычно пишется о *братьях монастыря*, без уточнения, о ком идет речь. Все подчинялись одной и той же дисциплине; одежда, снаряжение, обязанности приблизительно были одинаковы. *Братья сержанты-ремесленники*, работавшие в кузнице, швейной или сапожной мастерской, были скромнее рангом, так как не проливали кровь за Святую Землю. Но алый крест тоже был на их одежде из грубого сукна, и они давали те же обеты, что и тамплиеры-воины. Оруженосцы, служившие по найму, не являлись частью ордена, как и *туркополы*, то есть местные наемники, сражавшиеся под командой рыцаря из монастыря, называемого *туркополье*. [143] Для самого тяжелого труда использовались рабы, сарацинские пленники или обитатели замков, принадлежащих ордену Храма, откуда присылали на работы непокорных братьев, будь то рыцари или сержанты.

Но Иоанн из Вюрцбурга смотрел на все это совсем не благосклонно. Он был немцем (кто станет утверждать, что в XII в. не существовало национального сознания?), и его самолюбие было задето жалкими неудачами его императора в Палестине.

Сей Дом ордена Храма содержит великое число рыцарей для покровительства Христианской земле; но, как говорят (не знаю, правда это или ложь), их подозревают в предательстве, которое было хорошо доказано их поведением в Дамаске по отношению к королю Конраду. [144]

Несколькими годами ранее цитадель принимала более приветливого путешественника. В ту пору франки и дамаские мусульмане часто создавали союзы против общего врага, атабека Мосула. Султан отправил в Иерусалим "самого обворожительного из послов", [145] Усаму ибн Мункида, который описал свое пребывание там с великим воодушевлением:

Во время моего посещения Иерусалима я вошел в мечеть Аль-Аксар. Рядом находилась маленькая мечеть, которую франки обратили в церковь. Когда я вступил в мечеть Аль-Аксар, занятую тамплиерами, моими друзьями, они мне предоставили эту маленькую мечеть творить там мои молитвы. Однажды я вошел туда и восславил Аллаха. Я был погружен в свою молитву, когда один из франков набросился на меня, схватил и повернул лицом к Востоку, говоря: "Вот как молятся". К нему кинулась толпа тамплиеров, схватила его самого и выгнала. Я вновь принялся молиться. Вырвавшись из-под их надзора, тот же человек вновь набросился на меня, и обратил мой взор к Востоку, повторяя: "Вот как молятся!" Тамплиеры снова кинулись к нему и вышвырнули его, а потом извинились предо мной и сказали мне: "Это чужеземец, который на днях прибыл из страны франков. Он никогда не видел, чтобы кто-либо молился, не будучи обращен к Востоку". Я ответил: "Я достаточно помолился сегодня". Я вышел, дивясь, как искажено было лицо этого демона и какое впечатление на него произвел вид кого-то, молящегося в сторону Каабы.

Далее Усама рассказывает:

Я увидел одного тамплиера, подошедшего к эмиру Муин-ад-Дину (да будет к нему милостив Аллах!), когда тот находился в Соборе в Скалах. "Ты хочешь, - спросил он его, - увидеть Бога [в тексте - Аллаха] ребенка?" - "Да, конечно", - ответил Муин-ад-Дин. Тамплиер шествовал перед нами до тех пор, пока не показал нам образ Мариам с Мессией (да пребудет спасение с ними!) в ее лоне. "Вот, - сказал тамплиер, - Бог-ребенок". Да вознесется очень высоко Аллах над тем, что говорят неверные. [146]

В 1144 г., после смерти своего покровителя Муин-ад-Дина, Усама покинул Дамаск и явился ко двору каирских халифов Фатимидов, где прожил десять лет. Таким образом, его не было в Сирии во время крестового похода Людовика VII и первых подвигов Балдуина III.

В 1149 г. молодой иерусалимский король и его бароны начали приготовления к наступлению на Аскалон.

Близ Аскалона в десяти милях на юг было старинное местечко, названное Газа. Оно было большим и было разрушено, так что в нем никто не жил: это был один из пяти городов филистимлян. Король и бароны полагали, что, если бы они смогли вновь обнести Газу стенами и укрепить, Аскалон оказался бы со всех сторон окружен их крепостями <...>

Однажды они все собрались и приехали на это место, и обнаружили высокие стены, церкви в руинах, разрушенные водоемы, колодец с чудесной живительной водой, по-видимому, это было величайшее творение. Оно раскинулось на довольно высоком холме, но так как кольцо стен было достаточно широким, мудрые мужи ясно поняли, что снова восстановить все эти стены - дело нелегкое. Слишком продолжительные и большие расходы пришлось бы понести, и весьма серьезным делом было бы укрепить хорошо. Поэтому они взяли часть этой земли, заложили там фундаменты и возвели тяжелые и крепкие башни, высокие и толстые стены, отвесные и глубокие рвы; превосходно был построен сей замок, и всё это - по общему совету тамплиеров, ибо тогда в этом ордене доставало братьев, бывших добрыми рыцарями и достойными мужами. И заполучив его, они прекрасно охраняли замок. Много неприятностей доставили они оттуда жителям Аскалона <...> [147]

С 1140 г. тамплиеры являлись сеньорами Сафета в Галилее; возможно, они надеялись стать хозяевами Аскалона, когда этот порт попадет в руки христиан.

В 1153 г. франки начали осаду этого последнего стратегического укрепления египетских сарацин. Через четыре месяца египетский флот прорвал блокаду, доставив гарнизону продовольствие и подкрепления. Павшие духом сирийские бароны были готовы снять осаду, но госпитальеры и тамплиеры держались стойко, и борьба продолжилась. Наконец, 13-го августа осажденные обстреляли их огнем, пытаясь поджечь боевые машины франков, но ветер перебрросил пламя на стены. Они горели всю ночь, а на заре часть стены рухнула.

Великий шум произвело сие разрушение, такой, что подскочило все войско, и все бросились к оружию, чтобы войти в город через этот пролом в стене. Но великий магистр ордена Храма, Бернар де Тремеле, со своими тамплиерами намного опередил других и оказался у этого пролома, дабы никто, кроме его братьев, туда не вошел. А поступил он так, чтобы захватить побольше добычи в городе. Ибо обычай сей тогда был распространен в Заморской земле, чтобы придать отваги смелым действиям из-за возжелания: когда крепость бралась силой, каждый вступающий в нее мог получить для себя и своих наследников все, что он захватит у врага. Но в городе Аскалоне было столько ценностей и прочей добычи, что все, кто был снаружи, если бы им удалось, могли бы обогатиться сообразно тому, кем был каждый. Случается много раз, что дела, начатые с дурными намерениями, не приводят к доброму концу, и сие было здесь хорошо доказано. Ибо в город проникло сорок тамплиеров, а прочие обороняли брешь в стене, за ними никто не последовал. Турки, которые поначалу были ошеломлены, увидели, что за теми, кто был внутри, никто не идет. Итак, они воспряли духом и бросились на них со всех сторон. Тамплиеры, которых была лишь горстка, не смогли защититься и, таким образом, были перебиты. Когда турки, которые уже отчаялись, услышали об этом деле, они осмелели и приободрились из-за этого происшествия; тогда они стали сбегаться все вместе к узкому проходу в стене и защищать вход. Они поспешно

подтащили к пролому большие балки и брусья всех пород дерева, которых у них было достаточно; таким образом, вскоре проход в стене был так хорошо заделан, что никто не мог туда войти <...> Потом они схватили тех тамплиеров, которых убили, и повесили их всех на веревках на стенах перед войском. [148]

Атака провалилась, и осада растянулась на многие недели до сдачи города.

Из этого обстоятельного рассказа очевидна непростительная ошибка Бернара де Тремеле, которая, хотя и частично, искупается его смертью в проломе. Однако Жак де Витри приводит много более благоприятную для тамплиеров версию дела, в которой повешенные рыцари предстают мучениками. [149] Именно здесь мы встречаем первое из бесчисленных обвинений, которыми осыпали тамплиеров архиепископ Тирский и его продолжатели. Их претензии весьма обоснованны, но можно было бы много сказать и об их предубеждениях, переходящих в настойчивое желание переложить на Дом упреки в неудаче. Следует посмотреть, как Гийом Тирский излагает другую историю, поистине клеветническую на тамплиеров, и только их друг Усама, сам того не ведая, снимает с них обвинение.

Усама жил в Каире с 1144 по 1154 год. Его пребывание там закончилось кровавой драмой: придворный фаворит Насреддин убил халифа, двух его братьев и великого визиря. Мамлюкская гвардия восстала, и Насреддину пришлось бежать; он покинул страну в окружении эскорта из армянских рабов и отряда в три тысячи всадников, увозя в караване огромные суммы, похищенные из сокровищницы. Усама и его брат, отчасти замешанные в покушении, сопровождали Насреддина в бегстве.

Однако сестра халифа, которая должна была отомстить за троих братьев, послала тамплиерам Газы предупреждение о добыче, переправлявшейся по их территории, и обещала щедрое вознаграждение, если они отдадут ей Насреддина живым или мертвым. Тамплиеры захватили караван в оазисе Анн Мувейлех. Армянский эскорт бежал; Насреддин и брат Усамы были схвачены и препровождены в Газу. Сам Усама ускользнул, пересек франкскую сеньорию за Иорданом и прибыл в Дамаск. Через четыре дня после схватки (Усама тщательно датирует свой рассказ) тамплиеры передали Насреддина посланцам нового египетского визиря, получив 60 000 динаров, убийцу отвезли в Каир, где его, прежде чем предать смерти, в течение многих дней мучили женщины гарема. [150]

Возможно, тамплиеры воспользовались случаем, чтобы установить полезные связи с каирским двором. Усама рассказывает эту историю беззлобно, не внушая мысли о том, что рыцари действовали бесчестно. Но Гийом Тирский, тамплиеров не переносивший, придает событиям совершенно иную окраску.

Насреддин, оказавшись пленником тамплиеров, пробыл в их руках довольно долго, чтобы получить наставление в главных догматах христианской веры, выразить желание обратиться к ней, и чтобы изучить французский язык [за четыре дня!]. Именно тогда тамплиеры, соблазненные предложением 60 000 динаров, выдали его египетскому двору, который предал его смерти <...> [151]

Критическое отношение к фактам доказывает лживость рассказа, сочиненного, чтобы очернить орден, могущество и богатства которого уже породили немало завистников, рассказа, в который архиепископ Тирский имел заблуждение поверить и воспринять слишком легкомысленно. [152]

Когда Усама прибыл в Дамаск, город только что был взят Нуредином, сыном Зенги. Он хорошо принял Усаму и подарил ему рыцаря из числа руководителей тамплиеров, прозванного Меченый, за которого франки предлагали выкуп в тысячу динаров. Усама обменял этого тамплиера на своего брата, пленника ордена. [153]

ГЛАВА VII Дороги Вавилона

Магистерство Андре де Монбара длилось недолго. Он умер 17 января 1156 г. после тридцати лет служения ордену Храма, где был *почитаем и любим*. [154] Новому магистру, Бертрану де Бланфору, суждено было стать одним из крупнейших деятелей ордена. Бертран,

вероятно, был родом из Тулузы, где за 20 лет до этого семья Бланфор уже жертвовала в пользу ордена Храма. [155]

Возвышение Бертрана де Бланфора началось с темниц Алеппо; прикрывая отступление иерусалимского короля, он со своими восьмьюдесятью восьмью рыцарями стал пленником на Броде св. Иакова 18 июня 1157 г. [156] и сохранил чувство глубокого недоверия к "премногосоопасному" Нуреддину, как называет он сына Зенги. Действительно, мятежи и раздоры в Египте внушали опасения, - как бы Нуреддин не объединил весь исламский мир в ходе завоевания Каира, подобно тому, как недавно он завоевал Дамаск.

Король Иерусалимский Балдуин III умер в 1162 г. Ему было только 32 года, и его гибель стала трагедией для Святой Земли. Молодой, красивый, безупречный, он был оплакан даже своими врагами. "Почтим траур христиан, - говорил Нуреддин, - поскольку они потеряли несравненного короля". Наследовавший ему брат Амальрик (Амори) был уже зрелым мужем 28 лет, весьма одаренным, как и все представители Анжуйского Дома, хорошим организатором и ловким дипломатом, но гораздо менее привлекательным, чем Балдуин. Подобно Нуреддину, он обратил свой взор на Египет и жаждал завладеть богатыми городами Дельты.

Первую экспедицию против каирских Фатимидов Амальрик провел в 1163 г. Это был всего лишь набег, но он доказал королю, что Египет станет легкой добычей для завоевателя - будь им он сам или Нуреддин. На следующий год, когда одна из противостоящих сторон в Египте вела переговоры с султаном Дамаска, другая обратилась к иерусалимскому королю. Амальрик выдвинул свои условия: освобождение франкских пленников в Каире и ежегодный налог, поступающий в его казну. И в июле 1164 г. он во главе войска, с братьями обоих орденов [Храма и Госпиталя] отправился во вторую экспедицию к долине Нила, где его уже опередил Ширкуф, один из эмиров Нуреддина.

В письме, адресованном Людовику VII Французскому, Бертран де Бланфор четко описывает военную и политическую ситуацию:

Вы уже должны были услышать, почему, когда и с какими намерениями начали мы войну в Египте под знаменем Креста и с нашим сеньором королем. Ибо сей преопасный Нуреддин при посредничестве Сиракона [Ширкуфа] захватил Вавилонское королевство [Египет], надеясь многочисленностью своих сил окружить нас по суше и по морю так, чтобы не смогли ускользнуть даже беглецы и трусы. В этом состояла его цель, и с этим намерением послал он Сиракона в Вавилонию - объединиться с бесчисленными вавилонянами, то ли путем завоевания, то ли путем притворного мира. Также надеялся он заключить союз между обоими очень могущественными королевствами, Вавилонией и Дамаском, который бы уничтожил само имя христиан. [157]

Амальрик и франки пересекли Синайскую пустыню и осадили Бильбейс [Пелузий], город в Дельте, где с гарнизоном в тридцать тысяч человек (по словам магистра ордена Храма) и на довольно неустойчивой военной позиции стоял Ширкуф. К несчастью, Нуреддин воспользовался отсутствием короля Иерусалимского и войск обоих духовно-рыцарских орденов, чтобы начать наступление на Сирию. После первой неудачи он взял Харим с крепостью Белинас и осадил Антиохию. Здесь мы передаем перо брату Жоффруа Фуше, командору Иерусалимского королевства, казначею ордена Храма и, в отсутствие магистра, великому командору ордена. [158] Он пишет Людовику VII, *своему сеньору и дорогому другу*, в довольно развязной манере, несмотря на формулы вежливости, которыми он украшает свою латынь. Брат Жоффруа принадлежал к Дому в течение двадцати лет и знал страны Запада. В 1144 г. мы встречаем его в Палестине, [159] в 1146 г. - в Испании. [160] Вероятно, он сопровождал Людовика VII в 1148 г. по "проклятой дороге" через Малую Азию с отрядами Эврара де Бара. Весной 1164 г. он посетил Францию и Англию, откуда возвратился в Акру, чтобы стать казначеем Дома. [161] Его письмо следует датировать началом августа - серединой сентября: между 11 августа и 17 октября 1164 г. (после потери Харима, но до падения Белинаса).

В июле месяце сего года случилось, что наш король Амальрик с нашим магистром и прочими великими баронами Святой Земли вторглись в пределы Вавилона и осадили в деревне

Бербеис Сиракона, коннетабль Нуреддина, который вступил в эту страну, дабы повести отсюда завоевание. В конце этого месяца и в начале следующего наши разбили свои палатки пред городом. Вслед за этим разъяренный, с помутившимся от злости разумом Нуреддин с помощью писем и гонцов собрал свои силы со всех краев, кои были наслышаны о его имени и трепетали перед ним. Преисполненный своей обычной гордыни и ярости, он осадил замок, который называется Харинк [Харим], между Антиохией и Алеппо. Он так набросился на осажденных с камнеметами и катапультами, что те не смогли больше сопротивляться, особенно потому, что почти полностью были лишены воды и продовольствия.

В течение этого времени князь Боэмунд Антиохийский, граф Триполи и герцог Мармистерны [король Армении] со множеством наших братьев, - присоединившихся к нам, готовились оказать помощь осажденным. Князь собрал такие силы рыцарей, легковооруженных туркополов и сержантов, что никогда в наше время не видывали более прекрасного христианского войска, отправляющегося против неверных. Но случилось, что после первого успеха наши были разбиты превосходящим числом сарацин, которые многих предали смерти и пленили герцога и графа. Затем, проскакав по нашей земле во всех направлениях, они взяли Харим и осадили Антиохию. У нас не было больше отрядов, чтобы оказать им сопротивление, ибо из шестисот рыцарей и двенадцати тысяч пехотинцев ускользнули только некоторые, кто и принес нам вести. Да пробудится ваша совесть, да тронут вас места Искупления нашего, Святая Земля, град Мученичества, изначальная Церковь, и да коснутся вас искренним милосердием. Не раз посылали мы подобные обращения, но сегодня с большей поспешностью и серьезностью, чем когда-либо. На нас Божественной благодатью возложены сии молитвы и мольбы, на вас же - действия и выполнение ваших обещаний.

Почти одновременно брат Жоффруа отправил королю второе письмо, сообщая некоторые дополнительные детали: Гуго Лузиньян находится среди узников в Алеппо; шестьдесят тысяч братьев ордена Храма мертвы, не считая собратьев ордена и туркополов - только семеро спаслись. Защита Антиохии - в руках патриарха Иерусалимского, укрепившего город, но у которого было запасов всего на три месяца. "Он продержится несмотря ни на что, он будет сопротивляться туркам, но он не сможет устоять перед императором Константинополя, который тоже угрожает Антиохии", - писал с ожесточенным отчаяньем старый командор. Письмо заканчивается суровыми отрывистыми фразами:

А нам, столь малочисленным в Иерусалиме, угрожает нашествие и осада. Узрите же нашу нужду: если вы по своему обыкновению укрываетесь или: колеблетесь - позволить ли себя убедить, если вы, не решитесь нам помочь прежде, чем будут истреблены последние остатки христианства, судите, насколько следует опасаться, чтобы не было слишком поздно, когда вы пожелаете прийти на помощь, Пусть все, кто пребывает в Боге и прозывается христианином, возьмут оружие и идут освободить королевство своих предков и Землю нашего избавления из страха, чтобы сыновья не потеряли постыдно то, что отцы завоевали с честью. [162]

Письма старого тамплиера лучше, чем все хроники, показывают, насколько было непрочным Иерусалимское королевство даже в его лучшие дни. 17 октября Белинас был отдан туркам *украдкой, руками предателей*, и положение Антиохии стало критическим. Король Амальрик опасался четырех одновременных атак на Антиохию, Триполи, Иерусалим и франкскую армию в Египте, "ибо Нуреддин, при многочисленности своих собак, мог одновременно атаковать всех, если бы захотел". Но осажденный в Бильбейсе Ширкуф, ресурсы которого были на исходе, принял предложение короля об одновременном отступлении из Египта. В донесении французскому королю Бертран де Бланфор немного приукрашивает участие крестоносцев, когда пишет, что "Сиракон был изгнан с этой земли не без великих потерь: каковая земля оставалась беззащитной на три дня и перешла в наши руки без боя".

Амальрик возвратился в Палестину в начале ноября и двинулся на помощь Антиохии. Положение складывалось в пользу франков. Еще раз соперничество, смертельная ненависть исламских князей ослабили их пред горсткой христиан Восточного королевства. Нуреддин

оставил осаду Антиохии, и египетский двор высказался за союз с французами.

Амальрик, готовясь защитить фатимидского халифа от нового наступления, развернутого в феврале 1167 г. Нуредином, отправил в Каир двух послов принять клятву верности от своего союзника. [163] Доверенным лицом король избрал молодого Гуго, графа Цезарейского, и брата Жоффруа Фуше из ордена Храма. Архиепископ Тирский отводит главную роль графу Цезарейскому, бывшему пленником в Каире, где ему излечили рану на ноге; но дипломатический опыт Жоффруа Фуше, его ум, твердость и учтивость, о каковых свидетельствуют его письма, позволяют воздать ему должное в этом довольно деликатном деле. Возможно даже, что халиф потребовал участия одного из тамплиеров в принесении присяги, ибо ценил верность рыцарей Храма, - такое довольно часто случалось между христианами и сарацинами. [164]

Так как дворцы Каира и окружение халифа были мало знакомы иноземцам, архиепископ Тирский разузнал у обоих посланцев подробности их миссии, разворачивавшейся, в духе Тысячи и Одной Ночи, при покровительстве *Санар султана*, который договаривался о соглашениях.

Турецкие рабы, с оружием наголо, провели их сначала "по аллее, где совершенно ничего не было видно", а затем через три или четыре двери, охраняемые чернокожими. Затем они оказались во дворе, вымощенном мрамором, со стенами, покрытыми золоченой резьбой.

<...> Строения были там столь восхитительны, что не было никого, кто, войдя туда, не оставался бы там охотно <...> В этом дворе находились фонтаны, которые очень мелодично били из золотых и серебряных труб в бассейнах, выложенных мрамором. Здесь было столько птиц разного вида и окраски, со всех концов Востока, что никто не смотрел на них без изумления, говоря себе, что природа поистине создала их ради своей забавы <...>

*<...> Здесь турецкие рабы передали посланцев адмиралу хартий [*13] и дворцовым евнухам, которые провели их на другой двор и в другой дворец, столь пышный и восхитительный, что тот, увиденный ими ранее, показался им ничем. Здесь они увидели животных стольких различных видов и так наряженных, что кто бы рассказал об их повадках, показался бы лгуном. Никакая рука художника, сморенного сном после заутрени, не смогла бы начертать столь странных вещей <...>*

Наконец посланцы прибыли в большой дворец, где, как в сказке о феях, поистине захватывало дух, так как "богатство и отделка не подлежат исчислению, ибо их было там в избытке". Проходя вдоль строя охраны, они оказались в большом зале, разделенном посередине "занавесом из разноцветного шелка, расшитого золотой нитью. Весь он сверкал рубинами и изумрудами, и всякими другими ценными камнями". Султан пал ниц трижды сряду, "затем веревками, которые были там очень ловко привязаны, отодвинул в сторону занавес, висевший подобно покрову, так что он весь присобрался на одной из перегородок. Появился халиф, который воссел на весьма драгоценный трон из золота и самоцветов <...>" Это был молодой человек, "у которого начинала пробиваться борода. Очень красивый смуглый юноша, который был крупнее любого человека". Его окружали некоторые из евнухов и приближенных советников.

Султан смиреннейше приблизился и поцеловал ему ногу, потом уселся на землю у его ног. Затем он принялся ему рассказывать, какому великому разрушению будет предан Египет, если он не пошлет туда помощь, ибо Сиракон уже прибыл с великим множеством воинов <...> Посему он заключил соглашения с королем Сирии, который явился им помочь, и был человеком очень верным <...>

Когда халиф услышал все это, он благородно и с просветленным лицом принял сии соглашения и ответил, что ему угодно, так же, как и королю Амальрику, который является его другом, приказать непременно выплатить обещанное, и сверх того <...>

Но возмущенные евнухи пригрозили все расторгнуть, когда франкские посланцы попросили халифа *обещаться*, т. е. скрепить уговор, по европейскому обычаю, рукопожатием. "Однако халиф увидел, что дело иначе не устроится". Он протянул свою руку, закрытую куском

шелка, но Гуго Цезарейский не принял ее.

Сир, - сказал он, - если вы не захотите снять; покров со своей руки, мы, простые люди <...>, будем сильно подозревать, как бы в этом деле не было какого-нибудь обмана. [Халиф] очень рассердился, но, скрывая гнев, заулыбался, как если бы почел за безумие то, что говорили послы. Тогда он протянул свою целиком обнаженную руку и поклялся, вложив ее в руку Гуго Цезарейского, в соглашении слово в слово, как тот продиктовал. [165]

Третья египетская кампания закончилась новым договором между Амальриком и Ширкуфом, отступившим еще раз, а каирский двор уплатил франкам первую часть дани - сто тысяч золотых монет, чтобы заручиться их дружбой и военной помощью. К несчастью, Амальрик не удовольствовался этим успехом. Побуждаемый византийским императором, с которым только что был заключен дружественный договор, он решил изменить вид протектората, осуществляемого им над Египтом; началась подготовка новой экспедиции, на этот раз направленной уже против недавнего союзника.

Но Бертран де Бланфор со своим орденом отказался последовать за королем. Он увидел, что сарацины *собираются как один на окраинах своей страны*, чтобы захватить, как и в предыдущую кампанию, Белинас, *один из наиболее укрепленных городов Королевства*. Он знал, что горстка из шестисот рыцарей и двенадцати тысяч пеших сержантов, побежденных Нуредином в сражении при Хариме, еще не восстановила свои силы. Впрочем, магистр мог только осудить разрыв соглашений с халифом, заключенных командором Иерусалима.

Архиепископ Тирский согласился с тамплиерами, хотя и довольно неохотно. Он возлагает ответственность за экспедицию на магистра ордена иоаннитов Герберта д'Ассайи, "человека великодушного и обильной щедрости, но нетвердого и непоследовательного. Подготавливая кампанию, он обременил свой Дом долгами и под конец должен был сложить с себя свой магистерский сан <...>; говорят, он надеялся заполучить для своего Дома город Бильбейс, когда будет взят и подчинен Египет. Братья ордена Храма, то ли оттого, что предприятие, автором которого он был, казалось им противоречащим чести, то ли потому, что позавидовали магистру соперничающего Дома, отказались помочь и последовать за королем. Им казалось несправедливым вести войну против нашего договора о союзе и нашей клятвы <...> с халифом, который был нашим другом и доверялся нашим обещаниям". [166]

Результаты подтвердили опасения Бертрана. Египтяне, возмущенные неожиданным нападением, призвали Ширкуфа, который пришел как союзник и стал во главе их войска. Амальрик воспротивился возвращению в Палестину без сражения, чем вызвал стратегический крах Латинского королевства, ускоряя "союз двух премогущественных королевств, Вавилона и Дамаска, для уничтожения самого имени христианина". Этого-то союза и опасался магистр ордена Храма.

Ширкуф вошел в Каир завоевателем 8 января 1169 г. Шестью днями ранее, 2 января. *Бог призвал* Бертрана де Бланфора. [167] Жоффруа Фуше уже покинул Святую Землю, чтобы принять на себя обязанности *командора Домов ордена Храма по эту сторону моря*, титул, который он будет носить до 1179 года. Он вновь появится в Париже в 1168 г., в Каталонии - в 1169 г., во Фландрии - в 1171 г. Рядом с Папой он принимал участие в работе капитула в Нуайоне с 1171 по 1179 - последний год своей жизни. [168]

Там же, где, как станет вам известно, собрались рыцари, не пребывающие под отлучением (*лат.*) .

Буквально этот оборот означает, скорее всего, не конкретный орден Храма (хотя именно таков общий смысл текста), а все палестинское рыцарство, сообщество благородных крестоносцев; "Заморье" определяется здесь с точки зрения европейцев. Возможно, однако, иное прочтение: "присоединиться к рыцарству [палестинскому] из заморской страны", т. е. из Европы.

Да не имеют дела братья Храма с отлученными (*лат.*) .

Возможно, следовало пародировать жест драчуна; по крайней мере, в разговорном французском языке "завить себе вихор" (*se creper le chignon*) употребляется в значении

"вцепиться друг другу в волосы".

Отсылка к поучению апостола Павла, призывавшего соблюдать общественные правила и приличия: "Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это - бесчестье для него <...> А если бы кто захотел спорить, то мы не имели такого обычая [1 Послание к Коринфянам, 11, 14-16].

Алиенора (Элеонора) (1122-1204) - дочь и наследница герцога Гийома VIII Аквитанского; в 1137-1152 гг. - супруга Людовика VII; затем - супруга и вдова Генриха II Плантагенета, короля Англии, которому, таким образом, достались ее огромные владения на континенте; мать Ричарда I Львиное Сердце и Иоанна Безземельного.

Следующее воскресенье после Пасхи. Октава здесь - день, следующий через неделю после праздника.

Император Византии (1143-1180).

История реальных и мнимых увлечений королевы Алиеноры представляется сегодня далеко не столь ясной.

От лат. *puer* (дитя), *pullinus* (породистый жеребец), старофр; *apoulain* (апулиец) или даже *poulain* (поляк). Христиане Сирии, Палестины. Обычно термин применялся к тем потомкам крестоносцев и прочих переселенцев из Европы, которые родились уже в Палестине (объяснение Жака де Витри, возводившего *poulain* к *pullus*, жеребенку, или к Апулии в Италии, откуда будто бы часто бывали родом матери пуленов), иногда - к потомству от смешанных браков европейцев и "местных". Порой пуленами называли всех латинян, основательно обосновавшихся в Святой Земле, в отличие от людей приезжих, чей подлинный дом оставался в Европе.

По аналогии с папской Латеранской резиденцией в Риме.

Особая одежда, на которой изображался собственный герб рыцаря.

Высокопоставленный чиновник с секретарскими обязанностями; называя его должность, Гийом смешивает арабские слова "эмир-аль..." с привычной европейской терминологией.

ГЛАВА VIII Банкиры и дипломаты

Банкирская деятельность ордена Храма известна хорошо. [169] Эта функция, приобретающая особенно большое значение в последние годы существования ордена, вначале должна была лишь обеспечить поддержку паломников в Святой Земле. Затем в истории Дома появился обычай давать в долг путешественникам. В картулярии, датированном октябрём 1135 г., приводится первый пример такого залогового займа, подписанного тамплиерами. Заем был предоставлен некоему Пере Дезде из Сарагосы и его жене Элизабете, о чем свидетельствует соответствующая записка:

Следуя нашей воле, мы отдаем Богу и рыцарству ордена Храма наше наследство в Сарагосе, дома, земли, виноградники, сады и все, чем мы там обладаем. И вслед за этим сеньоры ордена Храма Соломона из милосердия выдадут нам 50 мараведи, чтобы мы совершили свое паломничество ко Гробу Господню. И мы составляем сей договор на случай, ежели один или другой из нас возвратится из этого паломничества в Сарагосу, и мы пожелаем воспользоваться этой собственностью, чтобы они приписали на свой счет бенефиции, кои извлекли бы из нашей собственности, а их 50 мараведи мы им выплатим. Потом мы будем проживать в своих владениях, и после нашей смерти они останутся свободными от ордена Храма Соломона навсегда. [170]

Имеется в виду залоговый заем, замаскированный двумя взаимными дарами, сделанными "из милосердия", дабы избежать обвинения в ростовщичестве, столь часто выдвигавшегося Церковью. Узуфрукт (т. е. право пользования чужим имуществом) собственности во время отсутствия заемщика представляет основной интерес. Эта грамота старше другой, также составленной в Испании, на тридцать лет.

6 июля 1168 года орден Храма одалживает частному лицу, Раймонду де Кастеляру, сумму в 100 мараведи для покрытия расходов на паломничество в Иерусалим, с гарантией

залога недвижимого имущества, каковое должно стать полной собственностью, если должник в путешествии умрет. [171]

Оба эти займа имели одну и ту же цель: облегчить путешествие в Иерусалим. Таким образом, первые финансовые операции естественно входили в рамки истинных функций тамплиеров. Но если первые клиенты ордена Храма были обыкновенными людьми, то Людовик VII сам был счастлив воспользоваться казной ордена во время своего крестового похода. [172] Кредит оказался даже лучше, чем его собственный на Востоке. Десять лет спустя клиентом ордена стал папа Александр III. Изгнанный из Рима, неотступно преследуемый императором, он часто во время своих вынужденных передвижений испытывал денежные затруднения и также пользовался услугами тамплиеров как настоящих банкиров. Из Клермона Александр писал архиепископу Реймскому:

Дорогой наш сын! Мэтр Фульк, каноник вашей церкви, предложил от вашего имени выплатить нам 150 ливров за счет одного из ваших братьев. Мы велим вам назначить эти ливры нашему дорогому сыну Евстафию, магистру братьев ордена Храма [в Париже]. И так как мы посчитали необходимым уплатить сии 158 [sic] ливров подателям этих представленных писем взамен суммы, которую мы с их стороны получили для нужд римской Церкви, мы велим вам <...>, ежели вы еще не выдали эти ливры вышеозначенному магистру, отдать ему сии 158 ливров <...>. [173]

Из Вероли Александр писал тому же архиепископу:

Мы отдаем должное Вашему великодушию и благодарим за то, что вы позаботились предоставить нам десять марок золотом и велели передать их нашему дорогому сыну Евстафию, магистру рыцарей ордена Храма Соломонова в Париже. [174]

Кажется, к середине XII в. финансовые операции ордена Храма улаживаются этим довольно таинственным лицом. Первый раз его имя появляется в письме Бертрана де Бланфора Людовику VII, в ноябре 1164 г.:

Да будет известно Вам, Государь, что наш дражайший брат, ваш слуга и друг Эсташ Шьен ежедневно так умоляет нас предоставить ему отдых из за своего телесного недуга, что мы не смогли бы, не поступив безбожно, ему отказать. Мы вам посылаем на его место подателя сих писем брата Готье, человека осмотрительного и сдержанного, славного как своей семьей, так и своим поведением. [175]

Двустороннее сообщение между Храмом Святой Земли и западноевропейскими провинциями почти не прекращалось, несмотря на протяженность и тяготы поездки. Когда тамплиер, доставлявший депеши (в связи с катастрофой, обрушившейся на Сирию), доехал из Акры в Лондон за тринадцать недель, его подвиг казался рекордом скорости. [176]

Эсташ Шьен должен был провести во Франции несколько месяцев после письма магистра, ибо имеются сведения о пребывании его как *магистра ордена Храма в Париже* с 1165 по 1175 гг. [177] Именно парижский Дом стал в XIII в. центром банковских операций тамплиеров. Казначей из братии ордена заведовал королевскими финансами Франции. Первый, кого назвали на эту должность, был брат Эймар, доверенный человек короля Филиппа II Августа, вне сомнений, один из главных создателей состояния ордена Храма во Франции. [178] Но Эймар вступил в должность только в 1204 г., [179] когда положение ордена Храма было уже весьма упрочено. В Эсташе Шьене многие видят доверенное лицо Людовика VII, слугой и другом которого он был, и возводят к нему начало парижского банка.

Его странное имя, - по латыни *Heustachius Canis* [Евстафий Собака] - не является ли родовым именем ломбардской фамилии? Веком позже еще один Евстафий Канис и с ним - Гугон Канис, владелец замка Савиньяно, появляются в Никосии, когда король Генрих Кипрский предоставляет широчайшие привилегии генуэзцам. [180]

Не принес ли в Храм первый обладатель этого имени финансовый опыт и традицию уже налаженных коммерческих дел? Парижский Дом, несомненно, стал банковским центром задолго до появления брата Эймара. Все возрастающая забота об управлении средствами удвоилась за счет дипломатических операций. Тамплиеры пользовались неприкосновенностью на любой войне между христианами. Они показали себя ловкими и верными агентами.

Связанные родством с благороднейшими фамилиями Европы, они обладали придворным опытом и знали всех. Мы уже говорили об отношениях брата Жоффруа Фуше с Людовиком VII. [181] Осенью 1163 г. магистр ордена послал его в Европу добиваться помощи Святой Земле. Он отправился во Францию и в Англию, где попытался проповедовать новый крестовый поход. В это же время под давлением Александра III он приложил усилия к установлению мира между Генрихом II и Томасом Бекетом, дела, в котором он преуспел немного больше, поскольку архиепископ позволил себя убедить. [182]

Благодарственные письма, посланные Людовику VII командором Иерусалима, когда он высадился в Антиохии (апрель-май 1164), свидетельствуют об их большой близости:

По милости Божией я в добром здравии добрался до суши, в порт Антиохии. Едва поприветствовав магистра и братьев от вашего имени, я рассказал им, какие неслыханные почести вы мне оказали из любви к Богу и нашему рыцарству. Тотчас же мои братья возблагодарили вас, препоручая себя вашему благородству; они обратили свои молитвы к вам и за вас. Не думайте, что ваш слуга позабыл то, что он был рад слышать из ваших уст. Ибо вы мне поручили приветствовать Святые места от вашего имени и думать о вас на каждом месте для молитв, когда я буду их посещать. Внимательный к вашей просьбе, я посылаю вам перстень, который я возил в Святые места, прикасаясь им к каждому предмету почитания. Из благоговения перед оными предметами я прошу вас сохранить его и беречь. Прощайте. Да поможет вам мой подарок, прощайте же. [183]

В то время как Людовик VII задумчиво беседовал с Жоффруа Фуше, настойчиво требовал присутствия своего слуги и друга Эсташа Шьена и принимал брата Готье как желанного посланца, другая триада тамплиеров играла подобную же роль подле его великого противника, Генриха II Английского. [184]

Первый Дом ордена Храма в Лондоне был расположен за Холборном, на северо-западе Сити. Имение состояло из огорода, фруктового сада, кладбища и круглой церкви из канского камня, со служебными постройками, полностью окруженными рвом. [185] Здесь находился не только административный центр лондонского *бальяжа*, [*1] но и орденская *цитадель* - *укрепление* английской провинции. [186] Основание этой провинции восходило к пребыванию Гуго де Пейена в Англии и Шотландии после Собора в Труа. Но в этих странах орден развернулся только с восшествием на престол Стефана Блуаского, в 1135 г. Новый король был сыном графа Блуаского, участника первого крестового похода, и состоял в браке с графиней Матильдой, наследницей Булони и племянницей Готфрида Булонского (Бульонского) и Бодуэна Булонского, - короля Балдуина Иерусалимского. [187] Таким образом, королю и королеве представлялось совершенно естественным одарить тамплиеров своей милостью. Но когда в Англии разразилась борьба между Блуаским и Анжуйским Домами, последний оказался еще теснее связан со Святой Землей, поскольку молодой Генрих Анжуйский, будущий Генрих II, приходился внуком королю Фульку Иерусалимскому. Не воспользовавшись беспорядками в королевстве напрямую, всегда ловкие тамплиеры сохранили расположение обеих партий и, следуя военной удаче, извлекли выгоду из каждой.

Гуго д'Аржантен, происходивший из благородной семьи, обосновавшейся в Хертфордшире, - первый магистр в Англии, имя которого мы знаем. [188] В 1153 г., в соглашении о наследовании короны, заключенном королем Стефаном и Генрихом Анжуйским, среди подписавшихся присутствует имя *Оттона, воина ордена Храма*. [189] Можно взять на себя ответственность, опознав его как Осто де Сент-Омера, или "Осто Булонского" (хронисты называют его обоими именами), сына сеньора Сент-Омера и брата Годфруа - первого соратника Гуго де Пейена. [190] Он, как свидетель, вместе со св. Бернардом подписал грамоту королевы Матильды Английской в пользу цистерцианцев Клермаре, составленную во Франции в 1142 г. [191] В 1145 г. Осто побывал в Палестине. [192] С 1153 по 1155 гг. он выполнял функции *магистра в Англии*, хотя хартии того времени никогда его так формально не титулуют. [193] С восшествием на трон Генриха II Сент-Омера сменил Ричард Гастингс, англо-нормандский тамплиер из средней знати, поставлявшей должностных лиц ко двору Генриха и его жены. Быть может, Осто посчитали слишком связанным со свергнутым королевским семейством. Довольно

неожиданным результатом перемены стала дружба, на всю жизнь связавшая этих двух мужей. Ричард Гастингс поставил Осто своим *compagnon de rang* (достойным товарищем) - так называли рыцаря, обязательно сопровождавшего командора или бальи ордена Храма во всех случаях, чтобы контролировать их действия. В течение двадцати лет "магистр Ричард и брат Огон" упоминаются бок о бок в грамотах и рассказах хронистов. [194] С третьим братом, Робертом де Пиру, они служили Генриху II как политические агенты и приносили больше пользы, чем Людовик VII получал от своих тамплиеров.

Когда оба короля в мае 1160 г. подписали мирный договор, трое тамплиеров служили свидетелями. Им доверили, как нейтральной силе, три замка в Вексене [*2] - Жизор, Нофль и Невшатель, составившие приданое маленькой Маргариты Французской; тамплиеры должны были обеспечивать охрану замков до той поры, пока девочка не достигнет возраста, когда сможет стать супругою старшего сына английского короля. [195] Но когда Генрих II нарушил сроки договора и велел отпраздновать свадьбу обоих детей в ноябре 1160 г., три тамплиера, присутствовавшие на церемонии, "тотчас же передали ему вексенские крепости. Вслед за этим король Франции разгневался и изгнал их из своего королевства, но английский король принял их с великими почестями". [196]

Тем не менее Людовик VII сохранил дружбу с парижскими тамплиерами. Чрезвычайно любопытно, что политические распри не повлияли на братские отношения тамплиерских провинций Франции и Англии. В мае следующего года, при заключении мира во Фретвале, магистр во Франции Гийом Паве приехал в Англию и собрал генеральный капитул в Лондоне в отсутствие Ричарда Гастингса, сопровождавшего своего короля в Нормандию. Капитул утвердил продажу Старого храма в Холборне епископу Линкольна. Отныне рыцари обосновались в Новом храме на берегу Темзы. [197]

Во время столкновений Генриха II с Бекетом в 1164 г. наши три тамплиера попытались вести переговоры о сближении между королем и архиепископом. Жоффруа Фуше, который тогда находился в Англии, присоединил к их усилиям свои. На Кларендонском совете, [198] когда Бекет отказался помириться с Генрихом II, *приближенные* короля, - тамплиеры Ричард Гастингс и его товарищ по имени Гости из Болоньи (*Hosteus nomine de Bolonie*), [199] пали на колени перед примасом, который не желал идти на уступки, и умоляли его с *плачем и слезами* подумать о себе и пожалеть свое духовенство. Если верить хронисту Гервасию Кентерберийскому, их моления, вкуче с мольбами предшествующих посредников, оказали сильное влияние на архиепископа и привели к подписанию Кларендонских конституций.

Последний раз Осто де Сент-Омер появляется через десять лет, в 1174 г., в Селхеме, в Саффолке, при переговорах с мятежником Хьюго Бигодом. Его лошадь, взбрыкнув, серьезно ранила английского короля в бедро. [200] Роберт де Пиру отбыл в Палестину с Тьерри Фландрским в 1177 г. [201] Ричард Гастингс управлял своей провинцией до 1185 г. [202] Потом он передал ее своему преемнику Жоффруа, *сыну Этьена*, а сам отплыл в Святую Землю с караваном бедных паломников. Возможно, он сопровождал Гуго Лузиньяна в роковом сражении при Хаттине и умер вместе с тамплиерами, которых, взяв в плен, перебили палачи Саладина.

Ричард Гастингс проявил себя превосходным организатором. Именно он договорился о покупке городка на Темзе и основал новое командорство с красивой круглой церковью. Он создал *скрипторий* [*3] с превосходными писцами, которым воспользовался его преемник Жоффруа, составляя большую "Опись имущества Дома в Англии". В этом скриптории и должны были старательно переписать первый манускрипт перевода Книги Судей - произведение, которое фигурирует в Библии Людовика Святого, и одна версия которого содержит рифмованное посвящение магистру Ричарду и брату Огону.

В статье "Французская Библия в Средние века" [203] Поль Мейе проводит исследование великолепного, украшенного миниатюрами кодекса, составленного из сокращенных переводов и выдержек из основных канонических библейских книг и апокрифов, часто приписываемого Людовику IX. "Мы уже знаем, - пишет он, - что перевод Книги Царств древнее переводов других библейских книг <...> Перевод же Книги Судей, впрочем, - также независимое

произведение ввиду его отдельного существования. В самом деле, в [манускрипте Дидр] этой версии предшествует пролог в стихах <...>, откуда следует, что она была сделана для монахов, тамплиеров или госпитальеров. Она посвящена, в частности, магистру Ричарду и брату Огону. Была ли она написана в Святой Земле? Мы этого не знаем. По крайней мере, она - не единственный пример, доказывающий серьезную озабоченность тем, чтобы сделать благочестивые книги доступными для монашествующих рыцарей, которые не могли читать по-латыни".

Леопольд Делиль определяет перевод для тамплиеров как "сделанный по просьбе магистра Ричарда и брата Отона, которые, вне сомнения, принадлежали к ордену Храма". [204] Итак, все заставляет думать, что за переводом следует признать доселе неожиданное англо-нормандское происхождение и что датироваться он должен приблизительно 1160-1170 гг. Пересказ библейского повествования очень красив. Книга Судей превращается в своего рода рыцарский роман, который должен был прийтись как раз по вкусу его читателям. [*4] После смерти Иисуса Навина израильтяне просили у Бога предводителя, говоря: "О благой Царь, кто поведет нас против хананеев и станет во главе наших битв?" Симеон "присоединился к затее" своего брата Иуды, и они совершили поездку в ханаанейский город, который атаковали с "удивительной храбростью". Потом Иуда "собрал свою охрану и построил свои отряды, и двинулся к Акону с храбрым рыцарством <...> и захватил Эскалон и Акон, и всю окружающую их местность".

Но самая интересная для нас часть - введение в стихах, написанное по-французски:

*Магистр Ричард и брат Отон,
В этом святом братстве
Вашего честного общества
Вас паки и паки хранит и освящает
Благой, свободный, всемогущий Иисус <...>
Сеньоры, ваш приказ
Перевести Книгу Судей
Выполнил я добросовестно <...>*

Из этих строк следует, что переводчик не был братом ордена. Впрочем, об этом он говорит нам сам немного ниже:

*Если вам нравится мой перевод -
Тогда прошу вознаграждения от вас,
Того, что даруете мне во имя Бога:
Примите меня в своих благодеяниях,
Ибо никакое иное возжелание
Не руководило мною в этом труде <...>*

"Быть принятым в благодеяния ордена..." - иметь часть в его духовных стяжаниях - обычное выражение устава. Именно при принятии брат "присоединялся ко всем добрым делам Дома, кои были совершены с его начала и которые будут сотворены до его конца <... >" [205] - сам вновь вступающий, его отец, мать и все из его семьи, кого он хотел принять. Светские донаторы и *собратья* ордена также имели отношение к его духовной сокровищнице.

Цель этого произведения, пишет переводчик, сделать так, чтобы

*Внутри вас царили две истины,
Без коих не может обрести свое спасение
Ни один человек <...>*

Этими двумя качествами являются милосердие и смирение, качества, которые будут внушаться тамплиерам по любому поводу и без наглядного результата до самой кончины ордена. Во введении к Книге Судей переводчик заявляет:

*Многие смогут достичь великого блага
В мудрости и прекрасной доблести,
Кто доверится их рыцарству.
И здесь могут услышать,*

*Какая честь служить Богу,
И какой дар Он преподносит тем,
Кто во имя любви к Нему
Желает подвергнуть себя опасностям,
Дабы защитит и охранит Его закон,
Как поступают те из вашего сословия,
Кто является Его избранными рыцарями
И из Его личной свиты,
Коим Он даровал Свой знак:
Его Крест, который вы носите,
Им же вооружены ваши тела и сердца.*

Здесь вновь поразительное сходство с уставом: "<...>итак, мы призываем вас последовать за теми, кого Бог выделил из сонма обреченных на погибель и предназначил в своем благосклонном милосердии к защите Церкви <...> О вы, достопочтенные братья, с вами Бог именно потому, что вы из любви к Богу пообещали навечно презреть сей обманчивый мир и презрели свои телесные муки <...>" [206]

В заключение переводчик весьма изысканно извиняется за возможные ошибки:

*Если усмотрите тут что-то предосудительное,
Пусть защитит меня от порицания то, что
Я старателен и мало в этом сведущ,
И не без усилий создал сие.
Ибо самый мудрый совет от меня и многих -
Хорошенько это запомнить тем,
Кто обнаружит в книге такие места,
Которые слишком утомят при чтении.
Ибо тот, кто хочет перевести такую книгу,
Не должен ни ради красивых слов
Отступать от точности смысла,
Ни также пересказывать истину,
За которую бы порицали рассказчика.
А если нельзя достичь того и другого,
Следует больше придерживаться истины <...>
Слова, над которыми полезно задуматься всякому переводчику.*

ГЛАВА IX "Свод"

Из центра в Иерусалиме активность ордена по ступеням твердо установленной иерархии распространялась на всю Святую Землю. Главными должностными лицами поначалу были: *магистр* - государь могущественный, но подчиненный в большинстве случаев решению капитула, где сам он имел только один голос; *сенешаль*, ведавший снабжением и бытом Дома; *маршал*, ответственный за военную подготовку и дисциплину в монастыре и нередко во время войны его возглавлявший; и *смотритель одежд*, занимавшийся экипировкой братьев. Командоры трех провинций Востока - Иерусалима, Триполи и Антиохии - были подчинены только магистру и генеральному капитулу; каждый из них имел под своим началом собственного маршала и смотрителя одежд. За командорами Провинций шли *шателены* (управляющие замками) и *командоры Домов*; были еще *командоры рыцарей*, которые повиновались маршалу своего монастыря. *Смотрители Домов*, часто бывшие только сержантами, управляли сельскими владениями ордена. Легковооруженные отряды наемников из местных жителей (*туркополов*) подчинялись *туркополье* (*turkopolier*). Оруженосцы, также наемные, получали приказы от *знаменосца*. [207]

Как уже упоминалось ранее, наиболее гибкой структурой обладали десять или двенадцать (число их не было постоянно) провинций Запада: Франция, Англия с Шотландией и Ирландией,

Фландрия, Овернь, Пуату, Аквитания, Прованс, Каталония, Арагон, Португалия, Апулия, Сицилия, Венгрия - всюду имелись магистры или командоры, но командоры нередко управляли одновременно несколькими провинциями, например, Провансом с Каталонией, или "Провансом и различными частями Испании". В документах мы находим также упоминания о *командорах Западных Провинции и визитерах* [смотрителях, контролерах], которые инспектировали Дома одной или нескольких провинций.

Монастырь Испании служил аналогом Заморскому Дому ордена, поскольку от Наварры до Мерсии, как и в Святой Земле, тамплиеры беспрерывно воевали. Но все другие провинции существовали лишь для того, чтобы оказывать обоим монастырям поддержку; исключение делалось только для некоторых прибрежных городов, таких, как Тулон, где командорство включалось в местную оборонную систему. [208]

Тамплиеры объединялись в капитулы двух видов. *Обычный капитул*, вроде суда чести, собирался раз в неделю "повсюду, где бы ни находились вместе четверо или более братьев", чтобы осуждать ошибки и решать вопросы каждодневного управления имуществом командорства. *Генеральный капитул* состоял из всей братии монастыря, *великих бальи* (высших судебных чинов) и командоров всех рангов. На генеральном капитуле обсуждали администрацию ордена, назначение должностных лиц. Это была и апелляционная курия для судебных дел, возвращенных обычными капитулами. Генеральный капитул одобрял решения, принятые *советом магистра*, своего рода тайным советом, где заседали великие бальи и избранные рыцари, принимавшие решения, касавшиеся внешней политики Дома. Также, по крайней мере раз в год, проводились генеральные капитулы провинций.

"Свод", или иерархически выстроенные статуты, как представляется, восходит к магистерству Бертрана де Бланфора. По времени они предшествуют потере Иерусалима в 1187 г., ибо содержат детали обязанностей командора города, паломничеств к Иордану, порядок распределения добычи, захваченной по ту сторону реки, и привилегий выделять охрану для Животворящего Креста Господня, реликвии ордена Храма, утраченной в битве при Хаттине в июле 1187 г. Поскольку маловероятно, чтобы подобный важный документ был составлен в смутное время, - после смерти Амальрика I в 1174 г., - его можно, по крайней мере предварительно, отнести к эпохе, когда орден Храма возглавлял Бертран де Бланфор.

"Свод" написан по-французски и заслуживает внимания из-за содержащихся в нем восхитительных подробностей нравов и военных обычаев тех времен, равно как и обычаев ордена Храма.

Магистр имеет право на четырех верховых животных - лошадей или мулов, кроме того, - одного туркомана или *декстрария*, [*5] т. е. отборного боевого коня. Его сопровождают один брат-капеллан и один писец с двумя оседланными лошадьми и одним вьючным животным для перевозки вещей и походного алтаря, перед которым служат мессу. Слуга из *благородных* (оруженосец) на коне несет щит и копьё магистра.

И когда последний прослужит ему некоторое время, он [магистр] сможет сделать его братом-рыцарем, но пусть он этого не делает слишком часто.

В число личных слуг магистра входят: кузнец, знающий арабский язык писец, повар, два мальчика на побегушках, один сержант с двумя верховыми лошадьми, один туркопол, или всадник из местных жителей, выполняющий обязанности гонца. [209]

Магистр должен иметь двух братьев-рыцарей в качестве компаньонов, которые должны быть столь достойными мужами, что не могли бы быть исключены из какого-либо совета, в котором будет пять или шесть братьев.

Все вместе они являются близкими советниками магистра и контролерами его публичных или частных действий.

Как и Людовик Святой, тамплиеры больше ценили *мужа благоразумного*, нежели *отважного*. В их рядах проявление храбрости было необходимо, но устав предназначает похвалы рыцарям *мудрым и доброй жизни*.

Компаньоны магистра получают "ту же меру ячменя [для своих лошадей], что и магистр <...> и когда идет война, и братья совершают переходы, то довольствие должно быть

общим и не должно возрасти или уменьшиться иначе, как по решению капитула. И то же самое касается масла и вина".

В начале "Свода" обнаруживается - даже в том, что касается магистра - постоянная забота о равном дележе, исключении всякого расточительства, не скупясь, однако, ни на питании рыцарей и гонцов, ни на корме вьючных животных, столь необходимых для службы в ордене Храма.

Далее составитель "Свода" рассматривает навыки доброго управления *имуществом Дома* и то, как упорядочить расходы, продолжая жить на широкую ногу, с рыцарской заботой об учтивости и щедрости.

Магистр может одалживать богатства Дома до тысячи золотых монет с согласия части достойных мужей Дома. И если магистр захочет одолжить большие богатства, он должен это сделать по совету большей части достойных мужей. Магистр может дать сто золотых монет или коня достойному мужу, другу Дома, а также может подарить золотой или серебряный кубок, или разноцветную одежду, или другие красивые драгоценности стоимостью по меньшей мере в сто золотых монет, к пользе Дома <...> Он может дарить всякое вооружение, за исключением меча, железного наконечника копья или боевого кинжала - их дарить нельзя.

Тамплиерам нравится делать подарки, об этом будет говориться и в дальнейшем. Стоимость даров должна быть пропорциональна рангу дарителя, начиная с *красивых драгоценностей* до мелких вещей, которые братья имеют право дарить друг другу: маленький английский нож, фонарь или *что-нибудь, сделанное ими самими, что ничего не стоило Дому*. Говорят даже о собаках и кошках, которых могут подарить знакомым вне ордена Храма.

Личная власть магистра в отношении внешней орденской политики ограничена, как и личная власть других высших администраторов ордена - великих бальи.

Магистр не может ни уступить землю, ни отчуждать ее, ни взять на себя содержание замка какойлибо области, кроме как по совету со своим капитулом. [Он не должен также] ни начинать войну, ни заключать перемирие ни на земле, ни в замке, служащем резиденцией орденской сеньории, без согласия монастыря. Но если бы оказалось, что перемирие нарушено, магистр может его продлить по совету братьев, находящихся в этой стране.

Магистр не может поставить командоров во главе королевств, по крайней мере, пускай он это делает по совету капитула. А что касается прочих командоров земель и других бальи, то ввиду нехватки земель назначение их, согласно мнению капитула или без оно, остается на усмотрение магистра <...>

Когда магистр отлучается из Иерусалимского королевства, он оставляет заместителем командора Святой Земли или кого-либо иного.

Но тот, кто пребывает на его месте, не получает никакой власти, кроме как созывать совет, если чтото случается во время отсутствия магистра, и собирать капитул, и раздавать доспехи <...>

Так, Жоффруа Фуше, командор Королевства, был одновременно великим командором ордена во время отсутствия в Египте Бертрана де Бланфора и передал на Запад весть о потере Харима. Следует особо отметить малую власть великого командора, ибо инициатива ордена многократно будет стеснена во время отсутствия магистра или по его смерти.

"Свод" неопровержимо доказывает существование постоянной и обоюдной связи между Святой Землей и Европой, - именно последняя была для палестинских тамплиеров *Заморской землей*. Дома Запада направляли ордену Храма разного рода ценности: золото, серебро, ткани, одежду, доспехи, конскую сбрую, лошадей. С Востока тамплиеры направляли своих братьев для инспектирования провинций, а также на покой - пожилых или больных рыцарей.

Когда богатства прибывают из-за моря, они должны быть доставлены в казну по приказу командора королевства Иерусалимского [казначей ордена Храма], который не должен ни сам брать что-либо, ни мешать магистру увидеть привезенное и распорядиться о нем.

Это же предписание распространяется на лошадей, которых передают в распоряжение маршала - *включают в его караван*.

Во время проведения нами генерального капитула, если магистр желает отправить братьев за море из-за их болезней или по нуждам Дома, он должен позвать маршала, смотрителя одежд, командора Акры и трех или четырех достойных мужей Дома и сказать им: "Пойдите посмотрите на братьев, которых полезно будет послать в различные страны за морем". И они должны пойти в лекарню посмотреть на братьев, а также и на тех, кто вне ее. И они обязаны записать тех, кого им рассудится отправить за море, и затем возвратиться к магистру и показать ему записанное. И если есть что-то, что требует изменения, это должно быть изменено по их согласию.

И если контролер или командир, назначенный генеральным капитулом, отзывается магистром или монастырем и, по какой бы ни было причине, остается, он отрешается от должности и должен отослать магистру и монастырю Буллу и Кошель.

Булла (*bulle*) - печать ордена, знак его власти; Кошель (*bourse*) - фонды, которыми он распоряжается. Вместе они служат признаками орденской должности.

Известно порядка двадцати образцов печатей ордена Храма. На одной из наиболее древних, на грамоте Эврава де Бара, [*6] изображен храм, увенчанный куполом. На другой, датированной около 1200 г., изображены два рыцаря, сидящие на одном коне и скачущие справа налево с копьями наперевес. [*7] Известны также печати с крестом и Агнцем, использовавшиеся магистрами в Англии; эти типы печати повторяются, различаясь в деталях. Остальные сохранившиеся экземпляры, судя по всему, принадлежат исключительно командорам ордена. [210]

Вот статут по приему *ad succurrendum*: [*8] Магистр не должен принимать новых братьев без [согласия] капитула, но если он отправляется в какое-то место, где нельзя собрать капитул, и если какой-либо достойный муж упросил его Бога ради сделать его братом <...>, поскольку он так болен, что, как полагают, не сможет выздороветь, тогда, по совету братьев, кои там будут, магистр может сделать его братом <...> И если Бог пошлет ему здоровье вскорости после того, как он окажется в нашем Доме, он должен исполнять свою должность пред братьями и познавать свои обязанности.

Чтобы закончить рассмотрение полномочий и обязанностей магистра, приведем некоторые детали более частного характера:

Когда магистр только что ехал верхом, он волен вкушать пищу в своей комнате, равно как и после потери крови, или если он пригласил к себе рыцарей, или других мирян. И когда он болен, он может лежать в своей комнате, а его товарищи должны есть в палатах с прочими братьями; и когда он выздоравливает, он может есть за одним из столов лазарета, и все братья в лазарете должны из любви к нему есть лучше <...>

Когда магистр ест за монастырским столом, он может жаловать кушанья из своей посуды всем, кто этого пожелает, и ни один брат, кроме магистра, делать этого не может.

Любое платье, которое остается от одежды или белья магистра, должно быть отдано во имя Бога прокаженным или туда, где будет видно, что оно будет использовано лучше всего. И ежели магистр отдаст платье из числа ношеных им какому-либо брату, он должен дать другое прокаженным или кому иному.

По всякому поступку, совершенному магистром по совету монастыря, он должен спрашивать мнения у всех и у каждого из братьев, и он примет решение, с которым будет согласна большая часть братьев и он сам. Все братья ордена Храма должны быть в повиновении у магистра, и магистр также должен повиноваться своему монастырю.

Приведенные фразы довольно ясно раскрывают отношения между магистром и его капитулом. Первый обладает значительной, но не абсолютной властью: она ограничена правом капитула на обсуждение, как и уставом и обычаями, увековеченными в "Своде", который тамплиеры всегда соблюдали очень точно. Что касается капитула, то главенство в нем несколько колеблется между *pars magna* (большинством) и *pars saniora* (мудрейшей частью) сообщества рыцарей. Можно предположить, что указания исходили преимущественно от совета магистра, маленькой группы высших орденских сановников и уважаемых рыцарей, которые составляли окружение главы и которых генеральный капитул призывает ставить

подписи под его решениями.

Свод сенешаля, который следует за *сводом магистра*, сообщает нам довольно мало об этом административном лице, которое в истории ордена находится в тени, между магистром и маршалом - много более заметными. Однако, сенешаль является вторым по старшинству сановником ордена Храма; при избрании магистра выбор достаточно часто падает на обладателя этой должности. [211]

Сенешаль, как и магистр, имеет четырех лошадей, но вместо мула у него *парадный конь*. Ему служат: два оруженосца, *писец, чтобы читать Часослов*, писец, понимающий по-сарацински, два мальчика на побегушках, один братсержант и один местный пехотинец-туркопол. Как и магистр, он должен иметь *достойного компаньона*, который сопровождает его в любых обстоятельствах.

Сенешаль отправляется с буллой, идентичной булле магистра, чтобы замещать его *во всех местах, где того нет*. В лагере он живет в *круглом шатре* и водружает *gonfanon baussant* [*9] - знаменитый стяг тамплиеров, *argent au chef de sable*. [*10] Из знамени тамплиеров постарались сделать нечто таинственное, называя его *beauseant* [212] или еще фантастичнее. Слово *baussant* попросту означает "окрашенный в два цвета", в данном случае - черный и белый. Отсюда само знамя рыцари стали называть *le baussant* (но никогда - *beauseant*).

Жак де Витри, который был одним из друзей Дома и собирал сведения непосредственно у тамплиеров, рассказывает, что они носят "бело-черное знамя, которое называют "le Beauscent", показывая, что открыты и доброжелательны по отношению к своим друзьям, черны и грозны для врагов <...> Львы на войне, агнцы во время мира". [213] Но символика выражена изображением на знамени, а отнюдь не скрытым в его названии таинственным значением.

Сенешаль может подарить парадного коня или мула, боевое седло, *красивый серебряный кубок* или одежду из "разноцветной или ярко-красной ткани. Но дары сии следует делать по совету братьев, которые окажутся в этой стороне, к пользе Дома". Просматривается своего рода должностная иерархия даров, поскольку магистр имеет право жаловать сто золотых монет или золотой кубок.

Маршал монастыря выполняет несколько функций. Прежде всего он отвечает за монастырскую дисциплину как в мирное, так и в военное время; сам проводит переключку рыцарей, собравшихся слушать мессу или Часы; отдает распоряжения на день, даже когда присутствует магистр; заботится о содержании всех лошадей и прочих животных монастыря и каравана, вьючных и "под седло", с вооружением, доспехами и сбруей, предоставленных рыцарям или помещенных в конюшни маршала. Более того, он командует монастырем в военное время (разумеется, под верховным предводительством магистра), - не забудем, что в ту эпоху бремя расходов лежало лично на командире. Маршал сам несет знамя как знак единения в битве, и, когда тяжелая кавалерия стремительно атакует, именно ему, согласно выразительной формуле, надлежит *fournir la pointe*. [214] [*11]

Маршал имеет право на четырех лошадей, включая одного боевого коня, и ему полагаются два оруженосца. Его сопровождают хорошо экипированные сержант и туркопол. Вместо *круглого шатра* у него шатер, называемый *aiguillier*, с небольшой палаткой (*grebeleur*) для оруженосцев.

И когда он отправится по выгонам с монастырем, вьючные животные командора Земли должны везти его и его ячмень, и его котел в какую бы то ни было землю.

Маршал должен иметь под своим началом все оружие и все доспехи Дома - те, которые покупают, чтобы передать их братьям монастыря, или те, которые получают путем подарков, милостыни и добычи. И вся добыча, имеющая отношение к оружию, даже если она была куплена с торгов [215], должна перейти в руки маршала.

Маршал, в какой бы земле это ни было, может покупать лошадей и мулов. Но он обязан довести это до сведения магистра, ежели он там. А магистр должен приказать выдать ему золотые монеты, если видит, что тот нуждается в них. Маршал может дать добродетельному мирянину, другу Дома, седло, на коем тот будет ездить или же вернет его, а также прочее мелкое снаряжение, но пускай не делает этого слишком часто.

Стоимость подарков продолжает сокращаться.

Когда магистр и сенешаль оба отсутствуют в королевстве Иерусалимском и когда великий командор не назначен, собирать капитул надлежит маршалу. Он также назначает *по совету достойных мужей* знаменосца и подмарла, оба - братья-сержанты.

Во время войны, по боевому кличу, командоры Дома должны собрать своих животных [верховых и вьючных] и присоединиться к отряду маршала, и потом не должны отъезжать без разрешения. И все братья, и все воины находятся под командованием маршала, когда они на военной службе.

Маршалу нельзя избираться командором какой-либо провинции, по крайней мере пока ему не будет разрешено оставить свои маршальские обязанности. Зато из командоров *по эту сторону моря* (в Палестине), кроме сенешаля и казначея, генеральный капитул может избрать маршалом любого.

Командор Иерусалимской земли является казначеем монастыря, и все имущество Дома, с какой бы стороны оно ни прибыло, - с этой стороны моря или с той, - должно быть возвращено и передано в его руки, и его должно поместить в казну, и касаться или пользоваться чем-либо оттуда нельзя без того, чтобы этого не видел и не учел магистр. И когда магистр это увидит, оно будет также записано, и командор [королевства] обязан хранить его в казне, а также может пользоваться им для нужд Дома. И если магистр или кто-либо из достойных мужей спросит его о том, он должен будет отдать им в этом отчет.

Командор Иерусалимской земли должен снабжать сукнодельню всем, в чем она будет нуждаться; и он может брать оттуда все, что пожелает, с согласия хранителя одежд. И последний должен ему повиноваться.

Командор земли [Иерусалима] может дать парадного коня или мула, или серебряный кубок, или платье, цветное или бурое <...> и реймского полотна друзьям, которые делают крупные подарки Дому. И все платья, цветные, или серые, или алые, и все нераскроенные ткани, прибывшие в Дом посредством дара или милостыни, находятся у командора Земли. А прочие платья должны отправляться в сукнодельню <...>

Все выгоды по покупкам и продажам и все завещанные имущества и милостыни стоимостью от ста золотых монет и выше, собранные командорами Домов, должны быть внесены в казну; завещанные вещи меньшей стоимости остаются в пользу командоров.

Но ежели завещание имущества Дому сделано на море, великое или малое, - оно должно отойти в казну.

Вся добыча и все вьючные животные, и все невольники, и полностью весь скот, захваченные Домом Иерусалимского королевства на войне, находятся в распоряжении командора Земли, кроме животных под седло, вооружения и доспехов, кои принадлежат маршалству.

Все морские суда, принадлежащие Дому в Акре, находятся под командованием командора Земли, так же, как и командор порта Акры и все братья, кои ему подчинены. И все, что привозят эти суда, должно быть отдано командору Земли. Но если какая-либо вещь послана магистру или одному из братьев лично, эта вещь должна быть ему отдана.

Вот некоторые любопытные детали:

Если командору угодно приказать выдать седло из маршальского склада для себя лично или для какого-нибудь друга Дома, он вполне может так поступить, но пусть он не делает этого слишком часто <...> Командор королевства не должен делать больших подарков ни мирянам, ни рыцарям, если там же находится магистр, по крайней мере, если это не предназначается какому-либо другу Дома частным образом; но в отсутствие магистра он может делать сие.

Поскольку командору Земли известны ее ресурсы лучше, чем кому-либо другому, именно он выбирает зимние квартиры для монастыря.

Когда приходит время братьям монастыря разъезжаться по домам, командор может сказать маршалу: "Поместите столько-то братьев в этот дом, а столько-то - в другой" - и маршал должен это сделать, и поселить туда ни больше, ни меньше.

Раздел "Свода", касающийся командоров Триполи и Антиохии, не содержит ничего особенного. Он похож на раздел о командорах королевства, за исключением того, что касается функций казначея.

Хранитель одежд должен довольствоваться *четырьмя животными и двумя оруженосцами*, как самые привилегированные братья монастыря, с *sommelier*, или грузчиком. Но ему предоставляется *aigullier*, [216] такой же большой, как и шатер маршала, и маленькая палатка для его мальчиков-портных. И вьючные животные командора Земли должны переносить поклажу в портняжную мастерскую и швейню. [217]

Хранитель одежд снабжает братьев одеждой и постельными принадлежностями - кроме шерстяных покрывал, которыми они накрывают свою постель и которые получают только в подарок от родственников или знакомых извне ордена.

Когда платья отправлены из-за моря, хранитель одежд должен находиться при разворачивании тюков и должен принять все подарки, присланные братьям монастыря, и отдать их тем, кому они предназначены. И он должен следить за тем, чтобы у братьев были благопристойно подстрижены волосы; и если какой-нибудь брат не причесан, как следовало бы, хранитель одежд может ему приказывать постричься, и брат должен будет ему повиноваться. Ибо после магистра и маршала именно хранителю одежд они обязаны повиноваться.

При приеме нового брата, когда облачают его в белое платье ордена Храма, "хранитель одежд должен получить от него всю его старую одежду, за исключением разноцветной или алой, и если он дает золото, серебро или деньги Дому, то сие, стоимостью до десяти золотых монет, должно отойти на склад сукон, а свыше - командору Земли". Затем следуют статьи, относящиеся к командору города Иерусалима, пост которого был соединен с должностью смотрителя орденского госпиталя-госпитальера Дома. Это командорство должно было исчезнуть с потерей Иерусалима в 1187 г., что позволяет отнести "Свод" к предшествующему времени. [218]

Командор имеет право на четырех лошадей, из которых одна - туркоман [местная порода лошадей] или *добрая рабочая лошадь*, которая могла заменять мула. Его слуги - двое конюших, один брат-сержант, сарацинский писец и пехотинец из местных. В городе под его началом находится младший боевой военачальник - *командор рыцарей* во главе отряда из десяти братьев. Здесь мы вновь встречаемся с первоначальной функцией Бедных рыцарей - покровительством и помощью паломникам на дорогах Святой Земли.

Командор Иерусалима должен иметь под своим командованием рыцарей, дабы сопровождать и охранять паломников, которые следуют к реке Иордан; он должен возить круглый год шатер и знамя, или штандарт, куда длится его власть. Так, если он разобьет лагерь и найдется какой-либо страждущий достойный муж, он может уложить его в своем шатре и обслужить его из милостынь Дома. А для этого он должен возить круглый шатер и иметь вьючных животных, и везти продовольствие, чтобы проводить паломников на вьючных животных, если в этом есть необходимость.

Даже до потери Иерусалима паломничество к Иордану не проходило безопасно. Река разграничивала два региона, франкский и сарацинский, и путешественники рисковали быть застигнутыми набегом с той стороны Иакова Брода. Но после великой трагедии, делящей на две части историю Латинского королевства, вопрос об омовении в благословенных водах уже не стоял. Паломники должны были довольствоваться окрестностями Акры и Тортозы или - в лучшем случае - посещать некоторые города Галилеи.

Командор Города и его рыцари обладают привилегией охраны Святого и Животворящего Креста Господня.

Когда при переходах несут Животворящий Крест, командор Иерусалима и его десять рыцарей должны охранять его денно и нощно и должны делать привал как можно ближе от Животворящего Креста, пока длится переход. И каждую ночь два брата должны стоять на страже Животворящего Креста; и если вдруг окажется, что стоянка будет продлена, они все должны жить с монастырем.

В самом деле, накануне гибельной битвы при Хаттине, когда судьба Святой Земли была поставлена на карту и проиграна, некий тамплиер зарыл реликвию в песок, чтобы спасти ее от мусульман. Много времени спустя тот же тамплиер, оставшийся в живых, объявился у короля Иерусалимского Генриха Шампанского и сказал ему, что если ему дадут проводника до поля битвы, он отыщет Святой Крест, который ранее закопал собственными руками. Король предоставил рыцарю проводника-сержанта, уроженца этой страны, и вместе они отправились на поиски. Но как ни искали они в течение трех ночей (чтобы избежать встречи с сарацинами), ничего не нашли. И хотя впоследствии турки хвастались, что обладают реликвией, все-таки, похоже, что Святой Крест остался навсегда погребенным в песках, где его спрятал тамплиер. [219]

Командор Иерусалима может давать повсюду, где он пребывает, лошадей и мулов братьям и турецкое седло мирянину, и из всей добычи, взятой на войне по ту сторону реки Иордан, добычи, которая принадлежит командору Королевства, командор Града должен иметь половину. Но от добычи по эту сторону реки он не берет ничего <...>

Это снова позволяет датировать "Свод" временем до 1187 г., ибо добыча, захваченная за Иорданом, начиная именно с этого года, должна стать редкой. Следующий отрывок заключает раздел:

Все мирские рыцари, находящиеся в Иерусалиме и облеченные доверием Дома, должны проживать близ него и выступать под его знаменем, и все братья, проживающие в городе, и все те, кто уезжают и приезжают, столько, сколько будут пребывать там, находятся под его командованием, если там нет маршала, и должны испрашивать его разрешения на все, что они делают.

Ниже командоров Провинции стоят *шателены* [управляющие замками] и *командоры Домов*, власть которых не выходит за пределы их командорств. Эти командоры не могут строить новый дом - ни из камня, ни из известняка без разрешения магистра или великого командора Земли, но они могут перестраивать и чинить разрушенное.

Командорами рыцарей являются *лейтенанты* (заместители) *маршала*, каждый из которых стоит во главе отряда из десяти братьев, у них есть право проводить капитул и "давать разрешение братьям монастыря проводить ночь вне его". Их снаряжение то же, что и у брата-рыцаря.

Наконец, обратимся к *своду о братьях-рыцарях и братьях-сержантах*, описанию увлекательному и очень подробному, но настолько путаному, что следует несколько его упорядочить. [220]

Каждый из братьев-рыцарей имеет право на *трех животных* (коней, мулов) и *одного оруженосца*, и на четвертую лошадь и второго оруженосца - по милости магистра. В качестве доспехов они носят кольчугу и кольчужные чулки, изготовливавшиеся из переплетенных или нанизанных на плетеные кожаные ремешки металлических колец, и на голове большой рыцарский шлем [т. н. горшковый шлем], либо *железную шапку* [легкий шлем без бармицы]. Рыцарский шлем еще не имел подъемного забрала. Лицо защищала пластина с прорезями для глаз и отверстиями для дыхания. Постепенно более удобная *железная шапка*, за исключением поединков, стала заменять тяжелый шлем, по форме она была цилиндрической с плоским верхом и оставляла лицо открытым. Защита головы дополнялась кольчужным капюшоном, под которым была кожаная набивная шапочка.

Кольчугу рыцари надевали поверх стеганой куртки, которую они называют *les espalieres* [оплечье]. Позднее это слово стало означать наплечники. Но в хронике Тирского тамплиера говорится о воине в плаще и *оплечье*, являющемся видом одежды. [221] Точно так же и весьма подробное описание снаряжения тамплиеров ограничивается упоминанием подобной функциональной поддоспешной одежды. *Jupon d'armer*, или *гербовая котта*, носившаяся поверх доспехов и отмеченная красным крестом спереди и сзади, сделана была из белой ткани для рыцарей, из черной - для сержантов. Меч носился на поясе, к которому подвешивался на двух широких идущих накрест ремнях-перевязях так, чтобы ножны были расположены строго вертикально, острием в землю.

В качестве оружия, помимо меча, тамплиеры пользуются копьем с металлическим наконечником и *турецкой палицей*, - нанизанным на ручку и наполненным свинцом шаром с торчащими в разные стороны шипами. Треугольный деревянный щит, обтянутый кожей, подвешивался на шею. В течение XII в. меч и щит претерпели изменения. Во время первого крестового похода щит был размером почти в человеческий рост и являлся слишком тяжелым и неудобным оружием. На Востоке меч и щит становятся легче, как и кольчуга, которая теперь не достигает колен, вместо того чтобы доходить, как ранее, до лодыжек.

У каждого брата ордена Храма три ножа: *боевой кинжал*, нож для *нарезания хлеба* и маленький нож с узким лезвием, который называют также английским или антиохийским ножом. Нательное белье: положены *две рубахи*, *двое штанов* и *пара башмаков*. Рубаха поверх штанов опоясывается узким поясом, и именно в таком наряде брат ордена Храма спит ночью.

Его *убор*, по монашескому выражению, составляют долгополая туника из длинных лоскутов, называемая *платьем (jupel) из клиньев*, и застегивающийся на меху; впридачу - большой плащ, скорее накидка без рукавов, которую называют также *esclavine*. Весной брат снова надевает свой широкий *упланд* [плащ] из сукна, подбитый шкуркой ягненка, и получает широкий летний плащ без подкладки. Его носильные вещи, кроме котты или туники с узкими рукавами, включает *мантию*, застегивающуюся на груди пряжкой или шнурком; мантию носят поверх котты, когда остаются в помещении. Все эти одежды - белые и отмечены красным крестом на груди и на плече. Называют также *гарнаш* [garnaches] - род плаща без рукавов, возможно, это то же, что и платье из клиньев.

Постельные принадлежности брата состоят из соломенного тюфяка, простыни и одеяла. Он может иметь покрывало из шерсти, "если кто-нибудь пожелает ему его дать <...>; но покрывало должно быть белым, черным или полосатым" (вспоминаются ковры берберов). Покрывало служит и попоной коню, или же сам рыцарь заворачивается в него на скаку, чтобы защититься от солнца или дождя.

Когда монастырь перемещается, основная часть гардероба укладывается в два мешка, один для постельных принадлежностей и сменного белья, другой - для кольчуги и оплечья-поддоспешника. Доспехи перевозятся в сетке, сплетенной из кожи - единственном достаточно прочном материале, выдерживающем трение о металл.

Рыцари получают по две небольших салфетки - *плата*; один - в качестве столовой скатерти, другой - для мытья головы. Им предоставляются *две попоны* для лошадей и *чепрак*, которым следует покрывать доспехи скакунов. Чепрак, как и гербовая котта рыцаря, служит для защиты от зноя и солнечных лучей, раскаляющих железо доспехов.

В качестве кухонной утвари и посуды оруженосца каждый рыцарь имеет котел, миску, чтобы отмеривать ячмень, сито, чтобы его просеивать. Прибавим еще две чаши или кубка для питья, две фляги, ковш из рога и ложку. В дополнение к этому - топор и терка, веревка, два хлыста (один - с петлей), три седельных сумы, из которых две - для оруженосца; наконец, небольшая палатка - *grebeleure*, и к ней впридачу молоток, чтобы вбивать колышки. Все снаряжение грузится на вьючное животное.

Братья-сержанты имеют по одному коню, но снаряжение они получают "то же, что и у братьев-рыцарей, за исключением палатки и котла". Они спят под открытым небом и стряпают вместе. Вместо кольчуги сержанты носят полукольчугу, более легкую - с короткими рукавами. Железная шапка, которую и сами рыцари находят в Сирии более практичной, *заменяет сержантская шляпа*. [*12]

Сборник заканчивается перечислением некоторых частных деталей:

<...> *Братья монастыря могут давать друг другу гарнаш, который они пронесли год, старую котту, и старую тунику, и рубашку со штанами, и короткие сапоги, и фонарь, если они сумеют его сделать, и ремень из замши или кожи козы. И если какой-либо оруженосец расстанется со своим сеньором, хорошо прослужив свой срок в Доме, его сеньор не должен ничего забирать из одежды, которую бы он ему выдал, за исключением гарнаша, которому год; и он может ему отдать ту старую, которой два года, если тот пожелает.*

"Ни один брат не должен подтягивать в сторону свободного конца ни пуплиц, ни

портупеи, ни пояса штанов; но он может делать сие без разрешения в сторону пряжки [т. е. ослаблять ремни]". Это предписывалось, чтобы не допустить произвольного разрыва ремня.

Ни один брат не должен ни мыться, ни пускать себе кровь, ни лечиться, ни отправляться в город, ни скакать на коне галопом без разрешения; и туда, куда не может идти он сам, не должен он направлять и своего коня. Когда братья находятся в опочивальнях, они не должны переходить спать в другие места. И когда они стоят лагерем и их палатки натянуты, они не должны передвигаться с одного места на другое без разрешения. Никто не должен уходить к стоянкам мирян или священников без разрешения, разве что они стоят веревка к веревке около госпитальеров.

Но им позволено устанавливать палатки попарно, с поднятыми полотнищами, чтобы высвободить побольше места.

Далее в "Своде" приводятся сведения о трех других должностных лицах ордена: *туркополье, подмаршале и знаменосце.*

Туркополье, под верховным командованием маршала, командует всадниками из местных, наемниками ордена Храма, *при доспехах и без доспехов.* Братья-сержанты также подчинены его власти, но только в военное время. Именно он ведет разведчиков во главе отряда, и тогда ему предоставляют эскорт рыцарей. [222] В битве туркополье строит своих всадников по отрядам и ждет приказа магистра или маршала, прежде чем послать их в атаку. Согласно "Своду", братья окружают сержантов, и, "сдвинув и выстроив, ведут братьев-сержантов так красиво, как только возможно, и если у братьев окажется нужда в помощи, сержанты смогут пособить".

Подмаршал, как и знаменосец, брат-повар монастыря, кузнец монастыря и командор порта Акры - *все пятеро сержанты*, каждый имеет право на двух коней и одного оруженосца. Они обязаны содержать в порядке мелкую утварь, старые седла, бурдюки, кувшины, ведра, копья, мечи, шлемы, старые турецкие доспехи и арбалеты, старые чепраки под седла. "А из иного, тяжелого снаряжения у подмаршала ничего не выдается". Все братья-ремесленники маршальского склада находятся под его командованием. Он определяет им место службы Дому и отпускает на прогулку в праздничные дни из одного командорства в другое. Он также отвечает за сменных лошадей. В отсутствие маршала ему подчиняется знаменосец. [223]

У знаменосцев *в подчинении все оруженосцы Дома.* Знаменосец ведет их в бой, поощряет за примерное поведение, проводит капитул, чтобы осудить их ошибки, и велит их сечь, если они не повинуются. Он распределяет среди них *солону* [для постели?], *башмаки и ячмень* и выдает им плату, когда они отслужат свой срок.

И если братья сообщают посылают своих животных и конюших на пастбища Дома, или на травы, или на прочие выпасы, знаменосец должен их отвести и привести назад стадом, с пегим знаменем впереди. И во всякое время и во всяком месте, где оруженосцы и братья в монастыре едят, знаменосец должен присматривать за столом <...> Когда братия монастыря едет в поход, знаменосец должен следовать за знаменем, которое он велит нести оруженосцу, и должен вести отряд таким образом, чтобы магистр смог отдавать ему приказы. [224]

В час битвы, когда тамплиеры стремительно атакуют, оруженосцы, ведущие сменных лошадей, следуют за своими сеньорами; прочие принимают лошадей, которых рыцари только что сменили на боевых, и остаются подле оруженосца; последний выстраивает и ведет их "после тех, кто в первых рядах, насколько возможно красивее, раньше и лучше, шагом или иноходью, или как ему заблагорассудится".

Некоторые сведения о туркополах содержатся в другом источнике. [225] Туркополов нанимают за три золотые монеты в год. Зимой туркополье выдает им гарнаш, котту, штаны и старый плащ - покрывать коня. "А летом он также может подавать им милостыню". Если они наняты за одно жалованье, то приходят только со своей сбруей, если же получают жалование и *restou*, - то и со своим конем. *Restou* представляет собой страхование жизни животного, но величина возмещения в случае гибели последнего не должна быть меньше стоимости коня.

Когда тамплиеры разбивают лагерь, то прежде всего определяют место для часовни.

Круглый шатер магистра устанавливается рядом с палатками маршала и командора Провинции и шатром обоза. Потом, при команде: "Располагайтесь, сеньоры братия, во имя Божие", рыцари натягивают свои палатки, "отправляясь каждый к своему отряду: и те, кто снаружи, должны натянуть свои палатки и сложить внутрь свое снаряжение, и каждый брат должен занять место на все свое компанство". [226] [*13] Таким образом, лагерь разбивается по кругу, вокруг часовни. Затем маршал последовательно бросает клич за *фуражом и поленьями*, и каждый рыцарь присылает своего оруженосца с одной лошадейю. "Они должны покрыть свои седла попоной или покрывалами, или чем-нибудь другим; и если им предстоит возить на них камни, они должны испросить разрешения. А боевое седло они не должны брать без спроса". Все это предпринимается для того, чтобы не повредить седельную кожу.

После наряда на фураж и лес кричат: "К раздаче". "И братья обязаны надеть свои плащи и идти чинно и спокойно, один за другим, получать во имя Бога то, что им дадут". Прежде чем собирать монастырь, командор, отвечающий за мясо, "дает попробовать его брату-сержанту магистра <...> и должен выдать ему самое хорошее, какое только там будет. Тогда командор, достойный муж Дома, боящийся Бога и любящий свою душу, отбирает куски для братьев, заботясь, чтобы не положить вместе двух хороших кусков ни от бедра, ни от лопатки, но как можно более равномерно <...> И если есть какой-либо брат, который по своей болезни питается мясом из лекарни, те, кто проживает с ним, могут также есть оттуда, хотя бы они и не были больны".

В лагере, как и во дворце, тамплиеры пользуются привилегией "приглашать всякого достойного мужа, которого должно почитать" и который приходит к месту их стоянки или проходит мимо; "и командор по мясу обязан выдать братьям продуктов столь щедро, чтобы все в Доме могли бы получить его в значительном количестве, из любви к достойному мужу". С другой стороны, тамплиерам запрещено добывать себе пропитание, "за исключением луговых трав, рыбы, птиц и диких животных, если они умеют их ловить, не охотясь, так как охота запрещена". Однако они организуют облавы "на львов и вредоносных животных", которые иногда нападают на лошадей каравана.

Когда лагерь снимается, братья седлают коней и покидают место только по приказу маршала. Они готовятся к отъезду, привязывая веревкой к седлу вьючного животного колышки от своего шатра, пустые фляги, топор и ведро. "И если какой-либо брат желает поговорить с маршалом, он должен пойти к нему пешком и потом возвратиться на свое место". [227] Как только братья получают приказ сняться со стоянки, "они обязаны посмотреть на своих местах, чтобы ничего из их экипировки не осталось <...> И потом сесть верхом и отправиться красиво отрядом, шагом или иноходью, с оруженосцами за собой, и, находясь в пустынном месте, держаться отрядом ради себя и своего снаряжения <...> И нагоняя отряд, каждый брат должен пропустить своего оруженосца и свои вещи перед собой". В героических романах оруженосец обычно следует за своим сеньором; тамплиеры же пускают их впереди, чтобы лучше за ними присматривать.

Если они передвигаются ночью, то так же, как и в своих командорствах, хранят молчание до тех пор, пока не произнесут тринадцать раз "Отче наш". Днем, если один из них желает поговорить с другим, тот, кто впереди, возвращается к едущему позади. "И если какой-нибудь брат скачет рядом с отрядом по своему делу, он должен ехать и подъезжать с подветренной стороны, чтобы отряду не досаждала пыль". Когда отряд переходит реку, братья (в мирное время) поят своих животных, не загораживая брода другим. В военное время они останавливаются, если только знаменосец подает им сигнал.

И если на пути будет брошен боевой клич, братья, находящиеся ближе всех, могут пересечь на своих [боевых] коней, взять свои щиты и копья и держаться спокойно, ожидая приказов маршала.

Многочисленные пассажи "Свода" и статуты указывают, что тамплиеры разделили все дороги Святой Земли на отрезки длиной в дневной переход, чтобы облегчить продвижение. Каждый этап заканчивался в каком-нибудь командорстве, в замке ордена Храма, на площадке для привала с колодцем, чтобы отряд мог утолить жажду. Так что патрули ордена и вся

монастырская братия безостановочно проезжала расстояние, отделяющее пески Газы от гор Армении.

Когда монастырь совершает переход боевым порядком в военное время, рыцари едут в доспехах. За ними с копьями - оруженосцы, позади них ведут лошадей. Никто ни под каким предлогом не должен поворачивать назад, но рыцарь может "без разрешения немного вырваться вперед", чтобы испытать своего коня и проверить сбрую. Покидать боевой порядок перед лицом врага разрешено в единственном случае: дозволено прийти на помощь "любому христианину, ехавшему безрассудно, если на него нападет турок, чтобы убить". Брат, покинувший строй по любому другому поводу, будет отправлен в лагерь пешком в знак наказания и "потом предстанет перед судом Дома". [228]

До начала атаки подмаршал несет знамя рядом с маршалом. Чтобы подать сигнал к атаке, маршал *во имя Божие* сам берет знамя. Но так как он не сможет защищаться, держа древко знамени в правой руке, а поводья в левой, его окружают пять-десять рыцарей, которые "отбиваются от своих врагов вокруг знамени, как только могут". Маршал назначает одного из них командором над рыцарями и доверяет ему второе знамя, обернутое вокруг копья; это знамя он должен развернуть, если первое будет отбито или разорвано на куски. Если маршал тяжело ранен и не в состоянии *быть впереди*, его заменяет командор, который несет свернутое знамя, защищаемое эскортом.

Тому, кто держит знамя, строго запрещается опускать его или пользоваться им как копьем.

И наказание может быть столь великим, что возможно его заковать в кандалы, чтобы никогда больше не носить ему знамени и не быть командором рыцарей <...> Ибо когда опускают знамя, те, кто находится далеко, не знают, отчего это <...> и любой турок сможет скорее захватить его, когда оно опущено, чем когда поднято, а люди, которые теряют свое знамя, впадают в великую растерянность, и сие может обернуться к полнейшему разгрому.

В другом месте в статутах говорится, что брат, рыцарь или сержант монастыря может просить разрешения об отступлении, если он ранен, и что сержант, "ежели окажется без железных доспехов", может поступить так же, даже если он здоров. "Но брат-рыцарь поступить так не может <...> ибо он не должен покидать знамя ни по какой причине". Если же из-за внезапной атаки ни рыцари, ни сержанты не успели надеть доспехи, они должны держаться вместе и "вместе принять то, что Богу угодно будет им послать".

Рыцарь, оказавшийся в сражении отрезанным от своих братьев по оружию, присоединяется к первому же знамени, которое увидит поблизости, желательно - к знамени госпитальеров. В случае поражения он не покидает поля битвы, куда остается поднятым христианское знамя. Если же оно "склонится в поражении", то и рыцарь может повернуть поводья и укрыться "там, где ему посоветует Бог".

Орденский округ во главе с администратором высокого ранга - *балли* (от старофранцузского *baillir* - править, управлять).

Исторический регион во Франции, в описываемый период разделенный между герцогством Нормандским (находившимся в руках английского короля) и владениями короля Франции.

Скрипторий - мастерская для переписки книг.

Приводимый далее перевод сделан довольно свободно. Ср. соответствующие места в Вульгате (латинском каноническом тексте Священного Писания): "По смерти Иисуса вопрошали сыны Израилевы Господа, говоря: кто возглавит нас против хананеев и будет полководцем (букв.: "вождем войны") ...И сказал Иуда Симеону, брату своему: войди со мною в жребий мой, и будем воевать с хананеями; и я войду с тобою в твой жребий. И пошел с ним Симеон. ... И пошел Иуда с Симеоном, братом своим, и поразили хананеев, живших в Сефате (Цефафе), и опустошили (букв.: "умертвили") его... Иуда взял также Газу с пределами ее, и Аскалон, как и Аккарон (Екрон), со своими рубежами": кн. Судей, гл. 1, ст.1,3,17,18. В русском

(синодальном) переводе Библии эти места переданы несколько иначе.

Destrier (фр.) - французский термин позднелатинского происхождения; букв. "ведомый десницей", т. е. ловкий, умелый.

Печать предположительно датируется 1147 г,

К 1167 г. относится первое достоверно датированное употребление такой печати.

Ради оказания поддержки (лат.) .

Пегое знамя (фр.) .

Буквально переводится "в серебре черная глава" (фр.) - условная геральдическая формула, обозначающая в данном случае белое знамя с широкой черной полосой вдоль верхнего края. Известны, однако, изображения "пегого знамени" ордена с иным расположением и соотношением черной и белой частей.

Быть впереди; выставять авангард (фр.) ; букв. "образовывать острие" (войска).

Сержантская шляпа, собственно говоря, - тот же самый легкий шлем без бармицы - *железная шапка*, только с широкими полями.

Компанство - группа воинов, которые на биваке пользуются совместно котлом и палаткой.

ГЛАВА X Потеря Иерусалима

О Доме ордена Храма нередко говорят как о абсолютно устойчивом институте, политика которого никогда не менялась. Однако в этой политике можно проследить личное влияние многих магистров.

Смерть Бертрана де Бланфора, отъезд Жоффруа Фуше оказались весьма ощутимыми потерями для монастыря. Тамплиеры в течение некоторого времени будут более склонны избирать магистров из людей, которые занимали высокие должности в миру, нежели из рыцарей, возмужавших на службе Дому; подобная тенденция возымеет пагубные последствия.

Преемником Бертрана де Бланфора был избран Филипп де Милли, сеньор Наблуса. Новый магистр происходил из пикардийской фамилии, обосновавшейся в Сирии. Он участвовал, как мирской рыцарь, в осаде Дамаска в 1148 г., и его имя многократно появляется на страницах повествования Гийома Тирского. Он женился на наследнице Заиорданской сеньории и впоследствии обменял этот слишком незащищенный фьеф на земли Наблус близ Иерусалима. [229] Филипп стал тамплиером после смерти жены, но кажется, лишь за несколько дней до своего восхождения к магистерству. 13 августа 1169 г. он подписывает составленную в Наблусе королевскую грамоту как *Филипп де Наблус*, не именуясь тамплиером, но уже 20 августа он величает себя *Филиппом, магистром ордена Храма*. [230] Довольно скоро он слагает с себя эти обязанности, чтобы сопровождать короля Амальрика I в Константинополь в 1171 г., и с тех пор теряется из виду. [231] Он умер 3 апреля, в каком году - неизвестно. [232]

Почти совершенно неизвестен и его преемник Одон де Сент-Аман, разве что по рассказу Гийома Тирского, который его ненавидел и не скрывал этого. "Это был человек, из ноздрей которого вырывалась ярость, не боящийся Бога, не уважающий людей", - пишет архиепископ. [233] Но высказывания этого летописца не всегда объективны. Не без основания он питает недоверие к надменной независимости тамплиеров, возмнивших, что им все дозволено; однако выражает и обычные епископские жалобы, и даже зависть, вызванную неслыханными милостями, которые Рим изъяснял ордену почти со времени его основания. Что касается тамплиеров, французская версия "Истории Иракия" не раз брала верх в проявлении злобы над латинским текстом "Святой Истории". Тем не менее трудно не согласиться, что, начиная с магистерства брата Одона, тамплиеры стали несносными и для светских, и для духовных властей одновременно.

Сент-Аман был маршалом Иерусалима, затем - великим виночерпием Королевства. [234] Однако, сделавшись магистром, он стал ожесточенно бороться против королевской власти, что повлекло за собой скверные последствия для его ордена. Непримируемость магистра привела к тому, что в течение нескольких лет орден Храма утратил весь свой дипломатический авторитет.

В 1172 году Старец Горы, глава таинственной секты исмаилитов, обосновавшейся на отрогах Ливанских гор, направил своих посланников к иерусалимскому королю, предлагая союз против сарацин; он также изъявлял желание стать христианином вместе со всеми своими последователями. И мусульмане, и франки побаивались Старца Горы и страшились вылазок его невидимых убийц-ассасинов, [*1] решавших все вопросы с помощью отравленных кинжалов. Покушения не угрожали лишь тамплиерам и госпитальерам. "К чему убивать их магистра, - говорили исмаилиты, - если они поставят на его место другого?" [235] И вот, когда Амальрик без колебаний принял предложения Старца Горы и отправил посланцев с письмами и подарками этому шейху, тамплиеры по дороге напали на них и перерезали всех.

Мотивы убийства неизвестны. Но в условиях, поставленных Старцем, предусматривалось, что тамплиеры прекратят собирать подати на территории исмаилитов. Амальрик согласился и обещал рыцарям возместить ущерб. Однако не преследовали ли действия Старца иной цели, кроме избежания этих налогов, не были ли это попытки одурачить короля иллюзорными обещаниями? Трудно вообразить, чтобы шейх и его фанатичные ассасины массами обращались в христианство, и тамплиеры, возможно, ощущали тот же скепсис, что и мы.

Амальрик, возмущенный и встревоженный, принес извинения Старцу Горы, - тут же позабывшему свои планы союза и обращения, - и потребовал у магистра ордена Храма выдачи виновных. Одон ответил, что убийцей был некий брат Готье дю Месниль, рыцарь одноглазый и тупой, которого будет судить его капитул; но передать его в руки королевского правосудия он отказывается. Вслед за тем Амальрик с несколькими отрядами осадил командорство Сидона и захватил самого брата Готье. Одновременно король поведал Гийому Тирскому, что намеревается укротить орден Храма, независимость которого начала угрожать королевству; и только внезапная смерть его помешала осуществить эти планы, имевшие бы весьма серьезные последствия для Дома. [236]

Отказываясь выдать убийцу, брат Одон, вероятно, покрывал того, кто только повиновался его приказам. Но одновременно магистр ордена Храма вступил в борьбу, во всей Европе разделявшую власти духовные и светские в отношении к преступным клирикам. Клирик, виновный в убийстве или воровстве, - подлежал ли его проступок исключительно церковному суду? Именно в этой проблеме - глубинная причина непримиримого спора между Генрихом II Английским и Томасом Бекетом, закончившегося убийством архиепископа на ступенях алтаря Кентерберийского собора в этом же, 1172, году. Когда Одон де Сент-Аман захлопнул ворота своих командорств перед королевским правосудием, он действовал в том же духе, что и Бекет; тем не менее церковные привилегии и военная мощь ордена Храма тревожным образом дополняли друг друга, и магистр более дальновидный, чем Сент-Аман, поостерегся бы ускорять конфликт, в котором Дому предстояло потерять все.

В магистерство Одона де Сент-Амана рыцари ордена Храма и госпитальеры св. Иоанна, всегда завидовавшие друг другу, наконец довели свои отношения до бурной ссоры. Но, кажется, магистры обоих орденов осознали, что подобная борьба неуместна, так что с одной стороны брат Одон и Роже де Мулен - с другой выработали условия, которые следовало рассмотреть прежде всего трем братьям из каждого ордена, выбранным командорами Домов; если же они не придут к согласию, должно было воззвать к общим друзьям и в конце концов - к магистрам, которым направят письма, разъясняющие суть спора. "И если какой-нибудь брат - от чего сохрани Бог - нарушит это соглашение и этот мир, знайте, что он нарушит приказы Дома и Иерусалимского капитула и принести повинную за это он сможет, только явившись пред магистром и его капитулом в Иерусалиме". Александр III ратифицировал договор 2 августа 1179 г. [237]

События, последовавшие за смертью Амальрика I в 1174 г., разворачивались по образцу рыцарского романа. Потеря Святого Града инспирировала многочисленные драматические повествования, и творчество хронистов породило различные комментарии. Наша же цель - лишь определить степень ответственности тамплиеров, описав их действия во время разгрома.

Амальрик оставил наследником мальчика тринадцати лет, уже пораженного неизлечимой болезнью - проказой, и двух маленьких дочерей. Регентство было возложено на графа Раймунда

III Триполитанского, кузена (с материнской стороны) покойного короля. Поскольку в Святой Земле было возможно наследование по женской линии, Раймунд мог считать для себя возможным претендовать на трон Иерусалимского королевства. Амальрик, вероятно, относился к нему с ревностью, поскольку допустил, чтобы тот оставался в темницах Алеппо в течение восьми лет после поражения при Хариме (1164). Граф Триполи воспользовался своим пленением для учения, он бегло говорил по-арабски и читал по-латыни. По возвращении в христианский мир он женился на принцессе Эшиве Галилейской, принесшей в приданое свой фьеф, один из наиболее значительных в Святой Земле, с Тивериадским замком на Генисаретском озере.

К тому времени из Палестины прибыл за удачей странствующий рыцарь из фламандской семьи, по имени Жерар де Ридфор. Он привлек внимание графа Раймунда, который, сблизившись с ним, назначил его маршалом Иерусалима. Граф даже пообещал при первой же возможности подыскать ему богатую наследницу, по достижении ею брачного возраста. Но когда некоторое время спустя скончался сеньор де Ботрон, оставив единственную дочь Люси, наследующую фьеф, Раймунда соблазнили выгодные предложения некоего Пливена из Пизы. За руку Люси пизанец предложил графу золото в объеме, равном весу девушки. "Мадмуазель поместили на одну чашу весов, а золотые монеты - на другую", - пишет хронист "Истории Ираклия" и высокомерно добавляет: "Французы никогда не считали итальянцев дворянами, какими бы богатыми и доблестными они ни были". [238]

Что думала обо всем этом Люси в своем замке Ботрон на Ливанском побережье? Любила ли она уже своего фламандского суженого? А он, Жерар, был ли отчаявшимся влюбленным или просто разочаровавшимся честолюбцем? Он заболел горячкой, лег в лазарет ордена Храма в Иерусалиме, где по выздоровлении, возможно, с досады, принес обет брата ордена - "но к тем обетам он присоединил четвертый, обет мести графу Раймунду". [239]

Годы регентства графа, с 1174 по 1177, были последними сравнительно мирными в истории Святой Земли. Ибо отныне пред ослабевшими и разобщенными франками вставала грозная фигура Саладина, объединившего весь исламский мир и ответившего на крестовый поход священной войной мусульман - *джихадом*.

Все это было неким подобием пролога. Настоящая драма началась в день св. Екатерины, 25 ноября 1177 г. Раймунд был в Антиохии, когда внезапно стало известно, что *в стране сарацины*, Саладин только что перешел египетскую границу и, угрожая Газе и Аскалону, движется к Иерусалиму. Проявив стратегическое чутье и редкостное для семнадцатилетнего юноши хладнокровие, молодой Балдуин IV, находившийся в Аскалоне, совершил вылазку в тыл турецкой армии, захватив ее врасплох в Лидде, между Иерусалимом и побережьем. В его отрядах были только ополченцы из южной Палестины и некоторые окрестные сеньоры. Магистр ордена Храма прибыл из Газы через укрепленные рубежи с восьмьюдесятью рыцарями ордена Храма, так что в результате войско короля составили пятьсот рыцарей.

Итак, отправляясь все на битву, они имели большое желание отомстить за обиды, которые язычники учинили в их стране. Великий гнев и великую храбрость вселяли в их сердца пожарница городов, кои они видели вокруг <...>

Битва была жестокой, но непродолжительной. В последний раз тысячи сарацин бросились бежать перед атакой горстки рыцарей. Сам Саладин поворотил коня и отступил до Египта, в то время как Балдуин и его соратники, нагруженные добычей, возвратились в Иерусалим.

За победой при Лидде последовал весьма выгодный для франков мир. Придворные заговорщики, противостоящие графу Триполи, во главе с матерью молодого короля, Агнессой Эдесской, и ее любовником, патриархом Ираклием, воспользовались случаем, чтобы поссорить Балдуина IV с его кузеном. Раймунд оставил регентство и возвратился в Триполи, в то время как магистр ордена Храма заменил его на посту военного советника короля.

Одон де Сент-Аман полагал, что следует построить замок, который бы перекрыл Брод св. Иакова - переправу через Иордан в верховьях у Генисаретского озера, через который сарацины проникали в Галилею. Балдуин возразил, что не имеет на это права по условиям недавнего договора (между христианами и сарацинами был заключен вечный договор, что новые крепости

на границах не будут строиться во время перемирия). Магистр ответил, что не принимал на себя подобных обязательств и что его орден займется строительством. В этом снова обнаруживается склонность тамплиеров ставить себя выше любых обязательств, феодальных или канонических. "Но потом им удалось убедить короля прийти с войском охранять их, покуда они занимаются строительством". Замок Шатле был построен в течение зимы 1178/1179 г. под наблюдением короля и Сент-Амана и получил гарнизон из шестидесяти братьев ордена Храма и полутора тысяч наемников, состоявших на королевском жаловании. Балдуин и брат Одон, оставив сенешаля ордена Храма, поднялись на пастбища, к укреплению Мезафат, чтобы лошади подкрепились молодой травой. Внезапное нападение Саладина застало всех врасплох. По словам Гийома Тирского, битва закончилась для франков трагично из-за горячности брата Одона, бросившегося со своими рыцарями навстречу туркам. Магистр и множество братьев ордена попали в руки султана, в то время как сам король был обязан спасением только преданности своих людей.

После нескольких дней осады Саладин сжег Шатле, отрубив головы всем тамплиерам гарнизона. Прокаженному королю, лишенному военной поддержки и очень больному, пришлось смириться с новым перемирием.

Одон де Сент-Аман умер в плену 9 октября 1180 г. Он не допустил, чтобы его выкупили или обменяли: "Тамплиер, - говорил он, - может предоставить в качестве выкупа только свой пояс и боевой кинжал". Возможно, он не пожелал покинуть братьев ордена, разделявших его плен, слишком многочисленных, чтобы быть выкупленными.

Избирая его преемника, тамплиеры заботились о восстановлении политики своего Дома, выбивая клин клином; выбор пал на магистра, который, как казалось, во всем был противоположностью Сент-Аману. Арно де Ла Тур Руж [*2] был уже стар. Он прослужил Дому долгие годы, и ничто не связывало его с группами заговорщиков Святой Земли, поскольку с 1167 г. он был магистром в Испании. [240] Однако можно предположить, что избрание его не понравилось поклонникам брата Одона и они стали группироваться вокруг Жерара де Ридфора, некогда маршала Иерусалима, как и Сент-Аман, а ныне - сенешаля ордена Храма. [241]

Смерть короля казалась близкой. Наследовать ему должна была его старшая сестра Сибилла, в 16 лет уже вдова, которая собиралась вновь замуж за молодого французского крестоносца Гвидона (Ги) де Лузиньяна. В ожидании сделать его королем ("Если Гион станет королем, то я должен стать Богом", - говорил его старший брат Жоффруа де Лузиньян) Сибилла передала ему свои личные владения - Яффу и Аскалон - и убедила Балдуина назначить его регентом (с титулом бальи) королевства. В течение четырех лет прокаженный король продолжал мужественно бороться со своей ужасной болезнью и отбивать нескончаемые атаки Саладина. Когда стало не под силу садиться на коня, он повелел нести себя на носилках во главе отрядов. Только в последний момент он отдал власть в руки Лузиньяну, который не замедлил показать свою некомпетентность; к тому же он вызвал враждебное отношение к себе многих сирийских баронов и, кажется, оскорбил короля, грубо отказавшись уступить ему город Яффу в качестве летней резиденции.

Слепой и уже умирающий, Балдуин воспользовался своей властью. Он созвал в Акре совет, где объявил Ги де Лузиньяна лишенным регентства и помирился с Раймундом Триполитанским, которому доверил охрану королевства после своей смерти. Наследником трона он объявил пятилетнего сына Сибиллы от первого мужа.

Далее совет согласился направить в Европу посольство, чтобы дать знать о бедственном положении Святой Земли. Послами назначили патриарха, магистров ордена Храма и св. Иоанна; они должны были частным образом обратиться к Генриху II Английскому (который, как и Балдуин IV, был внуком Фулька Анжуйского) и даже передать ему иерусалимскую корону, если угаснет младшая ветвь.

Магистр Арно де Ла Тур Руж умер по дороге, в Вероне, 30 сентября 1184 г. [242] Оба других эмиссара нашли английского и французского королей совершенно безразличными ко всякому крестовому походу; единственным результатом их путешествия было обложение податного населения *Саладиновой десятиной*, необходимость введения которой утверждали

тамплиеры и госпитальеры, и освящение патриархом круглой церкви ордена Храма в Лондоне.

Выборы, состоявшиеся по смерти Арно де Ла Тур Ружа, знаменуют один из поворотов в истории ордена Храма. Выбор магистра был решен тринадцатью голосами знатных выборщиков; их споры, как и все капитулы ордена, протекали в самом глубоком секрете - не столько для того, чтобы скрыть их от глаз общества, сколько чтобы избежать сеющей смерть вендетты в ограде Дома. Не располагая конкретными материалами, можно лишь предполагать, что в 1184 г. выборщики колебались между сенешалем Жераром де Ридфором и Жильбером Эралем, великим командором Иерусалима и казначеем ордена Храма. Если бы большинство отдало свои голоса за Эраля, перипетии последующих лет выглядели бы совершенно иначе, ибо великий командор обладал такими качествами, как умеренность, ловкость и дар предвидения. Но когда выборщики предстали перед собравшейся братией в большом зале Храма Соломона в Иерусалиме, чтобы возвестить - "Прекрасные сеньоры, вознесите молитвы и благодарение Иисусу Христу <...> ибо милостью Божией и по вашим наказам избрали мы магистра ордена Храма", - имя, которое было встречено приветственными возгласами или демонстративным молчанием рыцарей, было именем Жерара де Ридфора. Он стал последним магистром, провозглашенным в *цитадели*.

Партия фламандцев торжествовала, а Жильбер Эраль был удален из Святой Земли, чтобы до 1189 г. исполнять функции *магистра в Провансе и в Испании* и *магистра Запада* - с 1190 по 1193 гг. Впоследствии монастырь, набравшись благоразумия после разгромов, призывает его в Святую Землю стать главою ордена. [243]

Трудно говорить сдержанно о Жераре де Ридфоре. Он был и остался авантюристом. В избытке наделенный недостатками Сент-Амана, он не имел ни военного опыта, ни верности долгу. Мало того, Жерар не выказывал ни малейших военных способностей; он, напротив, проявлял твердое намерение выжить во всех катастрофах, которые сам вызывал. Казалось бы, магистр ордена Храма мог бы и забыть обиды, некогда причиненные молодому странствующему рыцарю; но Жерар все подчинил интересам личной мести. Власть генерального капитула и магистра достаточно искусно уравнивались, но ничего не было предусмотрено для случая, когда главе ордена совершенно недоставало бы чувства ответственности.

Невозможно теперь судить об отношении монастыря к происходившему. В критические годы орден Храма покорно соглашался с указаниями какого-то одержимого. Позволяли ли рыцари безропотно распоряжаться собой? Или положение Святой Земли было настолько запутанным, что политика сорвиголовы Жерара показалась им наилучшей? Любопытно было бы узнать мнение старого магистра в Англии, Ричарда Гастингса, когда он высадился в Палестине несколько месяцев спустя после избрания Жерара де Ридфора <...>

Балдуин IV умер в 1185 г. Его наследник, маленький "Бодуэнчик", пережил его едва на год, и проблема наследования возникла вновь. Строго говоря, следовало выбирать между двумя сестрами прокаженного короля, ибо Сибилла, хотя и старшая, была дочерью разведенной матери, в то время как законнорожденность ее сводной сестры Изабеллы, дочери королевы Марии, не вызвала сомнений. Но выбор касался не столько обеих принцесс, сколько Гвидона де Лузиньяна и Раймунда Триполитанского.

Тело малолетнего короля перевезли в Иерусалим, чтобы похоронить рядом с его предками в церкви Гроба Господня. Сибилла и Гвидон были на похоронах, Раймунд же допустил оплошность - он отсутствовал. Его личные враги - Жерар, патриарх Ираклий, сеньор Заиорданский Рено де Шатийон, - воспользовались неожиданно представившимся удобным случаем, чтобы короновать Сибиллу согласно установленным правилам. Для совершения церемонии нужно было получить доступ к казне, где за тремя замками хранилась королевская корона; один из ключей был у патриарха, второй - у магистра ордена Храма. Оставалось только заручиться третьим, - доверенным магистру ордена св. Иоанна, и Жерар с Ираклием отправились в резиденцию ордена госпитальеров. Магистр Роже де Мулен долго и упорно отказывал, но наконец, под угрозой применения силы "*бросил ключ посреди комнаты и ушел*". На улице пестрая толпа распевала в честь Гвидона де Лузиньяна:

Назло пуленам,

*У нас будет король-пуатевинец. [*3]*

Со всей поспешностью отправились к базилике Гроба Господня, где Ираклий возложил диадему на голову молодой женщины, которая затем короновала своего мужа. И Жерар де Ридфор, под видом благословения, громко воскликнул: "Эта корона вполне стоит ботронского брака!" [244]

Раймунд Триполитанский остановился в Наблусе у Бальана д'Ибелена, второго мужа вдовствующей королевы Марии Комнины и свекра принцессы Изабеллы. Там они собрали совет, чтобы договориться о наследовании, когда получили вести о короновании Сибиллы и Гвидона. Тем не менее приверженцы графа Триполи приступили к избранию Изабеллы и ее молодого мужа Онфруа Торонского; меж тем последний, ничуть не домогавшийся короны, бежал из Наблуса и направился в Иерусалим, чтобы присоединиться к своей невестке. Выборщикам осталось только разойтись. Граф Триполи возвратился в свой Тивериадский замок к жене и четырем пасынкам. Раймунд, опасаясь за свою личную безопасность, приступил к переговорам с Саладином, чтобы подготовить себе союзника в противостоянии Лузиньяну, который уже угрожал ему нападением. Граф всегда придерживался политики доброго согласия с исламом и имел множество друзей среди эмиров, но на этот раз его переговоры граничили с предательством.

Характер Раймунда Триполитанского так и остается для нас малопонятным. Два человека, которым можно доверять, - Гийом Тирский и Бальан д'Ибелен, - его друзья, первый из которых, архиепископ, искренно восхищается им и говорит о нем с нежностью; хроника Эрнуля, написанная оруженосцем Бальана д'Ибелена, по возможности щадит Раймунда, свидетельствуя о большой к нему симпатии. Но все же следует признать за графом некое бессилие; его политика безуспешна, и кажется, он не внушает сарацинам большего доверия, чем "король Гион", который был неумелым правителем, но, в сущности, человеком отважным. При обстоятельствах, в которых находилась Святая Земля, Раймунд совершил весьма серьезную ошибку, втянув сарацин в междоусобицу.

Рассудительные умы, такие, как Бальан д'Ибелен, магистр ордена госпитальеров Роже де Мулен и архиепископ Тирский, осознавали, что примирение настоятельно необходимо. Гвидон от него не отказывался; чересчур слабохарактерный, он соглашался с мнением каждого. В свою очередь, соглашения должен был желать и Раймунд. Бальан д'Ибелен и Роже де Мулен взяли на себя миссию посредников и уговорили Жерара де Ридфора их сопровождать, понимая, что особенно важно примирить этого последнего с Раймундом Триполитанским.

Эмиссары отбыли из Иерусалима в последний день апреля 1187 г., сопровождаемые эскортом из десяти рыцарей ордена госпитальеров. Но, проезжая через свой наблусский фьеф, Бальан сделал остановку на один день и сказал обоим магистрам, что следующей ночью присоединится к ним в замке Фев. участь Святой Земли решилась именно этой ночью, и простой случай предопределил ее. Проезжая около полуночи через город Савас, по следам своих попутчиков, Бальан вспомнил, что завтра - праздник святых апостолов Филиппа и Иакова, и, пожелав прослушать мессу, свернул с дороги к воротам епископа. Этот ночной посетитель должен был вызвать некоторое смятение; можно представить себе сбегавшихся, еще полусонных слуг и епископа, который вынужден встать с постели, ворча на странствующих рыцарей. Одевшись, он вышел к сеньору д'Ибелену и беседовал с ним, пока дозор не прокричал день, когда епископ послал за капелланом, чтобы отслужить мессу.

Бальан вновь пустился в путь со своими сержантами и оруженосцами. Когда на следующее утро он подошел к замку Фев, на равнине Эсдралона, то заметил, что один отряд тамплиеров поставил свои палатки под стенами замка, но палатки были пусты, а замок покинут. Его оруженосец проник в донжон, поднялся на этажи и все обыскал: он нашел только двух больных, которые ничего не могли ему сказать.

Бальан, весьма встревоженный, собрался уже повернуть вспять, когда внезапно появился какой-то тамплиер, *вопя и крича*, который и рассказал ему, какая приключилась катастрофа.

Саладин предпринял наступление на Палестину, чтобы отомстить за египетские караваны,

разграбленные франками в разгар перемирия. Раймунд, попавшийся на своей же игре, тянул время как мог, но ему пришлось позволить турецким авангардам проводить поиски на своих землях, при условии возвращения вечером за Иордан. Он велел оповестить об этом по всему своему фьефу, советуя жителям оставаться на месте, ибо им нечего бояться сарацин.

Снова случаю было угодно, чтобы эта вылазка имела место 1 мая и чтобы оба магистра узнали о ней в замке Фев. Маршал ордена Храма находился в укреплении Какун, что в семи-восьми километрах, с ним были девяносто рыцарей монастыря, и Жерар ему *отослал немедленно* свои приказы, "чтобы он, как только увидит его распоряжение, снялся и приехал к нему". Братия прибыла в полночь и расположилась у замка. На рассвете следующего дня оба магистра с сотней рыцарей ордена Храма и госпитальеров прошли через Назарет, где собрали еще сорок рыцарей-мирян, и продвинулись до Крессонского источника <...> Семь тысяч мамлюков поили своих коней на овечьем дворе.

Рыцари, расчищавшие проход на вершинах гор, имели преимущество на местности и время, чтобы оценить обстановку. Жерар де Ридфор атаковал бы язычников стремительно, безрассудно и без колебаний, но численная разница была такова, что магистр госпитальеров и магистр ордена Храма посоветовали ему повернуть назад. Опасаясь оскорбить Роже де Мулена, Жерар набросился на Жака де Майи: "Вы говорите как человек, который хотел бы удрать; вы слишком любите эту белокурую голову, кою вы так хотели бы сохранить". - "Я умру перед лицом врага как честный человек, - ответил ему брат Жак. - Это вы повернете поводья как предатель". Он говорил правду. К концу битвы спаслись только трое тамплиеров, в числе которых был Жерар де Ридфор. - "Он, составивший тогда треть рыцарей". [245]

Белокурый Жак де Майи, в сверкающих доспехах и на белом коне, сражался с достойной восхищения храбростью, поражая врагов направо и налево. Он отказался сдаться, несмотря на требования противников, и пал, пронзенный арбалетными болтами. [246]

Жерар же удирал во весь опор до Назарета, где к нему присоединился Бальян. Неизвестно, о чем размышлял, с какими упреками обращался сеньор д'Ибелен к магистру. На следующий день они вместе отъехали в Тивериаду, но раны, а, возможно, и стыд Жерара оказались слишком мучительными; он остановился на дороге, позволив своему спутнику продолжать путь без него. В Тивериаде Бальян застал графа Триполи в отчаянии: турки прошли мимо замка с копьями, украшенными головами тамплиеров.

Раймунд возвратился в Иерусалим для примирения с королём, который принял его весьма дружелюбно. Гвидон беспрестанно служил мишенью - или инструментом - ненависти других, но лично сам никогда не держал злобы. Решили собрать всех до единого в королевстве и повести все рыцарство Святой Земли на султана.

Тамплиеры радостно отдались подготовке к войне; они горели желанием отомстить за своих - тех, кто погиб 1 мая. Жерар открыл Лузиньяну казну, переданную в сокровищницу тамплиеров Генрихом II для оплаты английского крестового похода, которого все еще ждали. Самые оптимистичные братья уверовали, что все идет хорошо. Король становился обязан им на всю жизнь; граф Триполи отдавался на их милость; самое прекрасное войско, какое только видела Святая Земля, и наилучшим образом снаряженное, разбивало свои палатки вокруг Сефорийского источника в Галилее. Более озабоченным выглядел патриарх; накануне отъезда он сказался больным и доверил тамплиерам Крест Господень, вместо того, чтобы нести его самому перед лицом язычников.

Все сеньоры Святой Земли собрались на встречу: Раймунд с четырьмя пасынками - Гуго, Гийомом, Одоном и Раулем; Бальян добелен и Рено де Сидон, Рено де Шатийон и молодой Онфруа Торонский, муж юной Изабеллы. Госпитальеры прибыли под предводительством нового магистра. Монастырь ордена Храма, подкрепленный двумястами пятьюдесятью отборными рыцарями (потери, понесенные при Крессоне, тяжело сказались на их рядах), увеличил отряды братьев-сержантов, сержантов-наемников и местных наемников-пехотинцев. На местах оставались гарнизоны Сафета, Тортозы и Газы, но "Цитадель" в Иерусалиме была пуста.

Едва было собрано христианское войско, как стало известно, что Саладин осадил замок

Тивериады, который графиня Триполитанская, в отсутствие мужа и сыновей, мужественно обороняла.

На военном совете, созванном в королевском шатре, Гуго Тивериадский, старший из пасынков графа, взял слово и стал слезно умолять прийти на помощь его матери. Сам Раймунд воспротивился этому. "Табари [Тивериада] принадлежит мне, - сказал он, - так же, как и моя жена и мое состояние, и никто не потеряет столько, сколько я, если замок будет утрачен. А если они захватят мою жену, моих людей и мое добро и если они разрушат мой город, я возвращу это себе обратно, когда смогу, и отстрою свой город, когда смогу, ибо предпочитаю скорее видеть разрушенным Табари, чем погибшей - всю Землю". Он напомнил всем об опасности, которую таило бы продвижение по бесплодным холмам, без воды и тени, отделявшим франкское войско от Генисаретского озера. Был канун св. Мартина Кипящего - 4 июля, и край изнывал под знойным небом.

Бароны и король позволили себя растрогать такой самоотверженностью. Один магистр ордена Храма оставался неумолим. "Я вижу волчью шкуру", - насмеялся он. Однако совет согласился с мнением графа и решил дожидаться наступления Саладина у Сефорийского источника.

Но в полночь, когда Лузиньян остался один в своем шатре, магистр ордена Храма проник к нему и воскликнул:

Сир, верите ли вы этому предателю, который дал вам подобный совет? Он вам его дал, чтобы вас опозорить. Ибо великий стыд и великие упреки падут на вас <...>, если вы позволите в шестидесять лет от себя захватить город <...>. И знайте же, чтобы хорошенько уразуметь, что тамплиеры сбросят свои белые плащи и продадут, и заложат все, что у них есть, чтобы позор, которому нас подвергли сарацины, был отмыт. Подите же, - сказал он, - и велите крикнуть войску, чтобы все вооружались и становились каждый по своим отрядам и следовали за знаменем Святого Креста. [247]

Гвидон имел слабость послушать его и отдал приказ сворачивать поклажу и отправляться в путь среди ночи. Удивление, замешательство, последовавшие за столь неожиданным поворотом, не были развеяны отказом короля объяснить с баронами, собравшимися у его шатра. Ночь была полна предзнаменований. Говорили, что лошади отказываются пить, что старая колдунья обошла лагерь, наводя порчу. Крестоносцы пустились в путь еще до зари. Они шли на восток по длинной бесплодной равнине, лежавшей среди еще более засушливых холмов, до "Рогов Хаттина"; по другому склону дорога спускалась к берегам Тивериадского озера. Расстояние было небольшим - двадцать километров от Сефории до Тивериады, - но длинный караван тянулся пешим шагом.

Раймунд и его пасынки, как сеньоры фьефа, отдавали приказы впереди. За ними, с главными силами войска, следовал король. Тамплиеры шли последними. Легкие отряды Саладина не замедлили выследить войско христиан с восходом солнца по блеску металлических доспехов и целый день терзали его внезапными атаками и стрелами - всадники стреляли на скаку. Франки и их кони гибли от жажды и зноя под беспощадным солнцем.

Турки прибегли к своей обычной тактике, сосредоточив свои нападения на арьергарде войска и целясь как в лошадей, так и в людей. Тамплиеры и их кони изнемогали под вражескими обстрелами, гораздо более стремительными, чем они могли ожидать. Единственная надежда была - пройти Хаттин и пробиться к озеру. Но к вечеру - то ли Жерар де Ридфор послал сказать королю, что его рыцари больше не могут идти, то ли граф Триполи посоветовал остановиться в укреплении Марескальция, где, кажется, была вода, - Гвидон сделал остановку.

Колодцы в замке оказались пусты. Сарацины же приближались, окружая франков так плотно, "что кошка не смогла бы выскользнуть из войска незамеченной". Когда ночь принесла немного свежести, сарацины подожгли кустарник вокруг деревни, так что христиане задыхались в едком дыму. Именно в эту ночь тамплиер закопал Святой Крест в песок, чтобы спасти его от рук язычников.

На следующий день, на заре, пешие сержанты, умирающие от жажды, бежали к горе на поиски источников воды, а рыцари составляли свои ряды - чтобы дать сражение. Раймунд со

своими пасынками, возглавив галилейские отряды, врезался во врага. Но когда турки разомкнули строй (обычная тактика легких мусульманских отрядов), граф и его люди отступили к побережью.

Все остальные попали в руки Саладина, который принял их с изысканной учтивостью. Было, однако, сделано исключение для грабителя караванов Рено де Шатийона и для братьев ордена Храма и госпитальеров, в которых султан видел заклятых врагов ислама. Шатийону тут же отрубили голову, возможно, это сделал сам Саладин. Монахов-воинов отдали дервишам и улемам, неумелым палачам, которые мучили каждого рыцаря, привязав его к столбу. Перед пыткой султан предлагал даровать им жизнь при условии "поднять палец и принять Закон" - стать мусульманами. Из двухсот тридцати тамплиеров ни один не проявил малодушия. [248] Жерара де Ридфора по неизвестной причине пощадили...

Для защиты Святого Града рыцарей больше не оставалось. Патриарх, очнувшийся, наконец, от полной интриг и сластолюбивой жизни, организовал сопротивление горожан, стариков и детей, чьи отцы стали пленниками. Когда в городе появился Бальян д'Ибелен, на время отпущенный султаном, дабы обеспечить безопасность своей жены и детей, толпа слезно просила его остаться, и он нарушил слово, чтобы принять командование городом; Саладин понял и извинил его.

И снова, после нескольких месяцев осады, именно д'Ибелен договорился о сдаче города. Иерусалим был "полон простолудинов и их детей" из соседних деревень, пришедших укрыться, поэтому Бальян добился, чтобы город не предали разграблению. "Было условлено, - пишет Ибн Алатир, свидетель событий, -<...> чтобы каждый мужчина в городе, богатый или бедный, заплатил за себя в качестве выкупа десять золотых монет, женщины - пять, а дети обоего пола - по две. Для уплаты этой дани был назначен срок в сорок дней. По истечении этого времени все неплатившие считались бы рабами. Напротив, уплатившие выкуп тотчас же освобождались и могли отправляться куда пожелают". [249] Саладин даже разрешил жителям увезти свой скарб.

За бедных султан потребовал коллективного выкупа в тридцать тысяч золотых монет за семь тысяч человек. Орден св. Иоанна эту сумму внес из своих английских средств. Это был ответ на деньги, данные Лузиньяну орденом Храма и потраченные на вооружение погибшей при Хатгине армии. Но бедняков было много больше.

И тогда приехали патриарх и Бальян, и послали к тамплиерам и госпитальерам, и к горожанам, и просили их Бога ради помочь бедным людям, оставшимся в Иерусалиме. Они помогли им, и тамплиеры с госпитальерами также дали, но не столько, сколько были должны <...> Ибо они совершенно не опасались, что к оным [беднякам] применят силу, поскольку их в этом заверил Саладин. Если бы они знали, что бедняков притеснят, они дали бы больше.

В порыве великодушия Саладин и его брат отпустили большое число бедняков без выкупа, но тем не менее осталось одиннадцать тысяч, которые не были ни выкуплены, ни освобождены от внесения денег.

При участии султана беженцев разделили на три потока: первый вели тамплиеры, второй - госпитальеры, а третий - Бальян и патриарх. Саладин повелел пятидесяти сарацинским всадникам сопровождать каждую группу до Триполи. Он оказался более великодушен, чем граф Раймунд, который закрыл ворота своего города перед спасшимися из Иерусалима и позволил своим воинам разграбить добро, пощаженное сарацинами.

Если тамплиеры недостаточно щедро вносили выкуп за пленных, то их проступок можно объяснить, если не извинить, внутренней ситуацией в монастыре. Магистр был в плену, почти все братья-рыцари погибли. Во главе оставался некий брат Тьерри, который спасся в битве и называл себя "самым бедным из всех самого бедного Дома ордена Храма, и которого называют великим командором".

По уставу этот ранг не давал ему никакой власти, за исключением права "держат совет по всякому делу, случившемуся в Святой Земле, до возвращения магистра и распределять вооружение". Зато он рисковал быть позорно изгнанным из ордена как самый низший из братьев, если он растратит, как бы это ни случилось, состояние Дома или богатства,

переданные на сохранение. У Тьерри не достало смелости нарушить устав, и он не нашел средства его обойти. (Позднее, когда дело коснется выкупа Людовика Святого, другой великий балый ордена сможет продемонстрировать больше воображения.)

На Тьерри легла тяжкая обязанность объявить о катастрофе братьям Запада и настойчиво потребовать подкреплений для возобновления уничтоженного монастыря. Он оплакивает двести тридцать рыцарей, убитых при Хатгине, и шестьдесят других, погибших при Крессоне. Когда он писал, Иерусалим, Аскалон, Тир и Борофа еще сопротивлялись, но "турки расплозились по Святой Земле, как муравьи". [250] Тьерри не говорит о трех тамплиерских замках - Сафете, Тортозе, Газе; возможно, о судьбе их он ничего не знал. Сафет скоро после этого будет взят приступом; Тортоза будет победоносно сопротивляться; а в Газе, после многомесячной осады именно Жерар де Ридфор прикажет сложить оружие при условии своего собственного освобождения. В оправдание ему можно сказать, что изолированный посреди завоеванной страны замок должен был рано или поздно пасть, но его сдача еще больше повредила репутации тамплиеров.

Орден мог восстановить силы, но своей гордыней и безрассудством Жерар де Ридфор нанес его чести почти смертельный удар. Отныне белые плащи не будут олицетворять чистоту и незапятнанность, и на братьев-рыцарей обрушатся неиссякаемые упреки и подозрения хронистов.

ГЛАВА XI Совместные операции

После разгрома от Иерусалимского королевства почти ничего не осталось. Была потеряна вся Палестина. Однако в Сирии, Триполи и Антиохии, Тортозе - городе тамплиеров и Маргате - замке госпитальеров еще сопротивлялись. В Тире франков возглавил новоприбывший Конрад Монферратский, захлопнувший врата перед Гвидоном де Лузиньяном, когда тот появился, отпущенный из плена. Гвидон был выпущен под клятву не выступать против Саладина. В знак того, что он отказывается сражаться, король пристегнул свой меч к луке седла, вместо того, чтобы опоясаться им. Жерар де Ридфор, освобожденный на тех же условиях, церемонился меньше. Он тут же бросился в крепость Тортозы, воодушевив братьев гарнизона бороться не на жизнь, а на смерть. Главная башня, огромный донжон на берегу моря, отражала все атаки Саладина, который снял осаду, после чего Жерар отправился на соединение с Гвидоном де Лузиньяном у Акры. Здесь произошло двойное окружение: когда Лузиньян атаковал город с горсткой своих друзей и остатками воинов из обоих монастырей, войско султана окружало их. Чудо, что малые силы христиан не были раздавлены. Но Гвидон и его рыцари вновь обрели отчаянную храбрость первых крестоносцев и вцепились в землю, поддерживая осаду города до прибытия первых подкреплений из Европы.

Жерар де Ридфор погиб при наступлении на Акру 4 октября 1189 г., пока король совершал вылазку в лагерь султана. Его обвиняли в том, что он заплатил за свою жизнь сдачей Газы, где в 1188 г. капитулировали тамплиеры, и даже в том, что он "поднял палец и признал Закон". Но Амбруаз, трувер третьего крестового похода, ничего не знал о лежащей на нем тени подозрений и не ощущал намека в своих словах [251] :

*Был убит магистр ордена Храма <...>
Тот, кто сказал доброе слово,
Шедшее от его доблестной выучки, -
Когда люди храбрые и смелые
Говорили ему в этой атаке:
"Ступайте отсюда, государь наш, ступайте" <...>
Отвечал он: "Богу совсем не будет угодно
Ни то, чтобы я был в другом месте,
Ни чтобы упрекали орден Храма
В том, что видели меня убегающим.
И я умру, но не поступлю так!"*

Арабские историки сообщают, что Жерар не пал на поле брани, как полагали христиане, а был схвачен, и Саладин повелел предать его смерти как клятвопреступника: Жерар, как и Гвидон де Лузиньян, обязался не воевать против него. [252]

Монастырь был настолько ослаблен, что место магистра оставалось свободным в течение восемнадцати месяцев. С прибытием нового крестового похода в 1191 г. рыцари избрали магистром "дворянина, который был из Дома и звался брат Роберт де Сабле", [253] - друга Ричарда I Львиное Сердце, который, как и он, был трувером. [254] Роберт III, сеньор де Сабле, был дважды женат и оставил сына и двух дочерей. Он принес обет тамплиера только во время своего пребывания в Акре; его слава заменяла ему карьеру в войске ордена; впрочем, возможно, до пострига он уже был орденским собратом. [255]

Жизнестойкость ордена Храма, способность его к восстановлению были исключительными. Неся потери, монастырь постоянно обновлялся с той же корпоративностью и с тем же *духом обетов*, так отличавшим тамплиеров от мирского рыцарства. В предстоящей кампании они снова собирались показать дисциплину и безупречную сдержанность, что, быть может, свидетельствовало об осознании заблуждений, которые теперь надлежало искупить.

Роберт де Сабле впервые упоминается как адмирал английского флота на юге Италии, в Мессине, куда из Везеле, первого места сбора, прибыли английские крестоносцы, распрощавшись с французскими. Сеньор де Сабле и герцог Бургундский были посредниками в конфликте между Ричардом I и Танкредом Сицилийским по поводу приданого вдовствующей королевы, сестры государя Англии. [256] Английский и французский короли, Ричард I и Филипп II Август, глубокая вражда которых уже обострилась, провели зиму на Сицилии. В конце марта 1191 г. Филипп II взял курс на Акру, к которой подошел после трех недель морского пути. Несколько дней спустя вдогонку отправился и Ричард I, но задержался в пути, чтобы захватить остров Кипр, проданный затем тамплиерам. Деньги, полученные от Дома, позволили Ричарду жест горделивой щедрости по прибытии в Святую Землю. Узнав, что французский король платит своим воинам по три золотых монеты в месяц, Ричард велел оповестить через своих глашатаев, что будет выдавать по четыре монеты всем, кто станет под его знамя. [257] Это оскорбило его союзника, но оба короля сохранили видимость согласия и решили начать совместное наступление на Акру.

Именно Роберт де Сабле командовал тамплиерами всю кампанию. Под его предводительством их военные действия, как всегда, были безукоризненны, а политическое влияние достаточно сдержанно. Скрытые раздоры, которые вспыхивали по любому поводу между французским и английским королями, ставили тамплиеров в затруднительное положение. Орден располагал огромным состоянием в обеих странах. Казначей ордена Храма в Париже, брат Эймар, несколькими годами позднее станет доверенным человеком Филиппа Августа и управляющим королевской казной. [258] Но орден Храма в Лондоне пользовался столь же большим влиянием в Англии, и новый магистр был личным другом короля. "Что характеризует орден Храма как светскую державу, так это самый полный политический оппортунизм. На Западе он использует с равным усердием французского и английского королей, пребывавших в непрерывной войне". [259] Но когда оба короля сталкивались в Палестине, Роберту де Сабле приходилось проявлять недюжинное чувство такта.

Ричарда и Филиппа Августа разъединяли ожесточенные споры по поводу наследования иерусалимской короны: оставить ее Гвидону де Лузиньяну - вдовцу королевы Сибиллы, умершей вместе с двумя детьми в 1190 г., или же передать маркграфу Конраду Монферратскому, который только что женился на Изабелле Иерусалимской, младшей сестре королевы. Тамплиеры приняли сторону Лузиньяна и английского короля. В дальнейшем, когда Ричард понял, что симпатичный простак *Гвидон* бессилен, орден Храма расторг договор на покупку острова Кипр, который Ричард Львиное Сердце уступил своему протезе Лузиньяну.

После двухлетней осады гарнизон Акры капитулировал 12 июля 1191 г. Сдача осуществилась в шатре магистра ордена Храма в присутствии обеих королей и всех вождей крестового похода. Филипп Август, уехавший в начале следующего месяца, оставил в Сирии французские части под командованием графа Бургундского. [260] Но его рыцари нехотя

мирились с властью английского короля, которому так и не удалось завоевать их симпатии. С отъездом французского короля султан начал переговоры с Ричардом о выкупе гарнизона Акры, приблизительно трех тысяч человек. Именно тогда Саладин обратился к тамплиерам и попросил гарантировать освобождение пленников: поступок поразительный, ибо прошло лишь четыре года после уничтожения монастыря при Хаттине. Но отношения тамплиеров с исламом покоились на сочетании жестокости и симпатии, что даже их современники никогда не могли понять до конца. Однако Роберт де Сабле и его совет должны были почувствовать, что для ордена Храма было бы неуместно вмешиваться в эти переговоры. Они ответили Саладину: "у вас слово и пощада, довольствуйтесь этим!" [261] Или, быть может, они предвидели, что переговоры примут плохой оборот? Если верить Ибн Алатиру, они даже якобы предупредили Саладина не доверяться <...> [262] Проведя две недели в спорах и торгах, Ричард впал в один из тех приступов ужасного гнева, которые он унаследовал от своего рода: собрав у своего лагеря две тысячи семьсот пленников, он велел перебить их всех. В тот же вечер он приказал крестоносцам готовиться к продвижению на Аскалон.

Франки отправились в путь 23 августа вдоль сирийского побережья. Они перешли реку Акры и в первый же день прибыли в Хайфу.

*Христианское войско, о коем я говорю,
Перешло реку в пятницу <...> [263]*

Три дня спустя они покинули Хайфу и расположились в ущельях Атлита. "Тамплиеры составляли авангард, а госпитальеры - арьергард. Тем, кто видел, как они выстраивают отряды, они казались людьми, хорошо знающими свое дело, и войско конвоировалось лучше, чем в первый день" [264]. Здесь орден Храма был в своем собственном краю, на дороге, некогда охранявшейся Гуго де Пейеном и его товарищами. На побережье кустарник и трава поднимались так высоко, что хлестали пехотинцев по лицу. Дикие животные выскакивали у них из-под ног. Крестоносцы остановились на юге Сикаминума, а вечером расположились в "замке у пролива", - тамплиерской башне на мысе Атлит, на месте будущего Замка Паломника (Chateau Pelerin). Там войско провело два дня, ожидая подхода флота, искавшего рейд для причала.

От Атлита до Цезарей, через Мерлу, крестоносцы двигались берегом моря; после этого этапа король их возглавил, а тамплиеры стали в арьергарде. Ранее войско подвергалось лишь скрытым атакам турок; начиная с Цезареи, эти атаки стали угрожающими. Франки остановились также и на Крокодильей реке,

*Где искупалось два паломника,
И крокодилы съели их. [265]*

Но когда франки перешли реку, легкие конные отряды турецких лучников начали непрерывно обстреливать их. Тамплиеры обеспечивали переправу:

*Тыл охранялся Храмом,
Который к вечеру хватался за голову,
Ибо столько лошадей теряли за день,
Что как только от этого не впали в отчаянье. [266]*

Следовало опасаться, как бы этот трудный, под палящим солнцем, переход - "ничего, кроме солнца сверху и врага вокруг" - не стал бы новым Хаттином. Вечером кормили лошадей, обессилевших от ран.

7 сентября, миновав лес, армия крестоносцев приблизилась к Арзуфу. На этом переходе тамплиеры шли впереди, а госпитальеры замыкали движение под прицелами сарацинских арбалетчиков. После многочасового и исключительно трудного пути войско (из-за нетерпения маршала госпитальеров) вступило в бой раньше, чем этого желал бы король; но в сражении крестоносцы сломали сопротивление отрядов Саладина и открыли путь к Яффе.

Франкам понадобилось около трех недель, чтобы покрыть сотню километров от Акры до Яффы. Они обнаружили город в руинах и на развалинах разбили палатки.

*У Яффы, в оливковой роще,
В прекрасном саду*

Божье войско поставило свои знамена. [267]

Флот смог войти в порт, чтобы доставить продовольствие, да и на деревьях они нашли много фруктов: гранаты, виноград, фиги и миндаль. Саладин, который не хотел давать сражение при сомкнутых боевых порядках, отошел в Иерусалим, на пути уничтожив все крепости Палестины, за исключением Дарума, на крайнем юге у границы с Египтом. Амбруаз приписывает ему следующие слова:

Удаляемся к Аскалону.

Мы не можем сражаться.

Разружьте город Газу -

Пусть будет развален он как строевой лес,

Но оставьте Дарум,

Через который могут пройти мои люди <...>

Разружьте мне Блани Гард,

Который мы бы не смогли больше охранять <...>

Разружьте мне Сен-Жорж, Раму,

Большой город, который был наш,

Бельмон в горной вышине,

Торон, Шато Арно,

Бовуар и Мирабель <...>,

Кроме Крака и Иерусалима <...> [268]

С той поры Ричард, кажется, утратил веру в собственную стратегию. [269] Он держался четыре месяца на равнине Шарона, не двигаясь ни на Иерусалим, ни даже на Аскалон - город, который турки срыли перед отходом. В течение этого времени тамплиеры всем войском возводили крепость Мэтр Жак и укрепили небольшой замок План близ Рамлы. [270] Они охраняли оруженосцев, водивших лошадей на пастбища; настигнутые однажды сарацинами, слишком многочисленными, чтобы их атаковать, они спешили и сражались спина к спине, пока английский король не бросился им на выручку. [271] В ночь на Невинноубиенных [*4] они вместе с госпитальерами отправились в горы Иерусалима отловить пару сотен голов скота. Немного позднее они в качестве разведчиков доходили до Дарума.

Английский король все еще колебался, он не смог подчинить себе французов, которыми командовал герцог Бургундский. Из собственных его отрядов слишком многие предпочли таверны и притоны Акры; возвращать их оттуда приходилось ему самому, потому что Гвидон де Лузиньян оказался неспособным на это. Бесстрашный рыцарь, Львиное Сердце, показал себя ненадежным предводителем, и призрак нового Хаттина в горах маячил перед ним. Он даже начал переговоры с султаном.

Наконец в первые дни января 1192 г. войско двинулось в путь к Святому Граду. Рамла была всего в тридцати километрах от Иерусалима - в двух переходах, - но дорога шла через крутые подъемы и отвесные спуски, через ущелья, очень удобные для засад. Крестоносцы продвинулись до Бетенобля (Бейт Наблус), к подножию горы, где их остановили проливные дожди с градом. Одна гроза была столь сильной, что вырвала колья палаток и потопила вьючных животных. Погибли запасы продовольствия, оружие и доспехи покрылись ржавчиной. [272]

В таких условиях тамплиеры, госпитальеры и бароны Святой Земли советовали королю отказаться от штурма Иерусалима: опасались атаки турок еще в горах. Они настойчиво обращали внимание Ричарда и на то, что однажды взятый город в дальнейшем придется оборонять. [273]

Тамплиеры никогда не считали Иерусалим хорошо подготовленным к обороне, пока пограничные с Египтом крепости, такие, как Дарум, Газа, Крак и Монреаль, находились в руках мусульман - это был ключевой момент их политики. Они будут так же противиться штурму Иерусалима в 1219 и 1229 гг. На совете в Бетенобле план тамплиеров явно сводился к укреплению портов и других стратегических укреплений до начала движения вглубь страны. Их мнение, высказанное королю - "на деле придерживать крестоносцев, дабы их желание

освободить Святой Град не было выполнено", - исходило из целесообразности. Оба магистра прекрасно понимали, что все им не удастся удержать. Большая часть сирийских баронов только что потеряла фьефы и состояния. Обиженный Конрад Монферратский пребывал в Тире. Во время всей кампании оба монастыря при любых испытаниях проявили дисциплину и доблесть. Когда крестоносцы горько сетовали на жару и холод, на грязь и пыль, тамплиеры и госпитальеры, стиснув зубы, заменяли сторожевых псов. Когда французы или англичане с ностальгией говорили о возвращении на Запад к своим очагам, женам и детям, рыцари-монахи умолкали. Единственным местом, связующим их всех, был Святой Град. Но когда Роберт де Сабле посоветовал Ричарду взять Аскалон и Дарум, прежде чем рисковать наступлением на Иерусалим, его осторожность расценили как новое доказательство "предательства тамплиеров".

Следуя мнению обоих магистров и, возможно, не будучи уверен в своих силах, Ричард остановил продвижение на Иерусалим и возвратился в Рамлу, чтобы двинуться на Аскалон. Разочарование оказалось горьким. Множество французов, покинув войско, отправилось в Яффу, Акру и Тир. Дождь, грязь и холод усугубили всеобщее уныние.

Именно в праздник святого Илария войско охватила печаль и тоска по возвращению. Каждый желал видеть себя мертвым и проклинал день своего рождения, потому что предстояло возвращаться назад. Все войско было в замешательстве, оно слишком устало и истрадалось. Никто не знал, что предпринять, чтобы забрать с собой снедь, которую привезли; все вьючные животные ослабели от холода и дождей и подхватили лихорадку. Когда же их нагружали продовольствием, они, бредя по грязи, падали на колени на землю, и люди проклинали все на свете и лезли из кожи вон <...> Войско, мрачное и задумчивое, заночевало в Ибелене, и поутру, до восхода солнца, отбыли те, кто отправился вперед разведывать территорию. Палатки сняли, и войско поскакало во всеоружии: но ни одна живая душа никогда не рассказала бы вам о худшем дне. Ничего подобного в прошлом не было. Рыцари лишились своего продовольствия из-за вьючных животных, которые пали <...> Вскоре после обеда они прибыли в Аскалон. Они нашли его повергнутым и разрушенным, и пришлось им взойти на руины, чтобы в него попасть. [274]

Именно тогда, 20 января, Ричард остановился в Аскалоне до Пасхи, повелев восстановить стены - работа, которую выполняли все. Отношения Ричарда с французами становились все хуже и хуже - как в Палестине, так и на Западе - до момента, когда герцог Бургундский и его отряды покинули Аскалон и отступили к Конраду Монферратскому в Тир.

Убийство Конрада одним из ассасинов Старца Горы и избрание молодого графа Генриха Шампанского иерусалимским королем ослабили напряженность между союзниками. Генрих был избран в некотором роде по народному согласию. Он был одновременно племянником Ричарда и Филиппа Августа; его вынудили жениться на королеве Изабелле, вдове Конрада Монферратского. Английский король возместил убытки Лузиньяну, уступив ему Кипр, и войско крестоносцев пополнилось у крепости Дарум, попавшей в руки христиан в канун Троицы.

Берег моря снова оказался в руках франков, и герцог Бургундский потребовал наступать на Иерусалим. Но Ричард отказался взять на себя такую ответственность. Крестоносцев было слишком мало, чтобы осадить город; пути их снабжения можно было легко перерезать. "Если вы желаете испытать приключение, - сказал Ричард им, - я вас по-дружески согласен сопровождать, но не стану во главе крестового похода". И он предложил принять во внимание совет пяти тамплиеров, пяти госпитальеров, пяти пуленов и пяти франков. После совещания, длившегося всю ночь в шатре магистра ордена госпитальеров, последние убедили короля не начинать кампании. Стояла жаркая пора, воды не доставало, а сарацины засыпали все колодцы в окрестностях Иерусалима. Туманно говорили о наступлении на "Вавилонию", т. е. на Каир, но все знали, что крестовый поход не удался. Оставалось только заключить перемирие с султаном. [275]

Последний эпизод крестового похода - наступление Саладина на Яффу и стремительный ответный удар Ричарда - ничего не изменил в общей ситуации. Как победитель, Саладин поставил свои условия: перемирие должно длиться три года; Ричард должен срыть Аскалон

силами рыцарских орденов, как он уже заставил снести Дарум; франки сохраняют Яффу, а Саладин позволит христианским паломникам посещать Святые места.

Спешные вести призывали Ричарда в Англию. Он отбыл на корабле ордена Храма в одеянии брата ордена.

После этого прибыл он к магистру ордена Храма и сказал ему: "Сир магистр, я хорошо знаю, что меня не любят, и, переплыв море, как бы не попасть мне туда, где меня могут убить или взять в плен. Посему я прошу вас повелеть вашим братьям-рыцарям и сержантам, которые поплывут со мной на моем корабле, приготовиться, чтобы когда я прибуду, они бы меня проводили, как если бы я был тамплиером, до моей страны". Магистр ответил: "Охотно". Он велел тайно подготовить своих людей и посадил их на галеру. Король распрощался с графом Генрихом [Шампанским], тамплиерами и баронами Святой Земли и взошел на свой корабль. В час вечерни он перешел на галеру тамплиеров <...> и одни поплыли своим путем, а другие - своим. [276]

По неясной причине галера оказалась в Адриатике, где буря выбросила ее на берег между Венецией и Триестом. Ричард распрощался с тамплиерами. По еще более таинственным мотивам король направился к Вене, где попал в руки своего врага - Леопольда Австрийского. Когда его опознали, он был в одежде греческого купца и в сопровождении только своего оруженосца.

Третий крестовый поход, хотя и потерпел неудачу, территория крестоносных сеньорий побережья от Антиохии до Яффы не уменьшилась. Латинское королевство получило отсрочку на столетие, хотя его защитникам пришлось отвести войска для позиционной войны. Начиналась эра замков.

Этот термин ("гашишины", от "гашиш") применялся к исмаилитам, поскольку считалось, что они совершают дерзкие убийства в состоянии наркотического опьянения.

Он же - Арнауд де Торроха.

Т. е. родом из французской провинции Пуачу.

Т. е. в ночь накануне дня поминовения младенцев, перебитых по приказу Ирода: второй день по Рождестве Христовом.

Часть вторая

ГЛАВА XII Сыновья Любви Небесной.

Роберт де Сабле умер 28 сентября 1193 г. [277] Жизнь магистра ордена Храма редко бывала очень долгой. За двести лет насчитывается двадцать три магистра ордена. В качестве преемника магистра тамплиеры вызвали с Запада брата Жильбера Эраля [278], покинувшего Святую Землю в 1184 г. [279] для исполнения до 1190 г. должности магистра Прованса и Испании, затем, с 1190 по 1193 г., - функции *магистра на Западе*. [280]

Можно отметить, насколько тесные отношения сохранялись между Домом ордена Храма Святой Земли и Домом Испании. Тамплиеры и впрямь вели войну на два фронта. Почти обычным стало избирать великим магистром брата, проявившего себя на Западе. Среди преемников Жильбера Эраля Пере де Монтегаудо был *магистром в Испании и Провансе* [281], Гийомде Соннак - *магистром в Аквитании* [282], а Рено де Вишье - *магистром во Франции* [283]. Равным же образом и среди маршалов монастыря, Гуго де Жуй и Гуго де Монлора: один был *магистром в Арагоне и Каталонии* [284], а другой - *магистром на Западе* [285].

Когда в эти трудные годы (с 1186 по 1193) пошатнулся престиж ордена Храма, Жильбер Эраль поддерживал честь Дома в Испании. Он был вознагражден: в марте 1194 г., в начале его магистерства, ордену был передан от арагонского короля приграничный замок, "ибо ни это место, ни другой замок по соседству нельзя было бы защитить от набегов сарацин иначе, как силами тамплиеров". [286]

При избрании Жильбер Эраль должен был подвести итог деятельности Дома ордена Храма, положение которого казалось более блестящим, нежели было на самом деле. Его мирская независимость была достигнута с самого начала: не принося "ни оммажа, ни клятвы" даже иерусалимскому королю, он избежал интеграции в феодальную иерархию со всеми ее обязательствами, но вместе с тем и взаимной помощи. Невзирая на всеевропейское свое единство, могущественное среди зарождающихся национальных государств - и могущество второго сословия в зените всего его блеска, - орден Храма нуждался в международной поддержке, особенно с тех пор, как Святая Земля стала полем борьбы политических интересов разных государств Запада. Вполне естественно он обретет эту поддержку в Святом престоле.

В 1198 г., четыре года спустя после избрания Жильбера Эраля, престол святого Петра занял Иннокентий III - один из величайших Пап Средневековья. В этот период выявляется такое же согласие между Иннокентием III и Жильбером Эралем и их преемниками, как это было при Александре III и Бертроне де Бланфоре или Евгении III и Робере де Краоне.

С 1198 г. и до смерти Иннокентия III в 1216 г. пять десятков булл - некоторые из которых повторяются по 10-15 раз - были изданы в пользу тамплиеров. Значительная часть этих булл - напоминание и подтверждение уже предоставленных привилегий. "Omne Datum Optimum" была опубликована между 1198 и 1205 гг. восемь раз. Видна неизменная готовность Папы поддержать тамплиеров, даже в противостоянии белому духовенству. Независимость ордена подтверждал и его преемник Гонорий III, поддерживавший с рыцарями те же добрые отношения. Чтобы оценить пройденный путь, обратимся к фактам.

В начале своего существования орден Храма находился под опекой не только патриарха Иерусалимского, но епископской власти как таковой. По первоначальному уставу, вступающий в орден сначала должен был представиться архиерею своего диоцеза: и "когда епископ его услышит и отпустит грехи, пускай направит его к магистру и двум братьям ордена Храма". Кроме того, Дом "по милосердию" окормляли капелланы, находившиеся в юрисдикции епископов [287]. Эта опека была упразднена уже буллой "Omne Datum Optimum" 1139 г. [288]. Отныне орден включал в себя давших обет братьев-капелланов, которых рыцари могли отбирать из белого духовенства, несмотря на отказ епископа диоцеза; рыцари могли и отпускать братьев-капелланов, "если бы те оказались смутьянами или просто бесполезными". Капелланы были подчинены магистру "как своему прелату" - и никому другому, за исключением самого Папы. Тамплиерам было разрешено строить часовни с кладбищами для себя и своих слуг, но при сохранении епископских прав на десятину, на причастие и погребение.

Двадцать лет спустя эти церкви и кладбища стали использоваться всеми, кто делал пожертвования ордену Храма, лишь бы они платили приходские сборы своих приходов [289]. Но в 1175 г. Александр III обрушил гнев на тамплиеров и госпитальеров Англии, предоставлявших места для погребения отлученных от Церкви. Он обязал рыцарей присягнуть, что отныне они будут повиноваться указам Святого престола в лице архиепископа Кентерберийского, который должен был удостоверяться в действительном их повиновении. [290] Это было локальное поражение, но все же поражение, ибо в результате белое духовенство могло вмешиваться в дела ордена. Через пять лет, однако, Александр III обратил свое неблаговоление против епископов и пригрозил им, со своей обычной выразительностью, что "ежели они будут продолжать требовать верности и повиновения капелланов ордена Храма, кои подчинены только Риму, этим займется Курия к их пущему великому стыду". [291]

Иннокентий III, желавший, возможно, сделать из тамплиеров нечто вроде папской гвардии, продолжил дело высвобождения ордена Храма, продолжая укреплять его связи с Римом. Со времени своего избрания по просьбе Жильбера Эраля и его капитула Папа утвердил тамплиеров во владении "Домом ордена Храма, в котором вы пребываете <...> со всеми своими церквами, часовнями, владениями и состоянием, принадлежащими вам в настоящее время, или которые вы можете получить от Понтифика, [*1] королей, принцев, милостынями приверженцев или иным праведным образом <...>", становясь в некотором роде сюзереном ордена. Одновременно он обобщил духовные привилегии Дома: иметь капелланов,

которые были бы подчинены только магистру, и хоронить на своих кладбищах всех, кто того пожелает, если только это не отлученные от Церкви и не лица, находящиеся под интердиктом; собратья ордена получали также отпущение седьмой части епитимьи. [292]

На следующий год (1199) Иннокентий лишил белое духовенство права отлучения от Церкви или права налагать интердикт на любого брата ордена Храма, будь то рыцарь или священник. [293] Происхождение этой привилегии довольно любопытно. Тамплиеры Святой Земли вступили в спор с епископом Тивериадским по поводу средств диоцеза, насчитывавших 1300 безантов, [*2] которые предшественник этого епископа поместил у них и которые они отказались передать. Папа назначил двух судей - епископов Силона и Библиса. Поскольку последний отсутствовал, епископ Сидона вызвал обоих тяжущихся в город Тир. Жильбер Эраль, возвращавшийся из Антиохии, послал вместо себя двух братьев Дома. Но едва они объявились, как епископ Сидона обрушился на тамплиеров, ничего не желая слушать, и воскликнул - "рек во гневе": "Если вы не возвратите безанты до воскресенья [был четверг], властью Бога Отца и всех Святых я отлучу от таинств вашего магистра и всех ваших братьев по ею и по ту сторону моря, вплоть до ваших собратьев и друзей!" Оба тамплиера откланялись и во весь опор помчались в Акру догонять магистра; последний отправился за патриархом, немедленно пошел на уступки и полюбовно все уладил до конца недели.

*Но в ближайшее воскресенье вышеназванный епископ Сидона вошел в церковь Святого Креста в Тире и там, после всеобщего шествия и в присутствии всего духовенства и народа, погасив светильники, [*3] отлучил поименно магистра ордена Храма и всех его братьев по обе стороны моря, вплоть до друзей и собратьев Дома!*

Тамплиеров душил гнев после такого оскорбления. Они пригрозили "снять свои белые плащи и покинуть Святую Землю, возвратившись каждый к себе", уступив мольбам своих друзей, "они вспомнили о своих обетах и своем долге хранителей страны" и удовлетворились апелляцией в Рим. [294]

Папа встал на их защиту. Обвинив епископа Сидонского в "великом самоуправстве, иначе сказать - в тяжком злодеянии", он заставил его покинуть свою кафедру, "дабы тот, кто допустил глупость своей ошибкой, постиг мудрость в наказании". Затем, в возмещение. Папа предоставил привилегию, ставившую орден вне епископской власти. Тамплиеры, если будет позволено так выразиться, с успехом применили дипломатическую систему подножки. Это, однако, не способ приобретения друзей...

В 1204 г. (тогда магистром ордена был Филипп де Плессье) Папа предоставил капелланам право исповедовать тех, кто желал быть похороненным на кладбищах ордена, причащать их "в смертном случае" и хоронить с крестом: ранее это находилось в ведении приходских священников. [295] Поскольку капелланы ордена Храма уже были вне власти диоцеза, эта привилегия ущемляла как епископов, так и приходской клир. И наконец, дабы пресечь тяжбы, в которые вовлекали тамплиеров эти благодеяния, Иннокентий постановил, что их не могут вызывать на суд Курии иначе, как именными извещениями, в которых должно содержаться прямое указание на особы вызываемых, - существенное подкрепление всех прочих привилегий! Орден Храма приобретал своего рода духовную обособленность: он подолгу оставался светским по сути своей объединением, которое "пользовалось покровительством Рима, но не принимало его опеки". [296]

В 1207 г. орден даже осмелился отслужить мессы в нескольких находящихся под интердиктом городах - при открытых воротах и колокольном звоне. Тогда Иннокентий III сурово осудил тамплиеров, предупреждая о необходимости соблюдения церковного послушания и почитания легатов: "В противном случае, если с вами случится беда, можете пенять на самих себя, и никак не на нас!" [297]

Однако влияние Святого престола не ограничивалось душепопечением. В течение первой четверти XIII в. именно папы Иннокентий и Гонорий поддержали дело Святой Земли в отличие от равнодушных английского и французского королей и от сравнительно слабого короля Иерусалимского.

Тамплиеры сохранили хорошие отношения как с Генрихом Шампанским (он умер в 1197

г.), так и с его наследником Амальриком II Лузиньяном, королем Кипрским и четвертым мужем злосчастной Изабеллы Иерусалимской, женившемся на ней с одобрения магистров ордена Храма и ордена госпитальеров. [298] Но глухая неприязнь, постоянно тлевшая между тамплиерами и госпитальерами, выплеснулась в 1198 г. в открытую войну по поводу фьефа, находившегося между Маргатом и Валанией. Иннокентий III укорял оба монашеских ордена: "Можно ли называть людьми Церкви тех, кто столь оскорбительно мстит друг другу за оскорбления", [299] и посоветовал им договориться в соответствии с соглашением, утвержденным обоими Домами еще во времена Александра III. В тот раз для переговоров тамплиеры отправили в Рим брата Пьера де Вильплана и бывшего великого командора брата Тьерри. [300]

Жильбер Эраль умер в 1201 г. [301] Ничего неизвестно о прежней деятельности его преемника Филиппа де Плессье, управлявшего Домом в течение восьми лет. В Сирии это были годы бесцветные и смутные, когда перемирие с сарацинами позволило разгореться междоусобицам. Даже внутренняя дисциплина ордена дрогнула. Обнаруживаются отголоски спора между Филиппом де Плессье и некоторыми великими бальи. Последние, получив приказы, "которые им не нравились или показались слишком жесткими", потребовали разрешения покинуть орден Храма ради цистерцианского ордена. По статутам они имели на это право, но Филипп отказался отпустить их под предлогом, что они действовали как мятежники, а ничуть не из потребности в созерцательной жизни. Магистр также добыл буллу Иннокентия III, по которой цистерцианцы не могли их принять, хотя Курии довольно трудно было скрыть деспотичность этого поступка ("Сыновья Лии предпочтены сыновьям Рахили; Мария - исключение, а Марфа - правило", и т. д. [*4]). Эхо спора донеслось до нас сквозь сдержанную латынь документа, но мы понимаем, что единомыслие ордена серьезно пошатнулось. [302]

Отброшенные от южных районов и потерявшие Палестину почти полностью, тамплиеры отныне опирались на свои владения на севере Святой Земли. С потерей Газы и Аскалона возрастало значение замка Дарбезак, порта Бонель в Армении, Гастена на Оронте. Но здесь тамплиеры оказались втянутыми в борьбу между королем Киликийской Армении Львом II и Боэмундом IV Триполитанским, - в борьбу, ставкой в которой было княжество Антиохийское.

К 1191 г. армянский король захватил замок Гастен на Оронте, принадлежавший до краха 1187 года тамплиерам. По его словам, он изгнал оттуда сарацин и взял замок по праву войны. Тамплиеры же свидетельствовали, что турки после взятия Акры в июле 1191 г. бежали, и армянский король нашел Гастен "без жителей и как бы освобожденный от рук язычников", что не допускало с его стороны никакой конфискации. [303] Одновременно разразилась ссора между Львом Армянским и графом Боэмундом Триполитанским [304] по поводу княжества Антиохийского, которое Боэмунд оспаривал у своего молодого племянника Раймунда Рупена, внука Боэмунда III Антиохийского по отцу и армянского короля - по материнской линии. В декабре 1199 г. Лев обратился со своим королевством в католичество: согласно армянским хроникам, обращение это было притворным. [305] Корону Лев получил из рук архиепископа Майнцского "от Бога, римской Церкви и императора Римской империи" [306] и тут же попытался превратить в деньги свое обращение, препоручив Папе дело молодого Раймунда Рупена. [307]

Горожане Антиохии высказались за Боэмунда, владевшего антиохийской цитаделью. Магистры обоих орденов поначалу отправились графу на помощь, но отступили, когда Лев воззвал к Святому престолу. [308] Однако тамплиеры при поддержке графа Триполитанского и патриарха Антиохийского все еще требовали вернуть замок Гастен. Лев созвал их и в запальчивости сообщил, что "удерживает Гастен как возмещение за Антиохию". После этого обе партии отправили донесения в Рим. [309]

Немного позднее, когда Лев Армянский обратился к тамплиерам с просьбой о помощи против султана Алеппо, Жильбер Эраль со своим монастырем отправился в Армению, но только для того, чтобы представить королю буллу Иннокентия III, приказывающую возратить Гастен. Лев пообещал все, о чем они могли мечтать: гарантированное обладание Гастеном и Дарбезаком; опеку над своим внуком Рупеном, вплоть до просьбы принять его в собратья Дома.

Он ни в чем не мог отказать, желая от них лишь помощи в овладении Антиохией. Но Жильбер Эраль не был расположен становиться наемником в войне между христианами и покинул страну. Лев излил свое возмущение в письме Папе, где довольно наивно объяснял суть интриги. [310] Затем он обратился к госпитальерам, которые оказались менее требовательными и пришли ему на помощь в обмен на замки и фьефы. [311]

Иннокентий III разрывался между своей дружбой с тамплиерами и искренней симпатией к новообращенному. Он попытался повернуть соперников к священной войне и отослал армянскому королю хоругвь святого Петра, которую тот должен был нести навстречу врагам Креста. [312] Но Папа также пообещал направить легатов, чтобы рассудить дело на месте, [313] и в качестве своих представителей остановил выбор на кардиналах св. Праксидии и св. Маркелла. [314] [*5]

Жильбер Эраль умер в 1201 г. Кардиналы-легаты прибыли в Святую Землю, один в ноябре 1202 г., другой - в марте 1203 г. [315] Во время их пребывания в Акре и после первых переговоров армянский король предпринял ночную атаку на Антиохию. Пока патриарх Антиохийский пытался договориться, тамплиеры, составлявшие половину гарнизона, "показали зубы", по выражению Льва : *"Ecce Templarii contra nos denies acuentnt"*. [*6] "Они оснастили башни, прибегли к оружию, обстреливали наши отряды и внутри, и вне города, развернув против нас знамя". [316]

Тамплиеры ответили на нападение, предпринятое на город в разгар перемирия и в ожидании прибытия легатов. Но, по свидетельству самого Льва, до того времени они соблюдали очевидный нейтралитет в споре между королем и графом Триполи. "Мы уважали их, - пишет король, - щадя их владения и держания во время всей этой войны, ибо надеялись иметь их в качестве друзей, а не противников, и как монахов". [317] Со времени столкновения в Антиохии Лев захватил все их владения в Киликийской Армении, за исключением двух замков, Скалы Гийома и Скалы Рюссоль, отбивших атаки. [318]

Оба легата не слишком хорошо понимали друг друга. Кардинал св. Праксидии желал вернуть Грецию. [319] Его коллега, кардинал св. Маркелла, поддерживал тамплиеров и отлучил Льва и его королевство, когда король упорно отказывался возратить рыцарям их состояние. Лев снова написал в Рим, обвиняя кардинала в том, что он союзник тамплиеров и продался "вероломному султану Алеппо". [320] Положение становилось гротескным после того, как госпитальеры заставили отлучить от церкви графа Триполи, и обе воюющие стороны оказались в "карантине" по отношению к церковным посредникам. [321]

Надо заметить, что Курия никогда не смешивала два спорных дела. [322] Иннокентий III назначил новых посланников расследовать дело графа Триполи, [323] а двух других, - епископов Валаньи и Библиса, - дело тамплиеров. [324] Он продолжал служить посредником между королем и графом, но рассматривал дело Гастена как решенное кардиналом св. Маркелла и лишь старался повернуть приговор последнего в пользу ордена Храма.

Филипп де Плессье скончался 9 ноября 1209 г. [325] Его сменил Гийом Шартрский, присутствовавший в 1210 г. на свадьбе Жана де Бриенна с наследницей Иерусалимского королевства Марией-Иолантой. Новый магистр происходил из рода видамов Шартрских и стал тамплиером в марте 1193 г. в Палестине; тогда же он передал часть своих собственных земель командорству Сур в Шартрене. [326]

Убийство патриарха Антиохийского графом Триполи в 1208 г. серьезно изменило ситуацию в Киликийской Армении. [327] Иннокентий III, выведенный из себя этим преступлением, почти умолял короля помириться с тамплиерами и дал понять, что готов поддержать Раймунда Рупена. Но Лев все еще противился и не смог воспользоваться обстоятельствами. В свою очередь, тамплиеры сумели уклониться даже от видимости соглашения с убийцей и таким образом избежать анафемы, которой были преданы Боэмунд и его соучастники. В 1209 г. Иннокентий вновь терпеливо повторял предупреждения:

Тамплиеры прекратят оскорбления, на которые вы жалуетесь, как только вы прекратите оскорблять их и не будете больше препятствовать им во взятии под свою юрисдикцию замка Гастен. Именно в этом суть и причина их неприязни, ибо вы

*отказывается передать им замок и не желаете поступить с ними справедливо, невзирая на наши просьбы и внушения. Все законы, любое правосудие позволяют противопоставить силе силу, особенно тем, кто не совершает ничего предосудительного, сопротивляясь. Тамплиеры не священники, они вправе защищаться, раз вы на них нападаете, и в особенности потому, что вы похищаете у них потребное для войны с язычниками. Поскольку вы удерживаете и укрепляете их замки, неудивительно, что они стоят на своем и обороняются от вас в Антиохии, немалой частью коей они владеют [*7]*

<...> Они настойчиво испрашивают разрешения исполнить то, право на что предоставила им снисходительность папы Александра III, иначе многие из них подтверждают нам, что покинут Святую Землю <...> и поскольку они люди отважные и могущественные, они смогли бы стать вам великой подмогой или принести великий вред <...> Не думайте, что мы говорим вам сие из расположения к графу [Триполи] или из привязанности к тамплиерам, ибо нам угоднее было бы видеть их соблюдающими свой устав, нежели воюющими с вами. [328]

Папа предложил доверить охрану города Антиохии новому патриарху, "человеку вполне почтенному, предусмотрительному и верному, вне подозрений с обеих сторон", и вменить оборону города двум военным орденам, видя в этом средство укрепить его нейтралитет.

Лев продолжал отказываться от помощи, предлагаемой ему Иннокентием III, и не отдавал захваченный Гастен. В 1211 г. тамплиеры начали военные действия, поддержанные новым королем иерусалимским Иоанном [Жаном де Бриенном], который прислал им пятьдесят рыцарей. [329] Стычки с армянами уже случались при доставке продовольствия в замки Скалы Гийома и Скалы Рюссоля. Во время одной из таких экспедиций отряды армянского короля застигли тамплиеров в ущелье, где магистр и многие из его братьев были ранены, а один из них убит. [330]

Папа всегда поддерживал рыцарей Храма. Он вновь подтвердил отлучение армянского короля патриархом Иерусалимским. Но борьба продлилась до 1213 г., когда Лев сдался, возвратив тамплиерам их добро и испросив отпущение грехов. [331] Впоследствии он потерял всякое доверие Святого престола, позволив своему внуку напасть на Антиохию, которую Рулен предал огню и мечу. [332] Тамплиеры остались к этому равнодушны. Они снова были хозяевами Гастена, Бонеля, Дарбезака, Скалы Гийома и Скалы Рюссоля с прочими землями стоимостью в пятьдесят тысяч золотых византийских монет и ловко выбрались из бурных последствий войны с Арменией.

ГЛАВА XIII Строители замков

В течение первого века существования Иерусалимского королевства крупные замки были центрами феодальных фьефов или принадлежали к королевскому домену. Во втором случае гарнизоны, состоявшие из рыцарей и сержантов, находились на жаловании у короля. Правда, исключением являлись Газа, отданная тамплиерам в 1149 г., замок Сафет, который им уступили в 1169 г. [333], и порт Тортоза, который они взяли силой в 1165 г. Небольшой укрепленный замок на Броде св. Иакова, возведенный и потерянный между октябрём 1178 и июнем 1179 г., был первым примером сотрудничества короля с одним из военных орденов при совместном сооружении и содержании стратегически значимого укрепления в Святой Земле. После потери Иерусалима королевская власть поколебалась, в Сирии только орден Храма и орден св. Иоанна остались достаточно богатыми и могущественными, чтобы содержать в порядке и защищать крепости, и даже для них это было непосильным бременем.

Событием, увенчавшим магистерство Гийома Шартрского, стало сооружение Замка Паломника в 1218 г. Турки только что укрепили гору Фавор, которая образовывала опасный клин и угрожала одновременно и равнине Акры, и дороге вдоль побережья. Франки попытались захватить гору в 1217 г., что и развязало очередную египетскую (дамьеттскую) кампанию. Гийом Шартрский, который лежал больной в Акре, не участвовал в экспедиции, но короли Иерусалимский и Венгерский, герцог Австрийский, магистр ордена Госпитальеров и

монастыри обоих орденов пошли на приступ. Когда первая атака провалилась, магистр ордена Госпитальеров предложил вновь попытаться, но вялость, если не сказать трусость, крестоносцев-мирян заставила их отступить. [334]

Король Иоанн предпринял строительство замка на юге от Цезарей, в новой марке (провинции) государства. Магистр ордена Храма и его совет решились со своей стороны укрепить мыс Атлит, чтобы преградить дорогу к Хайфе. у тамплиеров уже была башня недалеко от мыса, которая называлась "замком узких проходов"; берег создавал здесь естественный рейд, поддающийся укреплению, куда во время продвижения к Яффе причаливал флот Ричарда Львиное Сердце.

Из-за толпы паломников, поставлявших добровольную рабочую силу, новую крепость назвали Замок Паломника. "Готье д'Авен дал ему свое имя и сказал, что будет его крестным отцом, и под первый камень положил тысячу сарацинских золотых монет". [335]

Широкий и высокий мыс, с естественными укреплениями на севере, западе и юге, поднимается над морем. На востоке стоит башня, сооруженная в давние времена тамплиерами, которые удержали ее столько же миром, сколько и войной. Некогда эта башня была возведена, чтобы защищать паломников на иерусалимской дороге или на обратном пути от воров, которые подстерегали их на этом узком пути. Стоит же она совсем рядом с морем, на выступе горы, который и называли "Узким проходом".

*В течение всего времени, ушедшего на сооружение цезарейского замка, тамплиеры выдалбливали себе путь в скале. По истечении шести недель они приступили к первым закладкам фундамента. Показалась древняя стена, длинная и широкая. Они также нашли клад из древних монет, незнакомых нынешним людям, ниспосланный благостью Сына Божиего, чтобы вознаградить их за их расходы и труды. [*8]*

*Затем они выкопали и убрали прочь песок, за которым обнаружили другую стену, и меж этих двух стен источник питьевой воды, которая в изобилии была ключом. Бог щедро снабжал их камнем и цементом. [336] Тамплиеры соорудили две башни перед фронтоном из четырехугольных отполированных камней, столь больших, что упряжка из двух быков едва могла тащить один из них. Каждая башня имеет сто шагов в длину на семьдесят четыре в ширину; это пространство состоит из двойной крепостной стены. Новая и высокая стена, заканчивающаяся зубцами, связывает обе башни, и, благодаря замечательному мастерству [строителей], рыцари во всеоружии могут подниматься и спускаться по лестницам, устроенным внутри. Другая стена простирается от одного берега до другого и охраняет колодец с пресной водой у конца полуострова. Замок окружен со всех сторон высокой новой стеной с башнями, которая поднимается от самой отмели; внутри нее часовня с палатами и множество хозяйственных зданий. Главная задача этого сооружения - позволить монастырю ордена Храма при отступлении из города Акры, нечестивого и грешного, держаться здесь до тех пор, покуда будут готовиться к обороне стены Иерусалима. [*9]*

Владение обладает рыбными промыслами, солончаками, лесами, выпасами, пахотными землями и обильными пастбищами. Виноградники, существовавшие ранее или посаженные, и фруктовые сады являются отрадой жителей. У сарацин нет ни одной крепости между Акрой и Иерусалимом. Этот новый замок наносит им чрезвычайный ущерб, и, объятые страхом, они готовятся покинуть свои обработанные земли между Иерусалимом и Иорданом. Там также есть порт, который хорош от природы и который мастерство [строителей] могло бы улучшить. Это укрепленное место лишь на шесть миль отдалено от горы Фавор, и полагают, что его сооружение предопределило уничтожение крепости на горе; ибо по всей протяженной и широкой равнине, которая простирается от Атлита до горы Фавор, сарацины из-за мощи нового замка не могут ни пахать землю, ни сеять, ни пожинать в безопасности. [337]

Крепость, столь гордо глядевшая в воды Средиземного моря, была сооружена из известняка; стены вырастали из самих волн. Позади крепостной стены, вокруг большого зала, огромного сводчатого строения, украшенного гигантскими головами изваянных рыцарей, сосредоточивались склады, конюшни, казармы. Шестиугольная часовня была, возможно, самой красивой, которую когда-либо возводили тамплиеры. Фундамент стен, разбитые опоры,

огромные глыбы обтесанного камня, несколько резных карнизов - свидетели былой славы - и сегодня громоздятся на мысу. [338]

Когда Т. Э. Лоуренс был лишь оксфордским студентом и готовил свое дипломное сочинение по истории, он избрал в качестве темы "Замки крестоносцев". Во время каникул, с 1906 по 1909 гг., в поисках материалов пешком и на велосипеде он преодолел большую часть Франции и Сирии, взбираясь на руины, археологически исследуя стены, оценивая взглядом стратега планы крепостей. Он основывал свою диссертацию на теории, тогда еретической, по крайней мере в Англии, но теперь ставшей штампом, что фортификаторы Иерусалимского королевства в течение длительного времени были учениками западноевропейских строителей, а не их учителями.

На лето 1908 г. Лоуренс задержался во Франции, в Провене и Куси. В следующем году он посетил развалины почти всех замков северной Сирии. Повсюду он вычерчивал планы восхитительной тонкости и проиллюстрировал свою работу очень красивыми фотографиями. Один из его биографов сказал, что Лоуренс появился на свет с опозданием на три столетия. Было бы еще справедливее сказать, что он опоздал родиться на восемь веков. Читая его "Семь столпов" и "Замки крестоносцев", угадываешь глубокую ностальгию по Средневековью. Под палатками арабов он разыскал и обрел не ислам, но XIII век. Многие разделили это увлечение, но Лоуренс был, возможно, последним, кто смог оживить подобную мечту. И лишь в конце книги "Семь столпов" читатель испытывает нечто вроде горького пробуждения.

Лоуренс был одарен гениальной способностью перемещаться в условия средневековой войны. Он сумел применить совет Фюстеля де Куланжа "позабыть все, что люди того времени еще не знали", и оценивал оборонительные укрепления крепостей с позиции современных им наступательных средств, подобно магистру ордена Храма или Госпиталя. Лоуренс начинает с анализа теорий Прокопия Кесарийского и планов византийских крепостей, расположение которых часто использовали крестоносцы. Замки времен Юстиниана располагали тремя линиями защиты - насыпью, рвом и двумя крепостными стенами за рвом. Стены поддерживал донжон, а надвратная башня часто была сооружена очень искусно. С появлением латинского Иерусалимского королевства крестоносцы восстановили или попросту отремонтировали греческие укрепления Сирии и Палестины.

* * *

Размещение гарнизонов военных орденов во всех крепостях на границе Латинского королевства открывает новую эру в сооружении замков в Сирии. Когда изучают сооружения светских сеньоров, даже самых знатных, становится совершенно очевидно, что их деятельность жестко сковывала нехватка материальных ресурсов, денег и рабочих рук. Другая причина сдерживания развития оборонительных сооружений заключалась в небезопасности сеньориальных держаний. Между семьями владельцев замков беспрестанно, вследствие характерной для Палестины слишком высокой смертности, вызванной несчастными случаями или болезнью, заключались новые браки. Вследствие этого фьефы все время переходили из рук в руки. Военные ордена в подобных условиях находились в более выгодном положении. Члены их были холостяками, послушными и лично незаинтересованными. У них не было ни алчных наследников, ни стремления сохранить неделимыми домены. Кроме того, ордена не имели границ и могли при необходимости черпать пополнение из неистощенного резерва лучшего рыцарства Европы. Военная одаренность их командоров и даже простых рыцарей поразительным образом противостоит недееспособности светских сеньоров королевства. Среди рыцарей орденов скоро установилась собственная манера воевать против язычников, и каждая громкая удача давала новый импульс, одаряла их плодами плодотворного опыта. Суть, возможно, в том, что ордена были богаты не только тем непрочным богатством, которое основано на владении половиной самой плодородной земли Палестины, но и своим состоянием в Европе, а этот источник мог постоянно поддерживать процветание ордена, в то время как сирийским сеньорам любой внезапный набег грозил финансовой катастрофой. Пожалуй, все эти выгоды лучше ощущаются там, где они оставили больше всего следов, - в военной архитектуре.

Ордена заняли почти все важные замки севера Сирии, расширив или восстановив девять

крепостей из десяти. В течение последних двадцати лет XII в. строительство было предпринято тамплиерами и госпитальерами. Но соперничество и прискорбная ревность, разделявшая их, заставили воспользоваться для своих сооружений противоположными архитектурными стилями. Тамплиеры, которых всегда подозревали в склонности к ереси и таинственным наукам Востока, возродили традицию Юстиниана, такой, какой она представляла в пришедших в упадок крепостях северной Сирии, эту традицию они развили путем ее упрощения. Госпитальеры в силу своей консервативности взяли за образец фортификационную школу, процветавшую во Франции. Таким образом, врожденная антипатия Запада и Востока, стоящая ближе, чем что-либо другое, к истокам всех крестовых походов, проявляется в крепостях латинского Востока <...>

Характер тамплиерского стиля тут же станет понятным, если рассмотреть план Замка Паломника [Атлита], их главной крепости. Укрепление это занимает узкий скалистый и песчаный мыс, исключительно удобный для обороны согласно средневековым воззрениям. Тем не менее тамплиеры, принявшие за дело в 1218 г., отбросили все принципы системы фланкирующего огня и нескольких линий обороны, выработанной в эту эпоху в Европе. На Атлите они гордились единственной оборонительной линией - чрезвычайно толстой стеной, сооруженной из колоссальных каменных блоков, усиленной прямоугольными башнями, с полукруглыми в плане фасадами. Здесь есть донжоны - главные башни замка, но стоят они отнюдь не в тех местах, где их менее всего могли бы атаковать, а на самом опасном направлении, чтобы принять на себя натиск приступа. Казалось бы, они должны быть исключительно массивными; но в истинно византийском стиле, их стены, по сравнению с их куртиной [участок стены между башнями], тонкие, а деревянные галереи поверх башен для усиления их оборонительной мощи, становившиеся уже привычными, не использовались. Башни слегка вынесены наружу - недостаточно, чтобы обстреливать фланги атакующего куртину противника; а выдвинутое вперед маленькое предмостное укрепление в одиночку сопротивляться не могло. Сила Атлита - сила грубая, зависящая от прочности почти не прикрытой куртины, от его непреодолимой высоты и от препятствия, которое представлял глубокий ров в уровень с морем, выдолбленный в скале под башнями. План является только переработкой старых идей Прокопия, понятых наполовину. Юстиниан, за исключением чрезвычайных случаев, не сооружал в завоеванных странах крепости, рассчитанные на долговременную оборону. Ему нужны были только временные оборонительные сооружения, на которые могло опереться греческое войско, несравненно более маневренное, чем средневековое. Имея время и неограниченную рабочую силу, кто угодно может создать столь глубокий ров и высокую стену из таких массивных камней, чтобы все это сооружение казалось неприступным. Но подобное место для его защитников становится столь же ловушкой, сколь и убежищем: по сути дела, это глупость. Таков Атлит. [339]

* * *

Заключения Лоуренса нелестны для тамплиеров. Возможно, ему хотелось это подчеркнуть, поскольку он хотел продемонстрировать в своей работе превосходство французской традиции над восточной. Довольно любопытно констатировать, что он поддержал весьма спорную теорию различия стилей военной архитектуры обоих орденов. Но он упустил из виду то, что Замок Паломника обладал морским портом, который позволял во время осады снабжать его обитателей всем необходимым или, в крайнем случае, эвакуироваться. Не вдохновлялись ли тамплиеры более, чем византийской школой, примером донжона Тортозы, морской крепости, которая хорошо показала себя в течение осады 1188-1189 гг.?

Замок Тортозы принадлежал ордену с 1169 г. Ров на уровне моря пресекал всякий контакт между крепостью и землей: дамба, доступная обстрелу защитников, вела к единственному главному входу, а крепостные стены были исключительной мощности [340] (каменоломней для строителей послужили развалины одного из финикийских городов). Внутри крепостных стен, слева от площади, возвышался красивый большой зал в форме галереи; его освещали шесть больших окон, а порталы давали доступ с каждого конца. По длине его разделяла вереница прямоугольных колонн, поддерживающих своды. Как и круглая церковь ордена Храма в

Лондоне, большой зал украшался изображением Агнца, несущего хоругвь, и креста, поросшего листвой и цветами. Часовня была в том же стиле, не круглая, а с прямоугольным завершением, без апсиды, и освещенная окнами в стрельчатых арках, также выходящих на площадь. Со стороны моря все еще виднеется "основание огромного донжона продолговатой формы, с откосом рва, облицованным камнем <...> длинная сторона донжона насчитывает не менее тридцати пяти метров, а с запада короткая сторона была прикрыта двумя навесными квадратными башенками. Под этим массивом еще сохранились просторные казематы, которые сообщаются с морем посредством потайного хода, начинающегося на уровне воды и позволявшего христианским судам снабжать защитников этой башни, изолированной от остального замка глубоким рвом, некоторые следы которого еще существуют". [341] Не здесь ли прототип оборонительных сооружений Замка Паломника?

Одно из наиболее волнующих сооружений тамплиеров, Кастель Блан - Белый Замок, возвышается на отрогах горной цепи в глубине страны, между Тортозой и Триполи. Чтобы добраться туда, необходимо пройти через стоящие уступами на крутых склонах две крепостные стены, внутренние углы которых Лоуренс критикует как "слишком многочисленные и беззащитные". Внутри второй стены расположена шестиугольная земляная насыпь, где некогда находились казармы и кладовые и где возносится стройная башня - одновременно часовня, большой зал и донжон. Сводчатая часовня, которая составляет первый этаж, поднимается на огромную высоту - семнадцать метров - и имеет тридцать один метр в длину; алтарь освещают скорее бойницы, нежели окна; посреди нефа открывается отверстие цистерны, вырубленной в скале. Лестница, устроенная в толще стены, ведет на верхний этаж, образующий зал; небольшая лестница делает его похожим на зал в Тортозе. Далее главная лестница ведет на площадку с бойницами, возносящуюся над окружающим ландшафтом на высоту башни и вершины, на которой та стоит. С этой площадки гарнизон мог обмениваться сигналами с Краком или Ареймехом. [342]

Последний, называемый также *Красным*, замок также принадлежал ордену. Лоуренс описывает его еще более подробно.

* * *

Из прочих тамплиерских крепостей, которые еще существуют, Ареймех немного лучше. Здесь тамплиеры унаследовали византийские укрепления и лишь восстановили вторую крепостную стену. Замок расположен на холме столь крутом, что наступление могло быть направлено только на западный контрфорс [выступающий угол]. После контрфорса была еще другая крепостная стена, отделенная от первой рвом <...> для лучшей обороны недоставало только нескольких башен на выступе [контрфорсе] <...> Стены местами немного извилистые, для того чтобы отражать неожиданные штурмы с крепостного вала; их главным недостатком является небольшая высота. Не кажется серьезным также и контрфорс. [343]

* * *

Спустя двадцать три года после сооружения Замка Паломника тамплиеры восстановили свою крепость в Сафете. [344] Это было в эпоху, когда жесткая политика увенчалась перемирием с Дамаском и очередной уступкой христианам почти всей Галилеи. Епископ Марсельский Бенедикт, посещавший тогда Святую Землю, использовал затишье, чтобы совершить паломничество по мусульманской территории, ведомый сарацинскими проводниками.

И покуда он несколько дней дождался в Дамаске получения пропуска султана, многочисленные люди обращались к нему с одним и тем же вопросом - будут ли восстанавливать Сафет. Когда он обеспокоился, почему они ему задают сей вопрос с такой настойчивостью, они ответили, что эта крепость закрывала врата Дамаска.

Вступая в Святую Землю, Бенедикт решил ради любопытства повернуть в горы Галилеи, чтобы посетить вышеупомянутый город. Хотя край был уступлен мусульманами совсем недавно, он встретил в Сафете отряд тамплиеров, расположившийся биваком на руинах.

Владелец замка - брат Раймунд де Карон принял его с великой радостью, хотя у него

самого для проживания были только маленькие палатки, которые возят оруженосцы и в которых устраивают ложе для своего сеньора. Епископ старательно справился насчет этой крепости и отчего сарацины так боялись ее восстановления: тамплиеры ему объяснили, что она послужила бы защитой и опорой христиан до Акры.

По возвращении в Акру Бенедикт нанес визит магистру ордена Храма Арману Перигорскому, которого застал в постели больным. Магистр расспросил епископа обо всем виденном и слышанном в Дамаске. Тот сообщил, что ему кажется славным видеть, в каком страхе дожидались сарацины восстановления Сафета; это был бы хороший момент, чтобы воспользоваться перемирием и приняться за дело. Но магистр ответил со вздохом: "Сеньор епископ, нелегко отстроить Сафет. Знаете ли вы, что король Наварры, герцог Бургундский, графы и бароны Востока пообещали мне, что придут в Сафет, дабы мы могли трудиться там быстрее и в большей безопасности; что они останутся там на два месяца и что они дадут семь тысяч марок оплатить расходы. Они позабыли свои обещания и уехали к себе; и вот вы предлагаете нам строить замок безо всякой помощи". Тогда Бенедикт сказал ему: "Магистр, отдыхайте в своей постели и изъявите свою волю вашим братьям в добрых и убедительных словах; ибо я помолюсь Богу, чтобы вы сделали больше [отдавая приказания даже будучи] в своей постели, чем весь крестовый поход со множеством его воинов и богатствами". Поскольку Бенедикт становился настойчивым, два "сотоварища" брата Армана, Жерар де Бре и Рено л'Альман, присутствовавшие при беседе, сказали ему: "Сеньор епископ, скажите же, что вам кажется, и магистр посоветуется и вам ответит".

Прежде чем покинуть орден Храма, епископ Марсельский поговорил с некоторыми из великих бальи и повторил им то же, что и брату Арману. Среди слушавших, без сомнения, был Рено де Вишье, - тогдашний командор Акры, и Варфоломей де Моретт, - великий командор Иерусалима, находившийся подле магистра; возможно, Пьер Дармон, - хранитель одежд, и маршал Гуго де Монтегю. [345] "Его [епископа] речи чрезвычайно понравились им, и они пригласили его на следующий день возвратиться и устроить так, чтобы магистр собрал их на совет". На следующий день епископ вернулся повидать магистра и упросил его собрать свой совет, ибо хотел поговорить с ними о том, что считал необходимым. Когда они собрались, Бенедикт возобновил свои попытки убедить их.

Я, - добавил он, - не могу предоставить вам денежные средства, но ежели вы пожелаете взяться за строительство, я вас поддержу; если нет - я начну проповедовать паломникам и приду с ними сложить груды камней и возвести вокруг каменную стену без известкового раствора, дабы защитит христиан и показать нашу храбрость сарацинам.

Магистр полушутя ответил ему: "Сеньор епископ, вас слишком волнует, чтобы это было сделано". А епископ продолжал: "Имейте добрый совет между собою и да пребудет с вами Господь". И вслед за этим он удалился. Воистину Господь руководил их советом, ибо порешили они единодушно восстановить замок Сафета незамедлительно, во время перемирия с Дамаском, поскольку, если бы они отложили дело, сарацины легко смогли бы помешать работе.

Великая радость была как в Доме ордена Храма, так и среди населения Акры, и повсюду в Святой Земле. Тамплиеры незамедлительно избрали совет из рыцарей, сержантов, прислуги при камнеметах и прочих воинов; они собрали караван вьючных животных и открыли свои риги, погреба, казну и все свои кладовые, чтобы оплатить расходы радостно и славно; и вперед послали отряды землекопов и кузнецов.

Перед началом строительства епископ Марсельский после службы обратился с краткой проповедью и заложил первый камень. Сверху, в качестве приношения, он положил кубок из позолоченного серебра, полный монет. Это произошло 20 декабря 1240 г.

Поскольку не хватало воды и надо было ее привозить с великими затратами и великим трудом издалека, епископ беспрестанно изыскивал источники, которые могли бы наполнить "поильню". Однажды старый сарацин сказал его духовнику: "Если ваш магистр пожелает дать мне тунику, я покажу ему источник ключевой воды внутри замка". Когда ему пообещали то, что он просил, он показал им расположение древнего колодца, погребенного под развалинами стен <...>

Следующей весной Бенедикт отправился в Марсель и вернулся в Святую Землю в начале октября 1244 г. Он нашел замок Сафет оконченным "Милостью и Провидением Божиим, и силой и щедростью рыцарей Храма, которые потрудились с таким умением и усердием, что столь чудесное и превосходное строение показалось бы скорее творением Бога, нежели людей". Замок, расположенный на возвышенности посреди гор, окруженный пропастями, скалами и утесами, казался неприступным. Он был окружен рвами - "прекрасным рядом рвов", о которых говорит Лоуренс, - и позднейшими укреплениями со скрытыми площадками для катапульта и камнеметов. Семь башен украшали крепостную стену. Замку принадлежали леса и фруктовые сады, виноградники и пастбища; воздух был здоровым, а земля плодородной. Там выращивали фиги, гранаты, миндаль, маслины, в изобилии было вина и зерна. Рощи поставляли древесный уголь для отопления печей. Имелась также большая цистерна, чтобы поить животных и орошать огороды, и другие цистерны с питьевой водой. За замком находилось двенадцать водяных мельниц, а многие другие, приводимые в движение ветром или тягловой силой животных, располагались внутри.

Тамплиеры возводили крепость два с половиной года и истратили одиннадцать сотен тысяч сарацинских золотых монет; ежегодные расходы на ее содержание доходили до сорока тысяч золотых сарацинских монет, больше, чем доходы с домена. Каждый день в замке стобовалось более 1700 человек, а в военное время - 2200. Ежегодно требовалось столько продовольствия, что только пшеницу и ячмень доставляли 12 тысяч мулов, не говоря уже о прочих съестных припасах. Гарнизон состоял из 50 братьев-рыцарей и 30 братьев-сержантов с лошадьми и вооружением, 50 местных конных наемников, 300 баллистчиков [прислуги при метательных машинах], 820 оруженосцев и сержантов и 40 рабов.

Замок Паломника, Сафет, Бельвуар в Галилее, Бофор и Аркас в Ливане, Ареймех (Красный Замок), Сафита (Белый Замок) и Тортоза в Сирии, Баграс и Гастен на Оронте, Скала Гийома, Скала Рюссоля, Дарбезак и порт Боннель в Армении являлись тяжким бременем для Дома ордена. Если еще прибавить к этому расходы на содержание монастыря - подвижной силы ордена Храма, которая состояла из 300 рыцарей и, возможно, такого же числа братьев-сержантов монастыря с их оруженосцами, местными наемниками, караваном сменных и вьючных лошадей; и двух монастырей Триполи и Антиохии (не считая боевых сил в Европе, на Иберийском полуострове, - монастыря Испании, лишь вдвое уступавшему монастырю Святой Земли, и всех крепостей на содержании Дома до самой Коимбры), становится ясно, какая финансовая проблема должна была решаться ежедневно магистром и казначеем. И мы, к чести тамплиеров, можем констатировать, что обвинения в "стяжательстве" были брошены им только в тот момент, когда орден взял на себя эту тяжкую ответственность и когда донаторы начали ограничивать свою благотворительность, быть может, под влиянием тех же наветов.

Уже в 1182 г. орден Храма постиг финансовый кризис, ибо булла Луция III, обращенная к епископам Нарбонны, Оша, Арля и Экса, оговаривала, что "особы из этих диоцезов, кои бы одолжили деньги под залог у тамплиеров, должны не позднее 30-ти дней выплатить их братьям". [346] Мы можем связать это требование с потерей Шатле в 1180 г. и с плачевным положением Святой Земли.

Тамплиеры вели нескончаемую борьбу с белым духовенством за десятины и завещания. Немногие архиереи выказали такое же сочувствие, как Бенедикт Марсельский. Долгое время Александр III порицал власти епархий за желание востребовать треть всего имущества, отказанного по завещанию рыцарям; викарии приходов, говорил Папа, не должны ничего требовать из даров или завещания имущества, за исключением сделанных их прихожанами, кои пожелали бы быть погребенными на кладбищах ордена; в этом случае приходская церковь имела право на четвертую часть стоимости завещания. [347] Эта тема вновь была поднята Урбаном III, хотя он и предоставил белому духовенству еще большие блага. Отныне оно получало право на четверть всего имущества, завещанного ордену Храма, и на четверть всякого завещания от тех, кто велел похоронить себя на кладбищах тамплиеров, не оставив приходской церкви "сообразного взноса". [348] В 1191 г. Целестин III оговорил, что четверть завещаний имущества не должна изыматься из завещательных даров вооружением и лошадьми ("из

великой необходимости ради защиты Святой Земли"). В самом деле, крестовый поход был в разгаре. [349]

Архиепископы и их викарии настаивали также, чтобы орден Храма был освобожден от десятины только на своих недавно распаханых землях - или *целинах, novales*, - в то время как тамплиеры считали себя освобожденными от налогов на всех площадях, которые они обрабатывали "своими собственными руками или при помощи своего тяглого скота". До сего дня сохранились в изобилии документы, подкрепляющие позицию тамплиеров, и Папы соглашались с ними. Но, как свидетельствует по этому поводу их сборник булл, ордену очень часто приходилось взывать к Святому престолу, чтобы поддержать свое право. Не желая слишком уж обелять тамплиеров и не отрицая их грехов, порой немалых, надо признать, что их притязания были обусловлены серьезными причинами, отличными от алчности белого духовенства. Пускай орден был богат, но расходы на защиту христианства на Востоке, как и на Западе, постоянно возрастали, и как только они превышали доход, богатство его становилось лишь относительным.

В лице Иннокентия III тамплиеры обрели могущественного покровителя. Но, как мы уже замечали по поводу понтификата Александра III, речь идет не столько о важных новаторских буллах, сколько о поддержке уже давно приобретенных прав. Булла "Non absque dolore" типична. [350] Она была издана четыре раза между маем 1198 г. и декабрем 1210 г. и клеймила тех, кто чинил насилие тамплиерам, их людям и их имуществу; кто удерживал милостыни, данные ордену по завещанию, или кто требовал уплаты десятины - всегда одни и те же жалобы, - и налагала на виновных отлучение.

Другая булла, "Cum de viris", повторенная четыре раза между июлем 1198 г. и июнем 1205 г., весьма любопытна. [351] Она обращается к архиепископам и белому духовенству в следующих выражениях:

Нам известно от братьев ордена Храма, что в некоторых странах вы причиняете им великий ущерб, принуждая преданных им людей сражаться против других христиан вопреки их клятве; [352] и далее братья обязаны платить за выкуп пленников суммы, которые послужили бы защите заморского христианства.

Но именно две буллы, "Dilecti filii nostri" и "Cum dilectis filii", много раз обнародованные между 1198 и 1212 гг., наглядно показывают всю остроту конфликта между тамплиерами и белым духовенством и лучше всего свидетельствуют против обвинения в скупости, легшего на их Дом. Обе обращаются к архиепископам, епископам и т. д., а вторая, наиболее недвусмысленная, говорит так:

*Хотя братья-рыцари ордена Храма получили от наших предшественников право собирать пожертвования раз в год в каждой церкви, некоторые среди вас, охваченные жадностью, выставляют свои собственные братства [*10] пред братьями ордена Храма в день их приезда, и вследствие такой сумятицы рыцари не собирают ничего или получают слишком мало. Поскольку дела сии непристойны и позорят Бога и римскую Церковь <...>, Мы вам повелеваем хорошо принимать братьев <...>, когда они приедут к вам за жертвованиями, и принимать их с честью, представить их народу в своих церквях, и позволить им свободно собирать милостыни. Не выставляйте вперед свои братства, как вы можете поступать ежедневно, в единственный день года, когда рыцари объявятся пред вами, с тем чтобы они [братства] не помещали делу милосердия и не ослабили Бедное рыцарство Христа <...> Далее, вы не должны допускать, чтобы их церкви подвергались интердикту или отлучению, и вам следует наказывать своих прихожан, которые досаждают братьям или силою вторгаются в их Дома, дабы похитить их имущество или чужое имущество, помещенное у них. [353]*

Следует только констатировать, какое изменение претерпело общественное мнение со времени, когда все епископы, короли, бароны, горожане осыпали орден Храма дарами и привилегиями!

Однако, несмотря на потерю Иерусалима, никогда паломников не было столько, как в начале XII в. Всем не сиделось на месте: по всякому поводу приносились обеты паломничества.

А те, кто не мог оплатить расходы на путешествие в Святую Землю, садились на своего мула или просто брали свой посох и пускались в путь к св. апостолу Иакову в Компостелу, св. Фоме в Кентербери или в другое место паломничества. Таким образом, они одновременно могли повидать страны этого мира и стяжать милость в мире ином, если только им доставало смелости пренебречь всевозможными опасностями и неприятностями, встречавшимися в пути.

Тамплиеры никогда не несли ответственности за приюты, подобные странноприимным Домам рыцарей св. Иоанна. Они разве что случайно ухаживали за больными-мирянами в своих лекарнях, но активно занимались перевозкой и защитой паломников на море и суше. Мы уже видели, как в предшествующее столетие командор города Иерусалима "проводил и охранял паломников, приходивших к водам Иордана <...> Возить круглый шатер и вести вьючных животных, и везти пищу, и перевозить паломников на вьючных животных есть их ремесло". [354]

После падения Святого Града Акра и Тортоза стали главными центрами паломничества на Востоке. Хотя тамплиеры обладали palais и voute - командорством и пристанями в порту Акры, город принадлежал почти целиком госпитальерам, откуда и его название - Сен-Жан-д'Акр. Орден Храма господствовал в своем тортозском фьефе, расположенном дальше к северу. Паломники стекались сюда, чтобы посетить самую древнюю церковь христианства, маленькую часовенку, прилепившуюся к собору. Они могли также почтить ценнейшее сокровище базилики Богоматери, "образ Пресвятой Девы, писанный святым Лукой"; вероятно, это была древняя икона с вызолоченным фоном.

Исполнив свои религиозные обряды, наиболее предприимчивые путешественники под охраной рыцарей посещали святые места в Галилее. Иногда они даже доходили до Святого Града, если султан пропускал конвой паломников. По дороге они услаждали взор менее достоверными достопримечательностями, такими как "пещера, в которой скрывалась святая Елизавета со святым Иоанном Крестителем", прячась от солдат Ирода, места, где родились апостолы, или "Замок доброго разбойника". [355] [*11]

Паломники прибывали в Палестину преимущественно весной и осенью двумя большими ежегодными переходами [переправами]. Они садились на суда во всех портах Средиземноморья, но большей частью в Марселе и итальянских портах. Во Франции тамплиерам принадлежал один рейд у Сан-Рафаэля, второй - у Коллиура; их суда также отплывали из Марселя, но здесь рыцари конкурировали с марсельскими фрахтовщиками. "Соглашение от 3 октября 1234 года между марсельским муниципалитетом, с одной стороны, и двумя орденами - с другой, положило конец этому конфликту. Два раза в год, в апреле и в августе, из Марселя отплывали судно ордена Храма и судно ордена Госпиталья; эти суда могли загружаться по тоннажу товарами без ограничения, но они не должны брать более 1500 пассажиров. Взамен этих привилегий ордена обязались отдать приказ не заходить в порты своим судам, следующим между Коллиуром и Монако из Испании, кроме как в порт Марселя <...> Перед отплытием местные власти убеждались, что паломники хорошо содержатся. Часть груза заключалась в товарах, особенно со времени, когда марсельцы получили концессию на торговые кварталы в некоторых городах Иерусалимского королевства". [356] Этот опыт фрахтовщиков во всей первостепенной важности проявится во время следующего крестового похода.

Pontifex (лат.) - первосвященник, верховный жрец; термин древнеримского, языческого происхождения, заимствованный Церковью в качестве одного из обозначений епископского сана. Обычно (и в данном случае) имеется в виду Папа, которого более полно именовали *Pontifex Maximus* (Великий понтифик. Величайший из первосвященников).

Безайт - византийская золотая монета.

Ритуальное погашение свечей при провозглашении отлучения.

Приводимые выдержки из буллы содержат отсылки к Ветхому и Новому Заветам (Бытие, 29-30; Евангелие от Луки, 10, от Иоанна, 11-12), долженствующие пояснить предпочтение, оказываемое деятельному служению тамплиеров перед созерцательным служением

цистерцианцев.

Каждый из кардиналов римской курии был условно приписан к одному из исторических храмов Рима и именовался по святому патрону этого храма.

Се, храмовники против нас изострили зубы (*лат.*) .

Рыцари снова воспользовались угрозой отбыть из Святой Земли, если Папа не позволит им защищаться силой оружия (*прим. ав.*).

Тамплиеры поначалу назвали замок "Замок Сына Божия".

Полагают, что здесь можно уловить признание в слабости со стороны маршала монастыря (*прим. авт.*) .

Имеются в виду местные благочестивые братства (*confraternitates*) , также собиравшие подаяния.

Место, откуда будто бы совершал свои вылазки "злодей", о котором рассказывается в Евангелии от Луки (23,40-43). Осужденный за свои преступления и распятый вместе с Иисусом, "добрый" (или "благоразумный") разбойник испытал раскаяние, жалость и почтение к невинно страдающему Спасителю, воззвал к его милосердию и получил прощение.

ГЛАВА XIV Ключи от Египта

Начиная с катастрофы 1187 г. Святая Земля жила в ожидании новых крестовых походов. Иерусалимское королевство могло восстановиться в прежнем виде только при помощи массового вторжения из Европы. Драма тридцати лет, протекших с 1199 по 1229 г., заключалась в усилиях двух великих пап Иннокентия III и Гонория III, направленных на предоставление ему этой помощи, которому мешали зависть, ревность и политические игры. Именно поэтому крестовый поход 1204 г., способный воссоздать Латинское королевство, оказался на ложном пути и завершился бесплодным завоеванием Константинополя.

Со времени своего избрания в 1198 г. Иннокентий III проявлял постоянную заботу о Святой Земле. Он берет Иерусалимское и Кипрское королевства под свое апостольское покровительство [357] ; выступает в качестве посредника между королем Кипра и графом Триполи, [358] между графом Триполитанским и королем Армении [359] и пытается привести к согласию все эти воюющие княжества. Он вновь пытается разжечь в сердцах храбрость, внушая надежду на столь желанный общий крестовый поход всех цивилизованных стран - "всеобщий переход". Он беспрестанно посылает средства на восстановление крепостей, на жалование воинам, на помощь бедным. [360]

При все большей слабости королевства, порожденной тем, что власть наследовали женщины или дети, а также положением *первого среди равных*, выпавшим на долю государей, которые властвовали исключительно по праву своих жен. Папы являлись истинными покровителями Святой Земли. Для связи они использовали три великих духовно-рыцарских ордена, прежде всего - тамплиеров. И только обнаруживая в папских архивах директивы, адресованные ордену Храма, можно оценить политику этого ордена в первой трети XIII в. Пример представляется тут же. Амальрик II Лузиньян - последний иерусалимский король, сумевший сохранить свою власть, умер в 1205 г. одновременно со своей женой, королевой Изабеллой. [361] Регентский совет управлял королевством до 1210 г. в пору малолетства наследницы Марии, дочери Изабеллы и Конрада Монферратского. Королевство возглавляли патриарх, магистры орденов Храма и Госпиталя и род Ибеленов (дядя юной королевы). В 1208 г. встал вопрос: продолжить или прервать перемирие с Исламом? Магистр ордена Храма, Филипп де Плессье, считал, что перемирие следует продлить, и заставил прочих принять свое мнение. Хронист "Истории Иракия" неодобрительно относится к этому решению, которое часто упоминается в доказательство прямолинейного и политически недалековидного образа действий тамплиеров. Их побуждения, однако, были менее наивными.

В начале перемирия, в 1198 г., Иннокентий III написал магистру ордена Храма Жильберу Эралою, передавая ему средства, предназначенные для христиан на Востоке: "В настоящее время люди охладевают, узнавая, что вы заключили перемирие с сарацинами. Сами же мы отнюдь не

остыли, но постоянно идем к нашей цели". [362] В то же время Папа извинялся, что не посылает более действенного вспоможения. Это был способ предупредить тамплиеров: "Если вы хотите, чтобы Запад вам помог, надо поддерживать святую войну". Когда в 1208 г. снова возник вопрос о перемирии, окрепла и надежда на начало нового крестового похода. Необходимо было не погасить уже изрядно охладевших симпатий европейских государств видимостью чрезмерно крепкого согласия с султаном; и советы Филиппа де Плессье должны были быть истолкованы в связи с этим.

В 1211 г. бароны Святой Земли обратились к французскому королю с просьбой подыскать достойного супруга их юной королеве. По довольно мелочному расчету Филипп II Август отослал в Сирию графа Жана де Бриенна, сеньора без состояния, которого он подозревал в любовной связи с королевой Франции. Жан де Бриенн был человеком уважаемым, но ему недоставало высокого происхождения, состояния и силы характера, способной внушить уважение сирийской знати. На свое бракосочетание он прибыл в Акру небогато одетым и снаряженным, в сопровождении лишь немногих рыцарей. Разочарование пуленов было горьким, и Иерусалимское королевство начало скатываться к феодальной анархии. [363]

Со смертью Иннокентия III в 1216 г. Гонорий III с возросшей энергией вновь обратился к политике своего предшественника на Востоке. Вырисовывался грандиозный план, включавший не только освобождение Иерусалима, но и крупномасштабную атаку на Египет, которая отдала бы в руки христиан весь Ближний Восток. Иннокентий указал на Дамьетту как на цель ближайшего крестового похода. Идея не настолько неосуществимая, как можно было бы подумать. Султан Сеифеддин, брат Саладина, старел, а его сыновья, из которых каждый правил уже в своем княжестве, плохо уживались друг с другом. Последний из оставшихся в живых детей Саладина, султан Алеппо, выказывал себя другом христиан и поддерживал переписку с Папой, питавшим надежды на его обращение. [364]

Наряду с крестоносцами, кроме силы трех военных орденов и сирийских баронов, неоценимое содействие христианам на море оказывали генуэзцы и пизанцы. Тактика совместных операций союзников была усовершенствована со времени третьего крестового похода. Однако вмешательство итальянских купцов приносило в Святую войну торговые заботы, до той поры неведомые. Освобождение Иерусалима мало интересовало этих дельцов; они искали ключи к Египту, дабы расставить вдоль Нила свои конторы и контролировать товары, прибывшие с Дальнего Востока. Существенный вклад в успех подобного предприятия внесла бы военная помощь императора (с 1220) Фридриха II Гогенштауфена, короля Сицилии, которую Святой престол хотел использовать в рамках своей глобальной политики. Умиротворенная Европа, Фридрих, соглашающийся одновременно принять крест [выступить в крестовый поход] и папское покровительство, все рыцарство Германии, выступающее против Ислама под знаменем святого Петра - какой триумф политики Иннокентия и Гонория! И когда Фридрих в 1215 г. принял крест, мечта, казалось, была совсем близка к воплощению.

Гонорий ощутил себя обязанным вести подготовку к крестовому походу сразу по своем избрании в 1216 г. Он поддерживал постоянную переписку с Гийомом Шартрским, с 1209 г. магистром ордена Храма, с магистрами ордена Госпиталя и Тевтонского ордена и с патриархом Иерусалимским. Папа пообещал денежную помощь в одну двадцатую состояния церкви, избрав банкиром брата Эймара, казначея ордена Храма в Париже. Уже в ноябре 1216 г. казначею было приказано получить в аббатстве Ключни средства на крестовый поход, специально выделенные по папскому приказу. [365]

Годом позже, в ноябре 1217 г., Гийом Шартрский писал в Курию, дабы сообщить о высадке на Святой Земле короля Венгерского, герцога Австрийского и многих других рыцарей. Он заверял Папу, что султан Сеифеддин начинает сильно опасаться прибытия немецкой армии и еще больше - прибытия венгерского короля; мусульмане боялись и флота фризов, который только что бросил якорь на рейде Акры; "ибо эти язычники уже окружены!" Брат Гийом настаивал на срочной поставке лошадей и продовольствия для отрядов. [366]

Крестоносцы предприняли две небольшие экспедиции, довольно неудачные: одну по ту сторону Иордана, другую - к горе Фавор. Зимой 1217 г. они перешли к сооружению двух замков

в Цезарее и Атлите. Потом, видя, что император все еще запаздывает, они решили напасть на Дамьетту в устье Нила, используя содействие фризских моряков. Войско собралось в Замке Паломника, флот поднял якорь в Акре 9 мая 1219 г. Среди монахов на борту находился некий схоласт Оливье из Падерборна, который вел паломников из Кельна и который оставил рассказ об экспедиции, часто приписываемый Жаку де Вотри, архиепископу Акры, также сопровождавшему крестовый поход. [367]

Высадка состоялась на египетском берегу через три дня. Крестоносцы не встретили сопротивления, но были отрезаны от Дамьетты одним из рукавов Нила. Башня на горном хребте, прозванная франками Башней Косбари, перекрывала реку, и галеры тамплиеров и фризов бросались в неистовые атаки против этого, первого на их пути, укрепления. После многочисленных бесплодных попыток тамплиеры "взяли одно из своих парусных судов и посадили в него сорок братьев ордена Храма и прочих людей так, что в нем оказалось 300 человек. Тогда они дождались ветра и таким образом отчалили, и двигались по реке, идя к горе, опасаясь столкнуться со скалами и разбиться. Но когда они оказались близ горной цепи, люди из города и из башни встретили их камнеметами и катапультами и так атаковали их, что рулевые растерялись и не справились с парусным судном, и оно поплыло без управления. Течение реки подхватило его и понесло к городу <...> Те, кто находился на нем, увидавшие, спустили парус и бросили якорь и очутились посреди реки. Сарацины навалились на них сверху <...> и оказалось их там добрых две тысячи человек, и когда оттесненные вниз под палубу тамплиеры увидели, что ускользнуть невозможно, они пожелали умереть на службе у Господа, истребляя его врагов. Тогда они взяли топоры и дробили дно корабля, отчего он пощелкал ко дну и утонуло более 140 христиан и более 1500 сарацин". [368]

Честь взять башню Косбари выпала фризам, захватившим ее в бою 24 августа. Тем не менее крестоносцы потратили еще два месяца на переправу через Нил.

Из Рима Гонорий делал все, что мог, дабы продвинуть крестовый поход. 3 августа 1218 г. он уведомлял военачальников, что только что отдал приказ генуэзцам и пизанцам перевезти до Дамьетты всех паломников, которые, объявятся в их портах; одновременно он призывал епископов поторопить крестоносцев с отъездом. [369]

В январе 1219 г. брат Мартин, *камергер* ордена Храма, и брат Жан, маршал ордена Госпиталя, отбыли с миссией в Германию, собирая по приходам пожертвования, предназначенные для поддержки Святой Земли. [370] Несколько недель спустя Папа направил магистру ордена Храма средства на расходы, "то ли на галеры, то ли на прочие машины или приспособления, на усмотрение легата Пелагия, епископа Альбанского". [371] Таким образом, по роковому заблуждению Великий понтифик послал в Дамаск легата, облеченного высшей властью над всеми светскими военачальниками, избрав для этой роли высокомерного и надменного испанца, которому нравилось председательствовать на военных советах и играть в главнокомандующего. Отныне папские послания и неиссякаемые субсидии стали в первую очередь направляться легату, хотя он и должен был использовать их "по согласованию с патриархом, королем Иерусалимским, магистрами орденов Храма, Госпиталя, рыцарями Тевтонского ордена и латинскими полководцами". [372]

На следующее лето сопротивление мусульман ослабло, и 25 июня крестоносцам удалось преодолеть Нил. Они разбили лагерь на другом берегу реки и начали осаду Дамьетты.

У тамплиеров был большой камнемет, бросавший очень далеко и очень прямо, при помощи которого они причинили великий ущерб городу, и бросавший таким образом, что те не могли от него уберечься, ибо метал он один раз в одну сторону, другой раз в другую, один раз близко, второй раз далеко; так что сарацины прозвали его Эль Мефертейс, то есть Вертушка (El moufrite qui reverse). [373]

Несмотря на храбрость и упорство, положение крестоносцев было неутешительным. Король Венгерский, герцог Австрийский и многие рыцари этим же летом отплыли в Европу. В войске осаждающих свирепствовал недуг наподобие скорбута, сопровождавшийся гангреной десен и воспалением костей ног. Магистр ордена Храма Гийом Шартрский оказался среди жертв. Он умер 26 августа 1219 г. [374] Вместо него тамплиеры избрали Пере де Монтегаудо,

на французский лад - Пьера де Монтегю, *магистра в Испании и Провансе*, рыцаря из благородной фамилии Валенсийского королевства.

Но если крестоносцы жестоко страдали, то и в городе дошли до крайности. Престарелый султан Сеифеддин (франки называли его Сафадином) умер в Каире в августе 1218 г. Его сын и наследник Малек ал-Камиль безропотно покорился установлению мирных отношений. Он предложил франкам Иерусалим со всем королевством, исключая Крак и Монреаль, за освобождение Дамьеты. "Король, французы, граф Лестер и тевтонские военачальники высказались и настойчиво поддержали мнение, что следует принять эти условия, кои они считали полезными для христианства, ибо, по слухам, они уже согласились на худшие", - пишет Оливье, бывший секретарем Пелагия. С другой стороны, "легат, патриарх, епископы, тамплиеры и госпитальеры и все итальянские предводители дружно воспротивились заключению этого договора, справедливо доказывая, что прежде всего следует взять город Дамьету". [375]

Отказ был мотивирован рядом соображений. Чистосердечие султана изначально не было бесспорным, и не без оснований можно было полагать, что он сделал бы более выгодные предложения, если бы город оказался в руках христиан. Кроме того, тамплиеры упорно домогались крепостей Крак и Монреаль, стратегическую мощь которых оценили так же, как и султан. Обе крепости, представлявшие опору для сарацинских отрядов, можно было взять только измором - но голод угрожал осаждавшим так же, как и осажденным в этой бесплодной стране. Замки перекрывали пути сообщения между Каиром и Дамаском, а рыцари особенно боялись, что оба султана возьмут Святую Землю в кольцо. С другой стороны, пизанцы и генуэзцы много больше желали обладать Дамьеттой, нежели освободить Иерусалим, и вряд ли намеревались предпочесть перворазрядный торговый порт городу, представлявшему лишь исторический интерес. Но отклонение предложений султана было в основном обусловлено главенствующей идеей Папы и его окружения, а именно - нападением на Ближний Восток, при котором Дамьета являлась бы плацдармом. Речь шла также и о том, чтобы продлить кампанию до прибытия императора: легат в самом деле получил письма из Рима, которые возвещали ему о скорейшем прибытии Фридриха II. [376]

Город пал в начале ноября. Он являл собой ужасающее зрелище:

Мертвые убили живых <...> Трупы жертв чумы покрывали площади. Мертвых находили в домах, в спальнях, в постелях <...> сына видели рядом с отцом, раба подле своего хозяина, убитых заразой трупов, кои касались их". Победители обнаружили еще "золото и серебро в великом количестве, шелковые ткани <...> в чрезвычайном изобилии и безмерные богатства всякого рода ценных вещей <...>

Добычу поделили между всеми паломниками, очистили, как могли, город и из мечети сделали церковь. Пояс укреплений, считавшийся "ключом и оплотом всего Египта, был укреплен тройной стеной и многочисленными и большими башнями, сложенными из кирпича". Крестоносцы нашли крепостные стены в достаточно хорошем состоянии, за исключением ворот, основательно расшатанных натиском тамплиеров. [377]

Отряд в тысячу человек, погрузившись на легкие суда, отправился в разведку вдоль Нила - искать продовольствие. Пройдя озерным и болотистым краем, где водились птицы, они захватили замок Танис, турецкий гарнизон которого бежал при их приближении. "Никогда не видано было более сильного замка, - рассказывали воины по возвращении, - он оснащен семью очень мощными башнями и увенчан крепостными стенами; два рва и две стены создают пояс укреплений. Со всех сторон простирается озеро, которое до такой степени делает приближение летом очень трудным, а зимой совершенно невозможным, что осадой никто не мог бы его преодолеть". [378]

В Дамьете вспыхнули злосчастные раздоры между королем и баронами с одной стороны, легатом и епископами - с другой. Пелагий, ничего не смысливший ни в войне, ни в топографии страны, играл в стратега и ратовал за продвижение всеми силами на Каир; когда Жан де Бриенн воспротивился этому, легат, злоупотребляющий своими полномочиями, наложил на королевский лагерь интердикт. К несчастью, Папа выслушивал жалобы легата и поддерживал

его. Когда Гонорий прислал свои поздравления со взятием Дамьетты, он посоветовал патриарху, королю и магистрам трех орденов со смирением и благочестием повиноваться епископу Альбанскому, "ибо светская власть так же, как и духовная, доверена ему, и он может осуществлять ее сам или через передачу полномочий, как ему будет угодно". [379] Споры предводителей отражались и на войске, дисциплина которого падала. "Зло и грех появились в войске после взятия города; воистину до взятия Дамьетты люди пребывали в мире и верности, не было там никакого мелкого воровства или сластолюбия; если кто-нибудь находил чужую вещь, она затем возвращалась; и также стоило только крикнуть: "Кто нашел такую-то вещь?", как оказывалось, что кричат: "Кто ее потерял?". [380]

Между тем султан возобновил переговоры.

Он передал им, что если они захотят возвратить Дамьетту, он отдаст им всю Иерусалимскую землю, как если бы ее держали христиане, за исключением Крака <...> Христиане поговорили об этом и держали совет. И совет им сказал, чтобы они ни за что не отдавали ее, и что посредством Дамьетты они бы смогли завоевать всю Египетскую и Иерусалимскую землю; ибо тот, кто должен стать римским императором, принял обет крестоносца, и приведет с собой множество воинов <...> и если бы там находился император, при всей своей власти, и крестоносцы, которые еще собирались прийти на помощь <...> можно было бы с Божьей помощью вновь получить; всю египетскую и иерусалимскую землю, и что сие они довели до Первосвященника. [381]

Со своей стороны. Папа ожидал в ближайшее время отправления немецких крестоносцев и поддерживал чаяния гарнизона Дамьетты.

Король Иоанн покинул Египет летом 1220 г. Его возмутили действия легата, и дела государства требовали его присутствия. Высшее командование осталось за Пелагием, ибо власть, предоставленная легату Папой, давала ему право вето, перед которым магистры трех орденов могли только склоняться.

Гонорий III поддерживал крестоносцев, насколько это было в его силах, при энергичном содействии казначея ордена Храма в Париже. В июле Папа писал брату Эймару, чтобы тот выделил шесть тысяч марок серебром, или, если этого будет недостаточно, - взял бы из других средств, принадлежащих Папе, и безотлагательно переправил бы их за море. [382] Брат Эймар удвоил названную сумму и отослал тринадцать тысяч марок. Папа упрекнул его [383] , а 22 сентября казначей снова получил выволочку за то, что без распоряжения передал крестоносцам новые папские средства при посредничестве болонских купцов. [384] "Продовольствие и лошади приходили к нам в изобилии по воле Божией, неся радость собранию верующих", свидетельствует Оливье Схоластик; он отмечает шесть успешных высадок. [385]

Магистр ордена Храма, Пере де Монтегаудо, покинул Дамьетту и присоединился в Акре к королю. Письмо, адресованное им епископу Эльнскому 20 сентября 1220 г., позволяет проникнуть одновременно в его надежды и тревоги.

Знайте, что числа паломников, высадившихся при первом переезде после взятия Дамьетты, вместе с остатками войска могло хватить, чтобы снабдить город и защитить свой замок. Тем не менее, господин легат (dominus quidem legatus) высказался за наступательную войну по согласию с духовенством и проповедовал народу, часто и с прилежанием, совершить набег на язычников. Но бароны войска, как заморские, так и бароны Земли, уверенные, что при нашем положении не хватит сил, чтобы вооружить город и двинуться в наступление, полезное для христианства, не желали соглашаться на попытку продвижения. Ибо вавилонский султан, отброшенный недалеко от Дамьетты со множеством язычников, соорудил на обоих рукавах реки мосты, дабы воспрепятствовать нашему успеху. Он ожидал нас там со столь мощной силой, что верующим угрожала бы самая великая опасность, если бы они рискнули на них напасть. Мы же укрепили город, замок и прилегающие берега, надеясь получить утешение от Бога в виде подкреплений <...>

Знайте также, что Корадин [Малек ал-Моаддам], султан Дамаска, собрал бесчисленное множество сарацин и объявился близ Акры и Тира. Поскольку рыцари и народ претерпели слишком много лишений, чтобы сопротивляться ему, он в многочисленных набегах причинил им

много зла. Перед этим он много раз прошел перед нашим замком, названным Замком Паломника, и разбил там шатры и произвел у нас серьезные опустошения. Он осадил и взял замок Цезарею, пока в Акре отдыхало множество паломников.

Найдите далее, что Сераф [Малек ал-Аишаф], княжащий в Армении, сын Сафедина [Сеифеддина] и брат султана Вавилонии и Дамаска, начал войну с сарацинами востока, и что он победил многих из их эмиров, хотя милостью Божией одолел не всех. Ибо если бы война сия закончилась его победой, земли Антиохии, Триполи, Акры и Египта, судя по направлению его атак, оказались бы в наибольшей опасности. И если бы он осадил одну из наших крепостей, мы бы не смогли заставить его уйти никаким образом. Поистине, раздоры наших врагов приносят нам радость и утешение!

Мы давно дожидаемся прибытия императора и прочих сеньоров, дабы иметь смену <...> но если надежды на подобную помощь обманут нас, ближайшим летом (храни от этого Бог!) обе земли Сирии и Египта <...> окажутся в непрочном положении. Сами мы и прочие люди Земли настолько обременены расходами на крестовый поход, что больше тратить не можем. [386]

Полезно сравнить письма Пере де Монтегаудо с письмами, написанными Жоффруа Фуше и Бертраном де Бланфором пятьюдесятью годами ранее при аналогичных обстоятельствах. [387] В 1163 г., как и в 1220, рыцарство Святой Земли неподвижно стояло в Дельте, и сарацины воспользовались этим, чтобы опустошить Сирию. Монтегаудо, как великий командор, выказал себя много более обеспокоенным положением королевства, нежели участью крестоносцев в Египте. Ни один, ни другие, кажется, не надеялись на легкие экспедиции. Трех тамплиеров неотступно преследовал страх окружения, захвата власти единым главой Ислама, который мог, по выражению Бертрана де Бланфора, "объединить оба премогущественных королевства Вавилон и Дамаск ради уничтожения самого имени христианина". Именно так случилось при Саладине и Бейбарсе, и всякий раз это оказывалось катастрофой для Святой Земли. Вся тамплиерская политика направлялась на разъединение египетских и азиатских сарацин: дипломатическими средствами - путем альянсов с Дамаском или Алеппо и военными - посредством удержания замков Крака Моавитского и Монреала.

Очевидно, что Пере де Монтегаудо осуждал стратегию легата и потерял всякую надежду на немецкий крестовый поход. Появление герцога Баварского в сопровождении некоторых рыцарей Империи должно было окончательно убедить, что лично император не прибудет. Когда весной 1221 г. султан повторил свои мирные предложения, тамплиеры и госпитальеры согласились их принять и добились согласия от сирийских баронов. [388] Мусульмане в обмен на Дамьетту должны были возвратить Иерусалим со всей его округой, за исключением Крака и Монреала, а также выплатить возмещение на восстановление крепостей, срытых ими до этого. Один Пелагий не желал признавать очевидное и отказывался от любого компромисса. Он упорно добивался похода всеми силами на Каир, не учитывая стратегических обстоятельств. И когда рыцари-миряне вновь отказались последовать за ним, он отлучил от церкви всех, кто остался в тылу.

Одно из наиболее трезвых и объективных свидетельств о последнем акте этой трагедии дошло до нас опять-таки из-под пера Пере де Монтегаудо, который писал Алену Мартелю, магистру в Англии:

Христианская армия долго оставалась в бездействии после взятия Дамьетты, и люди с обеих сторон моря нас за это сильно порицали. Ибо со времени своего прибытия герцог Баварский, наместник императора, объявил всем, что приехал сражаться с язычниками, а не томиться в праздности. Затем мы собрали совет, на котором присутствовали сеньор легат, герцог Баварский, магистры орденов Храма, Госпиталя и Тевтонского ордена с графами, баронами и прочими. Мы единодушно согласились совершить нападение. Со своими рыцарями, галерами и военными кораблями возвратился знаменитый король Иерусалимский и нашел христиан в их палатках под стенами. После праздника святых Петра и Павла король, легат и все христианское войско двинулось в добром порядке по суше и по реке. Мы шли навстречу султану и его многочисленным силам, которые ускользали. Наше продвижение было без

происшествий, пока мы не дошли до лагеря султана, расположенного на другом берегу реки, каковая преграждала нам дорогу. Это был Танис, рукав Нила, отделявший нас от язычников. Мы натянули свои палатки и приготовили мосты, чтобы его перейти. Пока мы устраивали здесь привал, больше десяти тысяч воинов бежали из наших рядов без разрешения.

Во время разлива Нила султан велел провести галеры и галеоны по древнему каналу и пустить их в реку, чтобы помешать нашему судоходству и прервать наше сообщение с Дамьеттой, как они уже прервали его по суше <...>

Наше войско, однако, попыталось ночью пробиться по дорогам и по реке, но потеряло все свое продовольствие и великое число людей в волнах. Поскольку Нил разлился, султан велел повернуть воду посредством секретных шлюзов и вырытых в древности речек, чтобы помешать нашему отступлению. Когда же мы потеряли в болотах наших вьючных животных, упряжь, доспехи и повозки с почти всеми нашими припасами, мы не смогли больше ни двигаться, ни бежать в каком-нибудь направлении. Лишенные продовольствия, мы были пойманы среди вод, как рыба в сети. Мы не могли даже сразиться с сарацинами, так как нас разделяло озеро. Именно тогда мы заключили с султаном договор, насильно и против нашей воли. Мы согласились вернуть ему Дамьетту и обменять пленников в Акре и Тире на христиан, задержанных в мусульманских странах. Впридачу он уступил нам Святой Крест.

Сами мы в обществе других посланных и с согласия всего войска возвратились в Дамьетту, дабы объявить народу условия нашей сдачи. Они крайне не понравились епископу Акры [Жаку де Витри], канцлеру и графу Мальты, которых мы там встретили. Последние захотели любой ценой защитить город, что и мы бы весьма одобрили, если бы было чем это делать. Ибо мы бы предпочли скорее оказаться заключенными навечно в темницу, чем опозорить христианство, уступив город язычникам. Но продолжительные поиски не обнаружили в городе ни денег, ни людей, необходимых для его защиты. Наконец мы покорились и решили подписать договор с клятвой и заложниками. Одновременно мы заключили перемирие на восемь лет. Султан, со своей стороны, соблюл в точности то, что он пообещал, и в течение более двух недель кормил наше оголодавшее войско, поставляя хлеб и продовольствие.

Проникнитесь же и вы сочувствием к нашим несчастьям и помогите нам, как можете. Прощайте. [389]

В этом донесении, где проявились и достоинство, и правдивость. Пере де Монтегаудо старается оправдать легата, бросая упрек герцогу Баварскому. Магистр принял на себя долю ответственности за катастрофу, называя себя первым среди тех, кто согласился на безрассудное наступление. Однако он достаточно хорошо знал его опасность, как свидетельствует письмо епископу Эльна.

Только рассматривая в целом крестовый поход и папские директивы, равно как и недостатки крестоносцев, мы можем оценить роковую роль императора. "Его присутствие даже в течение одного месяца могло бы все изменить". [390]

Магистр тевтонских рыцарей, понимавший, что поведение его суверена было недостойным, первый отбыл в Рим, дабы опередить всех и пожаловаться на легата. Гонорий созвал к себе всех действующих лиц: приплыл король Иоанн с магистром ордена Госпиталя, но Пере де Монтегаудо довольствовался тем, что послал вместо себя брата Гийома Каделя, командора Храма. Папа укорил Пелагия, но тем не менее, утешил его надеждой на скорый отъезд императора Фридриха в Святую Землю. [391]

ГЛАВА XV Неудавшийся крестовый поход

Император заставил себя ждать восемь лет. В 1225 г. он женился на пятнадцатилетней Изабелле де Бриенн, дочери короля Иоанна (Жана де Бриенна) и Марии Иерусалимской. Фридрих грубо оттеснил тестя, считавшего себя пожизненным обладателем Латинского королевства; и когда императрица умерла, произведя на свет сына, ее муж присвоил себе все титулы, которыми обладал новорожденный (1229).

В 1227 г. немецкие крестоносцы двинулись в путь, но после трех дней в море Фридрих

возвратился в Бриндизи, сказавшись серьезно больным. [392] Так *переход* был полностью расстроен, и Григорий IX отлучил виновного от церкви, не приняв его ссылок на болезнь. Более сорока тысяч рыцарей, опередивших императора, вернулись из Сирии, "полагаясь более на человека, нежели на Бога". [393] Осталось только восемьдесят немецких сеньоров под командованием герцога Лимбургского, наместника императора, "которые шумели и кричали хором", что "либо мы разорвем перемирие, либо уедем". [394]

Патриарх Герольд, магистры орденов Храма и Госпиталя не знали, как поступить. Перемирие, заключенное с султаном после сдачи Дамьетты, должно было продлиться до 1230 г. Его разрыв, ради того лишь, чтобы удовлетворить некоторые горячие головы, внушал франкам отвращение. "Нарушить перемирие было бы не только опасно, но очень вероломно", - говорили они немцам, которые отвечали (не без некоторого основания): "Папа только что отлучил всех крестоносцев, которые не приплыли этим переходом, хотя он и знал, что перемирие еще продолжается; значит, он не хочет ни того, чтобы оно соблюдалось, ни чтобы паломники оставались в бездействии". [395] Поскольку франки равно опасались, что мусульман воодушевит отъезд германских крестоносцев, они уговорились с последними, что те отправятся отстраивать замки Цезарей и Яффы в ожидании лучших времен для военных действий: это был изящный способ предупредить султана, что напасть на него собираются в следующем году.

Отношения Фридриха с тамплиерами уже были натянутыми. Бароны южной Италии, восставшие против императора и "не осмеливающиеся ни дожидаться его, ни повиниться, бежали в заморскую землю. И были там те, кто отправился в орден Храма, и те, которых он не пожелал пощадить, и приказал их хватать и вешать". [396] Дом ордена Храма становился очагом антиимператорских настроений.

Император прибыл на Восток весной 1228 г. Он высадился на Кипре, где вызвал смертельную злобу знаменитой и могущественной фамилии Ибеленов и большей части знати, захватив маленького короля Генриха I Лузиньяна и назначив самого себя сюзереном острова. [397] Он даже попытался заключить в темницу "Старого Государя", Жана д'Ибелена, его сыновей и брата, коннетабля Кипра. Приговор об отлучении от церкви все еще тяготел над Фридрихом. Его сопровождало только сорок рыцарей, и ему пришлось одалживать средства у сеньора де Жибле. Пулены, разбиравшиеся в крестовых походах, смотрели на него с презрением. С Кипра император перебрался в Акру, где сразу же начал переговоры с султаном. В этом он следовал политическим методам норманнских королей Сицилии; но ни один норманн не отплыл бы в Палестину, не имея достаточного войска для поддержки серьезных требований. Все, что Фридриху требовалось от султана, это возможность начать игру против Рима: для него было неважно, что козырь был фальшивый. Император беззастенчиво афишировал антихристианские настроения, смутившие самих мусульман.

Тамплиеры следовали за событиями с чувством неловкости. Опекун своего сына, маленького принца Конрада, император обладал в Святой Земле бесспорными феодальными правами. Но отлучение создавало вокруг него атмосферу осуждения, что в принципе было своего рода моральной изоляцией. Более того, рыцари поддерживали весьма дружеские отношения с семьей Ибеленов, руководившей пассивным сопротивлением немцам. В итоге тамплиеры были очень сдержанны по отношению к Фридриху; но когда он отбыл в Яффу, монастырь на расстоянии сопровождал его, поскольку магистр отказался ехать под проклятым знаменем отлученного монарха.

В негодующем письме патриарх Герольд сообщает о последствиях. В заглавии - имя прелата, но военная латынь удивительно напоминает стиль Пере де Монтегаудо.

После длительных и долгих переговоров, в течение которых император не спросил никакого совета у кого бы то ни было из Земли, он внезапно объявил нам день, когда он заключил мир с султаном. Никто не видел статей этого мира или перемирия, когда император давал клятву их соблюдать, но среди прочего он нам сказал, что Святой Град возвращен христианам. [398]

Император вступил в Иерусалим 17 марта со своей свитой и сопровождавшими его франками. На следующий день в церкви Гроба Господня он сам возложил на себя корону.

Заметим, что если сын его был законным наследником, то Фридрих со времени смерти своей жены не обладал никаким личным правом на трон. Отлученный от Церкви, он не мог претендовать на коронационное богослужение, так что его интронизация совершилась "очень беспорядочно и сбивчиво, с явным ущербом для императорской чести и превосходства".

День спустя император поспешино и первым покинул город, не попросившись, несмотря на многочисленные обещания отстроить стены. Братья орденов Храма и Госпиталя, кои там находились, серьезно и настойчиво ему растолковали, что помогут ему, насколько это в их силах, своими советами и содействием, ежели он захочет укрепить город, как он это утверждал. Но император, который не беспокоился о неудачных переговорах <...> поскольку, по договоренности, город не должен быть ни защищаем, ни укреплен, удовлетворился простой передачей и поспешил к Яффе со своей свитой в тот же день. [399]

Негодование тамплиеров, как и всех франков Сирии, было велико. В самом деле, соглашение оказывалось мошенничеством. Султан отдавал открытый город, который должен был, согласно договору, оставаться таковым. Он сохранял квартал Храма, единственно имевший священный характер для мусульман. Он также удерживал все крепости, которые господствовали в Палестине, - Сафет и Торон. Газу и Дарум, Крак и Монреаль. Фридриху уступили беззащитный город, находившийся в кольце замков, который мусульмане могли захватить в любой момент, если бы присутствие христиан стало им мешать.

Поднимаясь берегом к Акре, император попытался овладеть Заком Паломника. "Но тамплиеры ответили ему, что если он не уберется, они отправят его туда, откуда он не возвратится больше". Фридрих поспешно уехал, чтобы возобновить попытку утверждения своего господства в порту Акры.

Так как германские корабли уже снимались с якорей, патриарх и тамплиеры использовали средства, полученные от французского короля, чтобы нанять рыцарей для защиты Святой Земли. Фридрих, не желавший потерять ни одного стоящего человека для ведения войны в Ломбардии, [*1] грубо приказал им уняться. Магистр ордена Храма указал ему, что соглашения с Египтом противоречат союзу с султаном Дамаска, "что оставляет у нас меч в ране". Фридрих не ответил сразу, но на следующий день созвал на акрском взморье общее собрание, где осыпал Пере де Монтегаудо обвинениями и оскорблениями. Потом, не допустив возражений, император возвратился в город и повелел усилить отряды своих арбалетчиков у ворот и главных зданий. Немцам приказывали выпускать тамплиеров, ежели они того захотят, но стрелять по тем, кто попытался бы вернуться. Патриарх на это ответил всеобщим отлучением сторонников императора.

Между тем положение Фридриха становилось невыносимым; он и сам торопился уехать. По словам патриарха Герольда, Фридрих увез катапульты и камнеметы, предназначенные для защиты города, а некоторые из них отослал султану "как своему доброму другу". Наконец, 1 мая, под свист возмущенных жителей, он поднял парус. "Да будет угодно Богу, чтобы он никогда не возвратился", - вздохнул на исходе сил и негодования патриарх. [400]

Германское вторжение в Святую Землю и на Кипр вызвало тяжкие последствия. Оно привнесло новый элемент раздора на эту уже истерзанную землю, где с отъездом Фридриха разразилась война между его маршалом Рикардо Филанджери и Ибеленами. Еще более серьезные последствия оно имело для тамплиеров, ибо Фридрих никогда не простил, что они преградили ему путь и разоблачили двусмысленность его поведения. Его письма, разосланные ко всем европейским дворам, полны змеиного шипения и распространяют ядовитые обвинения о сговоре рыцарей Храма с врагом. Многие подозрения, нависшие в дальнейшем над Домом, берут начало в этих желчных речах императора.

Обвинив рыцарей в том, что они с радостью встречали посланцев султана Дамаска и участвовали в отправлении мусульманских ритуалов в командорстве Акры, он положил начало будущим судебным обвинениям, приведшим к упразднению ордена. Однако изначально это была только вульгарная реакция Фридриха на скандал, вызванный его собственным поведением в Палестине. [401]

В октябре 1232 г. Пере де Монтегаудо уже не был магистром ордена Храма. Его

преемник, Арман Перигорский, прежде являлся *магистром в Сицилии и Калабрии* [402], где отношения между орденом Храма и императором становились все более натянутыми. Тем не менее тамплиеры непосредственно не вмешивались в войну киприотов против маршала Филанджери, хотя и были крепко связаны с семьей Ибеленов. "Старый Государь Борофы", Жан д'Ибелен, глава киприотов, умер в 1236 г. Он сумел противопоставить французский рассудок немецкому насилию и расстроить маневры Фридриха и его наместника. Жан д'Ибелен высоко ценил орден Храма, коль скоро облачился в его одеяние незадолго до своей смерти. Он дал обет, когда упал с лошади и едва не разбился. "Очень воспротивились этому его дети, и в великом трауре были все люди страны, но ничего не вышло, он отправился, освобожденный, вопреки всем, в орден Храма и велел отвезти себя в Акру. Он недолго пробыл братом и принял прекрасную кончину". [403]

Кончина д'Ибелена и отсутствие в Сирии светского государя отдали власть в руки патриарха и обоих магистров. Тамплиеры упорно возвращались к своей идее альянса с Дамаском против Египта. Они видели, что опасность шла из Каира, и желали приобрести союзника разобщенным христианам. К несчастью, договориться тамплиеры и госпитальеры не смогли. Если первые протягивали руку Дамаску и вступали в союз с Ибеленами, то вторые склонялись к договору с Египтом и покровительствовали Филанджери. Рыцари обоих орденов избивали друг друга на улицах Акры и по очереди осаждали одни других в командорствах. Кроме прочего, тамплиеры отомстили императору, потеснив тевтонских рыцарей, которых они изгнали из Акры и принудили укрыться в принадлежавшем им замке Монфор. Тем не менее с затуханием кипрской войны на мгновение затишье воцарилось и в Сирии. Многочисленные паломники путешествовали за море, несмотря на анафему, которой Григорий IX предал всех, кто отплывал в Святую Землю, вместо того чтобы прийти ему на помощь в борьбе против гибеллинов (сторонников императора) в Ломбардии.

Султан Дамаска тоже искал союзников, выступая против Египта. Филипп Новарский, друг Ибеленов и свидетель этих событий, рассказывает об этих переговорах: [404]

*Наши паломники, возвратившись в Акру, [*2] в скором времени отправились разбить лагерь в пальмовой роще Каифаса, чтобы дать лошадям травы, а когда травы стало недоставать, двинулись, дабы стать лагерем у источника Сепфорского; и покуда они там были, к ним приехал посланник со стороны султана Дамаска, чтобы договориться о перемирии. Сей султан носил имя Салаха [султан Салах-Исмаил] и приходился сыном Сафадину ле Эйделю [Сейфеддин, брат Саладина]. Дело с одной и другой стороны пошло так, что между ним и христианами было заключено перемирие, и по перемирию он передал замок Бофор и замок Сафет тамплиерам, и всю Иерусалимскую землю, кою держали франки, от морского побережья до реки Иордан. И христиане заверили его, что не заключат ни перемирия, ни мира с вавилонским султаном без него и его согласия, и станут его союзниками против этого султана, и что они отправятся разбить лагерь в Аскалон или Яффу со всеми своими силами, дабы помешать султану Вавилонии пройти по их земле и вступить на землю Сирии; и вышеозванный султан [Дамаска] должен был расположиться рядом с ними, в устье реки Яффы. На всех этих соглашениях поклялись бароны войска, и султан и его эмиры, и с самого начала им передали вышеупомянутый замок и землю Сайетты и Табари. Когда перемирие было заключено, как вы это слышали <...> христиане отправились разбить лагерь в Яффе. И Салах Дамасский, и правитель Шамеля [Хомса] с ним расположились у истоков реки со всем своим войском. Это перемирие <...> было договорено и заключено по совету ордена Храма и без соглашения с орденом Госпиталья святого Иоанна, так как орден Госпиталья договорился о перемирии между султаном Вавилона и частью христиан и заставил поклясться в нем короля Наваррского, и графа Бретонского, и многих других паломников, которые не подумали о клятве, принесенной султану Дамаска. Король Наваррский и граф Бретонский, и прочие паломники <...> уехав из Яффы, вернулись туда и отправились в Яффу, и наняли корабли, чтобы переправиться за море в свои страны. Магистр ордена Госпиталья, брат Пьер де Виельбрид, который поклялся в этом перемирии, но ничем не присягнул дамасскому султану, отъехал из Яффы со всем своим монастырем и отправился в*

Акру и потом в ней и остался. Люди Земли и тамплиеры, и граф Неверский, и часть паломников остались в Яффе и не пожелали ни уезжать, ни отказываться от договоренностей, которые они заключили с султаном Дамаска.

Столь мастерски спутав дипломатические карты, Тибо Шампанский улизнул, не обращая внимания на герцога Корнуэльского, который высадился с английскими крестоносцами вскоре после отъезда наваррского короля.

Ричард Корнуэльский, как и его брат Генрих III Английский, был одновременно любителем пышности и благочестия, образованным и некомпетентным. Более того, его шурином бьш Фридрих II, и впоследствии он должен был выставить свою кандидатуру на наследование короны Империи. Крестовый поход он предпринял под руководством госпитальеров, со времени своего отъезда из Англии находился в обществе великого прецептора [*3] этой провинции, и, естественно, покровительствовал политике иоаннитов в Палестине, хотя "тамплиеры держали его очень крепко, дабы он придерживался перемирия и условий султана Дамаска". Тем не менее, несмотря на настоятельные просьбы, Арман Перигорский не смог помешать Ричарду ни тогда, когда последний высказался за союз с Египтом, ни тогда, когда он доверил бальи императора Фридриха замок Цезарею, приведенный в порядок англичанами.

Еще раз тамплиеры пострадали от того, что можно назвать дурной репутацией. Близким другом и искренним поклонником Ричарда Корнуэльского был Матвей Парижский, монах Сент-Олбанского монастыря. Разделяя концепцию автономии церкви в Англии, Матвей повторяет все сетования протестантов за три столетия до Реформации. Отвращение к финансовым уполномоченным и к денежным взысканиям Курии настроили его враждебно также и к тамплиерам, а к Фридриху, для которого он переписывал письма от Ричарда Корнуэльского - скорее благоприятно. Сделанное Матвеем описание положения в Святой Земле, неблагоприятное для тамплиеров, велеречиво и путано; изложение Филиппа Поварского (оправдывающее их) отличается большей ясностью. Но Филипп лишь прославлял подвиги семьи Ибеленов, а Матвей Парижский добросовестно писал историю Англии; и его версия событий была принята, в то время как "Деяния киприотов" в известной мере проигнорированы.

С возвращением в Англию герцог Корнуэльский горько жаловался на тамплиеров и даже на госпитальеров, "братьев-близнецов, которые рвут горло друг другу в лоне своей матери". Он приписал своему влиянию все выгоды, обещанные христианам двумя несовместимыми договорами, и представил себя освободителем "Берофы, Сидона, Бофора, Сканделиона, Сен-Жоржа, Торона, Табари, Амабели, Рамы <...> Сафета, Назарета, горы Фаворской, Жибле, Иерусалима, Вифлеема, Вифании <...> и французских пленников в Каире". [405]

И вновь Сирия осталась без государя. Но на этот раз, с одобрения баронов Земли, ответственность взял на себя Арман Перигорский. Он возвратил спорный договор Каиру и вернулся к тамплиерской политике союза с Дамаском. Его письмо Роберту Сандфорду, магистру в Англии, показывает, что он сознает опасность ситуации, но доверяет и гордится успехами своих демаршей.

<...> Вавилонский султан обещал нам вернуть Газу, Сент-Авраам, Наблус, Дарум и другие фьефы, но потом нарушил данное нам слово и удерживал наших посланцев, братьев нашего Дома, более шести месяцев в плену. Мы опасались его вероломства и заключили союз с султанами Дамаска и Хомса, и с правителем Крака, кои позволят нам легко подчинить Вавилонское королевство и занять, наконец, всю окружающую нас сарацинскую территорию. Султан Дамаска и сеньор Крака тут же передали под христианское богослужение всю площадь по эту сторону Иордана, за исключением Наблуса, Сент-Авраама и Беиссена <...> Нет сомнения, что эта счастливая и благоприятная ситуация могла бы продлиться долго, если бы христиане по эту сторону моря [на Востоке] пожелали бы тотчас одобрить эту политику. Но увы, сколько людей на этой земле и прочих противостоят и враждебны нам из ненависти или зависти. Таким образом, мы и наш монастырь, при содействии прелатов церкви и некоторых баронов Земли, кои помогают нам, как могут, мы одни взяли на себя бремя ответственности за оборону <...> Мы предлагаем построить очень укрепленный замок

на Тороне, близ Иерусалима, если люди по доброй воле окажут нам содействие. Надо думать, эта крепость позволит нам легко присматривать за страной и навсегда защитит ее от врага. Но наши владения ненадолго станут защищены от султана, человека весьма могущественного и коварного, ежели Христос и его приверженцы не придут нам на помощь. [406]

В то же время тамплиеры восстанавливали Храм Соломона в Иерусалиме и начали его укреплять - дело, в котором Фридрих II осмелился упрекать их: "Если магистр и братья не прекратят сооружать замок в Иерусалиме, что противно чести императора [!], все их имущество в Германии и Сицилии будет конфисковано". [407]

Время между 1240 и 1244 гг., - годы триумфа тамплиеров, и триумфа подлинного. Они по-настоящему чувствовали себя спасителями Святой Земли и без колебаний были готовы пролить свою кровь и отдать свое золото ради сохранения своего наследия. Именно в этот момент они отстроили Сафет - ценой каких усилий и затрат! Они предложили возвести другой замок на Тороне и привели в порядок оборонительные сооружения Иерусалима. Но созидательная политика, вдохновляемая Арманом Перигорским, быстро остановилась. Смерч, пришедший из глубин Азии, всколыхнул Восток, перемешал народы, стер границы и достиг даже Европы. Весной 1241 г. монголы совершили набег на Пруссию и Венгрию. В одеждах из черной лоснящейся кожи, верхом на степных конях, вооруженные луками с двойным изгибом и стрелами с железными наконечниками, монгольские всадники при необходимости проходили шестьдесят и более километров за один день. Их оружие превосходило арбалет, а в тактике и стратегии они знали секрет продвижения в обход противника. Их первая встреча с рыцарством Европы состоялась 9 апреля у Легницы в Польше. Польский князь Генрих, германские рыцари северной марки, тамплиеры провинции Риги пали под натиском правого крыла захватчиков. Неделий позже центр и левое крыло войска монголов разбили армии венгерского короля у селения Мохи в Карпатах. Тамплиеры Славонии и Венгрии сражались в первых рядах и пали на поле битвы. Семьдесят тысяч человек погибло при Мохи, и монголы преследовали оставшихся в живых до берегов Адриатики. [408]

Народы Запада взволновались. Зловещие слухи о жестокостях *татар* переходили из уст в уста: их называли людоедами и говорили о их демоническом происхождении. Магистр ордена Храма во Франции Пон д'Обон написал молодому Людовику IX после вестей из Легницы, но еще до событий при Мохи: "Знайте, что татары разорили землю, принадлежащую герцогу Генриху Польскому, и убили его с великим количеством его баронов, а также шестью нашими братьями <...> и пятьюстами нашими воинами. Трое из наших спаслись, и знайте, что все немецкие бароны и духовенство, и все из Венгрии приняли крест, дабы идти против татар. И ежели они будут по воле Бога побеждены, сопротивляться татарам будет некому вплоть до вашей страны". [409] В Париже король готовился принять мученическую кончину во главе своих рыцарей.

Смерть великого хана в глубине степей случайно избавила Европу от одной из наиболее великих опасностей, когда-либо нависавших над Западом. Опасность переместилась на Ближний Восток.

Договор с Дамаском, оборонительные сооружения, возведенные тамплиерами в Иерусалиме, способствовали возвращению христиан в Святой Град, хотя город еще не был в состоянии обороняться. Но в августе 1244 г. растянувшиеся колонны туркмен, вытесненных монголами, начали переходить Иордан. Магистр ордена Госпиталя, находившийся в Иерусалиме, собрал мужчин, женщин и детей, окружил их своими рыцарями и возглавил массовый исход к Яффе. Но, несмотря на предупреждения братьев св. Иоанна, ложные или плохо понятые слухи вновь призвали беженцев в Святой Град. [410] Они вернулись туда одновременно с туркменами, которые перебили их и разграбили церковь Гроба Господня. Воины-кочевники двигались к Египту, чтобы стать союзниками или наемниками султану, и опустошали все на своем пути.

Питаемая Арманом Перигорским надежда *бдиль и защищать* полученные обратно земли таяла перед этой неожиданной опасностью. Однако союзники с обеих сторон держали слово.

Тамплиеры, госпитальеры, примирившиеся в годину общего бедствия, и светские бароны Сирии дошли до Акры, где к ним присоединились султаны Дамаска и Хомса, а также правитель Крака. Они оказались перед мамлюками Египта и туркменами под командованием Бейбарса, монгольского раба, достигшего сана эмира и ставшего позднее султаном Египта, покорителем Ближнего Востока.

Битва началась 17 октября. Бейбарс направил свою атаку сначала на левое крыло, где уничтожил отряды Салаха-Исмаила. Христиане, окруженные и уступавшие в численности, в течение двух дней оказывали ожесточенное сопротивление.

Когда войско христиан подошло к Газе, они увидели кораменов [туркмен] и вавилонских воинов, выстроивших свои части, чтобы сражаться. Христиане разделили свои отряды таким образом, чтобы дамаский султан и султан Хомса сразились первыми. И когда они сблизились друг с другом, то столкнулись вместе, сарацины против сарацин. Они нисколько не щадили друг друга, как если бы не были одной веры. Довольно было там добрых ударов и великих подвигов со стороны Дамаска и Хомса, но когда они потеряли много своих людей, коих перебили или захватили в плен, они были побеждены. Таким образом, в битве остались одни христиане, которых было немного, по мнению их врагов. С силой набросились одни на других, и очень жестокая и суровая битва там была. Едва можно было бы поверить, что столь малое число людей смогло бы совершить столько подвигов против стольких язычников, бывших там <...> [411]

Но как одолеть такое множество, коль крепкие и постоянно прибывающие враги бросались на нас, - писал госпитальер, уцелевший в битве. - Мы, кого была лишь половина по численности, раненые и усталые, ощутили бремя битвы предыдущего дня и победы, кровавой и дорогой для них <...>

Арман Перигорский пал с тремя сотнями рыцарей своего монастыря и двумя сотнями госпитальеров. Магистр ордена Госпиталя был приведен пленником в Каир. Только двадцать шесть братьев св. Иоанна и тридцать шесть тамплиеров вернулись с поля битвы. [412] Фридрих пролил крокодиловы слезы по поводу этого разгрома. Как он утверждал, им было все улажено, а за поражение ответственны тамплиеры: они вынудили султана просить помощи туркмен, ведя с ним войну неосторожную и неправую; они доверились вероломным дамаскинам, предавшим их в начале сражения. Император находит даже презрительное слово для местных баронов, возвращенных в наслаждениях, но также покоившихся в песках Газы. [413]

Можно было бы счесть, что это кровавое поражение станет концом Латинского королевства: однако оно просуществовало еще полстолетия.

Речь идет о незатихающих распрях между императором и североитальянскими городами. Перед отплытием в Святую Землю Фридрих II добился формального соглашения с последними, однако оно осталось неэффективным. В 1230-х годах война городов - сперва со сторонниками Фридриха, затем с ним самим - разгорелась с новой силой.

Речь идет Теобальде (Тибо) Шампанском, короле Наваррском, и о Петре по прозвищу *Дурной Клирик*, герцоге Бретонском (*прим. авт.*).

Один из орденских чинов.

ГЛАВА XVI Архиепископ и труверы

В 1216 г. епископом Акры стал Жак де Витри, [414] образованный и культурный человек, наделенный замечательной памятью и обладавший приветливой наружностью. Он превосходно знал классическую литературу, но не пренебрегал ни рыцарскими романами, ни фавлю; он воспользовался путешествиями, чтобы собрать самые разнообразные анекдоты, которыми украшал свои проповеди. Когда Витри сопровождал крестоносцев в 1218 г. в Дамьетту, он провел невеселое время в нескончаемой блокаде, читая все, что можно было найти в частных библиотеках на латыни или на северофранцузском языке - "наречии *ойль*". "Священная История" (Historia Sacra) Гийома Тирского вызвала у него желание написать историю Востока,

произведение, правда, второстепенное по значимости, но содержащее ценные высказывания о тамплиерах. Он пользовался очень простой латынью - правильной, хотя и не классической; вне сомнения, он и проповедовал на том же языке, который в XII веке преобразовался почти в живой диалект. [415]

Жак де Витри искренне восхищался орденом Храма. Будучи в некотором роде фанатиком Священной войны, он проповедовал поход против альбигойцев в 1213 г. Именно де Витри с величайшим упрямством воспротивился сдаче Дамьеты, когда Пере де Монтегаудо возвратился в город, чтобы провозгласить условия капитуляции. [416] Подробности, приводимые "Восточной историей" об истоках ордена Храма, вероятно, получены от самих братьев, храбрость и дисциплину которых он восхвалял.

Епископ Акры любил сочинять проповеди для избранных слушателей. Он проповедовал легистам (знатокам законов), студентам или монахам. Два из таких наставлений адресованы рыцарям ордена Храма. [417] Выбирая текст из Иезекииля "Circumdabo domum meam ex his qui militant mei, euntes et revertentes" [*1] Витри объясняет, что роль тамплиеров - защищать Церковь от сарацин в Сирии, от мавров - в Испании, от язычников - в Пруссии и Ливонии, от схизматиков - в Греции и от еретиков - повсюду. Четверка лошадей Захарии [*2] являет прообраз рыцарских орденов: гнедая лошадь - тамплиеры, белая - госпитальеры, вороная - тевтоны (по цвету креста, носимого ими в качестве герба) и пегая лошадь - прочие братства. Взяв этот текст за основу, епископ развивает его далее: "Вы движетесь вперед в военное время, вы возвращаетесь назад во время мира; двигаясь вперед делом, возвращаясь в созерцание; отправляясь на войну сражаться, мирно возвращаясь к молитве; вы рыцари в битве и монахи в своем жилище".

Затем проповедник назидает их о гордыне и бахвальстве, о гневе и соперничестве, о лени, скупости и сладострастии. "Чтобы не посмели вы прожить ни одного дня в таком состоянии, в котором вы не решились бы умереть". И он цитирует стих:

Si tibi copia, si sapientia, formaque detur

Inquinat omnia sola superbia, si dominetur. [418] [*3]

Епископ не стесняется в выражениях; он клеймит спесь, скупость и сладострастие, прибегая к физиологическим метафорам, связанными с чревом и внутренностями. Пусть тамплиеры не подражают ни повадкам двух петухов на одном птичьем дворе, дерущихся только потому, что никак не могут выносить друг друга, ни повадкам совы, которая упивается слабостями других. Пусть они не презирают немощных братьев или низкорожденных, "ибо бахвальство проистекает от тщеславия - даже у доблестных рыцарей, каковыми вы являетесь. Не только победа, но и храбрость идет от Бога. Два гордеца не поскачут в одном седле", - Витри здесь раскрывает истинный смысл изображения на печати ордена Храма с двумя рыцарями, сидящими на одном боевом коне, - символ не бедности, а смирения. [419]

Наконец, епископ Акры доходит до сути своей речи: "Я вижу среди вас некоторых - чего нельзя признать без боли, - еще вмешивающихся в мирские дела по своем вступлении в воинство Христово, старательно возводящих стены (murs), но пренебрегающих нравственностью (moeurs) [Замок Паломника был построен в 1217 г.]. Ссылаясь на пользу Дома, они стараются быть приятными богачам и замужним дамам и, вопреки заповедям Господа своего, жаждут чужого достояния, обременяя других тяжбами <...> Пусть остерегаются они - те, кто притесняет прелатов, отбирая их десятины и права, и кто стал бичом церкви, злоупотребляя своими привилегиями [все те же злополучные десятины!]. Воистину, ничтожен тот, кто печется больше о своем коне, нежели о Христе!" Епископ с недоверием относится также и к крайней значимости, придаваемой тамплиерами правосудию Дома. "Не следует, чтобы миряне присваивали функции священников, налажали покаяния или допускали освобождение от них. Ибо им не доверены ни ключи, ни власть вязать и отпускать грехи". [*4]

Чтобы заставить воспринять свои внушения, Жак де Витри рассказывает истории. И поскольку он обладал даром говорить со своими слушателями о том, что ближе всего их сердцу, все его анекдоты рассказывают о всадниках и их лошадях. Прежде всего "Скачок тамплиера", рассказ о брате-рыцаре, который в день сражения говорит своему скакуну: "Мой

конь, мой добрый товарищ, я провел много добрых дней, скача на твоей спине, но этот день превзойдет все другие, ибо сегодня ты понесешь меня в Рай". Рай, где, возможно, найдется место и для доброго коня.

Есть еще милый рассказ о "Брате Хлеб с Водой":

Некогда жили некоторые братья-рыцари вашего Дома, столь ревностные в постах и самоистязаниях, что просто падали перед сарацинами из-за своей телесной слабости. Я слышал, как рассказывали об одном из них, рыцаре очень благочестивом, но совершенно не доблестном, который свалился со своего коня при первом же ударе копья, получив его в стычке с язычниками. Один из его братьев посадил его вновь в седло, с великой опасностью для самого себя, и наш рыцарь бросился на сарацин, которые его снова выбили из седла. Тогда второй, два раза подняв его и спасши, сказал: "Сеньор Хлеб с Водой, отныне поберегитесь, ибо если вы еще свалитесь, поднимать вас буду не я!"

Наконец, - таинственная легенда о слепом всаднике, сидящем на белом коне и преследуемом своим двойником на совершенно такой же лошади, от которого он ускользает, "только перейдя воду". Витри пользуется ею в аллегорическом смысле, но из каких мифологических глубин она происходит?

Среди прочего, епископ Акры упоминает комического персонажа некоего фаблио - "Мэтра Корбо, взобравшегося на дерево" - единственно затем, дабы увещать: "Не доверяйтесь ни еретикам, ни льстецам, ни сарацинам, ни бедуинам; не водитесь с ними, не открываете им свои секреты, но всякую свою надежду обратите к Иисусу Христу".

Жак де Витри проповедовал на ясной латыни, понятной даже людям малограмотным, его слушатели разумели смысл без особого труда. Тамплиеры были достаточно образованны, особенно в XIII в. Впрочем, Витри и сам говорит об этом:

Пуускай командоры ваших Домов имеют попечение над братьями, более преуспевшими в теологических школах, нежели просвещенными в мирских знаниях <...> ибо вы нуждаетесь в образованных и достаточно наставленных в Законе Божьем капелланах и их приорах.

Однако по статутам видно, что тамплиеры не придавали большого значения своим капелланам. Руководство Домом оставалось целиком в руках светских братьев.

Один из магистров ордена Храма - Роберт де Сабле, друг Ричарда Львиное Сердце - до того, как стать тамплиером, был поэтом, во всяком случае слагал стихи. По правде, его жалоба "Ныне воспеть..." пестрит общими местами, которые изобильно перетасовывали труверы, но вторая строфа действительно хороша:

*Увы, сказал я в своем безрассудстве,
Мне вполне ведомо сие великое разочарование.
Но сердце мое охватила страсть
Быть легким и летучим.
Ах, Дама! Я раскаиваюсь,
Но истекает время, чтобы взывать о милосердии,
Тому, кто ждал, сколько мог.
Потому и заслужил я смерть.*

Жан Ренар цитирует Сабле в своем "Романе о Розе" [420], произведении, текст которого пересыпан песнями, их Жан примешивает к своему рассказу, то называя авторов, то лишь приводя несколько строк неизвестного поэта, поистине незабываемых:

*Рено и его подруга скачут рядом,
Скачут всю ночь до светлого дня,
А мне уже не испытать радость любви к вам.*

Гио де Провен, другой трубадур, ставший монахом, - на сей раз в Клуни, - немалую часть своего труда "Библия" посвящает ордену Храма, который он знал довольно близко. [421] Из его поэмы - длинной проповеди в стихах, рассказывающей о нравах клириков того времени, - становится ясно, что автор присутствовал при помазании на царство Генриха, сына императора Фридриха Барбароссы, в Майнце в 1181 г. Потом Гио в течение четырех месяцев был монахом

в Клерво, затем сменил орден и обосновался в Ключни. Он сообщает, что совершил паломничество в Иерусалим и кое-что смыслит в навигации, описывает, как пользоваться компасом. "Библия" Гио де Провена начинается с довольно нелепого перечисления древних философов.

Таковы их главные имена:

Терад [Теофраст] был там, и Платон,

И Сенека, и Аристотель,

Вергилий к ним принадлежал, и Отон,

Древний Клио, и Сократ,

И Лукан, и Диоген, и т. д.

Ничем иным они занимались, как тем, что говорили благое и исправляли дурные пороки: те, кто помнит их наставления, никогда не попадут впросак.

Потом Гио переходит к похвале умершим сеньорам:

<...> Слишком презрен и подл [этот] век.

Истинно, хотелось бы мне умереть,

Как вспомню баронов,

С их деяниями и их именами,

Которые все уже мертвы.

Следует длинный перечень имен, "на кои снег выпал недавно", - подводящий автора к главному его предмету - порицанию нынешних времен, начиная с Папы.

<...> Рим/ Рим,

Много еще перебьешь ты людей!

Не помилованы и архиепископы, епископы, каноники белые и черные - "Те, кто приводит мир в отчаянье". Гио жалуется затем на "черных монахов" (бенедиктинцев) и их аббатов, хотя сам был братом в Ключни.

Минуло более двенадцати лет,

Как был я облачен в черные одежды.

По поводу четырех месяцев у цистерцианцев в Клерво:

Это вовсе не было слишком чрезмерным злом,

Я уехал оттуда совершенно свободно,

хотя по его словам, ни один орден не был ни "менее братским", ни более склонен к "лицемерию и нашептываниям". Он находил, что цистерцианцы слишком увлечены хозяйством, вплоть до того, что строили свинарники на своих кладбищах и держали ослиц в монашеских покоях.

*Монахи Шартрезы [*5] не заслужили большего. Они выказали себя слишком суровыми. "Я не люблю орден, которому недостает милосердия", - пишет Гио де Провен, хотя и не приписывает при этом ничего скандального последователям св. Бруно.*

*Орден Великой Горы [*6] ему нравится, за исключением того, что монахи много едят и слишком заняты собой.*

Крепкие соусы и перченое жаркое

Они любили всегда.

Ночью, когда они должны спать,

Они умываются и укладывают волосы,

И расчесывают свои бороды,

И, [разделив] на три части, перевязывают,

Чтобы они были красивыми и блестящими <...>

*Затем Гио казнит "белых каноников". [*7]*

Их безрассудство слишком дает знать о себе,

К ним не приходит большое состояние <...>

*Но к монахам св. Августина [*8] и к регулярным каноникам он менее жесток. Возвращаясь к ключницам, моралист одобряет суровость их устава:*

Не солгав, они пообещали мне,

Что, когда я захочу спать,
Мне надлежит бодрствовать,
А когда я захочу есть,
Они заставят меня поститься <...>

Гио де Провен посетил Иерусалим, где встретил рыцарей св. Иоанна, "подвигами и здравомыслием" которых он восхищался, но не увидел у них ни милосердия, ни былого гостеприимства.

Некоторые из стихов "Библии" посвящены тамплиерам, которым Гио почти безоговорочно воздает похвалу.

Я был в ордене Храма, и даже
Охотнее, чем в Черном ордене
Или в любом ордене, который я повидал,
И ни за что не отступлюсь от этого.
У них хороший орден и прекрасный, без
недостатков,
Вот только в битве я его не видел <...>
Тамплиеры достойнейшие мужи,
Там становятся рыцарями те,
Кто познал мирскую жизнь,
И повидал ее, и испробовал.
Там никто не держит своих денег,
Но каждому принадлежат все богатства.
Этот орден рыцарства
В великой чести в Сирии <...>
Но трувер, подобно Панургу [*9] "испытывал естественную боязнь ударов".
В битве они не отступят,
Мне это право, очень неприятно.
Я возвратился из их ордена,
Поскольку знаю, что побегу [с поля битвы]
И никогда не буду дожидаться ударов/
Не настолько я безумен <...>
Дай Бог, не буду убит.
Лучше быть трусоватым и живым,
Чем умереть смертью самой чтимой на свете.
Я хорошо знаю, что у тамплиеров
Орден прекрасный, добрый и верный,
Но битва - дело неразумное.

Говорят, что Гио преувеличивает собственную трусость, чтобы оправдаться перед будущей цензурой: конечно, тот, кто смеет обращаться к Папе, должен быть осмотрительным в критике тамплиеров:

В большом порядке содержат они свои Дома,
Поддерживают верное и твердое правосудие,
Из-за чего орден умножает величие и богатство.
Но за две вещи обвиняли их
Много раз и часто порицали -
Они алчны, что говорят все,
И об их гордыне идет сильная молва.

Следующие строки - почти цитата из устава по поводу белых плащей. "Что означает белизна и полное целомудрие? Чистота есть уверенность в храбрости и телесном здравии <...> Те, кто служит Всевышнему Создателю, должны быть чисты внутри и снаружи", - о чем Гио говорит так:

Конечно, много можно говорить,

Что тамплиеры должны себя видеть
И с Крестом, и в плаще,
Показать свою силу, и щедрость, и стать,
Ибо означает белый плащ
Смирение и чистую жизнь,
А Крест - порядок и покаяние.
И могу сказать без сомнений,
Что Крест был помещен на плащ,
Дабы ни алчность, ни гордыня
Не смогли сквозь него проникнуть,
Как школяр держит у глаз написанное,
Чтобы выучить свой урок,
Так должны смотреть и видеть тамплиеры
Крест - тот путь
На который их направил Бог и по которому
Бог их ведет.
И трувер заканчивает несколькими примирительными словами:
И их жизнь, и как они держат себя,
И их возвышение, и их смелость, что им дана
[свыше],
Очень любви мне,
Но сражаться они будут без меня!

Орден Храма обладал значительным командорством в Провене [422] , родном городе Гио; его искреннее восхищение особенно ценно, поскольку именно в это время хронисты Святой Земли начали обвинять тамплиеров во всех неудачах, представляя их предателями и даже трусами. В критических пассажах Гио тамплиеры заняли место как часть современного ему общества. Но есть основания полагать, что они вдохновляли также и к созданию художественных произведений, не менее прекрасных, но более таинственных и много большего значения.

В том же городе, что и Гио, около 1135 г. родился Кретьен де Труа. Он провел всю жизнь (то немногое, что о ней известно) в Шампани или во Фландрии. Его первый большой роман о рыцарях Круглого Стола - "Эрек и Энида" - датируется приблизительно 1162 г. "Что касается "Ланселота", то он нам предоставляет более точный временной ориентир ввиду упоминания имени его вдохновительницы - Марии Французской, графини Шампанской, которая в 1164 г. вышла замуж за графа Генриха I Щедрого. Вторая дочь Алиеноры Аквитанской и Людовика VII, принцесса Мария унаследовала от матери вкус к изящной словесности и держала литературный двор, где находили удовольствие - грациозная игра общества и первый светский зачаток салонов - в обсуждении вопросов любви <...> Генрих I Щедрый, ее супруг, могущество и богатство которого основывалось на шампанских ярмарках, проходивших в его графстве в Бар-сюр-Об, Труа, Провене, Ланьи, тоже покровительствовал литературе и искусствам". [423]

Бар-сюр-Об, Труа, Провен, Ланьи: мы узнаем в них не только край великих ярмарок, но и жизненный центр, откуда распространился орден Храма. Пейен, фьеф первого магистра, первое командорство ордена, находится совсем рядом с Бар-сюр-Об. Труа предоставил место для проведения Собора, который принял первый устав. В Провене был один из самых значительных Домов, картуляриями которых мы обладаем. Вся Шампань, Бри, Пикардия изобиловали командорствами ордена Храма. Если Кретьен родился около 1135 г., он должен был наблюдать в своих богатых впечатлениях детства и юности развитие ордена, испытать на себе притягательность его первого воззвания к миру.

Он мог знать латинский устав, возможно, и французский перевод его, которые никогда не держались в секрете, как позднее "Свод". И обнаруживается любопытное сходство между произведениями Кретьена и этим первоначальным уставом.

Самый вдохновенный взлет поэзии Кретьена - в его "Персевале...", прославляющем
Высшее сословие [Ordre], вооруженное мечом,
Учрежденное и наставленное Богом -
Это орден рыцарский [*10]

Который должен быть без низменного начала.<...>

Советы, данные Персевалу его матерью и рыцарем Горнеманом, "позволяют нам присутствовать при поступательном преобразовании под влиянием церкви рыцарства, института мирского по происхождению, в подобие светского ордена: пусть щадит он побежденного, просящего о милосердии, отправляется молиться в церковь, помогает в невзгодах дамам и девицам". [424] Теперь откроем устав: "В этой религии [т. е. религиозной общине] процвел и возродился орден рыцарства [т. е. рыцарство как таковое], каковой орден [до сих пор] пренебрегал любовью к справедливости, каковая присуща его служению, и не делал того, что должен был делать: а именно защищать бедных, вдов, сироток и храмы" (глава VI французской версии устава). Велико искушение вообразить, что тамплиеры были вдохновлены в этом случае текстом трувера, однако текст устава, судя по всему, является более ранним, нежели сочинение Кретьена де Труа. [425]

Одно из наиболее оригинальных творений Кретьена - образ странствующих рыцарей, подобных которым не находят ни в романах его предшественников, ни в цикле о Карле Великом, ни в цикле о мятежных баронах, ни, наконец, в "Бруте" норманна Васа, вольно перелавившего британскую историю Гальфрида Монмутского французскими стихами, где Артур и его соратники скорее сравнимы с Карлом Великим и его пэрами. Кретьен де Труа первым также воспел рыцарей - поборников справедливости, странствующих в варварских краях. И здесь снова заметно сходство с орденом Храма - не только с общиной в Святой Земле, где Гуго де Пейен "со товарищи" нес дозор на склонах горы Кармильской, но и с тамплиерами Запада, где "братья, которые будут посланы в разные страны света, что, полагаем, будет часто происходить, - должны по силе своей исполнять повеления устава". Мы даже узнаем "достойных мужей, друзей Дома", у которых тамплиеры останавливаются в пути, в тех "достойных мужах-вассалах", оказывавших гостеприимство героям Кретьена - Ивейну и Ланселоту. А что напоминают нам рыцари-мятежники, разбойничающие насильники, побеждаемые соратниками короля Артура (причем побежденных отправляют ко двору Артура, где они исправляются и, снискав королевскую милость, сами рассказываются за Круглым Столом)? Не созвучна ли их судьба словам устава тамплиеров: "Туда, где вы могли бы собрать отлученных рыцарей, мы и приказываем вам отправиться; и если отыщется кто-нибудь желающий препоручить себя и присоединиться к ордену рыцарства в заморской стране" - того надлежит "милосердно принять", дабы снискать "спасение его души". Сам Артур скорее представляется магистром некоего рыцарского ордена, нежели королем, территориальным правителем. Ибо храбрецы, прибывающие к его двору, приносят ему свои мечи, а не феодальную присягу верности за свои владения, о которых редко идет речь, и принцы садятся за его стол как простые рыцари.

Конечно, не следует преувеличивать ни сходство, ни тем более конкретные влияния, уклад жизни рыцарей Храма, как и труды Кретьена де Труа, попросту сообща выражают мечты и устремления своей эпохи.

Между прочим, в глаза бросаются и контрасты. Основная идея Кретьена - та, что военное приключение вполне совместимо с любовью и супружеством, - становится особенно внятной и актуальной в противопоставлении монашеской доктрине тамплиеров, полагавшей в основу рыцарской славы плотскую чистоту: твердость отваги, святость тела. И когда трувер направлял своего героя через Мост Меча или Замок Злоключения к даме сердца, пребывающей в великой скорби, но мало о нем воздыхающей, не звучало ли это отголоском другого призыва, провозглашенного ранее орденом Храма: "Так смотрите же, возлюбленные братья, так смотрите же, сможете ли вы перенести все эти тяготы". Этот призыв был обращен лишь к тем, "кто гнушается быть ведомым своими собственными изволениями" и "облекается навеки в преблагородные доспехи повиновения", в каковом

повиновении "хлеб и вода Дома, и тягот и суровости предостаточно", но которое вело их к прекраснейшему на свете приключению. Рыцарское Средневековье не имело вкуса к легким путям и поддачкам: оно искренне предпочитало ощущать тернии среди великолетия геральдических лилий.

И может быть, именно этот призыв покорило сердце самого Кретьена, когда тот среди фландрских туманов писал свою мистическую повесть о Граале. Он умер, не кончив своего труда, и неясно, вернулся ли когда-либо его Персеваль в замок Короля-Рыболова, чтобы взять в жены свою возлюбленную Бланишефлёр...

Когда баварский рыцарь Вольфрам фон Эшенбах в начале XIII в. снова обратился к теме Персеваля (на этот раз - Парцифалю), вдохновлялся ли он больше Кретьеном де Труа, или, как говорит он сам, неким "Киотом Провансальцем", о котором ничего не известно и произведение которого существует только в этой немецкой обработке [426]? Исследователи обсуждали это в течение многих лет, так и не придя к согласию. Вольфрам дает имя "тамплиеров" рыцарям, окружающим Короля-Рыболова в замке Монсальват. Они, как и настоящие тамплиеры, обречены на целомудрие, смирение и повиновение. На их щитах и седлах - герб с голубем. Одновременно немецкий роман преобразует чашу Грааля в священный камень, странный фетиш, способный изъяслять волю и карать тех, кто ему не повинуется, но не истолковывающийся в точности как проявление божественной воли. Кажется, фон Эшенбаху хотелось избежать отождествления Грааля с сюжетом Тайной вечери, дабы написать свою поэму в масштабе иных ценностей, нежели ценности католической веры. Ему даже часто приписывают знание доктрин алхимии, но скорее алхимические фантазии лишь оказали некоторое влияние на вдохновение Вольфрама.

Мне хорошо известно, - говорит Парцифалю отшельник, открывший ему тайну Грааля, - о храбрых рыцарях, жилище которых - в замке Монсальват, где хранится Грааль. Это - тамплиеры, которые часто отправляются в дальние походы в поисках приключений. От чего бы ни происходили их сражения, слава или унижения, они принимают все со спокойным сердцем во искупление своих грехов. В этом замке обитает отряд гордых воинов. Я хочу вам сказать, какова их жизнь: все, чем они питаются, приходит к ним от ценного камня, который в своем существе обладает всей чистотой. Если вы не знаете его, я вам скажу его название. Его называют "lapis ex illis" [lapis ex coelis..?]. [*11]

Именно свойствами этого камня уничтожается и обращается в пепел феникс; но из этого пепла возрождается жизнь, именно благодаря этому камню феникс осуществляет свое превращение, дабы вновь явиться прекрасным, как никогда <...> Камень сей дает человеку такую мощь, что его кости и плоть тут же вновь обретают свою молодость. Он также носит название Грааля.

В один день получает он свыше то, что наделяет его исключительными свойствами. Сегодня - Святая Пятница. Это день, когда можно видеть голубя, который, паря, спускается с неба; он несет белую гостию [*12] и кладет ее на камень <...>

Что до тех, кто призван пребывать подле Грааля, то хочу вам сказать, как их узнают (находят). На грани камня появляется таинственное начертание, гласящее имя и род тех - молодых людей и девиц - которые предназначены к совершению сего блаженного путешествия. Равно радуются бедные и богатые, когда им возвещают, что им должно послать своих детей присоединиться к священному отряду. На поиски избранников отправляются в самые разные края; и с тех пор они пребывают всегда защищенными от греховных мыслей, от коих происходит бесчестье; и от небес они получают прекрасное вознаграждение...

Рыцарям Грааля часто даруется счастливая участь <...> Иногда случается, что королевство остается без государя. Ежели народ этого королевства предан Богу и если он пожелает короля, выбранного из отряда Грааля, его пожелание удовлетворяют <...>

Поскольку страна Грааля обладает географией. Вольфрам помещает ее на границах Испании; замок Монсальват находится на горной гряде, отделяющей страну христианскую от страны язычников, совсем как Граньена, первая крепость тамплиеров. Но не обязательно ссылаться на предшествующее произведение Киота, чтобы объяснить интерес, который

Вольфрам испытывает к Испании, и его утверждение, что "Киот" нашел легенду о Граале в старом толедском манускрипте. В 1209 г. молодой германский король Фридрих II женился на принцессе Констанции Арагонской, сестре короля Арагона, графа Барселонского и Прованского. Этот брак вполне мог направить фантазию фон Эшенбаха к героическим и почти легендарным пиренейским королевствам. Альфонс Прованский сопровождал свою сестру на Сицилию, где и умер, а король Арагонский пал в битве в 1213 г. У каждого из них остался малолетний наследник. Похождения обоих детей, [427] - воспитываемых вместе в течение многих лет у тамплиеров в замке Монзон, откуда один и другой уехали тайно, дабы воссоединиться со своими вассалами в землях, пребывавших в полном смятении, - дает поразительное сопоставление с сюжетом "королевства без хозяина" - но позволила бы сделать это хронология?

К этому же кругу вопросов следует отнести и разбор различных версий Взыскания Грааля: является ли он философским камнем или реликвией Тайной Вечери, магическим сосудом или евхаристическим потиром, особенным образом отмеченным присутствием Божиим? Легенда о Короле-Рыболове, рана которого привела к упадку королевства, сходствует с ближневосточными языческими культурами. [428] Но каковы бы не были эзотерические познания, приписываемые Вольфраму (или Киоту), тот факт, что в их рассказе отразилась тамплиерская традиция, вовсе не доказывает той же эзотерической осведомленности у самих рыцарей-монахов Храма. Никакое достоверное свидетельство, дошедшее до нас из той эпохи, таковой осведомленности не подтверждает - даже допросы в ходе процесса, трагически завершившего жизнь ордена, не обнаружили никакого подобия тайной доктрины. Зато не приходится сомневаться, что все общество находилось под влиянием драгоценнейшего сокровища словесности - устно передававшихся легенд. Все предания фольклора от Ирландии до Армении были перемешаны в них, как в котлах полевых кухонь. "Камень феникса" и сицилийские сказки соединяли языческую мифологию и христианское Предание, талисман кельтского полубога Брана и поучения "Золотой Легенды" Иакова Ворагинского, сделав это смешение общевропейским достоянием. Нет нужды считать тамплиеров адептами какого-либо секретного культа, чтобы предположить их влияние на роман Киота - они могли подсказать ему одни образы и сами послужить прототипами для других.

Пожалуй, мы не выйдем за пределы обсуждаемой темы, если зададимся вопросом: кем был "Киот Провансалец"? Одни предпочитают видеть в нем именно провансальца, учитывая каталонский дух его сочинения, но эта же особенность может быть объяснима близостью Киота к тамплиерам. Или же это был Гио де Провен (Guiot de Provins), автор рассматривавшейся нами ранее стихотворной "Библии"? Это предположение не получило существенного признания, а между тем Гио был образованным, энергичным человеком, имевшим опыт путешествий. Он побывал в Палестине, а в 1181 г. прислуживал при коронации юного императора, и тогда вполне могла состояться его встреча с Вольфрамом фон Эшенбахом. Разница в интонации двух произведений вполне объяснима двенадцатью годами, которые Гио провел под "черными покровами" Клюни. Было бы, по крайней мере, любопытно заново изучить многие аспекты этой проблемы, допуская, что линия связи между "Парцифалем" и "Библией" пролегает через историю храмовников.

ГЛАВА XVII Монастырская жизнь

Как говорилось выше, иерархические статуты - "Свод" - по дате создания, вероятно, предшествуют потере Иерусалима, хотя дошедший до нас сборник и мог впоследствии претерпеть изменения. Существует второе собрание статутов - иного характера, более походящее на беседу о монастырской жизни некоего тамплиера, который себя не называет, но обращается к братьям в назидательном тоне. "Но знайте же <...> и должны знать все братья ордена Храма <...> а также должны знать <...> По крайней мере, один раз он определенно высказывает свое мнение <...> и наиболее почетным делом мне сдается оставить сие, нежели свершить". Но в иных случаях он держится в стороне и

говорит "мы" вместо "я".

Составитель начинает с рассмотрения ежедневных занятий в монастыре, с утра и до вечера, когда укладываются спать; затем он перечисляет церковные службы и вносит ясность в военную жизнь братьев. Потом переходит к процедуре проведения капитулов ордена, а в конце - к деталям взысканий. Трактат дискурсивный и довольно бессвязный, но, очевидно, составлен одним и тем же человеком, соблюдающим некую последовательность в изложении. Этот трактат сопровождается другим, который можно назвать "Установлениями", ибо в нем вновь рассматриваются уголовные преступления и приводятся примеры из установлений, или приговоров, вынесенных на капитулах Дома примерно в 1220-1257 гг. Эта последняя компиляция должна была появиться после татарского нашествия 1257 г., упоминаемого в тексте, но до потери Гастена в 1267 г., о котором не говорится в "Установлениях", зато подробно повествуется в каталонском уставе, составленном между 1267 и 1272 гг.

Относятся ли монастырские статуты к тому же времени и автору, что и сборник "Установлений"? Представляется, что они несколько старше, ибо невероятно, чтобы одновременно были сделаны два изложения пенитенциалия [*13] ордена, один - с примерами, а другой - без них, и чтобы второй следовал за первым. Вполне возможно, что сборник монастырских статутов был составлен приблизительно за десять мирных лет, которые следовали за походом Фридриха II. Именно тогда переписчики и миниатюристы ордена Храма украсили миниатюрами свой прекрасный breviарий [служебник, часослов], завершенный в 1233г. И можно заметить, что французская версия Институций генеральных капитулов Цистерцианского ордена датируется приблизительно 1230 г., в то время как сверка этих Институций была сделана в 1256 г.: у обоих орденов, патронироваемых св. Бернаром, было немало сходства.

Два сборника, содержащиеся в уставе ордена Храма, близки по стилю, но составитель "Установлений" более авторитетен. Ему чаще приходится приводить свое личное мнение. "Но наше разумение, таким образом, таково <...> Но коль скоро сие заблуждение никогда не было хорошо освещено, каждый и говорит об этом по своему разумению. И я высказываю о нем наше, а не пользуюсь другим мнением, ибо никогда не слышал, чтобы его ясно изложили; но точно слышал, как излагали то, что я сказал выше". Довольно часто он упоминает старых рыцарей Дома и говорит об "установлениях", выработанных на капитулах, на которых он присутствовал, употребляя "я" там, где редактор статутов говорит "мы". Но предоставим слово текстам, вернувшись сначала к монастырским статутам. [429]

"Когда звонит колокол заутреню, каждый брат должен тотчас же встать, обуться, надеть свой плащ и отправляться в монастырь, и слушать службу"; по крайней мере, если он не слишком устал или болен и если не получил разрешения отлучиться у магистра или своего командора. Он может быть одет в рубаху и штаны, подпоясан узким поясом (как спят братья), в шоссах [чулках] и башимаках, с покрытой головой и поверх всего - в плаще. В течение всего прочего времени братья - в одежде, одетые и обутые во все по сезону. На заутрене (когда читаются часы Богоматери) [*14] каждый повторяет тринадцать раз "Отче наш" и столько же в часы дневной службы, хотя он мог бы обойтись и без произнесения молитв, поскольку их слышит. "Но лучше, чтобы он их произносил, нежели обходился без этого".

Когда после заутрени братья уходят, каждый должен пойти посмотреть на своих лошадей и сбрую <...> и если надо что-то исправить, он должен исправить или заставить починить. И если есть о чем поговорить со своим конюшим [оруженосцем], он должен говорить с ним достойно, а после этого может отправляться спать. Но когда он будет ложиться, он должен прочитать "Отче наш": дабы, ежели он в чем-то совершил ошибку или нарушил молчание, или еще что-то. Господь Наш простил ему.

В этих первых фразах обнаруживается тон статутов: религиозная практика, сочетаемая с военными привычками, строгий распорядок, неукоснительная, но не чрезмерная дисциплина и особенно - забота, с которой все делается милостиво и достойным Дома ордена Храма образом. Слова - достойно и мирно - появляются по всякому поводу. Рыцарям

рекомендуется разговаривать достойно со своими оруженосцами, с братьями-ремесленниками; их учат чему-то вроде морального изящества как самой прекрасной вещи в случае, когда устав оставляет выбор поведения за ними.

При колоколе к первому часу молитвы - около четырех часов утра летом и шести часов зимой - братья встают, одеваются и отправляются в часовню слушать мессу и молитву первого часа, третьего и полуденную, читаемые одна после другой - ибо так заведено в Доме.

После мессы тамплиеры, не находящиеся на службе и не получившие других приказов, отправляются "каждый на свое место, дабы подготовить свои доспехи и сбрую <...> или заставить подготовить их <...> или трудиться над кольями и сваями" - обтесывать колья и сваи для палаток - "или заниматься иным делом, кое вменяется их службе. И каждый брат должен стараться, чтобы Враг [Сатана] не застал его праздным; ибо смелее и скорее Враг осаждаёт дурными желаниями и суетными помыслами человека праздного, чем того, кто занят каким-либо добрым трудом".

В час завтрака, первой трапезы дня, за первым столом присутствуют рыцари и сержанты; оруженосцы и прислуга едят после них, а в великих командорствах Востока есть еще стол для туркополов. При звоне колокола брат-капеллан, рыцари и бедняки, которых кормят из милосердия, занимают свои места, но братья-сержанты дожидаются звона малого колокола, чтобы сесть. Тамплиеры больше не соблюдают бенедиктинского предписания есть двоим из одной миски; у каждого - своя миска и чаша, и каждый приносит свою ложку и нож для нарезания хлеба. Магистр имеет привилегию определенного места и хрустальной чаши: последняя представляет известную роскошь, но также и меру против отравления, поскольку считается, что стекло тускнеет под действием яда.

Всегда есть выбор блюд.

Если случается, что подают говядину или баранину за монастырским столом, командор Дома должен учитывать тех, кто не ест говядину, если только это не магистр или брат-капеллан <...> всем братьям неоднократно подают два сорта мяса, чтобы те, кто не ест один из них, могли есть другой <...> или три сорта, когда в Домах изобилие и этого желают командоры... Если какому-нибудь брату приносят мясо сырое, или с пятнами, или с запахом, он может вернуть его, и его должно заменить, если есть другое.

Братья также могут попросить мясо для прислуги - полагающееся слугам, - если они предпочитают его; но они не должны есть то и другое, и замена должна быть менее изысканна, нежели основное блюдо.

Тамплиеры постятся в Сочельник и во время Великого поста, тогда как два праздника: Рождество и Пасха, как и два заговенья, в воскресенье перед днем зимнего св. Мартина (11 ноября) и в последний день масленицы (Mardi gras) - являются поводом для великих празднеств и хорошего стола. На Рождество в общине подают "два или три блюда, чтобы тот, кто не пожелает есть одно, ел бы другое. И когда наступает воскресенье, вторник или четверг, им обыкновенно подают свежую или соленую рыбу или другой компанаж" [*15]. Прочие дни недели им приходится худеть. Если командор покупает рыбу за свой счет, - обычно для понедельника или среды, - он может отменить одно из прочих блюд. В пятницу подают вареное блюдо, а потом салат, "травы", как и теперь его называют на юге Франции. Но каждый брат может попросить то, что дают оруженосцам или домашней прислуге, и взять оттуда, если ему это нравится больше, чем меню монастыря. Командор палат присматривает за столовой и оруженосцами, которые подают блюда, и распределяет порции, сколь возможно, поровну. Каждый может предложить из своей миски соседям, "которые находятся рядом с ним на расстоянии не более его протянутой руки; и всегда тот, у которого самое лучшее, должен предложить тому, у кого самое худшее". Магистр - единственный, кто пользуется привилегией посылать блюда, кому пожелает, даже братьям, которые несут наказание и едят на земле. Поэтому перед магистром ставят "достаточно для троих или четверых". Остатки, которые должно оставлять насколько возможно красивыми и целыми, предназначены бедным. В монастыре положено хранить молчание во время трапез, в то время как писец читает громким голосом отрывок из какой-либо поучительной книги. Никто не

должен вставать из-за стола до окончания обеда, по крайней мере, если у него не идет носом кровь, "ибо такой может встать не спрашивая и потом вернуться к трапезе, когда кровь у него остановится" (контузии головы и их последствия должны были быть частыми!). Но все выходят, если кричат: "К оружию!" или: "Пожар!", или если жеребцы дерутся на конюшне.

В послеполуденный час тамплиеры еще раз произносят молитву девятого часа и вечернюю, звоня в колокол, чтобы собрать общину. Отсутствовать могут "на молитве девятого часа и вечерне, и на обеде и ужине <...> брат-пекарь, если у него руки в тесте, и брат из большой кузницы, если у него на огне раскаленное железо, и брат из кузницы, если он подковывает коня <...> или брат, который вымыл голову [!]" . Но по окончании работы все они должны отправляться в часовню, чтобы прочесть молитвы, ими пропущенные.

После вечерни настает час ужина, подаваемого таким же образом, как и завтрак. Однако в дни поста тамплиеры принимают только один обед после молитвы девятого часа (около трех часов пополудни). Во время Великого поста, в постные дни, они едят лишь после вечерни, в пять или шесть часов вечера.

При колоколе к повечерию все собираются в часовне или во дворце; им подают легкое угощение, "воду или разбавленное вино, если угодно магистру, или то, к чему привыкли в этом Доме". Затем маршал или командор дает распоряжения на завтрашний день, и читают молитвы.

И когда повечерие отслужено, каждый брат должен пойти посмотреть на своих лошадей и сбрую, и если он хочет что-либо сказать своему конюшему [оруженосцу], он должен сказать это учтиво и мягко, а потом может идти ложиться. И когда он ляжет, то должен прочитать "Отче наш", чтобы, ежели он совершил какой-либо проступок после того, как отслужено повечерие, Бог простил ему. И каждый брат должен хранить молчание с начала повечерия до конца молитвы первого часа, если нет какой-либо необходимости [в разговоре].

Тамплиеры повторяют "Отче наш" четырнадцать раз в каждый час молитвы - семь утром, в честь Богородицы, семь днем, и восемнадцать - на вечерне. Кроме того, чтение шестидесяти "Отче наш" дополнительно - каждодневная обязанность: "то есть тридцать за умерших, дабы Бог освободил их от мук Чистилища и поместил в Рай, а другие тридцать - за живых, дабы Бог охранил их от греха и простил им проступки, совершенные ими, и привел их к доброму концу". Несмотря на благоговение перед Девой Марией, тамплиеры не читают регулярных Ave [Богородице Дево, радуйся].

Но утренние часы Богородицы должны всегда в Доме читаться первыми, за исключением молитв к Богородице из часов конца дня, которые читают всегда последними, поскольку Богородица положила начало нашему ордену, и в Ней и Ее чести, если Богу угодно, пребудет конец наших жизней, и конец нашего ордена, когда Богу будет угодно, чтобы таковой конец настал.

Для нас, знающих, каким был этот конец, глухая тревога звучит в этих словах.

Изложив все этапы дня, редактор статута переходит к разным деталям. Все должны присутствовать в конце молитв, потому что это момент, когда бывает переключка и отдаются приказы. Один брат может взять разрешение на отсутствие для другого, но если командор видит, что тамплиер слишком часто уходит, он должен "наставить его и попросить, чтобы он держал себя так, как ему велит это устав". При всяком приказе повторяют: "Во имя Бога, дорогой сир".

Статуты настаивают на ответственности тамплиеров за их лошадей, вооружение и все имущество Дома. Ничто не принадлежит им лично, даже их одежда лишь одолжена им. Если они пожелают организовать состязания по стрельбе из лука или арбалета, они должны биться об заклад только на поделки, которые не стоили денег - колышки для палатки или "закрытый фонарь <...> И каждый брат ордена Храма может соревноваться с другим на десять кусков свечи без разрешения, но не боле; и таким образом, может потерять их в один день. Он может также поставить против кусков запасную тетиву от своего арбалета, но он не должен оставаться без тетивы ночью без разрешения". Они также развлекаются

игрой в колышки, классы, форбот, но не заключая пари. Шахматы, шашки и таблички [триктрак] запрещены братьям. В Средневековье шахматы считались опасной игрой, слишком частым источником ссор. Не в одном героическом романе показан молодой паж, распростертый на земле, с головой, проломленной ударом шахматной доски, - это сын Ожье Датчанина, убитый наследником Карла Великого. [*16]

Братьям монастыря запрещено входить в город, деревню, замок или сад ближе, чем на лье от места стоянки, где располагается монастырь. Братья-ремесленники, напротив, могут туда идти, если того требует работа. Позволено пить вино с епископом или архиепископом, или даже у рыцарей св. Иоанна, - если на тот момент отношения между двумя рыцарскими орденами довольно сердечные.

Тамплиерам запрещено "держать "Свод" и устав, если их не держат по разрешению монастыря". Устав - есть устав первоначальный, на латинском или на французском языке; "Свод" представляет иерархические статуты, дополненные в течение XII в., где говорится об установленных правах и обязанностях всех людей ордена. Объяснение подобного запрещения довольно любопытно: "Поскольку конюшие [оруженосцы] иногда их находят и читают, и таким образом открывают наши установления мирянам, каковое дело может быть в ущерб нашему ордену. И чтобы такое не могло случиться, монастырь установил, чтобы ни один брат их не держал, если ему они не были вручены и если он не тот, кто может их держать по своей должности". Это запрещение вполне обоснованно, но оно принесло ордену много больше зла, нежели возможная болтливость оруженосцев, создавая тайну там, где ее вовсе не было. В дальнейшем выяснится, как то же самое введено в отношении капитулов, которые были только дисциплинарными советами, но из которых народное воображение создаст место грязных и постыдных оргий.

Ничто в статутах не заставляет заподозрить финансовое могущество ордена Храма, но положения о расходовании денег, которые могли бы пройти через руки братьев, исключительно суровые.

Никто не должен ни носить, ни держать деньги без разрешения. Когда брат просит деньги у какого-нибудь из наших бальи, чтобы что-либо купить, он должен купить это как можно скорее <...>, а другую вещь не должен покупать без разрешения.

Каждый брат ордена Храма, и магистр, и прочий, должен тщательно остерегаться, чтобы не носить ни личных денег, ни золота, ни серебра; ибо монах не должен иметь ничего своего; как говорили святые, монах, имеющий су, не стоит и су.

Лишь командоры и бальи хранят средства, необходимые общине. Если по смерти брата обнаруживают в его вещах деньги или если он поместил их вне Дома, "<...> сей дурной брат не должен быть ни погребен вместе с другими <...>, ни положен в освященную землю, и братья не обязаны ни произносить за него "Отче наш", ни отправлять службу, которую они должны отслужить за умершего брата, но должны похоронить его как раба, от чего сохрани Господь всех братьев Храма <...> И знайте, что если сам магистр отдал такого рода приказ за пределами Дома и умер, не признавшись в этом, с ним должно поступить так же и хуже <...>, ибо знайте, что чем больше у человека есть, тем большим он обязан в нашем Доме, если ему случится совершить нарушение умышленно".

Эта часть статутов заканчивается перечислением мелких деталей, однако каждое предписание имеет практическое значение. Запрещено старикам хранить без пользы свое снаряжение.

Когда какой-либо брат ордена Храма столь стар, что не может пользоваться вооружением, он должен сказать маршалу таким образом: "Дорогой сир, я прошу вас Бога ради взять наши доспехи и отдать тому брату, который бы служил в них Дому, ибо сам я больше не могу находить в них надобность себе и Дому". И маршал <...> должен дать [таковому] достойному мужу какую-нибудь лошадь, которая идет шагом, для прогулок, если брат пожелает ее получить <...> И знайте, что таким образом должны поступать все старые люди Дома и те, кто не может больше нести свою службу на пользу своим душам и Дому. Ибо знайте, что великий ущерб для Дома, когда один брат имеет трех или четырех

лошадей и прочее вооружение, не неся службы. Старые люди должны показать добрый пример другим, и должно тщательно остерегаться, чтобы не обделит их ни едой, ни питьем, ни платьем, ни чем-нибудь другим, особенно потому, что молодые братья должны смотреть на них, и на поведении старых людей молодые должны учиться собственному поведению, каким оно должно быть.

Статуты далеки от аскетизма цистерцианцев и первых Бедных рыцарей Храма, грубых и неотесанных, "никогда не умывающихся, редко расчесывающихся, воняющих потом и выпачканных кровью". Жизнь общины не настолько уж изолирована от жизни, которую ведут мирские рыцари в крестовом походе. Элегантность, благопристойность, вежливость являются самыми ценными качествами; ни один брат никогда не должен браниться ни в гневе, ни в удовольствии, ни произносить скверные и мерзкие слова. Однако выражение "ругаться, как тамплиер" вошло в разговорный язык: настойчивое требование вежливости в приведенных статутах как раз не свидетельствует о том, что тамплиеры были вежливы на деле.

Тем не менее монастырский дух продолжает присутствовать, религиозные обязанности не позабыты. Тамплиеры следуют правилам латинской Иерусалимской церкви, близкой к кармелитской практике. Их прекрасный Бревиарий датируется 1233 г., ибо оригинальная редакция санкторала [*17] прерывается на имени св. Антония Лузитанского, канонизированного в 1232 г., в то время, как имя св. Доминика, канонизированного в 1234 г., добавлено впоследствии, с группой святых XIII в. Более того, в санкторале поминаются некоторые почтенные лица, память которых связана со Святой Землей, - епископы и мученики Симеон и Кириак и патриархи Авраам, Исаак и Иаков. Некоторые службы санкторала являются специфически тамплиерскими: службы св. Фоме Кентерберийскому, св. Григорию Великому, св. Марии Магдалине, св. Бернару Клервоскому, св. Дионисию и св. Екатерине. [430]

"Ни в каких церквях не были службы богаче, чем в наших", - скажет Жак де Моле. По статутам [431] новоприбывшие и те, кому возраст или ранения мешают совершать обычные коленопреклонения, размещаются в глубине часовни. Мессы были открыты для мирян и очень посещаемы.

Братия причащались три раза в год: на Рождество, Пасху и Троицу.

Здесь снова у составителя в избытке наивные житейские детали. Для церемоний Великого Четверга, когда каждый монах омывает ноги тринадцати беднякам, он советует капеллану подготовить кувшины с горячей водой, "и знайте, что капеллан должен позаботиться, чтобы сии бедные люди не имели бы страшных болезней ступней или ног, ибо случайно можно было бы принести душевную боль какому-либо брату". А в Страстную Пятницу, когда община трапезует за столом без скатерти, составитель сообщает, что следует мыть доски, прежде чем положить на них хлеб.

Те же послабления деликатным желудкам приведены в своде лекаря. Больные, страдающие дизентерией, рвотой, горячкой, имеющие гнойные раны, должны быть уложены в отдельные комнаты, чтобы они не стесняли других. Очень заботятся и о кухне лекарни. Брат-лекарь имеет право реквизиций из винного погреба, большой кухни, печи, свинарника, курятника и сада. Больным не дают "ни чечевицу, ни нелущенные бобы, ни капусту, если они не свежие; ни говядины, ни свинины, ни мяса козы, ни козла; ни баранины, ни угрей, ни сыра. Лекарь может попросить для больных те блюда, которые они могли бы есть <...> и заставить приготовить их им и давать до тех пор, когда они смогут есть общую пищу". [432] Тамплиеры обладают некоторыми медицинскими познаниями: впридачу к возвратной лихорадке (малярии) и дизентерии - двум бичам Востока, - они признают заразные болезни и эпилепсию, рассматриваемые как болезнь, а не как демоническая одержимость. Подробностей о медицинском уходе тех времен мало; командор Провинции должен найти лекарей и необходимые снадобья. Больным дают также "сироп", - возможно, это тростниковый сахар, изготовлявшийся в Палестине (другое местное средство, менее приятное, приготавливалось из гадюк, сваренных живьем с фигами и солью [433]). Тем, кто болен легко или переутомлен, позволено "есть три обеда в своей постели", их не обязывали отправляться в лечебницу.

Самые тягостные подробности касаются забот о прокаженных, однако и здесь мы не

обнаруживаем жестокости, которую столь часто проявляли к этим несчастным.

Когда случится какому-либо брату волей Господа нашего стать прокаженным, и это доказано, достойные мужи Дома должны наставить его и просить его распрощаться с Домом и отправиться в орден святого Лазаря. И если он человек благородный, он должен им повиноваться; а еще лучше было бы, если бы он попросил названного удаления сам, прежде чем его вразумят или попросят <...> и магистр и братья должны усердно заботиться, чтобы такой наш брат, который таким образом бы отправился в орден святого Лазаря, не сильно нуждался бы в вещах, кои были бы ему необходимы в его поддержке, покуда он будет жить.

По Каталонскому уставу, ему отдают "все его платье для ношения и для сна, и раба - прислуживать ему, и осла для езды, и пятьдесят золотых монет, и одежду, как для брата". [434] Тот же устав добавляет, что если подозревают случай проказы, - два или три тамплиера провожают больного в госпиталь св. Лазаря [435], чтобы заставить осмотреть его "теми братьями из этого ордена, которые наиболее сведущи в этой болезни и их лучшими врачами". Но если такое происходит в странах Запада, где нет отделений этого ордена, то вместо отправки несчастного в лепрозорий его содержат в ордене Храма в особой комнате, где он носит свое одеяние с красным крестом до смерти.

Окружу дом Мой теми, кто поборает обо Мне, идущими и возвращающимися (лат.).

См. книгу пророка Захарии [6, 2, 3], где упоминаются кони четырех расцветок.

Если тебе изобилие и ведение, и стать даны, / Все осквернит, если овладеет (тобой), одна лишь гордыня (лат.).

Евангельская реминисценция: "И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь [т. е. освободишь, отворишь] на земле, то будет разрешено на небесах" (Матфей, 16,19); слова Христа, обращенные к Церкви в лице апостола Петра). Право Церкви решать вопросы о грехе, дозволениях и запретах по преимуществу выражается в пастырском служении духовенства (священников, епископов), а не мирян (не имеющих сана), хотя бы и монашествующих, как братья-рыцари Храма.

Картезианский монашеский орден, основанный в 1084 г. св. Бруно.

Монашеская община, основанная в 1076 г. св. Стефайом Муретским как монастырь, перенесенная впоследствии в Великогорскую пустынь в Лимузене и получившая статус ордена в 1156 г.

Монашеский орден Премонстратов, основанный в 1120 г. св. Норбертом.

Августинский монашеский орден, восходящий к установлениям Блаженного Августина, епископа Гиппонского (ум. в 430 г.).

Трусоватый персонаж книг Ф.Рабле о Пантагрюэле

Здесь речь идет не о какой-либо из реальных рыцарских корпораций, а о совокупности всего рыцарства как своего рода ордене, сообществе.

Камень с небес (лат.).

Облатка причастия, тело Христово под видом хлеба.

Перечень грехов с епитимьями; справочник для совершения Таинства покаяния.

Совершение регулярных чтений священных текстов (т. н. чтение Часов) в ходе богослужения. Утренняя служба у тамплиеров сопровождалась чтениями в честь Богоматери.

Сотрапiсит (фр.), т. е. То, что едят с хлебом;

Ожье (исторический Аутхарий) - соратник Карла Великого, герой французского эпоса. Широко известна поэма Рамбера Парижского "Ожье Датчанин" (кон. XII в.), в которой описываются легендарные деяния датского королевича Ожье, его месть семейству Карла и чудесное примирение с ним. Причина мести - гибель Бодуэна, сына Ожье, который за игрой в шахматы повздорил со старшим сыном императора, "Шарло", и получил от последнего смертельный удар шахматной доской.

Санкторал (sanctoral) - часть литургической книги, содержащая молитвы, обращаемые к

святым во время их праздников на всем протяжении года.

ГЛАВА XVIII Правосудие Дома

I.

Возможно, еще раз следует сказать, что "Статуты" и "Установления" не являются ни более или менее отвлеченными декларациями генерального капитула, ни апологетическими произведениями. Составившие их рыцари ордена Храма обращаются к своему личному опыту и опыту наиболее уважаемых братьев своей общины, чтобы наставить великих балби и командоров в управлении Домом. Составители говорят об обычаях, хорошо известных их читателям; говорят упрощенными фразами, настоящим "жаргоном Дома", из чего явствует, что наказание провинившихся - дело обычное и повседневное. Выражения *etre par terre, etre a deux jours, a un jour, regarder a l'habit* [*1] и прочие постоянно появляются в этих текстах без дополнительного объяснения.

Можно говорить о важном значении, придаваемом уставу - "закон суров, но это закон", - и на абсолютно феодальном уважении *обычаев Дома*. Братья воспитаны в школе, в сущности, более военной, чем монастырской. Недисциплинированность могла стать фатальной для нерадивых, оттого и повиновение усилено чувством постоянной опасности, неведомым мирным монастырям.

Тамплиеры собираются в капитулы двух видов: генеральные капитулы ордена, где обсуждаются вопросы внутренней или внешней политики и ведутся апелляционные процессы по наиболее серьезным дисциплинарным нарушениям, а также капитулы еженедельные, проводимые в каждом командорстве или повсюду, где находится не менее четырех братьев. Правосудием Дома не предусматривается различий между рыцарями и сержантами. Среди "Установлений" обнаруживаются приговоры, вынесенные против *братьев-ремесленников*, подчиненных той же дисциплине, что и рыцари. Порой, если обстоятельства проступка нам неизвестны, невозможно определить ранг осужденного. Однако, думается, решения выносятся рыцарями по совету с командором, проводящим капитул. Еженедельные капитулы в основном собираются по воскресеньям после мессы, в большом зале или в часовне. "И знайте, - говорится в статутах, - что следует тщательно остерегаться, дабы ни один человек, если он не является братом ордена Храма, не мог слушать, когда они проводят капитул". Тамплиеры одеты в свои плащи, в шапки из белого войлока и в чепцы (ленты из куска белой материи, подвязанные под подбородком) - довольно неожиданная мода сеньоров XIII в. Прежде чем сесть, каждый снимает шапку "и свой чепец, если он не лысый", и читает "Отче наш".

Командор (или магистр, если он присутствует) открывает заседание краткой речью.

Он должен начать свое наставление именем Господа и сделать его столь прекрасным, сколь сумеет, и лучше некуда, и должен наставить братьев, и просить, и приказывать, чтобы они повинились. Под конец проповеди каждый брат, который считает, что совершил проступок, должен подняться и снять свою шапку и чепец <...> и должен подойти к тому, кто ведет капитул, и должен один, или два, или более раз опуститься на колени и быть смиренным, подобно тому, кто исповедуется, и обязан сказать следующее: "Дорогой сир, я взываю к милости Бога и Божией Матери, и к вашей, и братьев, за то, что я допустил ошибку в том-то"; и поведать о заблуждении полностью и правдиво, как было бы, когда он не может солгать ни из плотского стыда, ни из страха пред правосудием Дома, ибо если он солжет, это не будет исповедью. [436]

После публичного признания командор *выставляет* виновного - отправляет его из капитула "в такое место, где не слышно, что говорят братья". Затем он излагает суть поступков, "ничего не изменяя, и принимает мнение большинства о налагаемом наказании". Существует обычай "спрашивать в первую очередь мнение тех, кто наиболее сведущ в этих делах, потому как они стоят и знают больше всего и потому как они наилучшей жизни".

После того как решение обсуждено, командор призывает "упомянутого брата, чтобы указать ему на его заблуждение и удалить его, если оно велико и если братья считают его

совершившим проступок; и он должен приказать ему сделать то, что решили братья, и повторить ему решение. Но он не должен говорить: "такой-то брат вынес такое решение или согласился с этим", - ибо он сделал бы этим свой капитул открытым".

Заметим, что секретность капитула тамплиеров, из которого сделали такую тайну, объясняется просто: какая смертельная ненависть вспыхнула бы в этом замкнутом мире, который вел монастырскую жизнь с мечом в руке, если бы решение кого-нибудь из собратьев стало известным осужденному. По этому поводу предписывается только молчание - статулы повторяют это. Далее очевидно, что составитель "Установлений" называет по именам только умерших братьев. В остальных случаях он довольствуется тем, что говорит *брат* или *старый человек Дома*. В Каталонском уставе даже приводится случай, когда испанские тамплиеры отказались открыть магистру, что произошло на Монзонском капитуле, из страха перед наказанием, которое мог бы наложить на них генеральный капитул: *ибо раскрыть свой капитул* - один из проступков, влекущих за собой изгнание из ордена.

Когда тамплиер узнает, "что его брат совершил или сказал то, что не должен", он может отозвать его в сторону и сказать ему в присутствии двух или трех своих соратников: "Дорогой брат, вспомните об этом и повинитесь на первом капитуле, где вы будете <...>" И говорят достойные мужи, что достаточно сказано <...> когда ему говорят: "Вспомните об этом". В Средние века не испытывали ни малейшего отвращения к доносу. Изобличение виновного брата являлось долгом во всех монастырских уставах, но, как следует из "Установлений", *самым прекрасным делом* было бы не приступать к публичному изобличению без одного или двух предупреждений, ожидая добровольного покаяния.

Чтобы выдвинуть обвинение на капитуле, тамплиер спрашивает командора: "Дорогой сир, позвольте мне поговорить с таким-то братом". И когда у него есть разрешение, он может встать "и должен позвать по имени брата, коего он хочет осудить". Последний должен подняться, снять шапку и подойти к тому, кто ведет капитул, дабы выслушать, в чем его упрекнул. И если он виноват, - должен признаться в этом; в противном случае он может сказать: "Нет, Мессир, Богу было угодно, чтобы я не совершал никогда этого", или "Сир, дело обстоит иначе", или "Знайте, что дело было не так". При необходимости оба они призывают свидетелей, если те присутствуют на капитуле. "Но если один брат говорил другому на капитуле "Дорогой брат, вы совершили такой-то проступок в Замке Паломника в воскресенье, взывайте к милосердию", и брат ему отвечает: "Нет, Богу угодно, чтобы я в воскресенье был в Берофе", и может сие доказать, он будет оправдан, а его обвинитель уличен во лжи". Если донос не признается за недостатком доказательств, его инициатор должен публично отречься от своих слов или сам подвергнуться правосудию Дома.

Тамплиера на капитуле может обвинить только другой тамплиер. Но если магистр узнает извне ордена, через друзей, достойных доверия, что какой-либо брат позорит Дом, он может строго наказать виновного, заставив его работать и поступив с ним довольно сурово, не советуясь с капитулом.

Впрочем, всегда следует рассмотреть поведение брата и его жизнь, и суть, и меру его проступка. И если человек - "доброго поведения и его Проступок легкий, братья должны обойтись с ним более мягко, а если человек - дурного поведения и его проступок велик и гнусен, братья должны наложить на него суровое и тяжкое наказание".

Судебный кодекс ордена Храма содержит семь видов наказаний, вплоть до отстранения от должности и изгнания из ордена.

"Первое дело - потерять Дом, от чего храни, Боже, каждого". То есть, изгнание из ордена безвозвратно. Виновный должен "идти спасать свою душу в более строгий орден", предпочтительно к цистерцианцам, если последние пожелают его принять. "Второе - потерять свое одеяние". Это наказание может налагаться на продолжительное время, но не более года и одного дня. Плащ у кающегося снимают на капитуле, затем он должен облачиться вновь в одежду без красного креста, жить в доме духовного лица, есть на земле и трудиться вместе с рабами, пока не войдет в милость. "Третье - когда оставляют одеяние во имя Бога". По исключительной милости в случае, который мог бы повлечь потерю одеяния, налагают менее

бесчестящее наказание. Тот, кто подвергся этому, должен поститься три раза в неделю, "пока Бог и братья не проявят милосердия и не оставят его однажды" есть на земле "на полах своего плаща, и вести осла или выполнять какую-нибудь другую службу из наиболее грязных служб Дома, то есть мыть миски на кухне, чистить чеснок и лук или разводить огонь <...> и носить свой плащ очень туго завязанным, и ходить, сколь возможно, смиренно". Если он рыцарь или сержант монастыря, он передает своих лошадей и доспехи на хранение одному из собратьев.

Четвертое наказание изначально заключалось в двух днях поста в неделю, но потом, "из-за многочисленности некоторых дурных братьев", прибавили третий день поста в течение первой недели, - "в день, когда он совершил проступок". Виновный должен был есть на земле и числиться в принуждаемых к одной из неприятных и унижительных домашних работ. Однако, если у него добрая репутация, возможно позволить ему заниматься своими лошадьми и снаряжением или продолжать выполнять свои обязанности, если он брат-ремесленник. Пятое наказание представляло собой два дня поста в неделю; шестое - один день без неприятной работы. Последнее, седьмое, - налагаемое за малейшую провинность, - пост одну пятницу. Обвиняемый может еще быть *отослан* к брату-капеллану - если проступок рассматривается как грех, а не как нарушение устава, - или *отдален* (отослан из командорства к орденским властям), чтобы быть судимым генеральным капитулом, магистром или командором Провинции. Наконец, если он оправдан, то "отпускается с миром".

Все эти решения не может вынести любой капитул. Командор, которому недостает ловкости заполучить новых братьев, не будет судить за проступок, который мог бы повлечь изгнание или *потерю одеяния*, но предоставит виновного компетентной власти. Обвиняемый может также воззвать к магистру. И Каталонский устав содержит данные о тамплиерах, преданных суду в Испании и отосланных в Акру, дабы предстать перед судом великого магистра и генерального капитула Святой Земли.

Но оставим детали наказания и вернемся к процессам обычных капитулов.

Всякое покаяние сопровождается бичеванием, которое налагает капитул, за исключением случаев ранения или болезни. В соответствии с уставом это наказание принимается добровольно как искупление; *отдать (поручить) бичевание* на языке статутов - значит получить его, *взять бичевание* - нанести удары. Тот, под чьим началом пребывает виновный, должен сказать: "Дорогие сеньоры братья, вы видите здесь своего брата, который подвергнут покаянию, просите Господа, чтобы он простил ему его ошибки". У самого же виновного он спрашивает: "Дорогой брат, раскаиваетесь ли вы в том, что вы совершили таким образом? - Сир, да, очень. - Воздержитесь ли вы от этого впредь? - Да, Сир, если Богу угодно". Прочие тамплиеры читают "Отче наш", "и тот, кто ведет капитул, должен наказать плетью из тонких ремней <...> а если у него ее нет, то может, если пожелает, наказать своим ремнем".

Братьев, наказание которых длится достаточно долго, поднимают с земли на капитуле.

Когда какой-либо брат перенес свое наказание хорошо и достойно и пребывал в нем так, что представляется разумным тому, кому надлежит его поднять за его доброе поведение или по просьбе какого-нибудь достойного мужа <...>, [командор] должен сказать братьям: "Дорогие сеньоры, такой-то брат отбыл часть наказания, и мне сдается добрым, чтобы он, если вам угодно, был поднят". А если его попросил какой-либо достойный муж, он должен сказать это братьям и назвать достойного мужа, который обратился к нему с просьбой. "Однако правосудие Дома в Боге и в вас, и насколько вы поддержите ее, настолько вас поддержит Бог <...>"

Если большая часть согласна с прощением, следует привести упомянутого тамплиера, и командор ему говорит:

Дорогой брат, братья выказывают вам великую доброту, поскольку могли бы продержат вас в наказании долго, ежели пожелают, но сейчас они вас поднимают; и Бога ради, хорошенько остерегайтесь того, что вы делать не должны, как если бы они долго продержали вас в наказании.

Тот, кто таким образом входит в милость, благодарит весь капитул и получает свое

вооружение и свое положение в Доме.

И бывает много раз, что какого-либо брата, поднятого с земли по просьбе какого-либо достойного мужа, рыцаря, епископа или прочего, отправляют поблагодарить того; и тот, кто желает, может сделать сие, а кто хочет - воздержаться, и более приличным делом мне показалось бы воздержаться от сего, нежели сделать.

Заседание суда Дома, проводимое таким образом, заканчивает командор следующими словами:

Дорогие сеньоры братья, мы можем закрыть наш капитул, ибо по милости Бога на нем не случилось ничего, кроме доброго. Благодарение Богу и Божией Матери, что он прошел таким образом, и пускай добро постоянно возрастает. Господь наш <...>

Затем следует извинение, сопровождаемое следующей формулой:

Дорогие сеньоры братья, вы должны знать, каково прощение нашего капитула и кто принимал в нем участие, а кто нет. Ибо знайте, что те, кто живут не так, как должно, и избегают правосудия Дома, и не исповедуются, и не исправляются способом, установленным в нашем Доме, и те, кто удерживают милостыни Дома неправо и безрассудно, не причастны ни к прощению нашего капитула, ни к прочим благам, кои творятся в нашем Доме. Но те, кто исповедуются хорошо в своих проступках, и не воздерживаются от того, чтобы говорить и признавать свои недостатки из-за плотского стыда или из-за суда Дома, и кои хорошенько раскаялись в делах, которые они дурно совершили, вот эти получают добрую часть прощения нашего капитула и прочих благ, кои творятся в нашем Доме, И последним дарую я такое прощение, какое могу, от Бога, и Богоматери, и монсеньора святого Петра, и монсеньора святого Павла, и от вас самих, кто дал мне эту власть. И я прошу Бога, дабы Его милосердием, и во имя любви к Его благой Матери, и заслугами Его и всех Святых, Он простил бы ваши прегрешения так, как Он простил славной святой Марии Магдалине.

А я, добрые сеньоры, взываю к милосердию вас всех и каждого к себе, если я совершил или сказал о вас что-то, что я не должен был делать, и прощению ради Бога и Его благой Матери; и простите друг друга ради Господа Нашего, дабы гнев или ненависть не смогли поселиться меж вами.

При встрече Жака де Моле с Филиппом IV Красивым незадолго до ареста тамплиеров он признался королю, что их магистры и командоры, хотя и были мирянами, отпускали грехи в конце своих капитулов. [437] Но капитулярная исповедь практиковалась повсеместно религиозными орденами и была допущена св. Фомой Аквинским; она заканчивалась прощением, которое не было священническим прощением, и формула статутов совершенно ясна.

В то же время Жак де Моле сделал другое признание, которое, видимо, объясняет бесспорное вырождение ордена Храма в течение последних пятнадцати лет. Поскольку его братья, говорил он, не желали больше унижаться на капитуле, он сменил обычную формулу, говоря им: "Я прощаю вам ошибки, в которых вы не сознались из плотского стыда или из страха пред судом Дома". - "Однако, - говорят статуты, - правосудие Дома в Боге и в вас, и насколько вы поддержите Его, настолько Бог поддержит вас". Слова, которые оказались пророческими.

II

Статуты тамплиеров отличаются от прочих правил монастырской жизни обращением к рыцарским чувствам. При обстоятельствах, когда строгий надзор невозможен (в военное время или когда монастырь размещается малыми группами на зимних квартирах), доверяют братьям, которые должны вести себя как *достойные и благородные мужи*. Самое тяжкое последствие серьезного проступка - помешать виновному подниматься в звании и нести знамя в бою. Осужденному брату прощают при потере одеяния всякое прочее наказание, которое было на него наложено, "ибо достаточно для него было наказания жестокой и суровой великой печали, и великой скорби, и великого стыда, который он перенес, когда утратил свое одеяние и всю честь, кою он некогда имел от Дома". Именно в этом движущие силы поведения достойного, но достаточно удаленного от монастырского духа. "Человек, который сохраняет приличие только

лишь из-за боязни стыда или из желания чести, даже не начинает настоящую жизнь монаха". [438] Тонкости аббата Иуста не касаются тамплиеров, которые чувство чести кладут в основу своего Дома.

В "Установлениях" очень мало наказаний за сексуальные проступки: имеется в виду только изнасилование, которое следует судить более сурово, и случаи содомии, менее строго наказуемой. Составитель не задерживается на них; он много сильнее озабочен опасностью, которую представляют для тамплиеров драки и интриги. Ибо рыцари питают страсть к политике: к соперничеству внутри своей общины; к феодальной политике ордена в качестве земельного магната в Сирии; к международной политике на европейской арене - самой роковой стороне их деятельности.

Тамплиеров теологические вопросы не занимали безмерно. Дьявол и ад, две навязчивые идеи монастырской литературы средних веков, отсутствуют в их писаниях. Борьба против врагов плотских изгоняет множество демонов, часто посещающих монахов, заточенных в монастыре. Поражение более серьезно, нежели грех. Романтическая традиция, которой угодно делать мистиков из этих воинов, может основываться только на утраченных тайных доктринах или на нелепых выдумках. Абсолютная вера в апостольскую власть, которой обладают их капелланы, отпуская братьям почти все грехи в пределах доступного, ожидание рыцарями более или менее близкого конца на поле битвы и уважение к своему уставу, которое весьма походит на исламское почитание Корана, упрощают их духовные проблемы. У них также есть чувство "участия всех вместе и каждого для себя" в сокровищнице милостей ордена, "в добрых деяниях Дома, которые творились изначально и будут твориться до конца". Все черпают там, каждый вносит туда свою часть. Набожность сочетается с корпоративным духом, а послушание - с честью. Но следовало, чтобы устав подкреплялся железной дисциплиной, одновременно предписанной и соблюдаемой, и чтобы обычаи Дома рассматривались как действительно неприкосновенные, даже для магистра и его совета. В самом деле, последние иногда предаются серьезному наказанию за то, что *переворачивали установления*, но никогда за то, что не считались [с ними].

Самое суровое наказание - *потеря Дома*, или исключение из ордена - налагается в десяти определенных случаях: за симонию, [*2] за раскрытие секретов капитула, за убийство христианина, за мелкую кражу (в самых разных значениях), за недозволенный выход из замка или запертого дома, за заговор, за предательство, ересь, содомию и за бегство с поля боя.

И ежели брат совершит поступок, за который он отныне должен покинуть Дом, то, куда его не отпустили <...> он должен явиться голым, только в штанах, с ремнем на шее, на капитул к своим братьям; <...> и после магистр должен выдать ему отпускную грамоту, чтобы он отправился спасаться в другое, более суровое сообщество <...>

Однако это суровое правосудие иногда смягчается.

Во время магистерства Армана Перигорского некоторые рыцари, "мужи достойные и доброй жизни", были подвергнуты добросовестному обсуждению, и обнаружилось, что они повинны в симонии, покупая свое вступление в орден. Они долго пробыли братьями Дома, и никто не обвинял их в таком проступке. Тем не менее они были "в великой сердечной печали" и исповедались магистру, которого это также очень огорчило. Вместо того, чтобы передать дело генеральному капитулу, которому пришлось бы их исключить, Арман Перигорский держал совет "со старыми и наиболее мудрыми мужами Дома", поверив им секрет. Они решили "направить курьера в Рим, чтобы спросить об этом Папу и просить его направить свою волю архиепископу Цезарейскому, который был другом Дома и приближенным". С папского одобрения архиепископ даровал прощение рыцарям-симонитам, и капитул, составленный из членов совета магистра, "сделал их братьями снова, как если бы они никогда не были братьями".

И дела сии были совершены потому, что они долгое время были братьями Дома и были мудрыми и достойными мужами, и доброй жизни, и благочестивыми. И потом один из них стал магистром ордена Храма. И вещи эти, - говорит составитель, - слышал я, как рассказывали достойные мужи, жившие в это время, ибо я знаю это только от них. [439]

Говоря - "И потом один из них стал магистром ордена Храма" - вероятно, имеют в виду Гийома де Соннака, магистра с 1247 по 1249 г., который ко времени своего избрания был уже стариком. Подобная щепетильность из-за симонистского вступления в орден довольно редка в XIII в., особенно по отношению к человеку совершенно достойному. Однако мы обнаруживаем, что сами тамплиеры требуют иногда вклад, прежде чем принять соискателя, хотя никакая буквально плата не была позволена, и факт этот имел место в магистерство Гийома де Соннака. [440] Второй проступок, который влечет изгнание из ордена, - *раскрытие капитула*. Далекое от того, чтобы покрывать таинственные церемонии, это молчание - лишь необходимая предосторожность, дающая свободу дебатам. Магистр не может "приказать вне капитула сказать что-либо, произошедшее на капитуле", хотя он и может заставить рассказать об этом на следующем собрании, особенно когда есть основания полагать, что братья "ввели новшества", то есть создали досадные прецеденты.

Как кара за убийство, в "Установлениях" приводится в пример брат Парис и два других тамплиера, которые убили христианских купцов в Антиохии. Их судили пред монастырем и присудили к бичеванию, проведя через Антиохию, Триполи и Тир, провозглашая: "Смотрите, вот правосудие, которое чинит Дом этим дурным людям". Затем их бросили на вечное заточение в темницу Замка Паломника, где они и умерли. [441]

Орден Храма наказывал *потерей Дома* за мелкую кражу, которую понимают разнообразно: выйти из замка или запертого дома ночью или днем иначе, чем через дверь; украсть ключи или сделать второй ключ; утаить от своего командора имущество Дома стоимостью в три денье и более; запустить руку в котомку к другому. Один тамплиер улизнул из французского командорства через стену, и капитул предоставил ему отсрочку суда. Ги де Базенвиль, тогдашний магистр во Франции, приехал в Сирию и спросил магистра ордена Храма, Реноде Вишье, который находился в Цезарее при Людовике Святом, заслуживает ли подобное такого же наказания в стране христианской, как и в сарацинской марке. "И тот ему сказал, что брат, выходящий из запертого дома иначе, как прямо в дверь, потерял Дом. Таким образом, он отправился во Францию, где находился брат, и тот лишился Дома". [442]

Продажа без разрешения меры зерна с гумна в командорстве Мас Деу в Руссильоне, кража миски масла с овчарни другого Дома повлекли то же наказание. К мелкой краже отнесли также случай, происшедший с одним дезертиром. Он может вернуться в Дом, если он унес только вещи, в которые сам одет, а главное, - ушел без вооружения или доспехов. Если он носит плащ ордена с красным крестом, то должен возвратить его после первой ночи, или его будут считать навсегда исключенным из ордена Храма.

Ибо дурные братья, оставлявшие Дом и увозившие оттуда одежду, носили ее в тавернах и борделях, и в плохих местах, отдавали в залог и продавали ее дурным людям, отчего Дому был великий стыд и великое бесчестье, и великий скандал <...>

Чтобы *вступить в Дом*, претендент должен объявиться у главных ворот какого-либо командорства в Провинции, откуда он сбежал, и просить духовника походатайствовать за него.

И когда духовник пожелает напомнить о нем братьям, он должен сказать <...> "Дорогие сеньоры-братья, такой-то человек - или такой-то сержант" - и он его называет, - "который был нашим братом, находится у главных ворот и ожидает милосердия Дома".

Затем командор советуется с капитулом, - может ли дезертир вернуться; ежели ничто не свидетельствует против него, "и когда сей безрассудный брат провел долгое время у врат, дабы лучше признать свое безрассудство, достойные мужи зовут его на капитул. Он должен раздеться совершенно, до штанов, у главных ворот, где он находится, и так, с веревкой на шее, должен прийти на капитул и опуститься на колени пред тем, кто ведет капитул, и оттуда должен умолять с рыданиями и слезами <...> чтобы они сжалились над ним".

Если речь идет о ком-то, от кого орден предпочел бы избавиться, командор может сказать ему: "Дорогой брат, вы знаете, что вам следует принести великое и долгое покаяние, и если вы попросите разрешения обратиться к другому ордену, чтобы спасти свою душу, я полагаю, что вы обретете выгоду для себя". Но если умоляющий настаивает в своей просьбе, нет права отказать ему в этом. Его передают духовнику, который надевает на него облачение без креста и

помещает его у себя в доме. В течение года и дня он работает с рабами, ест на земле и постится три раза в неделю - покуда капитул не окажет ему милости. Самое удивительное доказательство могучей привлекательности, которую вызывал орден, - что рыцари готовы добиваться права снова носить белый плащ на столь унижительных условиях.

<...> Брат Пон де Гюзан покинул Дом в Провансе и женился, а по истечении некоторого времени его жена умерла, и он попросился заново вступить в Дом. Братья ему сказали, что он был их братом и что не может вернуться в Дом, не покайся сначала. И Пон де Гюзан ответил, что он никогда не приносил ни обета, ни обещания, а на самом деле он ехал в Святую землю и захворал на корабле, и попросил быть принятым в орден, и на него набросили плащ, как если бы он был мертв; но впоследствии он жил как брат и стал туркополом монастыря. А потом он решил, что его ничто не удерживает в ордене Храма, и снял свой плащ, и вернул все, что должен, следуя обычаям, и ничего не унес, а теперь он хотел бы быть братом.

Братья ответили, что он должен считаться братом по церковному праву, как если бы он принес обет и обещание, потому что прожил так долго в нашем Доме. И он был приведен к покаянию в год и день, и выполнил свое покаяние, и вернулся в Дом. [443]

Этот рассказ происходит из каталонской версии, которая также повествует о случае, когда тамплиер покидает орден и в тот же день подымается на борт судна. Если он раскаивается в своем бегстве и объявляется в каком-либо командорстве ордена Храма, ступив на землю, его отсутствие исчисляется только одним днем, "ибо тот, кто находится на борту корабля, не делает то, что хочет", и его наказание, таким образом, должно быть легче. Если судно привозит его в Акру, он должен просить капитана и других достойных мужей, находящихся в путешествии, проводить его к магистру ордена Храма, чтобы засвидетельствовать его поведение в пути и походатайствовать в его пользу.

В Каталонском уставе рассказывается об одном из наиболее ошеломляющих дел. В Каталонии случилось, что некий тамплиер из недоброжелательства изготовил фальшивые буллы кардинала-исповедника. Он показал их некоторым из своих сотоварищей, требуя хранить это в тайне. Последние его горячо порицали, но не донесли на него. Поддельватель предъявил свои буллы на генеральном капитуле, где подлог был немедленно обнаружен, вызвав всеобщее возмущение. Заставили *взывать о милосердии* всех, кто знал об этом, и отстранили их, дабы отдать под суд великого магистра и Заморского монастыря. Главный виновник сбежал, но командор привел остальных в Акру, где они предстали перед судом Тома Берара, тогдашнего магистра ордена Храма. Поскольку они настаивали и говорили, что не ответственны и были неправы только в том, что промолчали, их обвинили в преступлении заговора; однако капитул большинством голосов осудил их к потере одеяния - "с великим и долгим покаянием" - оговаривая, чтобы они никогда не могли исполнять свои первоначальные обязанности в Арагонской земле. [444]

Как пример наказания изменника "Установления" приводят историю брата Роже л'Альмана, ставшего пленником в битве при Газе в 1244 г.; сарацины заставили его *поднять палец и признать Закон* - произнести формулу исламской веры. Потом Роже оказался в темнице с другими тамплиерами и не признавал своей вины, все время протестуя и говоря, что не понимал, что ему велели говорить. Ему дали отсрочку до освобождения, после чего он был судим генеральным капитулом и изгнан из ордена. Скандал должен был быть громким; Альманы принадлежали к высшей знати Святой Земли, а один - Рено л'Альман - был *компаньоном* магистра Армана Перигорского в то же самое время. [445]

Существуют немало примеров капитулов, состоявшихся в плену: еще доказательство уважения тамплиерами своего устава и обычаев своей монастырской жизни. В каталонской версии сообщается, что "пленные братья не должны носить свою одежду с крестом"; те, кто отпущен, чтобы договориться об освобождении остальных, надевают ее только для молитв и во время трапезы. Только магистр имеет право вернуть освобожденным братьям их одеяние и "все, что им надлежит".

Трое тамплиеров воззвали к милосердию на капитуле, проводившемся в плену, в

темницах Алеппо. Один сказал, что взял кольчугу только что умершего брата; второй присвоил шлем рыцаря, уезжавшего на Запад, а свой вернул в хранилище. Третий отнес удила своей лошади в шорную, чтобы там их починили, и так как был дежурным, то взял оттуда другие удила, ему не принадлежавшие. Сотоварищи по плену понимали, что все трое рисковали быть исключенными из ордена Храма, но поскольку они находились в темнице и достаточно претерпели страданий и боли, то делу не дали ход, ибо совершившие проступки были достойными мужами и их хотели пощадить. [446]

Пенитенциалий ордена Храма называет около тридцати проступков, влекущих за собою потерю одеяния. "Ибо это наказание применяется к братьям за достаточно дурные поступки, которые они могут совершить". Эти пороки группируются в три или четыре категории. Отказ повиноваться *из-за гнева и ярости*, к которому относятся с великой снисходительностью; ссоры между братьями; однодневные отлучки, сопровождаемые пристыженным возвращением на следующий день; порча имущества Дома по небрежности, - что уже много серьезнее. В некоторых случаях уточняется, что у него [провинившегося] *не может оставаться одеяние*, но в общем *в воле братьев забрать его или оставить*, и составитель склоняется к милосердию. Примеры, которые он приводит, свидетельствуют о проступках менее серьезных, чем те, по поводу которых возникал вопрос об исключении из ордена, и проступки эти часто имеют комическую сторону.

В противоположность десяти случаям, порождающим исключение из ордена и не допускающим просьбы о помиловании, здесь принимаются во внимание внешний вид, доблесть тамплиера. "Но об этом деле знайте, что должно хорошенько посмотреть на брата и его поведение: если он <...> доброй жизни и честной, братья должны проявить к нему больше доброты <...> лучше бы им оставить ему одежду, и смелее и легче должны и могут они договориться ее оставить". Эта снисходительность, однако, безгранична. Один тамплиер, вместо того, чтобы ответить "во имя Бога" на приказы своего командора, сказал ему: "Может быть, я это сделаю!.. И все братья не допустили оставить ему одеяние, потому что он не исполнил приказа при первом слове". [447]

Особое понимание необходимо для оценки деяний, совершенных в гневе и ярости. Тамплиеров предупреждают об исповеди на капитуле, если они разгневали своего брата, - это проступок более серьезный, чем разгневаться самому.

Если кто-либо отказывается повиноваться приказам вышестоящего, можно снять с него одеяние и заковать в кандалы. "Но жестокостью было бы поступить таким образом, поэтому должно оставить его охладить свой гнев и подойти к нему благородно, и ему сказать: "Дорогой брат, выполните приказ Дома"; это более по-божески. И если он его выполнит, и убытка ни в чем не приключится, следует его успокоить Бога ради и получить добрую благодарность от него, и можно ему оказать великое добро и великое милосердие". Мы можем сказать: "Повиновение для таких рыцарей происходит не без величия души <...> если они ревностно приемлют дисциплину, то совершают подвиг". [448] Равным образом можно простить брата, если он сказал в гневе и ярости, что уедет к сарацинам, - если брат этот доброго поведения; но если его можно в чем-то заподозрить, "одеяние не может ему принадлежать".

Тамплиеры тщательно следят за всем *имуществом Дома*, которое находится в их руках. Орден может быть богат, но он не приемлет расточительности. "Установления" его полны частных подробностей жизни. Однажды, когда монастырь находился в укреплении Казаль Брахим, рыцари совершали прогулку по берегу реки. "Один из братьев взял свою палицу и бросил ее вослед птице, которая была на берегу реки; палица упала в реку и была потеряна. Ему оставили одежду *Бога ради*". В Монпелье другой рыцарь разбил меч, пробуя качество закалки металла. Он отправился по эту сторону моря (в Палестину) взывать о милосердии за случившееся. Капитул осудил его на потерю одеяния, потом его ему оставили *Бога ради*. [449] Тамплиер из Дома Тира нес в руке стаканчики для игры, стеклянные или фарфоровые; он уронил один, и тот разбился; "и брат взял все стаканчики и разбил их, а потом сказал, что так выразилось неблагоприятие [к игре] Бога и Матери Его, и потом он взывал о милосердии за это дело". Он также был прощен. [450]

Командоры часто ответственны за самое разное добро, доверенное их попечению. Богатый сеньор с Кипра просил поухаживать в конюшнях Дома ордена Храма за своей большой лошадейю. "И когда она выздоровела, на ней поскакал командор и поднял зайца, и бросился за ним, а лошадь упала и покалечилась, и от этой раны издохла". Командор ездил взывать о прощении в Акру, "и потерял свое одеяние, а некоторые говорили, что его можно было бы заковать в кандалы за столь великий ущерб". [451]

Строже проступки наказывались в военное время. Брат Жак де Раван, командор Дома Акры (одного из главных Домов ордена Храма в Сирии), предпринял набег на крепость Роберта (Кефр Кенна) с рыцарями, сержантами и местными наемниками. Поднялись сарацины, и тамплиеры понесли кровавое поражение, потеряв всех своих людей. Жак де Раван выбрался оттуда, но по возвращении его заковали в кандалы за совершенный без разрешения набег. [452] Брат Бодуэн де Борраж, командор рыцарей в Замке Паломника, совершил вылазку против турок, опустошавших побережье. Разведчики предупреждали его, что враг очень многочислен и лучше было бы повернуть назад. Вопреки их мнению, он дошел до Мирлы, где его отряды были окружены и уничтожены. Сам он с двумя рыцарями ускользнул. Друзья тут же отослали его из страны, чтобы спасти от осуждения. "Но никогда больше не обрел он власти в ордене Храма," - пишет составитель "Установлений", весьма порицавший подобный способ избежать правосудия Дома. [453]

Вещи сии, - объясняет он в конце, - были записаны по двум причинам: чтобы братья повиновались приказам, которые им отдают, и запрещениям, которые им делают, ибо из-за недостатка этих двух вещей приходят почти все несчастья, которые с ними случаются. А также затем, чтобы те, кто судит проступки своих братьев, умели лучше их рассмотреть, и чтобы никто не судил своего брата ни с ненавистью, ни с гневом, ни из-за любви, которую он к нему имеет, не позволяющих поддерживать правосудие Дома.

Какие заключения можно извлечь из этой массы подробностей? Вплоть до магистерства Тома Берара орден Храма управлялся "безупречными законами, поистине монастырскими и даже много более суровыми", [454] и карательные меры применялись постоянно. Когда вспоминают о героическом конце палестинского Дома при осаде Акры в 1291 г., как и о незапятнанной чести последнего магистра на Востоке, Гийома де Боже, можно верить, что устав применялся во всей полноте вплоть до конца существования Латинского королевства.

ГЛАВА XIX Крестовый поход Людовика Святого

Из всех крестовых походов седьмой начался при самых благоприятных предзнаменованиях. Единство командования, предводитель, умевший внушить уважение к себе, тщательная подготовка, уже приобретенный навык соединенных операций на море и на суше, казалось, сулили успех. Стратегический план нападения на Дамьетту, а затем и на Каир, был хорошо обоснован, а новый период борьбы между мусульманскими государями делали крестовый поход своевременным.

Захват Дамаска эмиром Бейбарсом после его победы при Газе в 1244 г. лишил христиан ценного союзника; союз с государями Дамаска, за который тамплиеры держались так долго, возможно, ослабил бы врага во время атаки крестоносцев на Египет. Но затянувшееся промедление привело к потере всего. Походу недоставало благоприятного момента, который бы сделал эффективным осуществляемое им стратегическое движение.

Подготовку своей экспедиции французский король начал с 1246 г. Он нанял суда у генуэзцев и пизанцев, в качестве военной базы был избран остров Кипр, находящийся в трех днях плавания от побережья египетской Дельты. 28 августа 1248 г. Людовик IX Святой пристал к берегу у Эг-Морта со своей женой, королевой Маргаритой Прованской, братьями, графами Робертом Артуа и Карлом Анжуйским, графиней Анжуйской и всем рыцарством страны. Его биограф, Жан де Жуанвиль, отправился в поход с группой шампанских рыцарей. Альфонс, граф Пуатье, третий брат короля, должен был последовать за ними во главе флота. Первый контингент прибыл к Никосии 17 сентября, и крестоносцы провели на Кипре всю зиму. Место

главы ордена Храма довольно долго пустовало после катастрофы при Газе, так как не знали, жив ли еще Арман Перигорский. Великим командором в ноябре 1244 г. был брат Жан де Рокфор. Имя Гийома де Соннака появляется только в 1247 г., хотя он мог быть избран магистром ордена Храма и ранее. [455]

Новый магистр тайно поддерживал отношения если не с султаном, то, по крайней мере, с его эмирами; в этом он следовал обычаям Дома со времени Робера де Красна. Брат Гийом попытался наладить отношения некоторых из них с французским королем, возможно, чтобы начать переговоры или организовать нужную диверсию в мусульманском лагере. Но Людовику Святому недоставало необходимой дипломатической гибкости, и он отказался воспользоваться переговорами. Он горячо порицал Гийома де Соннака и запретил ему без разрешения принимать турецких посланников. Один из хронистов достаточно хорошо выразил общественное мнение крестоносцев, говоря, что "магистр ордена Храма и султан Египта совместно заключили столь добрый мир, что оба велели отворить себе в чашу кровь". [456] [*3]

Другой союзник, явившийся той зимой, был принят несколько не лучше. Великий монгольский хан отправил посольство к французскому королю, чтобы предложить военный союз против сарацин; французы не разобрались в этом демарше, а Людовик помышлял только о том, как бы обратить этот азиатский народ в христианство, не прибегая к помощи своего войска.

Нанимая суда итальянцев, король готовился покинуть Кипр в феврале месяце; споры между пизанскими и генуэзскими заимодавцами задержали отплытие до конца мая. Флот намеревался проследовать в Лимассол, чтобы праздновать Троицу, когда шторм, пришедший с юго-запада, рассеял корабли по всему побережью Акры, и пришлось ждать начала июня, прежде чем выйти в открытое море.

12 мая 1249 г. великие балы ордена Храма собрались "в шатре великого командора королевства Иерусалимского". Присутствовали Гийом де Соннак, маршал Рено де Вишье (недавний магистр во Франции, сопровождавший короля в Святую Землю), казначей Этьен де Отетур, Ферран Испанец, командор Антиохии, хранитель одежд Амори Жор и многие другие свидетели, договорившиеся о займе в десять тысяч золотых монет, предоставленном Оттоне Торнелло и его компаньонами в обмен на 3750 турецких ливров. Соглашение было оформлено окончательно 1 октября в генуэзском квартале Акры, "где заимодавцы и взыщут свои деньги". [457]

В первые дни июня подняли паруса, и флот появился у Дамьетты "в пятницу после Троицы, около терции" [между полночью и тремя часами утра], следуя в трех лье от суши вдоль берега.

Король повелел, чтобы флот стал на якорь, и тут же послал за всеми своими баронами. Они собрались на "Монжуа", корабле, где был король, и единодушно договорились, что на следующее утро пойдут брать землю <...> Было приказано приготовить все галеры и мелкие суденышки флота и на следующее утро подняться на них всем, кто сможет туда войти. Было как следует наказано, чтобы каждый исповедался, и составил свое завещание, и уладил свои дела, как если бы собирался умереть, ежели Господу нашему угодно. Когда на следующий день настало погожее утро, король прослушал службу Господу и мессу, которую служат на море, и вооружился, и приказал вооружиться всем и взойти на маленькие суда. Король сел на нормандское судно, и мы, и наш соратник-легат, державший Животворящий Крест <...> Король велел сеньорам Жану де Бомону, Матье де Марли и Жоффруа де Сержину сесть в лодку и водрузить на ней штандарт господина нашего, святого Дионисия. Эта лодка шла впереди, а остальные суда плыли за ней, следуя за штандартом. Когда мы подошли к берегу на арбалетный выстрел, огромное число хорошо вооруженных конных и пеших турок, находящихся перед нами на берегу, стали густо обстреливать нас, а мы их. И когда мы подошли к суше, почти одиннадцать тысяч турок верхом и множество пеших бросились вперед в море на наших людей. Когда наши вооруженные пехотинцы, а также рыцари на судах увидели это, то не стали ждать под знаменем святого Дионисия, но пешие во всеоружии попрыгали в море, где одним было до подмышек, а другим по грудь, одним более

глубоко, другим менее, потому как море было в одном месте глубже, чем в другом. Много там было наших людей, которые вытаскивали своих лошадей из кораблей с великой опасностью и великим трудом, и великой храбростью. Тогда же постарались и наши арбалетчики, и стреляли так густо и сильно, что преудивительно было глядеть. Тут наши подошли к суше и захватили ее. Когда битва на море и на суше продлилась с утра до полудня, турки отступили назад и вошли в город Дамьетту. В этой битве из христиан было потеряно мало, или никого, а турок было убито почти пятьсот и много их лошадей <...>

Утром следующего дня, то есть в воскресенье после октав [*4] Пятидесятницы, к королю приехал один сарацин и сказал, что из города Дамьетты уехали все сарацины <...> А ранее до короля и войска дошли недостоверные вести, что множество наших людей уже в городе Дамьетте, а королевские знамена уже на высокой башне. [458]

Король во главе рыцарей проехал по мосту из лодок, который только что соорудили жители. Легат и его капелланы очистили большую мечеть, некогда посвященную Богоматери королем Иоанном, и пропели в ней *Te Deum*. [*5] Людовик отдал "магометанщину" (мечети) и дворцы под жилища руководителям крестового похода. Остальное войско с братьями ордена Храма и ордена госпитальеров разбило шатры по эту сторону реки, на острове Маалот, к которому они пристали. Людовику хотелось бы тут же подняться по Нилу к Каиру, повелев флотилии из плоскодонных судов сопровождать сухопутные силы. Но уже поднималась вода. Нил нес свою "жатву" из пряностей и ценного дерева, приплывших из лесных глубин Африки. Воды должны были вот-вот переполнить семь рукавов устья и затопить Дельту. Султану, умиравшему в Каире, пришлось на ум послать крестоносцам вызов на 25 июня, зная, что до осени из Дамьетты они не двинутся.

После длинного и опасного пути граф Альфонс Пуатевинский причалил к Сен-Мишелю. Он предложил идти на приступ Александрии; этот порт стал бы ценной базой, но Роберт Артуа, младший и любимый брат короля, воспротивился всякой иной стратегии, кроме прямого продвижения на Каир, и Людовик допустил ошибку, согласившись с ним.

Войско вышло из Дамьетты в день св. Цецилии, 28 ноября. Королева Маргарита и ее золовки остались в городе с гарнизоном, состоявшим по большей части из экипажей кораблей. Отряды следовали по правому берегу Нила, рядом с флотилией, которая поднималась по реке. Продвижение шло крайне медленно, ибо галеры, упорно работавшие веслами против течения и ветра, в день преодолевали только одно лье. На горизонте гарцевали отряды мамлюков. В день святого Николая (6 декабря) тамплиеры находились в авангарде. Турки атаковали их и выбили из седла одного рыцаря сопровождения маршала Рено де Вишье. Вслед за этим, хотя король и запретил трогать врага, "брат Рено воскликнул: "На них, во имя Бога, ибо я не смогу боле подобное сносить!" Он вонзил шпоры, и все его люди также, и так как их лошади были свежими, а лошади турок уже устали, язычники были перебиты и сброшены в реку или утоплены" числом в шесть сотен. Известно, что из-за чрезмерной медлительности кампании тамплиеры "умирали от нетерпения". [459]

Крестоносцам понадобился месяц, чтобы добраться до Мансуры, - у слияния Нила и Таниса. То же препятствие остановило короля Иоанна тридцатью годами ранее. Как и в 1221 г., турки укрепились на другом берегу Таниса, у города Мансуры. Франки попытались сначала перекрыть русло плотиной, но течение сносило мол, в то время как турецкие стрелы пронзали возводивших дамбу рабочих. Потом они соорудили две *chats-chateaux*, или башни, перекатывающиеся по бревнам, и восемнадцать каменетов, чтобы защитить работы. Турки быстро дали отпор, подкапывая берег напротив плотины, чтобы сохранить ширину русла, и сжигая башни при помощи "греческого огня". Этот предвестник зажигательной бомбы посеял панику в рядах крестоносцев.

Франкам пришлось противостоять двум военачальникам первой величины: эмиру Факреддину, другу императора Фридриха II, и Бейбарсу, мамлюку монгольской крови, победителю христиан при Газе. Когда старый султан Айюб умер, его кончину тщательно скрывали, и эти два командующих обеспечили защиту страны.

Накануне последнего дня масленицы, который пришелся на 8 февраля, перед

крестоносцами предстала новая линия обороны, когда некий бедуин показал им брод через Танис на одну лье ниже лагеря. Король решил воспользоваться этим на следующий день; в авангард он поставил тамплиеров, командовать первым отрядом назначил графа Артуа. Сам же следовал с главными силами войска, тогда как на страже лагеря оставался герцог Бургундский.

Когда король и все прочие, кто снялся переходить реку, оказались в полях за лагерем, повелел король абсолютно всем, - и знатным, и простым, - никому не осмеливаться покинуть ряды, чтобы каждый держался своего отряда и чтобы отряды стояли один подле другого в совершенном порядке; и когда первые перейдут реку, пусть они подождут на берегу, пока король и все прочие одолеют переправу. Когда король так приказал и построил свои отряды, сарацин повел их к броду. Они нашли брод много опаснее, чем полагали, ибо берега были крутыми, изобилующими с одной и с другой стороны трясиной и илом, и вода опаснее и глубже, чем сказал им сарацин, так как им пришлось пустить своих лошадей вплавь <...>. Не было там среди них никого, кто бы хорошо выбрался, не испытав великого страха утонуть прежде, чем он оставит переправу за собой. [460]

Согласно Жуанвиллю, первые отряды обнаружили отряд из трехсот турок, выстроившихся на другом берегу.

Отдали приказ, чтобы орден Храма составил авангард, а отряд графа Артуа стал бы вторым после ордена Храма. Случилось же так, что едва граф Артуа перешел реку, как он и все его люди ударили по туркам, которые отступили перед ними <...>. Орден Храма передал ему, что он поступает с ним очень низко, поскольку должен следовать за ним, а он идет впереди; и его попросили пропустить их вперед, как было решено королем. Случилось же, что граф Артуа не смог им ответить из-за монсьеора Фукана де Мерля <...>, который не слышал того, что графу говорили тамплиеры, так как был глухим, и кричал: "На них же! На них!" Когда тамплиеры увидели все это, то подумали, что будут опозорены, если позволят графу Артуа идти перед собой. Итак, они вонзили шпоры, кто сильнее, кто слабее, и разогнали турок, которые бросились бежать от них через город Мансуру. [461]

Неожиданность была полной. Сарацины спали или ели. Эмир Факреддин выскочил из купальни обнаженным и вскочил на лошадь, которая понесла его сквозь ряды крестоносцев, где он и был убит.

И когда наши увидели, что они свершили по собственной воле <...>, то начали преследовать безрассудно, и без совета, и без какого-нибудь решения. Тут брат Жиль, великий командор ордена Храма, добрый рыцарь, и благочестивый, и смелый на войне, и мудрый, и прозорливый в подобных делах, сказал графу Артуа, чтобы он велел своим людям остановиться и собраться вместе, и дожидаться короля и прочих, которые еще не перешли и реку. А еще брат Жиль хорошо говорил, что они и совершили один из наиболее великих храбрых поступков и великих подвигов, какие только были совершены задолго до этого в Заморской земле, и посоветовал еще, чтобы они отступили к сарацинским боевым машинам перед плотиной, ибо, если они будут их гнать, будучи столь распыленными и разрозненными, то сарацины соберутся вместе и легко их разобьют, поскольку собранных там, перед взором сарацин, людей было мало. Один рыцарь, имени которого мы не знаем, бывший с у графом Артуа [не прикрывает ли эта формула самого Роберта?], ответил таким образом: "Тут всегда будет мало волчьей шерсти. Если бы тамплиеры и госпитальеры, и прочие в этой стране захотели бы, земля давно бы была завоевана!" Те же, что там были, говорили графу Артуа: "Сир, разве вы не видите, что турки полностью разбиты и что они отступают всюду? Не будет ли великим злом и великой трусостью, если мы не изгоним оттуда наших врагов?" Граф Артуа, возглавлявший авангард, охотно соглашался на преследование и сказал Жилью, что если он боится, то пусть остается. Брат Жиль ответил так: "Сир, ни я, ни мои братья не боимся. Мы не останемся. Так что мы пойдем с вами, но истинно знайте, что мы сомневаемся, доведется ли вернуться и нам, и вам. [462]

В этот момент прибыло десять рыцарей, доставивших приказ короля дожидаться, когда он подойдет. Но Роберт Артуа не захотел ничего слышать и, прищипорив коня, двинулся по улицам Мансуры. Когда его рыцари и рыцари ордена Храма на взмыленных лошадях, с расстроенными

рядами, доскакали до другого конца города, то очутились перед гвардией мамлюков под знаменами с "шестью львами" эмира Бейбарса.

Атака крестоносцев захлебнулась. Отброшенные на улочки Мансуры, перекрытые баррикадами, они падали под стрелами и камнями, которые в них бросали с крыш. Ни один не вышел оттуда. Триста рыцарей-мирян погибли вместе с графом Артуа. "Орден Храма, как потом мне говорил магистр, - пишет Жуанвиль, - потерял восемьдесят вооруженных всадников <...>"

В это время центр и арьергард войска перешли брод и появились у города. Битва длилась весь день. Всякий раз, когда франки теряли позицию, король присоединялся к ним. "Никогда не видывали столь прекрасного воина, в золоченом шлеме на голове, с немецким мечом в руке". Но крестоносцев к вечеру мало-помалу оттеснили к протоку, когда герцогу Бургундскому удалось перебросить через реку мост и провести арбалетчиков на другой берег. "И сарацины, едва завидев, как они ставят ногу в стремя арбалета, бежали".

Три дня спустя, в первую пятницу поста, Бейбарс начал свою контратаку. Христиане закрепились на обоих берегах, герцог Бургундский - в старом лагере, король - на поле битвы, вверх по течению Таниса. Сначала Бейбарс испробовал вылазку против герцога Бургундского, затем атаковал королевский лагерь. Франки сражались пешими, используя баррикады. Первый удар был поддержан графом Анжуйским и баронами Святой Земли, охранявшими наиболее выдававшиеся вперед боевые участки.

*За отрядом монсеньора Ротье стоял брат Гийом де Соннак, магистр ордена Храма, с немногими братьями, которые у него остались после битвы во вторник; он держал оборону у сарацинских машин, которые мы отбили; когда сарацины увидели, что он напал, то метнули на палисад, который он велел там соорудить, греческий огонь, и пламя легко охватило его, ибо тамплиеры уложили великое количество пихтовых досок. И знайте, что турки не дожидались, покуда пламя сожжет все, но бросились на тамплиеров в пылающий огонь. И в этой битве брат Гийом, магистр ордена Храма, лишился одного глаза, а второй он потерял на заговенье, и от этого умер, да спасет его Господь! И знайте, что позади тамплиеров остался почти арпан [*6] земли, так усеянный стрелами, посылаемыми в них сарацинами, что из-за великого множества стрел совсем не было видно земли. [463]*

Крестоносцы отразили нападение турок, но обе победы стоили поражения. Река между обоими лагерями была заполнена трупами, которые не удалось захоронить. От воды и земли распространялось зловоние. Продовольствия не хватало, и франки питались хищной рыбой, объевшейся человеческим мясом. Скоро лагерь превратился в обширный лазарет, где лежали люди, сраженные дизентерией и скорбутом [цингой]. Турки пустили по Нилу галеры, отрезавшие крестоносцев от их базы в Дамьетте. Дело было проиграно.

Приказ об отступлении Людовик отдал 5 апреля. Он велел погрузить больных на то, что оставалось от судов, чтобы попытаться пройти сквозь турецкую флотилию. Сам он, хотя и едва держался в седле, ехал с арьергардом. Но в первый же день пути "его уложили как мертвого на колени одной парижанки, и все решили, что до вечера ему не дожить".

Франки сложили оружие; их суда и экипажи также попали в руки сарацин. Узники на многие недели оказались в величайшей опасности, так как Бейбарс и его мамлюки убили нового султана, и французы рисковали попасть во всеобщую резню. Однако королева Франции все еще занимала Дамьетту, и мусульмане чувствовали, что не в состоянии осадить город. Как и в 1221 г., в Дамьетте собирались заплатить выкуп за короля. После оживленных переговоров было достигнуто соглашение, по которому предусматривались коллективный выкуп в 500000 ливров для сержантов и рыцарей и сдача Дамьетты в обмен на особу короля.

Тамплиеры Святой Земли отправили эту новость своим братьям во Францию: они возвестили, что крестоносцы сложили оружие после великой битвы; что легат Эд де Шатору и патриарх Иерусалимский спаслись; что только трое тамплиеров смогли бежать. О госпитальерах знали, что четверо стали пленниками, а пятый находился подле короля. Все остальные были мертвы, за исключением великого командора Жана де Роне. Мир только что был заключен; христиане уступали Дамьетту, но сохраняли Яффу, Цезарею, Замок Паломника,

Хайфу, Назарет, Сафет, Бофор. Тир, Торон и Сидон, осаждаемый сарацинами. Письмо обходило молчанием побег маршала Рено де Вишье, который находился на галерах ордена Храма в Дамьетте, и избрание брата Этьена д'Отрикура на неблагодарную роль *великого командора*, председательствовавшего при выборе нового магистра. [464]

В четверг вечером, на Вознесение (5 мая), четыре сарацинских галеры, сопровождавшие короля, бросили якорь на реке у Дамьетты. Турки удерживали Альфонса, графа Пуатье как заложника, и король ждал в шатре на берегу реки, пока отсчитывали 200 тысяч ливров, в качестве первой части выкупа. Но предоставим слово Жуанвилю, который рассказывает об этом:

Выплату начали производить в субботу утром и потратили на расчет всю субботу и воскресенье до самой ночи. Ибо им выплачивали по весу, и каждый вес был в десять тысяч ливров. В воскресенье, к вечеру, люди короля, производившие уплату, передали ему, что им недостает еще почти 30 тысяч ливров. И с королем был только король Сицилии [Карл Анжуйский], маршал Франции и я, а все прочие находились на выдаче выкупа. Тогда я сказал королю, что было бы хорошо послать его за командором и маршалом тамплиеров (ибо магистр ордена погиб) и попросить их одолжить ему 30 тысяч ливров, дабы освободить своего брата. Король послал за ними и сказал, чтобы я с ними об этом поговорил. Когда я им изложил просьбу, брат Этьен д'Отрикур, командор ордена Тамплиеров, ответил мне так: "Сир де Жуанвиль, совет, который вы подали королю, ни хорош ни разумен; ибо вы знаете, что мы принимаем вклады, давая клятву выдавать только тем, кто их нам вручил". И достаточно было сказано злых и крепких слов друг другу. И тогда брат Рено де Вишье, маршал ордена, взял слово и сказал так: "Сир, остановите спор сеньора де Жуанвиля и нашего командора; ибо, как говорит наш командор, мы не сможем ничего выдать, не совершив клятвопреступления. И сенешаль, советуя вам, буде мы не пожелаем одолжить вам эти деньги, отобрать их силой, не предлагает невозможного, и вы вольны так поступить; но если вы возьмете из нашего добра, мы возьмем из вашего в Акре столько, чтобы полностью возместить свои убытки. [465]

Главенство в ордене, может быть, сыграло в этот вечер свою роль для обоих тамплиеров. Опасливый Этьен д'Отрикур прикрывался буквой устава: в самом деле, орден Храма не шутил преданностью своих бальи. Рено де Вишье предоставлял королю неограниченный заем, не рискуя навлечь на себя упреки нового магистра или генерального капитула. Он тщательно обдумывал слова, которые Жуанвиль, видимо, воспроизвел буквально, и прикрывал себя вопреки собственному решению тем, что его ответ мог быть интерпретирован равным образом и как отказ, и как угроза.

Можно подумать, что король, далекий от негодования, оценил ситуацию. Он послал Жуанвиля за деньгами на главную галеру ордена Храма.

Когда я собрался спуститься в трюм галеры, где находилась казна, я попросил командора ордена Храма прийти посмотреть, что я возьму, и он не соизволил туда явиться. Маршал же сказал, что придет поглядеть на насилье, которое я буду им чинить. Спустившись туда, где находилась сокровищница, я попросил бывшего там казначея вручить мне ключи от сундука, который стоял передо мной; а он, видя, какой я худой и изможденный из-за болезни, и в одежде, которую мне дали в темнице, ответил, что не даст его мне. И я заметил топор, лежавший там; я поднял его и сказал, что из него-то я и сделаю королевский ключ. Увидав сие, маршал схватил меня за руку и сказал: "Сир, мы хорошо видим, что вы творите насилье, и велим отдать вам ключи". После чего он приказал казначею отдать их мне, что тот и сделал. И когда маршал сообщил казначею, кто я, тот был этим совершенно потрясен <...>

Сундук, которым завладел Жуанвиль, принадлежал Никола де Шуази, одному из королевских сержантов. Поверим казначею и великому командору, что это были ценности их клиентов, которым они покровительствовали. Забавно констатировать, что впоследствии сенешаль Шампанский воспользовался тамплиерами как банкирами и серьезно разгневался, когда командор Дома в Акре в течение двух дней проверял его банковский счет! Впрочем, Жуанвиль хорошо понимал свою роль в комедии Дамьетты, ибо далее он говорит об "учтивости", оказанной братом Рено королю, когда тот был пленником.

Тамплиеры одобрили поведение Рено де Вишье, избрав его магистром после возвращения из Акры. Король выказал ему свое уважение, пригласив быть восприемником своего сына, родившегося в Замке Паломника в следующем году. В Акре Людовика Святого приняли с пылкой восторженностью; он только что все потерял - его встретили как победителя. Он провел два года на Святой Земле, где укрепил прибрежные города Яффу, Цезарею, Акру и Сидон и приступил к переговорам с Каиром об освобождении всех христианских пленников, которые там еще находились.

Пока король Франции договаривался с султаном, тамплиеры неустанно возвращались к своей политике соглашения с Дамаском. Бейбарс захватил его в 1245 г., но жители Дамаска тут же воспользовались восстанием в Египте, чтобы вновь обрести независимость. Разумеется, со стороны тамплиеров было крайне неделикатно возобновлять старые связи с этой областью без одобрения руководителя крестового похода, и самая попытка могла походить на предательство.

Рено де Вишье и его маршал Гуго де Жуй воспользовались обязательствами в связи с крепостью Сафет, чтобы принять одного дамасского *адмирала*, т. е. сановника, и подписать с ним договор. Упреки, некогда адресованные Людовиком Святым Гийому де Соннаку, и его отказ дать ход переговорам, к которым последний приступил в начале кампании, научили тамплиеров маскировать свою игру, но отнюдь не отказываться от своей собственной политики. Как только Людовик стал осведомлен об их попытках, он глубоко возмутился; у него не было намерения играть роль Ричарда Корнуэльского. С обычной своей прямоотой и влиянием он решил наказать недисциплинированное руководство Дома по самой форме орденского капитула. И случайно, или же по истинно королевскому ведению сердец, король преподал рыцарям урок, перед которым им пришлось только склониться.

И вновь рассказывает Жуанвиль, очевидец событий:

<...>Брат Гуго де Жуй, маршал тамплиеров, был послан к султану Дамаска магистром ордена Храма, чтобы заполучить [уступку земель, половину из которых хотел сохранить султан]. Эти договоры были заключены при условии, что король с этим согласится. И со стороны дамасского султана брат Гуго привез адмирала и писанные условия мира. Магистр сказал об этом королю, чем король был сильно удивлен и ответил ему, что он очень смел, коль скоро ведет переговоры с султаном, не поговорив с ним. И король пожелал, чтобы поступок был исправлен. И возмещение было таким: король велел поднять полотнища трех своих шатров, и там собралась большая часть войска, - те, кто пожелал туда прийти; и сюда явился магистр ордена Храма и вся братия, все босые, [прошедшие] через войско, так как их шатры были за лагерем. Король усадил подле себя магистра ордена Храма и посла султана и громко сказал магистру: "Мэтр, вы скажете послу султана, что вас тяготит то, что вы заключили некий договор с ним, не поговорив об этом со мной; и оттого, что вы не побеседовали о сем со мной, вы освобождаете его от всего, что он вам пообещал, и возвращаете ему все его обещания."

Магистр взял договоры и передал их эмиру; а потом магистр произнес: "Я возвращаю вам договоры, которые я неправо заключил; и сие меня удручает". И тогда король сказал магистру, чтобы он встал и велел подняться всем своим братьям; и так он и поступил. "Преклоните же колени и принесите извинение мне за то, что пошли в сем против моей воли". Магистр опустился на колени и протянул полу своего плаща королю, и отдал королю все это, дабы принять его наказание от него, каковое он пожелает назначить. "И мне угодно, - промолвил король, - чтобы прежде всего был изгнан из королевства Иерусалимского брат Гуго, заключивший сии соглашения". Ни магистр, который был королю кумом, крестным его сына графа Алансонского, родившегося в Замке Паломника, ни королева, ни прочие не смогли прийти на помощь брату Гуго, дабы воспрепятствовать его отъезду из Святой Земли и Иерусалимского королевства". [466]

Гуго де Жуй уехал в Испанию. Двумя годами позднее он вновь возвышается как *магистр Каталонии* (1254-1256). [467] У него были неприятности с некоторыми капелланами Дома, и, чтобы их укротить, ему пришлось обратиться к помощи папской буллы. [468]

Но сами тамплиеры, возможно, никогда не простили Рено де Вишье публичного

унижения, вызванного его неосторожностью. Если верить датировке документа, новый магистр появился до окончания этого года. Брат Рено умер только в 1256 г.; ни малейших данных о его смещении не имеется, секрет капитула остается нераскрытым. Но - разве что это ошибка писца - преемник его. Тома Берар, в октябре 1252 г. подписывает документы уже как магистр ордена Храма. [469]

Условные обороты, означающие наказание "посажением на землю" (на время трапезы), двухдневный и однодневный срок взыскания и временное лишение орденового одеяния.

Симония (по имени новозаветного персонажа Симона Волхва (Мага), пытавшегося приобрести благодать за деньги; см. Деяния Апостолов, 8, 9-24) - торговля церковными званиями, должностями и т. д.

Ритуал скрепления дружеского союза смещением крови (символическое установление родства).

Октавы - восьмидневное празднование наиболее значительных дат церковного календаря, а также последний день такого празднования.

"Тебя, бога, хвалим" (*лат.*) - благодарственное песнопение.

Арпан - мера площади, по-разному рассчитывавшаяся в разных регионах и разных ситуациях; примерно от трети до половины гектара.

ГЛАВА XX "Гнев и боль"

Покинув в 1254 г. Палестину, Людовик Святой, несмотря на все хлопоты, оставил за собой только видимость королевства - без центральной власти, без стратегических границ. Он укрепил Сидон, Цезарею и Яффу и усилил стены Акры. Все замки принадлежали духовно-рыцарским орденам. В этих укреплениях заморским франкам суждено было продержаться еще тридцать семь лет - скорее из-за монгольской угрозы, нависшей над исламским миром, нежели благодаря своей собственной силе.

Чем более угрожающим становилось внешнее положение Святой Земли, тем больше она позволяла терзать себя внутренними войнами. Чтобы устранить Фридриха II, бароны королевства Иерусалимского передали корону королеве Алиции (Алисе) Кипрской, дочери Изабеллы Иерусалимской и Генриха Шампанского, но это было опротестовано партией Гогенштауфенов. И когда в 1258 г. большая часть франкских сеньоров, орден Храма, пизанцы и венецианцы признали Гутона II Кипрского, внука Алисы, иерусалимским королем, генуэзцы, испанцы и рыцари ордена госпитальеров высказались за Конрадина, внука Фридриха II. Здесь наблюдается крайняя путаница в международной политике эпохи, ибо поступок этот сделал тамплиеров союзниками венецианцев - гибеллинов в принципе, но пользовавшихся благоволением патриарха Иерусалимский Якопо Панталеони, которому предстояло взойти на Святой престол в 1261 г. под именем Урбана IV. "В его время разразилась великая война между венецианцами и генуэзцами, из-за которой город [Акра] был почти разрушен, а он поддерживал венецианцев". [470]

Тома Берар, новый магистр ордена Храма, поначалу попытался уклониться от спора, и окончательное его вмешательство напоминает скорее полицейскую операцию. В 1258 г., в ходе атаки с моря пятью десятками генуэзских кораблей на порт Акры, пизанцы и венецианцы не осмелились подняться на галеры, опасаясь увидеть свои кварталы занятыми генуэзцами Акры и их союзниками госпитальерами:

<...> От какового дела они пребывали в великой нерешительности и страхе; и они побеседовали об этом деле с графом Яффы [Жаном д'Ибеленом], который посоветовал им сходить к магистру ордена Храма Тома Берару, а названный магистр жил у рыцарей Святого Прокаженного [Лазаря], дабы оказаться за пределами битвы и метательных орудий, поскольку Дом ордена Храма стоял слишком близко от пизанцев.

Граф Яффы, консул Пизы и бальи Венеции поговорили с магистром о своем деле по поводу уже слышанного вами, и упомянутый магистр пообещал, что пришлет им столько братьев и

прочих конных и пеших воинов, чтобы сохранить их улицы и дома, пока на море будет идти сражение; и как он сказал, так и поступил; и тут же братья вскочили на лошадей, [а с ними] послушники, местная пехота и прочие, и отправились с поднятым знаменем охранять две улицы пизанцев и венецианцев; и когда они проходили, генуэзцы земли [Палестины] подумали, что они выступают против них, и подняли крик и стали охранять [свою] улицу. [471]

При подобных обстоятельствах на магистра ордена Храма легла возросшая ответственность. Два последних главы Дома на Востоке, Тома Берар и Гийом де Боже, оказались на высоте своего призвания, хотя им становилось все труднее при непрерывных катастрофах, изматывавших Святую Землю, и возрастающем безразличии западных властителей.

В обвинениях на процессе содержались смутные подозрения относительно неподкупности Тома Берара. "Орден Храма испортился именно в его магистерство". Но ценное свидетельство каталонского устава (барселонский манускрипт), датированного этими годами, раскрывает строй ордена Храма как подобие основательно налаженной конституционной монархии, где генеральные капитулы, и даже обычные капитулы командорств, ревностно блюли *добрые порядки и обычаи Дома*, а сам магистр держал своих рыцарей крепкой хваткой.

Другой сборник орденских документов, "Установления", сохранился в двух манускриптах, парижском и римском, и также датируется временем магистерства Тома Берара, свидетельствует, как и каталонская версия, заботу о систематизации беспорядочного материала статутов. Возможно даже, что прекрасный манускрипт "Установлений" из Национальной библиотеки в Париже, содержащий первоначальный устав, свод, монастырские статуты и "Установления", был переписан по приказанию магистра. Ибо многоязычные каракули, обнаруживаемые на форзаце, с немалой вероятностью указывают на то, что манускрипт был переписан в Сирии - единственной стране, где свободно говорили на провансальском, каталонском и немецком языках.

Желание поддержать и укрепить авторитет устава проявляется в непреклонном правосудии, творимом пред магистром Тома Бераром, и в течение гибельных лет, когда рушилось Латинское королевство, видно, как в ордене Храма возрождается послушание, как снова укрепляется корпоративный дух.

Тени великих событий, потрясавших Азию, витают над страницами "Установлений". Первое нашествие монголов, вторгшихся в Сирию, было в 1257 г. В это время командор ордена Храма и двенадцать рыцарей находились в Иерусалиме. Тома Берар из-за опасности, которой они подвергались, вызвал их письмом. Но уехать без рыцарей ордена св. Иоанна, прибывших вместе с ними и не отозванных, командор отказался. Рассказ является кратким очерком положения Святой Земли: Иерусалим в руинах; маленькая группа рыцарей ордена Храма и Госпиталя, объединившаяся в смертный (но только тогда) час перед опасностью; и катаклизмы, которые разворачиваются вдалеке, но все же грозят им уничтожением. [472]

Начиная с 1256 г. тамплиеры не перестают бить тревогу. Поначалу именно командор ордена Храма, Ги де Базенвиль, пишет 4 октября того же года епископу Орлеанскому, что татары разграбили Иконий, и армянский король полагает, что весной они двинутся на Иерусалим. [473] В 1260 г. Тома Берар сообщает Генриху III Английскому, что монголы опять опустошили Сирию вплоть до портов Акры и занимали страну в течение сорока дней. Берар добавляет, что они заставляют беженцев идти впереди своих отрядов, чтобы прикрыть продвижение, что татарские женщины сражаются, как мужчины, и все стреляют из лука одинаково хорошо вперед и назад. [474] Магистр описывает прибытие племен Хулагу-хана во главе с военачальником Китбогой, которые вступили в Сирию и захватили Дамаск. Китбога продолжил свой поход до Египта, где его остановил Бейбарс, истребивший его войско и, в свою очередь, снова взявший Дамаск.

На следующий год, 4 марта 1261 г., Берар пишет брату Амадею, казначею ордена Храма в Англии, сообщая о тревоге на Востоке. Тамплиеры отправили брата Этьена с последними новостями в Испанию. Госпитальеры взяли на себя труд проинформировать Францию, а тевтонские рыцари - Империю о неотвратимой для Сирии опасности. Генуэзских купцов в Акре

больше не было, и орден Храма пребывал в денежном затруднении ввиду отсутствия менял. [475]

В июне Ги де Базенвиль, тогда - магистр Домов на Западе, поделился с Франко де Борном, своим заместителем и магистром ордена в Оверни, новостями, полученными от Тома Берара. В конце месяца великий магистр должен послать эмиссаров к Святому Престолу, чтобы договориться по пяти пунктам: дела Святой Земли и земли Сицилийского королевства; татары; помощь Константинополю; и дело, заключающееся в том, что армянский монарх, князь Антиохийский и русский "король" стали союзниками монголов. [476]

Ныне упрекают дипломатию XIII в. в том, что она недооценила попыток к сближению со стороны хана Хулагу, который повелевал своим несторианским священникам сопровождать себя в походах и мог стать христианином. Но впрямь ли этим захватчикам из Азии было свойственно союзническое чувство? Если монголы предоставили свое покровительство правителю Армении и мир Александру Невскому, то последним пришлось "бить челом" в ноги степной автократии - поступок, невообразимый для самого мелкого князя Запада. На другом конце света буддистский хан свергал с престола китайского императора, исламский хан основывал империю в Индии. Был ли менее опасным хан христианский?

Один Людовик Святой все еще замышлял новый крестовый поход. Несмотря на дело Дамаска, он относился к тамплиерам с великим уважением и симпатией. Они управляли королевскими финансами, что придавало огромную значимость магистру во Франции; и король, естественно, был заинтересован в его назначении. Когда в 1263 г. Людовик пожелал назначить на эту должность брата Амори де Ла Рош, то проявил при этом столько деликатности, как если бы тамплиеры обладали высшим могуществом. Чтобы уклониться от необходимости приказывать великому магистру, Людовик написал Папе, который и передал Тома Берару пожелания короля, высказанные в лестных выражениях, чем магистр воспользовался:

Если вы примете во внимание <...>, с каким тщанием король Франции защищает ваш орден и ваши права; каким покровительством он вас окружает; как он уважает вас - вас и ваших братьев, давших обет, - вы тут же согласитесь на все, что он от вас просит, в особенности потому, что ваша любезность будет вознаграждена возросшими милостями. Вот доказательство его привязанности, переданное через адресованные вам письма, в которых он настоятельно просит вас назначить командором в его королевстве лицо, внушающее ему полное доверие, нашего дражайшего сына, брата Амори де Ла Рош, мужа мудрого и прозорливого.

Папа поддержал просьбу короля, засвидетельствовав личное доверие брату Амори, "в котором мы очень нуждаемся ввиду церковных дел во Франции", и "присоединяет свои просьбы к просьбам короля", заканчивая, однако, формулой *per apostolica scripta mandamus*, [силой апостольских писаний повелеваем (*лат.*)] чтобы на этом поставить точку. [477]

Берару пришлось тут же уступить ходатайствам, столь же настойчивым, сколь и льстивым. С 1265 по 1271 г. брат Амори появляется в качестве *магистра во Франции*. [478] Именно ему адресовано преисполненное отчаяния письмо патриарха Гийома II Иерусалимского от 1267 г., умолявшего выслать средства в Святую Землю.

Надо, чтобы в городе Акре у нас было достаточно денег, чтобы кормить наших арбалетчиков; затем нам нужно 60 турецких ливров, чтобы заплатить шестидесяти рыцарям, прибывшим с графом Неверским и с мессиром Эвраром де Валери; рыцари Жоффруа де Сержина стоят нам в год десять тысяч турецких ливров; мессир Жоффруа заложил свою вотчину по нашему обязательству и обязательствам магистров орденов Храма и Госпиталья за три тысячи ливров - только церковной казны, отданной на сохранение в парижском Храме [резиденции ордена в Париже], будет достаточно, чтобы возместить ему издержки. Вы должны также вернуть тысячу восемьсот турецких ливров, которые мы одолжили у купцов при посредничестве парижского банка, чтобы уплатить за пять месяцев пятидесяти восьми рыцарям из гарнизона Акры. И ради любви к Богу поспособствуйте миру между генуэзцами и венецианцами, воспрепятствуйте бедным и немощным совершать путешествие на Восток,

добейтесь для нас десятины от Кипрского и Иерусалимского королевств на расходы по защите Акры и Яффы и поторопите отбытие нового крестового похода. Со всем этим обратитесь к Папе и помогите нам, насколько сие в ваших силах. [479]

Латинское королевство, лишенное содействия и раздираемое внутренней борьбой, в 1265 г. не смогло оказать сопротивления молниеносной атаке Бейбарса. Ему приходилось действовать быстро. Монгольский великий хан Хулагу готовил новый поход против Египта и мог обрести союзников во франкских прибрежных городах. Султан выступил против своих наиболее слабых соперников и прошел по всей Сирии. Укрепления Людовика Святого, как и замки духовно-рыцарских орденов, рушились под его натиском. 27 февраля 1265 г. он взял Цезарею, 26 апреля - Арсуф. На следующий год он захватил крепость Сафет и перебил тамплиеров ее гарнизона, которые отдались под фальшивое охранное свидетельство. После двух лет передышки Бейбарс развязал новую молниеносную войну: 7 марта 1268 г. он начал наступление на Яффу, 5 апреля - на Бофор, другой тамплиерский замок, 26 апреля - на Баниас и 15 мая - на Антиохию. Яффа и Антиохия были в восьмистах километрах друг от друга: быстрота продвижения султана делала его невидимым для христиан.

Каталонский устав рассказывает нам неопубликованную версию потери Гастена, одной из тамплиерских крепостей на равнине Оронт, где находился командор Антиохийской земли брат Жиро де Созе. В тексте французский язык сильно перемешан с провансальско-каталонским наречием: [480]

Случилось, что брат Жиро де Созе был командором Антиохийской земли. Султан вышел из Вавилона со всеми своими силами и двинулся на Антиохию. Прежде, чем он оказался на этой земле, командор донес магистру, что слышал, будто султан в пути и, говорят, идет против Антиохии, дабы магистр прислал, Бога ради, сержантов и вооружение для замка, ибо в Гастене недоставало всего. Магистр ответил, что пошлет ему подкрепление и все необходимое, если султан подойдет к Антиохии, но пусть он знает, что нападения бояться нечего [с 5 по 26 апреля Бейбарс повернул к Бофору и Баниасу]. Вслед за этим султан объявился у Антиохии и по своему прибытию взял город: таким образом, не прошло и двух дней, как он был взят.

Тамплиеры Гастена были в великом смятении, поскольку им не хватало всего, оружия и продовольствия, а также опытных руководителей, как это требовалось бы для укрепления замка. И пока братья ели, один из них, который звался братом Ги де Беленом [д'Ибелен? может быть, Ибелен де Жибле?], овладел ключами от замка, вскочил на коня и отвез их султану. Он сказал ему, что Гастен его, ибо братья хотят сдаться - "и вот ключи от вашего замка, которые я вам привез!" И затем султан собрал крупные силы и бросил их на замок.

До начала атаки гарнизон собрал военный совет. Рыцари и сержанты прекрасно знали, что крепость труднозащищаема. Но когда командор объявил, "что будет защищать ее как сможет, а потом да свершится воля Божия", братья-рыцари ответили, что "сделают все, что бы он ни пожелал и ни приказал". Напротив, сержанты, - всего лишь наемники, - отказались там оставаться, ибо видели хорошо, что город не сможет защищаться, и они не хотят в нем умереть". Перед лицом предательства Ги, видя охлаждение своих воинов, тамплиеры поняли, что положение отчаянное. Они решили скрыть замок и присоединиться к Скале Гийома, другой крепости тамплиеров, которая была почти так же обессилена. Они увезли все, что смогли, из продовольствия и припасов и разрушили большую часть того, что там оставалось.

Когда вести о потере Антиохии достигли Акры, Тома Берар и его монастырь ощутили великую боль и большое беспокойство об участи Гастена. Поскольку ни надеяться, что замок выстоит, ни послать помощь было нельзя, капитул решил отдать приказ об отзыве гарнизона, который прежде должен был скрыть замок и отправиться в Скалу Гийома. И опасаясь, чтобы эти приказы не дошли слишком поздно, магистр и его братия пали на колени и просили Бога ниспослать "достаточно рассудительности" командору Антиохии, чтобы [он смог] действовать по собственной инициативе.

Брат Пелестор, который вез эти указания, нашел тамплиеров уже в Скале Гийома. Тогда в капитуле разразился большой скандал, так как братья из Гастена "воззвали к милосердию" за

то, что покинули замок без приказа. Кажется, можно было бы не начинать диспут, благодаря Бога за прекрасное чудо, кое он сотворил, внушив "достаточно рассудительности" брату Жиро де Созе, предвосхитившему волю монастыря. Однако напротив, спорили долго: должны ли были тамплиеры гарнизона *покинуть Дом*, нарушая положения устава? Здесь лакуна в манускрипте лишает нас нескольких строк, но, кажется, магистр направил донесение, - быть может, монастырю в Испании, - дабы испросить совета. Отрадно констатировать, что решение было в пользу командора и его соратников. Но из того, что они не срыли полностью замок и не уничтожили все продовольствие и припасы, неизвестный арбитр полагал, что вполне уместно наложить на них покаяние на год и день. "И таким образом было вынесено решение о потере Гастена".

Год великого наступления Бейбарса на Латинское королевство был также годом опалы Этьена де Сиссея, маршала ордена Храма. В первый раз тамплиеры оказались в серьезном столкновении с Папой: дело Гуго де Жуй уже поссорило их с французским королем. В обоих случаях тамплиерам пришлось принести повинную, что предвещало судный день, когда две власти одновременно окажутся к ним враждебно настроенными. Скандал по поводу Этьена де Сиссея разразился между Урбаном IV и тамплиерами в 1263 г. До нас не дошли первые письма, которыми они обменялись, но можно воссоздать развитие событий по булле Урбана IV и трем буллам его преемника Климента IV. [481] В сентябре 1263 г. Урбан вызвал Этьена де Сиссея в Рим по неизвестной причине, объявил его недостойным и лишил ранга.

Этьен наотрез отказался оставить свою должность, кроме как по приказу того, кто его назначил: и этим он лишь заставлял Папу уважать статуты своего ордена. Он добавил, что никогда не слышал, чтобы высший духовный владыка вмешивался во внутренние дела Дома, а что касается себя, то он всегда достойно служил магистру и капитулу. Этьен покинул Курию осужденным и был отлучен Урбаном IV от Церкви.

Вне сомнения, Этьен держался таким образом с согласия магистра. Сначала его укрыли в парижском Храме, а потом - в командорстве во Франции или Италии; со смертью Урбана IV в следующем году появилась некоторая надежда выйти из создавшегося положения. Но когда Климент IV возобновил ссору и написал об этом магистру в самом суровом тоне, Этьен - или, скорее, Тома Берар - дрогнул: и маршал прибыл, чтобы броситься в ноги Папе. Климент отменил акт отлучения от Церкви Этьена де Сиссея, приказав ему поклясться возвратиться в Палестину по переправе св. Иоанна Крестителя (караван судов, снимавшихся с якоря к середине июня) и жить в течение года как простой брат ордена, не занимая никакого высокого положения.

Дабы наказать маршала ордена Храма, Папа руководствовался теми же статутами ордена, что и Людовик Святой. Покаяние сроком в год, проведенный в качестве простого рыцаря, было равнозначно наказанию "в год и день", которому подвергались серьезно провинившиеся братья. Ссора между Папой и магистром не затянулась, но нам она кажется знамением. Нельзя сказать, что в период магистерства Берара орден "испортился", но с тех пор дела тамплиеров начинают принимать плохой оборот.

Хронист Жерар Монреальский (автор третьей части "Деяний киприотов") по-своему освещает события и приписывает Этьену де Сиссею убийство из ревности.

В этом году случилось, что орден Храма, и монастырь Акры и Салефа, и Замок Паломника, и замок Бофора, и мессир Жан д'Ибелен, сеньор Берофы, <...> и Жан де Жибле, маршал Иерусалимского королевства, и многие рыцари Акры отправились к Табари [Тивериаде] сокрушить большую стоянку турецкой пехоты из наемников и были, к несчастью, разбиты <...> И бежал брат Этьен де Сези [так!], маршал ордена Храма, о котором сказали, что он дурно организовал свое наступление, и повернул без боя, то ли по отсутствию храбрости, то ли добровольно по злему умыслу, поскольку говорили с какой завистью он относится к сеньору Берофы из-за безумной ревности к одной даме из той страны. Но так или иначе это было, магистр ордена Храма отправил его за море и снял с него одеяние; каковым он и оставался в римской Курии до тех пор, пока Папой не стал Грегорио Плезанти, который находился в Акре, когда был избран Папой, и сей брат Этьен де Сези приехал к нему в

Акру и тогда, при помощи этого Папы, вновь надел одеяние ордена Храма и уехал с названным Папой в Заморскую землю. [482]

К несчастью, этот прекрасный роман явно противоречит папским посланиям, из которых ясно, что маршал действовал по соглашению с магистром, и оба - вопреки Папе. То, что хронисту, жившему в узком кругу приближенных магистра, известна только обыденная версия достаточно громкого скандала, является доказательством поразительной сдержанности тамплиеров.

В чем же ошибка Этьена де Сиссея? Можно предположить, что в происшедшем с ним не было ничего позорного, поскольку в 1271 г. - спустя шесть лет - он был командором Апулии, одной из наиболее важных провинций ордена Храма. Он отправился в Палестину с Фульком де Летри, одним из рыцарей Карла Анжуйского, дабы сопровождать оттуда недавно избранного Григория X. [483] Не воспротивился ли он - возможно, и силой - легатам, посланным в Святую Землю Урбаном IV набрать солдат из рядов христианской армии, освобождая их от клятв принятия Креста и предоставляя индульгенции, чтобы отправить в Италию, в крестовый поход против короля Сицилии Манфреда Гогенштауфена? [484] [*1] Под воздействием событий ломбардской войны предыдущий Папа уже запретил всякий отъезд крестоносцев в Святую Землю, не сумев, однако, им помешать. Это вывело из себя тамплиеров, некогда "возлюбленных сыновей" Иннокентия III. Акт Урбана IV должен был показаться им тем более непостижимым, что тот являлся патриархом Иерусалимским до восшествия на Святой престол, лично знал отчаянное положение христиан на Востоке; один из рыцарей Храма высказался в суровой и скорбной жалобе "Гнев и Боль", о которой следует поговорить подробно.

Известны две другие поэмы, одна из которых по подписи на манускрипте принадлежит "одному рыцарю ордена Храма", другая - "тамплиеру Оливье". Последний - автор прекрасной элегии о Людовике IX, умершем в 1270 г., и вполне вероятно, что чудесные "Гнев и Боль" тоже могли бы принадлежать его перу; все три сохранившиеся отрывка написаны по-провансальски.

Именно в 1265 г., после потери Арсуфа, тамплиер-трубадур выплеснул крик отчаяния, в котором бьет через край безмерная горечь.

Гнев и боль осели в моем сердце до такой степени, что я едва смею оставаться в живых. Ибо унизили Крест, который мы приняли в честь Того, Кто был распят на кресте. Ни Крест, ни Закон не значат более ничего для нас, не защищают нас от вероломных турок, да будут они прокляты Богом! Но из того, что явствует, чудится, что в нашей гибели Богу угодно поддерживать их.

Сначала они захватили Цезарею и приступом взяли укрепленный замок Арсуф. Ах, Господи Боже, через что прошли они, сержанты и горожане, находившиеся в стенах Арсуфа? Увы, Восточное королевство потеряло столько, что, по правде сказать, никогда не сможет оправиться.

Не думайте, что Сирия скорбит об этом, ведь она решила и заявила совершенно открыто, что - по возможности - ни одного христианина не останется в ее владениях. Из монастыря Святой Марии сделают мечеть, а так как ее Сын, который должен был бы испытывать боль за это, доволен сим грабежом, мы также вынуждены находить в этом удовольствие.

Безумен тот, кто хочет бороться против турок, поскольку Иисус Христос больше у них ничего не оспаривает. Они победили - и они победят, что гнетет меня, - французов и татар, армян и персов. Они знают, что ежедневно будут принижать нас, ибо Бог, некогда бдивший, спит, а Магомет блистает мощью и заставляет блистать египетского султана.

Папа оказался весьма щедрым на прощения, (раздаваемые) французам и провансальцам, которые помогли ему [в борьбе] против немцев. Он дает нам доказательства великого вождения, ибо наш крест не стоит турецкого креста, и кто бы ни захотел, оставляет крестовый поход ради ломбардской войны. Наши легаты, говорю вам сие по правде, продают Бога и Его Прощение за деньги.

Французские сеньоры, Александрия поступила с вами хуже, чем Ломбардия; турки лишили вас ваших сил и сделали пленниками, и освободит вас только выкуп. [485]

Какое отчаяние и какая беспомощность! При полной катастрофе рыцарям оставалась только Дева Мария, средоточие куртуазной любви этого страстного века. "Ибо Матерь Божия была началом нашего ордена, и в Ней и Ее чести пребудет, ежели Богу угодно, конец наших жизней и конец нашего ордена, когда Бог пожелает, чтобы сие произошло".

Все связи, которые просматриваются за эти годы, переплетаются воедино. В 1267 г. молодой Жак де Моле (который станет последним магистром ордена Храма) был принят в Боне в братья-рыцари Эмбером де Перо, генеральным смотрителем ордена, в присутствии магистра во Франции, Амори де Ла Роша. По свидетельству на процессе Моле, после принесения обычных обетов на него надели белый плащ. Затем Эмбер де Перо якобы велел принести распятие и приказал ему отречься от Бога и плюнуть на крест: Моле отрекся "устаами, но не сердцем" и плюнул на землю. [486] Итак, как мы отметим по поводу процесса позднее, непостижимо, чтобы подобное с согласия Берара и генерального капитула вменили соискателям, только что произнесшим свои самые торжественные обеты "во имя Бога и Божией Матери". Равным образом невозможно, чтобы Эмбер де Перо, заслуживший в течение двадцати лет доверие двух магистров и генерального капитула, из прихоти вынуждал к такому акту. Особенно неправдоподобно, чтобы святотатство допустил Амори де Ла Рош, близкий друг Людовика Святого, избранный магистром Франции. Однако вполне правдоподобно, что обвинение в адрес Моле, хотя и клеветническое, передает умонастроение членов ордена. Под градом атак султана, за рушащимися стенами своих замков тамплиеры расточали жалобы и проклятия своей беспомощности, оставленные Богом и людьми. Сообща они презирали предательство Рима и равнодушие Неба. Разуверившиеся в Боге, преданные Святой Деве, они, возможно, сами того не зная, порождали ересь.

ГЛАВА XXI Конец Иерусалимского королевства

В год 1273 от Воплощения Господня преставился брат Тома Берар, магистр ордена Храма, в день мартовского праздника Богоматери (25-го). И магистром в 13-й день мая стал брат Гийом де Боже, который был за морем командором Апулии. И за ним послали брата Гийома де Понсона, занимавшего место магистра, и брата Бернара де Фокса, а брат Гуфье сделался великим командором, местоблюстителем магистра. [487]

Гийом де Боже, последний великий магистр ордена, находившийся на Востоке, "являлся знатным дворянином, родственником французского короля; а также был очень щедрым, и много раздавал милостыни, за что был очень уважаем; и стали орден Храма в его время очень почитать и бояться. И когда он стал Магистром, он был командором в Апулии и прожил за морем два года, и посетил все Дома ордена Храма в королевствах Франции, Англии и Испании, и собрал великие сокровища, и прибыл в Акру". [488] Боже являлся командором Триполи в 1271 г.; [489] в Апулии он сменил Этьена де Сиссея, вероятно, в тот момент, когда последний отправился за Григорием X в Святую Землю, чтобы сообщить о его избрании на Святой престол. Прежде чем вернуться в Акру, новый магистр присутствовал на Лионском Соборе, где трагическое положение Святой Земли привлекло сочувственное внимание Папы.

Гийом де Боже более известен, чем его предшественники, благодаря хронике, составленной его секретарем и известной под названием "Хроника тамплиера из Тира". На самом деле последний не был тамплиером и провел лишь некоторое время в Тире. Возможно, его звали Жерар Монреальский, и он принадлежал к мелкой знати королевства. Ему мы обязаны третьей книгой "Деяний киприотов" - вероятно, компиляцией из различных источников. Сам он представляется сначала как паж Маргариты Антиохийской, жены Жана де Монфора, сеньора Тира, и, по крайней мере, 1269-1270 гг. проводит в окружении Монфоров. Пятнадцатью годами позднее он появляется в качестве секретаря Гийома де Боже. Он, разумеется, не брат ордена, но лицо доверенное и сотрудник магистра. Хронист знал арабский, именно он переводил на этот язык письма для Боже и составлял послания в адрес мусульман. Его функции могут быть отождествлены с функциями *сарацинского писца*, преданного особе магистра, и он сообщает ценные подробности о роли тамплиеров в течение последних двадцати

лет Латинского королевства. [490]

Хотя о королевстве говорить уже трудно. Начиная с 1273 г. христианская территория ограничивается городами Акрой, Триполи, Борофой и Тортозой, приморскими замками Атлитом и Сайетой, принадлежащими тамплиерам, Маргатом - госпитальерам и Монфором - тевтонским рыцарям. Серией молниеносных кампаний Бейбарс урезал королевство; Яффа, Цезаря и Арсуф были потеряны на юге, княжество Антиохийское уничтожено на севере. Проходя Сирию из конца в конец, грозный султан захватил Бофор и Салеф, Кастельблан и Крак. Его смерть в 1277 г. и два года спора вокруг наследства дали короткую передышку христианам. Равнина вокруг Акры была разграблена сарацинскими набегами. И перед этой смертельной опасностью пулены не находят ничего лучшего, как истреблять друг друга из-за фьефов или уже не существующих титулов.

Трудно найти путеводную нить в политической и генеалогической путанице этой эпохи, где сменяют друг друга на краткий срок поколения, быстро созревшие и быстро скошенные. Генрихи сменяют Гугонов на троне Кипра. Боэмунд наследует Боэмунду в графстве Триполи, где правящая фамилия все еще титулует себя "князьями Антиохийскими". Чаще всего какой-нибудь Жан или Бальян д'Ибелен выполняет функции регента при малолетнем короле, проживая на Кипре. Народ не испытывает физического ослабления; почти все, по словам их хронистов, *прекрасны лицом и рослые телом*. Но для следующих поколений они бесцветные, жалкие и бессознательные существа рядом со старым рыцарством Святой Земли. Возможно, слишком длительное пребывание на Ближнем Востоке изменило - глубоко к худшему - франко-норманнский характер, потерявший прекрасные черты ума и верности. Ибо вырождение последних поколений проявляется в неопишемом смешении мелочных ссор и корыстных причин, вызванных отсутствием элиты, способной на разумную политику. Среди этих марионеток один Гийом де Боже являет фигуру государственного мужа.

Интерьер, в котором двигаются эти эфемерные существа, становится все более и более пышным; все богатства и все народы Востока и Запада можно встретить на сирийском побережье. Пулены, уже отмеченные роком, щеголяют на праздниках и блестящих поединках. Когда Генрих II Кипрский прибыл в Акру короноваться, "они праздновали пятнадцать дней в одном месте Акры, называемом Приют Госпиталя Святого Иоанна, там, где был один очень большой дворец. И праздник оказался самым красивым, какие только знали за сто лет праздников и состязаний. И изображали Круглый стол и королеву Женской Страны [амазонок], то есть рыцарей, одетых дамами, и состязались они вместе, а потом стали монашенками, которые были с монахами и состязались одни с другими; и представляли Ланселота, и Тристана, и Паламеда, [*2] и много других прекрасных, очаровательных и веселых игр <...>" [491] Эти игры Круглого стола происходили в тени трагедии, более горестной, чем смерть Артура.

На трон Иерусалима всегда было два кандидата, хотя королевство едва существовало. Династия Гогенштауфенов угасла вместе с Конрадином и Манфредом, умершими на Сицилии; но девица Мария, внучка Амальрика Лузиньяна и Изабеллы Иерусалимской, заставила оценить свои права в противовес королевской династии Кипра. На Лионском Соборе 1274 г. она потребовала корону, потом отказалась от своих претензий в пользу Карла Анжуйского, брата Людовика Святого, которому Урбан IV уже пожаловал королевство Сицилийское, чтобы создать там соперника Гогенштауфенам. Зная кипрских Лузиньянов как абсолютно неспособных правителей. Боже и его тамплиеры поддержали Карла Анжуйского. Магистр принадлежал к высшей французской знати и имел точки соприкосновения с королем Сицилии, которого он должен был посещать как командор ордена Храма в Апулии. Для него не осталось незамеченным, что Карл Анжуйский, руководствуясь исключительно интересами своего Сицилийского королевства, направил крестовый поход 1270 г. на тунисский берег, где и умер Людовик Святой, но он знал Карла как человека очень энергичного, хладнокровного и честолюбивого, который многое мог бы сделать для Святой Земли, как только его личные интересы вступили бы в игру. Возможно даже, что Боже, присутствовавший на Лионском Соборе, определенным образом направил "дарение" принцессы Марии, ибо немного из

помощи, достигавшее христиан Востока, прибывало к ним из Франции. Но Карл Анжуйский, захваченный войной в Сицилии, никогда не обратился к земле за морем и оказал лишь немного внимания признанному за ним Иерусалимскому королевству, куда сам Боже не оставил всякую надежду в этой области и не признал Генриха II Кипрского как короля Иерусалимского в 1285 г.

Ломбардская война залила кровью все восточное Средиземноморье. Изгнанные из Акры, генуэзцы укрылись в Тире; генуэзские флотилии курсировали вдоль сирийского берега в поисках своих венецианских, пизанских и пьомбинских соперников. В то же время все эти фрахтовщики поддерживали интенсивную торговлю с Александрией, которая была складом товаров из Индии. Примирив политические страсти Святой Земли с политическими коллизиями Запада, тамплиеры снова обрели союзниками генуэзцев. Гийом де Боже всеми силами поддерживал нейтралитет, и Замок Паломника предоставлял убежище также пизанцам и пьомбинцам, которые могли сюда причаливать без опасений.

К началу своего магистрата Боже позволил втянуть себя в кровную вражду князей Антиохийских с сеньорами де Жибле из семьи д'Амбриак генуэзского происхождения. Тамплиеры поддерживали д'Амбриаков и вели открытую войну с Боэмундом VII Антиохийским. Одновременно они покровительствовали своему собрату, архиепископу Триполи, в борьбе против дурных поступков Боэмунда. Правда, "люди князя и сам он, будучи молодым, причиняли много неприятностей людям ордена Храма, и даже самим братьям говорили мерзкие слова, которых ранее те и не слыхали <...>", [492] что не располагало их в пользу Боэмунда. Но по мере того, как продолжалось его магистерство - а Боже управлял орденом Храма в течение восемнадцати лет, - он силился унять непростительные распри между христианами и заставить их понять опасность, в которой они оказались, в сущности, из-за собственной беспечности. Жерар Монреальский показывает его нам всегда в роли посредника.

Когда король Генрих Кипрский прибыл в Акру в 1285 г. для коронации, представитель Карла Анжуйского вооружил замок против киприотов.

При этом магистр ордена Храма, магистр Госпиталя и магистр Немцев, все трое были там, в Храме, и совсем не вышли навстречу королю [Кипра] принять его; и так поступили они на основании того, что они - монахи, и не пожелали потрудиться над этим делом, чтобы не вызвать неудовольствия какой-либо стороны. Однако, когда они увидели <...> что копья и стрелы извлечены с одной и с другой стороны и что у людей в замке были метательные снаряды для машин, и что великая опасность могла бы возникнуть, все трое вышеназванных магистра отправились туда, где в церкви был король; они выказали ему великую радость и поговорили с ним, и отправились в замок и поговорили с сиром Эдом Пельшьеном [представителем короля Сицилии] и привели дела к тому, что он пообещал передать замок трем орденам <...> [493]

Немного позже, когда генуэзский флот объявился у Акры и захватил пизанских рыбаков, рожденных в Сирии - "пизанских пуленов", - командор ордена Храма брат Тибо Годен "милостиво попросил за бедных рыбаков, которых они захватили, и они отослали их". Потом "монсеньор магистр" сам прибыл в Акру, где пизанцы и пьомбинцы вооружали свои галеры, чтобы защищать порт. Гийом де Боже отправился переговорить с генуэзцами "и просить их вернуться <...> и магистр им сказал, что пизанцы и венецианцы пообещали ему не выходить из порта, пока он им не привезет ответа <...>". Но его посредничество не помешало морской стычке, которая закончилась в пользу генуэзцев. Немного позднее, во время новой атаки генуэзских галер, "ордена Храма и Госпиталя, и бароны попросили их адмиралов уйти, потому что дело, которое они творили, было гнусным [по отношению] к христианству и опасным"; на этот раз их вмешательство оказалось эффективным. [494]

Скоро Гийому де Боже пришлось воспользоваться своими многочисленными связями на Востоке, чтобы высказать более серьезные предупреждения.

В 1287 г., со смертью последнего князя Антиохийского, который оставил фьеф своей сестре Люции, триполитанцы сбросили власть епископа Тортозы, назначенного бальи Триполи, установили общинное правление и призвали на помощь генуэзцев, пока три магистра пытались

привести к согласию горожан и их княгиню. И снова именно Жерар Монреальский рассказывает о продолжении дела.

Случилось, что когда генуэзцы прибыли в Триполи, как вы слышали, два человека - я бы мог сказать, кто они, если бы захотел, - отправились к султану в Александрию и указали ему, что [крепость] Триполи без генуэзцев едва вооружила бы от десяти до пятнадцати галер. И теперь, если она попадет в руки генуэзцев, они вооружат их тридцать, ибо генуэзцы со всех концов придут в Триполи, и если она будет у них, они станут сеньорами ее вод, и получится, что те, кто направляется в Александрию или из нее, окажутся в их власти; это обернется великой опасностью для купцов, поддерживающих связи в вашем королевстве. Когда султан услышал сие, ему показалось, что это разумно <...> Отчего у него был совет со своими эмирами, и решили они идти на Триполи; и велели подготовить воинов и верблюдов на дорогах; но был один престарелый эмир, один из трех, кто придерживался язычества; последний дал знать об этой новости монсеньеру магистру ордена Храма. А звали этого эмира, который некоторым образом использовал обращение к магистру ордена Храма на пользу христианству, эмир Салах; и тратился он на красивые подарки магистру каждый год, когда к нему посылал. [495] <

Султан Килавун находился уже на границе Египта, когда магистр послал предостережение триполитанцам, которые только посмеялись, говоря, что Боже действовал так лишь, чтобы напугать их и придать себе значимости.

И когда султан подошел еще ближе, магистр послал другого посла внушительного вида, им был брат Редкёр, испанский брат-рыцарь, и сообщил им, что подходит султан. И все оказались меж двух [мнений] - верить или нет, и Редкёр вернулся в Акру, а султан подошел к Триполи".

В последний час было предпринято отчаянное усилие укрепить город. Киприоты и госпитальеры привели отряды рыцарей и сержантов; орден Храма послал маршала Жоффруа де Вандака, командора Акры, Педро де Монкаду (магистра Испании в 1279-1282), брата Редкёра и часть монастыря. Даже венецианцы, которые спровоцировали катастрофу, приняли участие в обороне Триполи.

Осада началась 17 марта 1289 г. Гарнизон, разобщенный и смешанный, защищался без особого рвения.

Город был очень сильным, и с крепкими каменными стенами, но султан велел наступать и стремительно атаковать самое слабое место - Древнюю башню, которая действительно была очень старой; и по ней так били машины, что вся она развалилась на части, также и башня Госпиталья, которая была крепкой и новой, тоже была пробита [так], что свободно могла пройти лошадь, у султана было столь великое число людей, что двадцать сарацинских лучников так целились в каждого [нашего], что ни один из наших арбалетчиков не осмеливался выглянуть оттуда, чтобы выстрелить, и были [они] скоро разбиты <...>

Венецианцы и пизанцы дали сигнал спастись, кто может, выходя в открытое море на своих судах; вслед за ними гарнизон очистил место, потеря которого казалась неизбежной. "Маршал ордена Храма и командор Госпиталья с предводителями киприотов ускользнули <...>, и пал в битве де Монкада, командор ордена Храма, и Гийом де Кардона, брат ордена Храма, и был взят живым брат Редкёр, и брат Гуго, сын графа Ампурийского <...>

Потеря Триполи ознаменовалась новым перемием между иерусалимским королем и султаном. Это поражение имело отзвуки на Западе. Папа отправил двадцать спасательных галер христианам Акры. Крестоносцы, сопровождавшие их, шли навстречу последней трагедии Святой Земли.

Когда эти люди были в Акре, перемирие, которое король заключил с султаном, хорошо поддерживалось обеими сторонами, и бедные простые сарацины вошли в Акру и принесли на продажу свое добро, как они уже делали. Волею Дьявола, который охотно изыскивает дурные дела среди добрых людей, произошло так, что эти крестоносцы, которые прибыли, чтобы творить добро и ради своей души, на помощь городу Акре, способствовали его уничтожению,

ибо они промчались по земле Акры и предали мечу всех бедных крестьян, которые несли на продажу в Акру свое добро, пшеницу и прочие вещи, и которые были сарацинами из обнесенных изгородями жилищ Акры; и точно так же убили многих сирийцев, которые носили бороды, а были греческой веры, и которых убили за их бороды, принимая за сарацин; каковое дело было очень скверным поступком, и это стало причиной взятия Акры сарацинами, как вы услышите. [496]

Султан сохранил перемирие, но письменно обратился к главам города, потребовав наказать виновных. На собрании совета, рассматривавшего это требование, магистр ордена Храма предложил решение, которое отличалось находчивостью. Пусть в городских темницах отыщут всех осужденных за разные преступления к смерти по городскому праву и казнят их публично, уверив султана, что это убийцы мусульманских крестьян. "И таким образом, - сказал он, - будет считаться, что султану заплатили, и мы избежим его мести, и свершим правосудие над ними, поскольку они все равно должны умереть". Но совет показал себя неспособным принять решение даже по столь неотложному вопросу и направил расплывчатые извинения султану, который решил покончить с христианами Акры.

Смерть султана Килавуна, которому безоговорочно наследовал его сын, не остановила приготовлений. "И эмир Салах, [497] эмир, который был другом магистра ордена Храма, дал знать оттуда названному магистру, что султан всеми способами собирается идти на осаду Акры, что магистр, ордена Храма довел до всех сеньоров Акры, а они не пожелали верить этому". Добровольное ослепление, однако, должно было пойти еще дальше.

Престиж Гийома де Боже внушал столь сильное уважение даже туркам, что султан написал ему письмо, чтобы сообщить о своем прибытии. Корреспонденция попала в руки хрониста:

<...> Султан направил послания магистру ордена Храма, которые были ответными на послания сарацинские и французские, написанные моей рукой, каковое ответное письмо я носил и показывал монсьею магистру, и всем сеньорам Акры, то есть патриарху, легату, магистру Госпиталья <...> и командору Немцев <...> и я показывал его консулу Пизы, и бальи Венеции, но никто не пожелал удостовериться, что султан приходит, покуда он не приблизился <...>

Послание было изложено в следующих словах:

Султан султанов, царь царей, повелитель повелителей, Малек ал-Эссераф; могущественный, грозный, каратель мятежников, победитель франков, и татар, и армян, вырывающий крепости из рук неверных <...> вам, Магистру, благородному магистру ордена Храма, истинному и мудрому, привет и наша добрая воля. Поскольку вы - настоящий муж, мы посылаем вам послания о нашей воле и доводим до вас, что мы идем на ваши отряды, чтобы возместить нанесенный нам ущерб, отчего мы не желаем, чтобы власти Акры посылали нам ни письма, ни подарки, ибо мы их больше не примем.

В бессилии своем отцы города не нашли ничего лучшего, как направить посольство к своему противнику, который отказался от писем и подарков, а посланцев бросил в темницу, где они и умерли. Осада началась 5 апреля 1291 г. и продлилась до 18 мая. Со стен крепости осажденные видели всю равнину Акры, покрытую шатрами, поставленными веревка к веревке.

И шатер султана, который называется "дехлиз", [499] стоял на высоком пригорке, там, где была красивая башня и сад и виноградники ордена Храма, и каковой "дехлиз" был весь алый, с открытой к городу Акре дверью; и это было сделано султаном потому, что каждый знает: куда открыта дверь "дехлиза", этой дорогой должен идти султан.

Восемь дней прошли спокойно; потом турки начали обстреливать город тяжелыми камнями, метаемыми четырьмя огромными каменетами.

Одна из машин, которую называли Хавебен [габдан - яростная], иначе сказать - Гневная, находилась перед постом тамплиеров; а другая машина, метавшая на пост тизанцев, называлась Мансур, то есть Победоносная; следующая, большая, которую я не знаю как назвать, метала в пост госпитальеров; и четвертая машина метала в большую башню, называемую Проклятая башня, которая стоит на второй стене и которую защищал

королевский отряд. В первую ночь они поставили большие щиты, и щиты, сделанные из прутьев, выстроились перед нашими стенами, и на вторую ночь они приблизились еще, и так приближались, покуда не подошли к водяному рву, и за названными щитами были воины, сошедшие со своих лошадей на землю с луками в руках <...>

Пятнадцать тысяч мамлюков, людей и лошадей, закованных в железо, продвигались все вместе, меняя стражу четыре раза в день. В городе Акры находилось от тридцати до сорока тысяч душ населения, но насчитывалось только шестьсот или семьсот рыцарей и тринадцать тысяч пеших сержантов. Каждая вылазка стоила жизнью, но она не влияла на мощь Осаждающих. Когда они продвинулись до водяного рва, то возвели стену из поленьев, чтобы защитить свои легкие машины, *карабоги*, [500] - "которые метали очень часто и причиняли больше зла, чем большие машины, [так] что к месту, куда бросали карбоги, никто не осмеливался приблизиться".

Позади этого укрепления сарацины подкапывали первую стену; осажденные отвечали более глубокими подкопами, пока "Проклятая башня", которая больше других выдавалась вперед, не рухнула, образовав брешь в первом кольце укреплений.

И когда настал день, наши люди на совете высказали мнение выйти со всех концов на лошадях и пешими и сжечь деревянное сооружение; таким образом, монсеньор магистр ордена Храма и его люди, и мессир Жан де Грансон и прочие рыцари подошли ночью к Ладрским воротам, и приказал магистр одному провансальцу, который был виконтом Борта в округе Акры, поджечь деревянное сооружение большой машины султана; и они вышли в эту ночь и оказались около деревянного сарая; и тот, кто должен был бросить огонь, испугался и бросил так, что [огонь] отлетел недалеко и упал на землю и возгорелся на земле. Все сарацины, находившиеся там, всадники и пешие, были убиты; а наши люди, все братья и рыцари, заехали настолько вперед между палатками, что их лошади запутались ногами в веревках шатров и споткнулись, и тогда сарацины их перебили; и таким образом мы потеряли этой ночью восемнадцать всадников, братьев ордена Храма и рыцарей-мирян, но захватили много сарацинских щитов [больших] и маленьких, и трубы, и литавры <...>

От луны было светло, как днем, и султан Хамы, охранявший этот сектор фронта, собрал две тысячи всадников, перед которыми небольшому отряду из трехсот воинов, окружавшему магистра ордена Храма, пришлось отступить. Вылазки, которые предлагалось осуществить через другие ворота города, не состоялись, так как сарацины были предупреждены и подготовились к защите. Другая ночная атака, - на этот раз безлунной ночью, - удалась ничуть не лучше, "сарацины были уведомлены и устроили такое освещение сигнальными огнями, что казалось, у них был день <...> и атаковали столь сильно наших людей стрелами, что казалось, что это дождь <...>"

Поскольку турки не имели возможности блокировать порт, король Кипра 4 мая смог высадиться с подкреплениями.

Город находился в тяжелом положении, ибо, как я вам сказал, пояс укреплений был подкопан и рухнул, и башня также была подкопана. Но тем не менее, с его прибытием люди получили великую помощь.

Генрих Лузиньян принял единственно возможное решение - начать переговоры с султаном; последний предлагал оставить христианам жизнь и добро в обмен на сдачу города; посланцы отвергли его предложение, "ибо люди из-за моря [Запада] посчитают нас предателями". И осада возобновилась.

16 мая фасад Новой, или королевской, башни под действием подкопов рухнул в ров; сарацины заполнили обвалы мешками с песком, чтобы соорудить из них дамбу, преодолели водяные рвы и захватили остатки башни. Осажденные пытались преградить им вход в город кошкой - деревянным сооружением, покрытым кожей, на который поднимались лучники и воины.

Когда башня была взята и, как я вам сказал, люди были в великом ужасе, они прежде всего отослали на море своих жен и детей; и когда на следующий день наступил четверг, установилась очень плохая погода, и море было столь бурным, что женщины и дети, которые

поднялись на корабли, не смогли этого выдержать и сошли на землю и повернули к своим домам.

А когда настала пятница, очень громко до зари затрубила большая труба, и при звуках этой трубы, имевшей голос преужасный и очень сильный, - сарацины напали на город Акру со всех сторон. И первое место, через которое они вошли, была эта Проклятая башня, которую они захватили. И я вам расскажу, каким образом они прибывали.

Они прибывали все пешие и без числа; и прежде всего приходили те, кто бросал греческий огонь, а потом шли те, кто стрелял [простыми] стрелами и столь часто, что казалось, с неба идет дождь; и наши люди, находившиеся в кошке, покинули ее.

Сарацины находились тогда на ограниченном пространстве, между первыми стенами и рвами, которое называют барбакан, и большими стенами и рвами города. Они разделились на два потока, одни пошли к Сен-Ромену и пизанскому посту, другие - к Сен-Антуанским воротам.

Магистру ордена Храма, бывшему в своем лагере, - пишет Жерар Монреальский, который не покидал больше Боже ни на шаг, - и его монастырю, который приготовился к обороне, едва услышав звук трубы, показалось, что сарацины начинают какое-то наступление, и он взял десять или двенадцать братьев и свою свиту и отправился к Сен-Антуанским воротам, держась между двух стен, и миновал охрану госпитальеров, и увел магистра ордена Госпиталя, и некоторых братьев, и некоторых рыцарей из Кипра или из Земли, и пеших сержантов с собой, и прибыли они к Сен-Антуанским вратам, и обнаружили сарацин, идущих пешком <...> И когда оба магистра, орденов Храма и Госпиталя, прибыли туда <...> им показалось, что они столкнулись с каменной стеной, и те, кто бросал греческий огонь, бросали его столь часто и густо, что стоял сильный дым, и с большим трудом было видно; и лучники густо стреляли сквозь дым оперенными стрелами, которые очень болезненно ранили наших людей и наших лошадей <...> И когда сарацины ненадолго останавливались, то поднимали свои щиты и продвигались немного вперед, когда их атаковали сверху, то они тут же поднимали свои щиты и останавливались; и постоянно не прекращали трудиться те, кто бросал огонь и посылал стрелы; и продлилась эта борьба и битва врукопашную до терции". Именно здесь был ранен Гийом де Боже. "Магистра ордена Храма случайно настигла стрела, когда магистр поднимал свою левую руку и на ней не было щита, только дротик в правой руке, и стрела сия ударила ему подмышку, и тростник вошел в его тело".

Магистр вооружился наспех и носил только легкие латы, соединения которых не закрывали хорошо боков.

И когда он почувал, что ранен смертельно, он стал уходить, а подумали, что он уходит добровольно, чтобы спасти себя и свое знамя <...> и побежали перед ним, и тогда вся его свита последовала за ним. И поскольку он отходил, добрых двадцать крестоносцев с Долины Сполето подошли к нему и сказали: "Ах, Бога ради, сир, не уходите, ибо город скоро будет потерян". И он ответил им громко, чтобы каждый слышал: "Сеньоры, я не могу, ибо я мертв, видите удар". И тогда мы увидели погруженную в его тело стрелу. И при этих словах он бросил дротик на землю, поник головой и стал падать с лошади, но его свита прыгнула на землю со своих коней и поддержала его, и сняла с коня, и положила на брошенный щит, который они там нашли и который был очень большой и длинный.

Слуги пронесли его в город по мостику, через водяные рвы и потайной ход, что вели во дворец Марии Антиохийской. Здесь они сняли с него доспехи, разрезав ремни лат на плечах, затем завернули его в одеяло и отнесли на берег. [501] Так как море оставалось бурным и ни одна лодка не могла пристать, свита перенесла магистра в орденскую резиденцию, протаскив носилки через пролом в стене.

И целый день он лежал в Храме, не разговаривая <...>, за исключением одного слова, когда он слышал шум людей, бежавших от смерти, и спросил, что это; и ему сказали, что люди сражаются; и приказал, чтобы их оставили в покое, и с тех пор не разговаривал и отдал Богу душу. И был похоронен перед своим алтарем, то есть престолом, где пели мессу. И благоволил ему Бог, ибо от его смерти был великий ущерб.

В то время как Гийом де Боже умирал, город погибал в жестокой резне.

Знайте, что это было ужасно видеть; дамы и горожанки, и монахини, и прочий мелкий люд бежали по улицам с детьми на руках, плачущие и растерянные, и убегали к морю, чтобы спастись от смерти; и когда им встречались сарацины, один хватал мать, другой ребенка, и тащили их в разные стороны, и разлучали их друг с другом <...> и однажды женщину увели, а вырывающийся ребенок был брошен на землю, и лошади затоптали его, и он умер; и были такие дамы, которые были в тягости, и их так сдавили в толпе, что они умирали на ногах, и существо в их теле также <...> Знайте также, что сарацины зажгли огни на машинах и на постах, и пламенем этим была [как бы] освещена вся Святая Земля.

В резиденции ордена маршал Пьер де Севри принял командование; там укрылось больше десяти тысяч человек, "ибо резиденция Храма была самым укрепленным местом в городе, и стояла на море на обширной площади, как замок, поскольку на входе была высокая и прочная башня и толстая, массивная стена в двадцать восемь шагов; а также была и другая, очень древняя башня на море, которую Саладин построил сто лет назад, в которой орден Храма держал свою сокровищницу, и она настолько вдавалась в море, что волны бились о нее".

У подножия этой башни, на берегу, относительно укрытом, тамплиеры собрали все, что могли найти из больших или легких кораблей, галер и транспортных судов, парусных или весельных судов; туда в большом количестве они посадили гражданское население, кто укрылся в их Доме. "И когда все эти корабли одновременно подняли парус, люди из Храма, собранные там, испустили очень громкий крик, и отплыли корабли, и пошли к Кипру, и были спасены добрые люди, находившиеся внутри Храма <...>".

Тамплиерское укрепление продержалось десять дней, пока султан, отчаявшись уничтожить его силой, предложил защитникам условия сдачи. Пьер де Севри принял эти условия. Но когда сарацины, проникшие за укрепления, чтобы завладеть крепостью, начали мучить христианских женщин, которые там еще находились, тамплиеры вновь взяли за оружие, перебили нападавших "и выразили волю защищаться до смерти".

Султан скрыл свой гнев и продолжил переговоры, и Пьер де Севри ошибся, доверившись ему. Он передал сопровождавшим победителям своих, еще крепких, рыцарей, оставив в Храме только раненых.

Как только султан заполучил маршала и людей ордена Храма, он велел отрубить головы всем братьям <...> И когда братья, бывшие внутри башни, которые не были столь больны, чтобы не суметь себе помочь, услышали, что маршалу и прочим отрубили головы, они заняли оборону, отчего сарацины принялись подкапывать башню, и подкопали ее, и поставили подпорки, и тогда находившиеся в башне сдались. И внутрь башни вошло столько сарацин, что подпорки, поддерживающие ее, ослабли, и названная башня упала, и люди ордена Храма и сарацины, бывшие в ней, погибли; и даже при своем падении башня опрокинулась на улицу и раздавила больше двух тысяч конных турок. И так был взят и отдан город Акра, в пятницу 18 мая названного года, и Дом ордена Храма десятью днями позднее - тем образом, как я вам рассказал.

Тамплиеры еще держались в своих замках - Сайете, Берофе и Атлите. Гарнизон Сайеты собрался на генеральном капитуле и магистром избрал своего командора Тибо Годена; последний отправился на Кипр искать помощи. Ничего не найдя, он остался на острове, упрекаемый в трусости за то, что покинул свой пост. Перед мощными атаками сарацин гарнизон Сайеты ночью пробрался на свои галеры и отправился вслед за Тибо Годеном на Кипр. Таким же образом ушел и гарнизон Замка Паломника. Тамплиеры Берофы открыли ворота в обмен на клятву турецкого эмира оставить всех в живых, однако эмир велел их повесить. Возможно, их участь была более счастливой, нежели у спасшихся.

Король Обеих Сицилии Манфред I (1258-1266) был внебрачным сыном императора Фридриха II. Он занял трон вопреки воле Папы, являвшегося верховным сюзереном королевства; в 1260 г. был отлучен от Церкви.

Рыцари легендарного Круглого Стола; герои т. н. артуровского цикла, включающего множество произведений средневековой словесности, посвященных деяниям идеального

государя - Артура (погибающего в конце концов от руки предателя) и его идеальных рыцарей.

Часть третья

ГЛАВА XXII Расчеты Гийома Ногаре

Из всех, кому удалось ускользнуть из утраченного королевства, тамплиеры были особенно растеряны. Светские бароны искали убежища на Кипре, где рыцари св. Иоанна обладали уже значительным состоянием. В 1310 г. госпитальеры завоевали остров Родос и создали морскую державу, соперника итальянских республик. Тевтонские рыцари переместили свои главные силы в Пруссию. Тамплиерам, жертва которых оказалась самой тяжелой, было труднее всего приспособиться, ибо их владения на Кипре не были сравнимы с доменами госпитальеров. Возможно, им было бы лучше перенести свои силы в Испанию, где они играли большую роль в отвоевании Иберийского полуострова. Но они все еще надеялись восстановиться в Сирии и разделились между своими командорствами на Кипре и в Париже.

Дом ордена Храма в Париже располагался на правом берегу Сены, *Старый Храм* - внутри стен, построенных при Филиппе Августе, позади церквей Сен-Жан-ан-Грев и Сен-Жерве; *Новый Храм*, с массивной башней, за крепостной стеной - на месте нынешнего квартала Тампль. Две группы строений состояли из просторных покоев, где французские короли размещали своих избранных гостей. [502] Более того, в башне Тампля, настоящей крепости, хранилась королевская казна. Долгое время парижский Дом организовывал связь между провинциями ордена на Востоке и Западе; ни одно из командорств Испании или Италии не могло сравниться с ним по значению. Только лондонский Храм приближался к этому - по финансовым и дипломатическим функциям, которые выполнял.

Но положение французских тамплиеров усложнялось вследствие их роли банкиров и управляющих казной Франции. "Казначей парижского Дома были из крупных финансистов, место которых отмечено в истории французских публичных учреждений. Они распоряжались финансами ордена с осторожностью, гибко управляя королевской казной в самые критические времена". [503]

Орден Храма подверг большим изменениям управление казной во время правления Филиппа IV Красивого, ибо объем королевских финансов превышал возможности парижских тамплиеров. С 1291 по 1295 гг. (частью их) управлял ломбардский банк Франчези. Начиная со Дня Всех Святых 1295 г. королевские доходы в целом контролировались новым институтом - казной Лувра, созданной по образцу банка ордена Храма, но управляемой людьми короля. Следует заметить, что последнее изменение несколько предшествовало обнародованию папой Бонифацием VIII буллы "Clericis laicos" (24 февраля 1296) [504], которая пробила брешь между Папой и королем, запретив светским властям получать доходы с церковных имуществ - тамплиеры были бы поставлены в весьма деликатное положение, если бы Филипп не посчитался с этой буллой. Были ли они предупреждены об этом или сами желали освободиться от подобной функции? Как бы то ни было, управление казной Франции было возвращено рыцарям Храма в июне 1303 г., когда Гуго де Перо от имени своего ордена присоединился к церковной политике короля [505]; и казна оставалась в Тампле вплоть до ареста тамплиеров в октябре 1307 г..

Тезис (разделявший некогда и автором), что орден составлял сообщество, способное помешать французскому королю, не выдерживает испытания, поскольку король мог прекратить их доступ к управлению финансами, как только этого бы пожелал. Не сила, а слабость ордена Храма делала из него желанную добычу.

Отыскивая в документах, относящихся к процессу, по возможности все, что эрудиция или воображение могут оттуда извлечь, не отвечая окончательно на все вопросы, которые поднимаются ими, необходимо учесть, что дело тамплиеров не изолированный феномен, - это часть трагической серии политических процессов, имеющих отношение к правлению Филиппа

Красивого: Бернара Сессе - епископа Памье, папы Бонифация VIII и Гишара, епископа Труа. Каждое из этих трех дел содержит много общих моментов: осужденными оказываются люди церкви, по закону исключенные из светской юрисдикции; акты осуждения включают обвинение в ереси и безнравственном поведении; и обвинителем (или подстрекателем) каждый раз является Гийом де Ногаре. Исследуя маневры легиста, его отношения с королем, способность извлекать пользу из любых отклонений от веры, его ловушки, успешно подстроенные трем Папам, кажется, что ключ от этих дел не в деяниях жертв, не в загадочном характере молчаливого Филиппа, но в безрассудных амбициях и в смертельных тревогах Гийома Ногаре.

К 1295 г. Филипп IV правил уже десять лет; французы, которые нашли удачные прозвища большей части своих королей, остановились на его внешности и, не рискуя оценивать истинную натуру, назвали его *Красивым*. Он действительно был очень красив, высокого роста, белокурый, с правильными чертами лица, в нем восхищали сила и храбрость; его знали как благочестивого человека; он любил свою жену и свою семью; личная жизнь его была лишена страстей и, до последних лет царствования, почти не содержала инцидентов. Однако нечто вроде тайны окутывало его: этот железный король, - был ли он действительно так силен? Годфруа Парижский, сочинитель песен, осмелился сказать, "что король был легковерным, как девственница, и находился в плохом окружении"; епископ Памье, который говорил *inter pocula* [в хмельном застолье (*лат.*)], утверждал, что "у него красивое лицо, но он не умеет ни говорить, ни думать". До какой степени министры короля были агентами его воли? Они говорят за него, и всегда слышны только их голоса. "Король велел выразить в его присутствии..." - такое произносят из-за вялости или из хитрости? Он умел показать себя приветливым, но добрые слова, которыми он жаловал просителей, часто оставались бездейственными. Возможно, ему особенно недоставало воображения, что объяснило бы влияние, которое оказывали на него сначала Пьер Флотт из Дофинэ, потом - южанин Гийом де Ногаре, два легиста, одаренные необычайной живостью мысли.

Начало жизни Ногаре было скромным: родился в Сен-Феликс-де-Караман, в диоцезе Ажен; профессор права в Монпелье, затем - судейство в Бокере; приглашение - благодаря его познаниям - в Париж из Лангедока, с 1296 г. заседал в королевском совете. Впечатлило ли короля изящество его речи? На Пасху 1299 г. Филипп посвятил его в рыцари. В марте-апреле 1300 г. Ногаре участвовал в неудачном посольстве в Рим; проявленная им дерзость и оскорбительная реплика, которую он вызвал в свой адрес со стороны Бонифация VIII, и последующий провал его миссии, легли в основу столь личной и упорной ненависти, с которой он обрушился на Папу, живого и мертвого. [506]

Процесс Бернара Сессе, епископа Памье (июль-октябрь 1301 г.) отчасти приподнимает занавес над последующими событиями. [507] Хотя дело никоим образом не коснулось тамплиеров, следует сказать, что в нем впервые слышится исступленная злоба заключительных реплик Гийома Ногаре в речи, предназначенной для прочтения в Курии. Чтобы сформулированные против епископа канцлером Пьером Флоттом обвинения в предательстве и оскорблении Величества сделать более весомыми, Ногаре обвиняет Бернара Сессе в ереси, симонии, хуле на Святого Отца и неуточняемых *гнуностях*. Так непосредственно входим мы в этот мир "заблуждений, омерзения и ереси", где Ногаре был одним из первых, кто воспользовался ими в политических целях.

Сессе был спасен твердостью своего предстоятеля, Жилия Эйслена, архиепископа Нарбоннского, за карьерой которого можно проследить, начиная от дела Памье до тамплиеров, которых он, возможно, знал и которых предоставил их участи. Зажатый между Бонифацием и Филиппом, он постарался служить обоим хозяевам, прежде чем окончательно перейти на службу к более сильному - королю.

Весной 1302 г. состоялась попытка посредничества между Филиппом и Святым престолом со стороны герцогов Бургундского и Бретонского (к ним присоединился Гуго де Перо, генеральный смотритель ордена Храма), которых Бонифаций созвал в Курии в конце февраля 1302 г. Но этот призыв к компромиссу не возымел действия. Возобновилась война во Фландрии. В июле канцлер Пьер Флотт, вместе со всем цветом французской знати, нашел

смерть в битве при Куртре, и Гийом Ногаре стал советником, к которому более всего прислушивался король.

Наставленный, вне сомнения, своими друзьями, кардиналами Колонна, отстраненными и изгнанными Папой, Гийом полагал, что единственное средство одолеть Бонифация - это собрать церковный Собор, но созвать подобный Собор мог только сам Великий понтифик. Тогда он выработал план - не маловероятный захват, который ему обычно приписывают, но обоснованную ловушку, которую мог придумать только юрист. "Папа, - писали канонисты, - может быть судим Собором, если он обвиняется в ереси". "Тот, кто публично обвинен в ереси, будет считаться виновным, если он не оправдается перед компетентным авторитетом", - говорил Бонифаций VIII в Декреталиях. [508] План, придуманный Ногаре, изощренный и нелепый одновременно, заключался в том, чтобы отправиться в Курию и публично обвинить Бонифация в ереси, потребовав, чтобы он оправдывался перед Собором. По здравом размышлении подобный план рассыпался бы в прах, но юридически был приемлем, а у Бонифация было много врагов...

В Лувре 12 марта 1303 г. Ногаре выступил обвинителем, обращаясь с ходатайством, адресованным королю от своего имени; он клеймил Бонифация как Папу "беззаконного, еретического, симонистского, закореневшего в своих преступлениях: его уста полны проклятий, его когти и клыки готовы проливать кровь; он терзает церкви, которые должен питать, и крадет имущество бедняков <...>" он разжигает войну, он ненавидит мир, он - гнусность, предсказанная пророком Даниилом <...>,, - и Ногаре предлагает себя, чтобы выступить с подобным обвинением на церковном Соборе. [509]

Легист отправился в Италию в конце марта, поручив своему коллеге Гийомуде Плезиану представлять 14 июня обвинение на новом собрании клириков в Лувре. Плезиан повторил обвинение Бонифация в ереси, добавив, что он - содомит и одержим особенным демоном. На этот раз на собрании присутствовали генеральный смотритель ордена Храма Гуго де Перо и приор ордена св. Иоанна Иерусалимского; оба присоединились к ответу прелатов, которые, "принуждаемые своего рода необходимостью", высказались за созыв Собора, "дабы на нем выяснилась невинность сеньора Бонифация, и чтобы обвинения, выдвинутые против него, были обсуждены, следуя каноническому праву". Это означало поддержать политику Филиппа, не одобряя ее. [510] Интересно, однако, констатировать, что смотритель ордена Храма получил, как и другие священники, давшие 14 июня свое согласие - включая и приора ордена св. Иоанна, - охранное письмо от имени короля, предохраняющее и его, и его орден от любого наказания, которое Папа мог бы наложить на него за поведение в данном случае. И французская казна до конца месяца вновь возвратилась в башню Тампля.

Пока Плезиан искал во французских провинциях *adherants* [единомышленников] (неопределенное выражение, которое широко пустят в ход) "в деле короля против Папы", Гийом де Ногаре, находившийся в Риме, струсил; как он скажет в дальнейшем, "не осмелился безбоязненно встретить гнев Бонифация". Курия проводила лето в Ананьи, родном городе Папы, и легист затаился у неких сеньоров из окрестностей, выжидая благоприятного момента для дальнейших действий. 2 сентября он узнал, что Бонифаций 8 сентября, в праздник рождества Богоматери, должен издать буллу об отлучении короля Франции. Это была катастрофа, для Филиппа - вероятно, для Ногаре же - весьма несомненно: оставался ли у него шанс сохранить свою собственную шкуру? Призвав Колонну и других врагов Папы, Гийом посягнул на него в Ананьи, получив известный результат. [*1] Бонифаций от этого умер. [511] За его смертью последовал короткий понтификат Бенедикта XI, готовившегося отлучить от Церкви Гийома де Ногаре, но скончавшегося днем ранее. Собравшимся на конклаве в Перудже кардиналам понадобилось одиннадцать месяцев, чтобы отыскать Бенедикту XI преемника. Наконец, в июне 1305 г., их выбор пал на Бертрана де Го, архиепископа Бордоского, - Бертран стал Климентом V.

По отношению к процессу тамплиеров, урок, извлеченный из предшествующего, заключается в том, что Ногаре, не колеблясь, бросил публичное обвинение Папе без малейших доказательств виновности и даже не беспокоясь о них. Донесение одного знатока

канонического права, составленное после смерти Бонифация, тяжело для нашего настойчивого полемиста, так как ему советуют оставить обвинение в ереси за неимением доказательств и поискать другой путь. [512] Далекий от того, чтобы позволить себе пасть духом, Ногаре тогда направил королю экстраординарное послание, - жесткое предостережение, - в котором он угрожал Филиппу божьей карой, "если он отнимет руку от плуга". [*2] Вы сами, о суверенный король, будете судимы пред Богом и людьми. Вы публично взяли на себя дело Христа и католической веры и защиту церкви против Бонифация <...> не становитесь лжецом пред Богом.

Труд будет тяжким, говорит Ногаре, - главные позиции нужно захватить с самого начала и заставить Папу скорее возвести в кардинальский ранг как можно больше французов. Со своей стороны, он готов взять на себя ответственность за дело Ананьи:

Г. де Н. представил бы свою защиту с Вашим прибытием (на Собор). Он бы изложил <...> большую часть правды и постарался бы почти извинить и освободить пред людьми королевское превосходство.

Письмо написано рукой Ногаре, спешно, с переписанными местами и словами, вычеркнутыми яростным пером. Следы красного воска на обороте листа показывают, что оно было тут же сложено и скреплено печатью. Гийом предстает в этом письме целиком, с его дерзостью, коварством, но и с едва прикрытым презрением, которое ему внушает его хозяин. Понимал ли весьма молчаливый Филипп своего советника, такого многословного? Все, что можно сказать, - так это то, что король позволил руководить собой и что Ногаре уже обдумывал еще более темное дело, нежели дело Бонифация VIII, с которым мы только что ознакомились, [513] ибо, если бы новый Папа не согласился на созыв Собора, "Гийому пришлось бы дать другие рекомендации" для продолжения своей политики.

ГЛАВА XXIII Проекты Климента V

Бертран де Го, принявший имя Климента V, происходил из гасконской семьи и вследствие этого, являлся подданным короля Англии, [*3] которому служил несколько лет, прежде чем стать капелланом папы Целестина V; он едва знал Италию и имел непродолжительный опыт в Курии; и его карьера, и личность ничем не выделялись. Новый Папа был болезненным, постоянно озабоченным своим здоровьем человеком, одновременно слабовольным и упрямым. Он отказался вернуться в Рим и избрал для собственного посвящения Лион, епископский город, где 14 ноября 1305 г. и состоялась церемония. Климент сразу выказал себя весьма благосклонным к французскому королю; из десяти кардиналов, которых он возвел в этот сан в Лионе, пятеро были из его собственной семьи и четверо - из окружения Филиппа: Беранже Фредоль, епископ Безье; Этьен де Сюизи, канцлер с 1302 по 1305 гг.; Пьер де Ла Шапель-Тейфер, епископ Тулузы; и Никола де Фреовиль, доминиканец, в прошлом - исповедник короля. Тем не менее Папа отказался принять Гийома де Ногаре или дать ход делу Бонифация VIII, что поставило Ногаре в крайне незащищенное положение. В марте месяце, ко всеобщему изумлению, Климент перенес Курию в Бордо. [514]

В противоположность своим предшественникам, Климент V искренно заинтересовался Святой Землей. Обстановка в Малой Азии изменилась после побед, одержанных татарами над каирскими султанами, и монгольский хан стремился к союзу с христианами. В Лионе Папа принял послов; они предложили поставить сто тысяч всадников и выделить столько же лошадей для крестоносцев. В связи с этим Климент обратился за советом к магистрам обоих военных орденов, и ответ Жака де Моле должен был найти его в Бордо.

Последний магистр ордена Храма родился около 1244 г. в Раоне, в Юре, и получил свое имя по владению в окрестностях Безансона. В 1265 г. он стал тамплиером и был принят Эмбером де Перо, генеральным смотрителем и дядей Гуго де Перо. Моле служил в Святой Земле под началом Гийома де Боже и в 1294 г. стал великим магистром. Известно, что группа бургундских рыцарей предпочла его Гуго де Перо; в любом случае несправедливо предполагать, что ни тот, ни другой не были бы избраны, если бы орден Храма не лишился

своих лучших рыцарей при осаде Акры.

Жак де Моле, растерявшийся, когда несчастье обрушилось на его орден, говорит о военных вопросах авторитетно и с пониманием. Его донесение должно было составляться с согласия совета, и если некоторые выводы выглядят пессимистичными, то они одновременно и проницательны, и объясняются естественным недоверием к некоторым проектам, которые были созданы при французском дворе и поддержаны Папой. [515] Имелось в виду наступление на Морею (Пелопоннес) и военная кампания по отвоеванию Византийской империи в пользу Карла де Валуа, брата короля, женатого на Екатерине де Куртене, наследнице латинских императоров Константинополя. Отъезд был назначен на май 1307 г., и Папа, поставивший финансовую помощь Карлу де Валуа, втайне надеялся снискать симпатии армян, помогая им в борьбе с мусульманами Сирии. [516] Несомненно, тамплиеры предвидели разгром, который последовал бы за этими недостаточно продуманными проектами; разгром, который, как всегда, поставили бы в вину духовно-рыцарским орденам: этим объясняется тон вступления в послании Моле.

Святой Отец, вы спросили меня, кажется ли мне предпочтительным организовывать большую или малую экспедицию. На это я отвечаю, что маленькая экспедиция ничего бы не стоила при нынешнем состоянии Святой Земли, но обернулась бы к ущербу и стыду христианства, ибо стала бы погубелью для тех, кто принял бы в ней участие. Сейчас христиане не владеют на этой земле ни замком, ни крепостью, где они могли бы укрыться при необходимости. И если войско будет неожиданно атаковано с какой-либо части заморской земли и не будет достаточно мощным, чтобы сразиться с войском султана, оно будет полностью уничтожено.

Мусульманская армия, защищающая Иерусалим, насчитывала, по мнению Моле, от двенадцати до пятнадцати тысяч всадников, более сорока или пятидесяти тысяч лучников; в военных действиях ее поддержала бы армия Египта. Магистр ордена Храма не советовал высаживаться в Армении, стране, которая, со своим "малонадежным населением", казалась опасной, но если пожелают снарядить крупномасштабную экспедицию, он совершенно согласен.

*Item: [*4] должно приказать с этого времени генуэзцам, венецианцам и людям из других морских стран построить корабли и прочие большие суда, способные перевозить лошадей и снадь, и каждый должен начать запастись необходимыми вещами <...>*

Item: я советую использование не галер, но кораблей и других крупных судов, и сие оттого, что они лучше галер и много выгоднее. Ведь один корабль перевозит больше, чем четыре галеры, а одна галера стоит больше, чем три корабля. И флоту не придется сражаться на море, оттого, что у наших врагов мало военных судов и они не осмелятся на нас напасть.

Далее Моле касается контрабанды; европейские страны, говорит он, посылают туркам все для войны, вплоть до "предварительно изготовленных" галер, которые те только собирают и сбивают, а это должно быть строго запрещено. Что касается необходимых военных сил, он оценивал их в двенадцать или пятнадцать тысяч всадников и пешего войска, включая тысячу арбалетчиков. Он ничего не пожелал сказать ни о месте сбора, ни о месте высадки, но предложил устно назвать Папе и королю Франции наилучшие из них.

Item: я советую вам <...> велеть приготовить этой зимой десять галер, которые выйдут в море в начале весны, чтобы защищать остров Кипр и охранять море, чтобы дурные христиане не перевозили больше контрабанду сарацинам. И дабы знать, как эти галеры смогли бы продержаться без отдыха до генерального перехода и как получить средства для их оплаты, я вам объясню, если вам угодно, секретно <...> ибо мой проект не из тех, которые можно было бы записать. Но, как я надеюсь, эти галеры с Божьей помощью принесут столько пользы, что смогут легко удерживать море.

Проект Жака де Моле был не чем иным, как типичной формой войны на Средиземноморье, *course*; [*5] он был разъяснен Клименту устно Умбером Бланом, командором Оверни, и его другом Пьером де Лангром, марсельским судовладельцем. Папа не

колеблясь принял план, увлекшись идеей войны, финансирующей сама себя, не требуя субсидий, которых для различных целей от него добивался каждый.

Из Бордо Климент обратился к командору Оверни и его компаньонам двумя буллами от 13 июня 1306 г., из которых вторая предоставляла тамплиерам долгожданную духовную привилегию:

Мы вам уступаем <...> право избрать скромного священника в качестве исповедника, который сможет нашей властью давать полное отпущение грехов тем, кто принимает участие в вашем походе <...> Тому же священнику мы уступаем <...> власть <...> отпускать грехи тем из людей, кто бы перевозил запрещенные товары в страны язычников, и освобождать их от приговора отлучения, который они навлекли бы на себя ввиду этого <...>, если они будут вас сопровождать в вышеназванные страны и останутся там в соответствии с тем, как вам покажется добрым располагать ими. [517]

С первых дней существования своего ордена тамплиеры, которых интересовала участь отлученных, разыскивали и собирали рыцарей, изгнанных из Церкви. Но Святой престол всегда отказывал им в высшей привилегии - даровать отпущение грехов отлученному, постучавшемуся в их дверь, при помощи своих капелланов. Эту-то привилегию и включил Климент в длинный список прав и исключительных привилегий ордена Храма: доказательство его уважения и доверия. Но не достаточно ли было этого, чтобы вызвать подозрение, даже зависть инквизиции? Нет ли серьезной причинной связи с тем, что высшая привилегия, предоставленная тамплиерам, оказалась и последней?

В течение 1306 г. Гийом Ногаре сблизился с доминиканцами, и особенно - с верховным инквизитором, Гийомом Парижским, который стал исповедником короля вместо другого доминиканца, Никола де Фреовиля, возвысившегося до багряных облачений кардинала. Ранее Гийом Парижский был исповедником детей Франции [королевских детей], за обучением которых он следил между 1299 и 1301 гг., и эту должность он уступил третьему доминиканцу, отцу Эмберу. [518] В деле Бонифация VIII инквизитор и парижские доминиканцы присоединились к Филиппу, что доминиканцы юга сделать отказались. Гийом де Ногаре, которого считали жертвой, намеченной инквизицией, избежал - говорили, чудесным образом - анафемы; его правоверие никогда не ставилось под сомнение при его жизни, невзирая на посягательство, совершенное в Ананьи. Но его спасение целиком зависело от милости Филиппа, и он изо всех сил старался услужить королю. Союз, который мало-помалу оформился между Гийомом Парижским и Гийомом де Ногаре, был логичен, поскольку один завидовал духовным привилегиям ордена Храма, а второй желал обратить материальные средства ордена на пользу короне.

В течение лета финансы Филиппа Красивого настиг новый кризис. Банкиры короля, семейство Франчези, исчерпали все возможности и находились на грани разорения, и тогда Ногаре осенила идея захватить имущество евреев, поселившихся во Франции, как уже поступили с ломбардцами в 1292 г. Он сам отправился в Тулузу, чтобы наблюдать, как для этого расставляются сети, идея была осуществлена 22 июля. Чиновники короля конфисковали все имущество евреев, оставив тем только незначительные средства для того, чтобы покинуть страну. [519] Из собранных таким образом ценных металлов монетный двор начеканил новые монеты, между тем как объявили переоценку старых. [520] Результатом этого было великое недовольство; в сентябре в Париже разразился бунт, и Филиппу пришлось укрыться в командорстве ордена Храма. Мятеж вскоре подавили, вожаков повесили, но денежный кризис так и не был разрешен. После ломбардцев - евреи, после евреев?..

В апреле 1307 г. в Пуатье Филипп встретился с Папой. Климент все еще отказывался принять Ногаре, но не мог помешать ему сопровождать короля. Чтобы добиться осуждения Бонифация и в связи с этим - собственного оправдания, которым он дорожил, как самой жизнью (что зависела от него), легист противился искусственному продолжению конфликта, и так сильно мешавшего отношениям французского двора и Святого престола: он проделал это с большой ловкостью, яо, несомненно, неожиданная твердость Климента побудила Ногаре взяться за исполнение уже разработанного плана против тамплиеров.

Во время пребывания в Лионе Филипп сообщил Папе о некоторых подозрениях, что он испытывает в отношении ордена Храма; Климент, однако, выразил свое полное недоверие. На последовавшей встрече в Пуатье, во время прощания, когда Папа и король вместе шли через большой дворцовый зал, Филипп вернулся к этой теме, но не сразу и не без смущения. По словам Климента, один из секретарей короля изложил суть дела, но Папа снова счел обвинения невероятными. [521]

Как зародились подобные подозрения? Прежде всего, их распространял некий Эскиус из Флуарака, что в диоцезе Ажен, именовавший себя *слугой французского короля* и игравший роль осведомителя то при арагонском дворе, то при дворе французском.

Именно около 1300 г., в Лериде, в покоях короля Иакова II Арагонского он поделился некоторыми секретами, которые, по его утверждению, выманил у тамплиеров, а именно, что они отрекались от Бога во время своего вступления в орден и поклонялись идолу на своих капитулах. Информатор старался воспользоваться кратковременной ссорой между Иаковом II и магистром Испании и получил от Иакова ответ (иронический?) - "Ежели это будет доказано, я дам вам тысячу ливров ренты и три тысячи ливров из имущества ордена". Выставленный королем Арагонским, Эскиус отправился попытать счастья в Париже подле своего соотечественника Гийома де Ногаре, который тут же понял, какую выгоду он может извлечь из подобного обвинения. [522]

Не вызывает сомнений, что дело тамплиеров, как и дело Бонифация VIII, было возвращено Ногаре: именно он велел разыскать и собрать свидетелей, которые были необходимы, чтобы обосновать *публичную диффамацию* и начать процесс по обвинению в ереси без санкции полномочного обвинителя. Хронист Иоанн Сен-Викторский рассудительно утверждает: "Дело тамплиеров было раскрыто задолго до этого некоторыми командорами и некоторыми людьми, благородными и простолюдинами, которые были тамплиерами и находились в темницах в различных частях королевства, которых Гийом де Ногаре велел собрать как свидетелей и в большой секретности стеречь в темнице Корбей; брат Эмбер, доминиканец и исповедник короля, был их стражем и мог располагать их особами". Не призывает ли нас каноник Сен-Виктора догадаться о его мысли, которую он не может выразить яснее? [523]

Призванный в Курию, чтобы встретить там послов монгольского хана, Жак де Моле прибыл в Пуатье после отъезда Филиппа [524] ; он нашел там большую часть великих бальи ордена. Магистр и его совет уже что-то знали об обвинениях, выдвинутых Филиппом; Папа раскрыл им детали, нелепые, но тревожные. По словам Рамбо де Карона, командора Кипра, именно сам Климент дал знать, что их подозревают в поклонении идолу на тайных капитулах. Папа все еще находил эти обвинения "невероятными и невозможными до такой степени, что они не укладываются у него в голове". Но, по настоянию великих бальи, он решился провести расследование, "дабы оправдать их, если Мы найдем их невиновными, или наказать, если они виноваты". [525] Климент сообщил Филиппу письмом от 24 августа, что он намерен раскрыть имеющиеся сведения, и просил короля передать всех свидетелей, которые были бы доставлены ко французскому двору. К несчастью, Папа добавил, что собирается пройти некое лечение в течение сентября, что помешает ему принять королевских послов раньше середины октября. Таким образом, он дал понять Ногаре, что готов начать расследование, но только через шесть или восемь недель. Легист, в свою очередь, постарался ускорить свои приготовления.

14 сентября в Понтуазе Ногаре написал от имени короля и велел разослать секретные послания, адресованные избранным агентам по всему королевству, сенешалям, бальи, прево и особенно новым *missi dominici*, [государевым посланцам (*лат*)] рыцарям короля. По словам хрониста Амори Оже, эти инструкции были заключены в двойные конверты и должны были распечататься только в назначенный день и час. [526]

В уже знакомых выражениях легист представил мрачайшую картину преступлений тамплиеров, как если бы преступления эти были уже доказаны:

Прискорбное дело, горестное дело, отвратительное дело, гнусное преступление, отвратительное злодеяние, омерзительный поступок, ужасный позор, нечеловеческий проступок достиг нашего слуха благодаря чистосердечию многих лиц, ввергнув нас в великое

оцепенение и заставив трепетать от ужаса <...> [527]

Очищенные от испущенной риторики Ногаре, четыре главы обвинения повторяют одно и то же в отношении церемонии принятия новых братьев на секретных капитулах. Командоры ордена Храма заставляли вступающих отречься от Бога и плевать на крест при произнесении своих обетов; они принуждали их к неким непристойным и кощунственным действиям, облачая в одеяние ордена Храма; они предавались содомии и приказывали новым братьям заниматься тем же.

Крайне сходные обвинения уже сослужили службу против Бернара Сессе и Бонифация VIII, но на этот раз Ногаре собирался получить компрометирующие свидетельства с помощью инквизиторов. Неделей позже Гийом Парижский отправил провинциальным инквизиторам письмо, списанное с текста Ногаре, где с точностью повторил уже сформулированные поручения и разъяснения, переданные королевским чиновникам, и к этим поручениям верховный инквизитор сделал некоторые уточнения. "У нас нет намерения вести судебное дело против ордена Храма и против всех братьев вместе, нам нужно только проверить подозреваемых лиц", - говорит он; инквизиторы должны были допрашивать подозреваемых, которых им представляли бы люди короля, и производить расследование по поводу справедливости обвинений делегированной им апостольской властью.

И если вы найдете эти обвинения правдивыми, позаботьтесь проинформировать об этом порядочных монахов, не с тем, чтобы дело сие стало предметом скандала у них или в народе, но скорее с целью поучения. И не медлите с отправкой показаний свидетелей к королю и к нам самим, с вашими печатями и печатями людей короля, специальноназначенных для этого расследования. [528]

Различие между тоном послания Ногаре и послания верховного инквизитора объясняется трудностями, которые инквизитор должен был устранить. Папа, провозглашая намерение начать расследование, отобрал дело у всякого низшего трибунала; чтобы оправдать свой демарш, Гийом Парижский ссылаясь на передачу инквизиции чрезвычайных полномочий. С другой стороны, тамплиеры - по существовавшему порядку - подчинялись только своим собственным капелланам и лишь затем - Святому престолу: орден не должен был повиноваться ни одному приказанию Курии, по крайней мере - поименному вызову в суд. [529]

В конце сентября Жак де Моле возвратился в Париж, где имел беседу с Филиппом Красивым. Король задал ему несколько вопросов о том, как тамплиеры "проводят капитул", ибо "говорили, что магистр, хотя и мирянин, давал отпущение грехов братьям ордена". Как видно из статута, капитулы заканчивались формулой прощения, что относилось исключительно к проступкам против устава и освященных временем обычаев: непослушанию, небрежности, растрате средств общины, препирательству или простым вспышкам дурного настроения. Моле пришлось согласиться, так как, не имея возможности поддерживать полное соблюдение устава, некогда столь свято почитаемого, он сам изменил формулу прощения и произносил: "Я прощаю вам ошибки, в которых вы мне не исповедались из плотского стыда или из страха правосудия Дома <...>". Это было двусмысленное отпущение, которое могло быть дурно истолковано и которое указывает на слабость характера последнего магистра. [530]

Воспользовался ли Жак де Моле этим случаем, чтобы объяснить королю, в чем состояла церемония принятия в орден Храма? Церемония - простая и строгая, когда вступающий трижды просил *хлеб, воду и одеяние Дома*, и трижды отвечал на вопросы, которые ему задавали. В ордене не было новициата (срока послушничества), новый брат получал свою должность и приступал к службе немедленно. Потом его дважды подвергали строгому допросу, в связи с необходимостью быть готовым к самопожертвованию в крестовых походах: не оставил ли он законной супруги? Не был ли он беглым монахом? Не старался ли он ускользнуть от кредиторов? Не страдал ли он какой-либо тайной болезнью? Если ответы казались удовлетворительными, его заставляли клясться на Евангелии и говорить правду, а принимавший командор задавал те же вопросы в третий и последний раз, после чего кандидат уже не мог больше отступить.

Именно здесь следует искать причину тайны, которой тамплиеры окружали прием в свой

орден. Со свойственным им здравомыслием они понимали, что единственный способ узнать правду на этом допросе - уверить вступающего в секретности, сравнимой с тайной исповеди, а поэтому посторонних удаляли с церемонии, в которой не было ничего показного.

Если его просьба была благосклонно принята, вступающему оставалось только произнести три монашеских обета - послушания, целомудрия и нестяжания, сопровождаемых четырьмя другими, относящимися к состоянию монаха-воина, получить у командора плащ ордена и поцеловать его за радушный прием, пока капеллан читал псалом *Ecce quia bonum*. [*6] Некоторые братья помогали вновь принятому сменить его мирскую одежду на монашескую, потом его уводили из капитула, командор повелевал ему сесть у себя в ногах и давал первые наставления, относящиеся к новым обязанностям. Это назидание должно было начинаться следующими словами:

Дорогой брат, Господь вас привел к [исполнению] вашего желания и поместил вас в сие прекрасное общество, каковым является рыцарство ордена Храма, а посему вы должны очень остерегаться, чтобы не совершить ничего, из-за чего вам придется его потерять, от чего храни вас Бог <...>

В заключение командор должен был еще раз предупредить: "Итак, мы сказали вам вещи, которые вы должны делать, и вещи, которых вы должны избегать <...> и еще мы не сказали все, что должны, но вы будете спрашивать сие - и Бог позволит вам хорошо говорить и хорошо поступать. Аминь".

После этого нового тамплиера передавали друзьям, которые ожидали его во дворе, и если церемония происходила утром после мессы, его приглашали завтракать в трапезную в обществе братьев командорства. [531]

ГЛАВА XXIV Инквизиция и кардиналы

Гийом де Ногаре принял должность хранителя королевской печати 22 сентября 1307 г. в монастыре Мобюиссон. 12 октября Жак де Моле со всем двором присутствовал на похоронах Екатерины де Куртене, супруги Карла де Валуа. Ранним утром 13-го октября сенешали, бальи и прево короля приступили к аресту всех тамплиеров королевства и к захвату имущества ордена согласно уже полученным секретным инструкциям.

В Париже Гийом де Ногаре и Рено де Руа, королевский казначей, с людьми Парижского судебного округа без труда завладели командорством ордена Храма и нашли Жака де Моле еще в постели. Они арестовали всех братьев в резиденции; одних сторожили в их собственном командорстве, других - в Лувре. В тот же день Филипп IV обосновался в Тампле, где вступил во владение не только королевской казной, но и средствами ордена Храма, которые там накапливались в ожидании нового крестового похода. Средства эти состояли частично из доходов всех командорств Франции и исчезли бесследно: определить их объем невозможно даже приблизительно, Филипп никому не дал в них отчета.

Материалы, относящиеся к тамплиерам, предполагали двойное расследование, которое сначала велось людьми короля, потом - инквизиторами. Узников поместили раздельно, приставив надежную охрану, и должны были подвергнуть пытке, если они не сознаются.

К ним обратятся с увещеваниями относительно догматов и скажут, что Папе и королю известно от многочисленных свидетелей, достойных веры членов ордена, об их ошибках и презренных поступках, коими они выказали себя виновными в своем занятии, и обещано им прощение, если они чистосердечно покаются <...> иначе же будут осуждены на смерть. [532]

В обвинительном акте, составленном Ногаре, имеется два новых обвинения: говорилось, что капелланы не освящают гостию по канонам мессы и что *великий магистр и старейшины* поклонялись идолу в форме головы бородатого человека. Однако инквизиторам пришлось признать третье из четырех главных обвинений слишком смехотворным в его первоначальной форме, ибо тамплиеры обвинялись в том, что давали, а не получали непристойные поцелуи во время приема новичков в орден.

Несмотря на солидный объем досье, в нем обнаруживаются только отрывочные сведения; в границах Франции XIV в. существовало пять или шесть командорств ордена Храма [533]; их численный состав оценивали в четыре тысячи тамплиеров, возможно, слишком завышая его. Но число обвиняемых, о которых становится известно в ходе допросов по делу, где они свидетельствовали, не превышает тысячи. [534] Что касается остальных, то мы о них ничего не знаем; они могли сознаться или все отрицать, спастись или умереть в темнице, - их признания, заpiresательства, даже их судьба ускользают от нас. Напротив, бесспорно, большинство великих балы, задержанных во Франции, признались; однако двое из них - Жерар де Виллье, командор Франции в 1307 г. (*preceptor firmiter* [бесценно начальствующий (*лат.*)], как говорят о нем), и Бернар де Ла Рока, командор Прованса, вероятно, сопротивлялись до конца, поэтому мы и не обнаруживаем больше, чтобы о них говорили. Командор Оверни Умбер Блан сумел скрыться, возможно, благодаря своим друзьям, судовладельцам из Марселя.

19 октября Гийом Парижский в нижнем зале Тампля взялся за дело; он велел предстать перед судом схваченным тамплиерам, которых называли не "обвиняемыми", а "свидетелями, поклявшимися говорить правду о себе и других" по формуле, используемой при монастырских расследованиях. С ошеломляющей быстротой инквизитор добился от них признания, в которых гнусность соперничает с абсурдом. Свидетельские показания были записаны нотариусами и скреплены подписью четырех или пяти свидетелей, приглашенных специально. Гийом Парижский велел присутствовать вместе с ним двум помощникам; их оружием были пытки, угрозы и обещания, а особенно убежденность узников, что они никогда не обретут свободу, кроме как путем абсолютного подчинения.

Предмет инквизиции, - писал инквизитор Бернар Ги в 1321 г., - заключается в уничтожении ересей, что может быть достигнуто только путем уничтожения еретиков; есть два способа добиться этого <...> либо они обратятся к истине католической веры, либо они будут переданы светскому правосудию и сожжены телесно <...> [535]

24 октября, после одиннадцати дней заточения, магистр ордена Храма сделал два признания, касающиеся отречения и плевков; он отверг прочие обвинения, но сказал, "что думает, что по отношению к нему делалось все то же, что и по отношению к другим". "Что касается меня, - добавил он, - то я давал плащ малому числу вступающих; но в этом случае я приказывал некоторым братьям отдельно руководить ими и поступать с ними так, как должно, и посредством этого я хотел показать, что мне [положено] и предписано делать".

Кажется, Жака де Моле не подвергали пыткам. В случае с магистром "непосредственные признания" представляли главную ценность, и сам Моле никогда не говорил, что пошел на уступки под пыткой. Надежда обрести свободу, поддержка Папы - единственное, что может объяснить его двойную исповедь; ибо в тот же день, давая свидетельские показания перед инквизитором, магистр повторил свои показания и перед публикой, состоящей из священников и магистров теологии, собранных в парижском Тампле. Но эта исповедь, быть может, решила участь его ордена, и хотя потом де Моле отрекался от своих показаний, ничто не смогло уничтожить эффект, ими произведенный. [536]

Поскольку форма признаний была установлена заранее, неудивительно, что данные показаний совпадают. Но говоря об идолопоклонстве, палачи и жертвы в одинаковой мере утратили почву; было ясно, что никто не понимал, о чем идет речь. Идол тамплиеров - прототипом которого, возможно, был обычный реликварий - хранилище каких-либо мощей - принимает все более фантастические формы: голова человека, бородатого или безбородого, молодого или старого, с двумя или четырьмя лицами, стоящего на четвереньках; с телом человека, кошки, свиньи и т. д. Несчастный сержант из Монпеза повинился в поклонении "бафометову обличию", создавшему самый черный миф тамплиерского обвинения. Сержант говорил на языке ок (южнофранцузском) и хотел сказать о "магометанском изображении"; в итоге получилась чепуха, тогда как "Бафомет" является всего лишь провансальской деформацией имени пророка Магомета. [537]

Напротив, от начала и до конца протоколов допросов каждый тамплиер заверяет, что он мог говорить богопротивное устами, но не сердцем, что плевал на землю, а не на Крест, что он

добрый христианин и верит, что и его братья таковы же. Все они признают церковные таинства; ни один не получал секретных наставлений. Ногаре изменял и мало-помалу усиливал свои обвинения, добавив содомию и черную магию к ереси, в которой обвинял Бонифация VIII. Идол, казавшийся поначалу обычной риторической фигурой, - "они променяли свою славу на золотого тельца и приносили жертву идолам", - становится центром культа, подобного шабашам ведьм. Но тут уже инквизиторы не последовали за Ногаре. Четыре главных пункта обвинения, сформулированные изначально, остались единственными, которые за ними числились. [538] Из того, что инквизиция отказалась вменить в вину тамплиерам какую-либо определенную ересь, предполагаемое их отступничество предстает бессмысленным, абсурдным в прямом смысле слова: они произносят заведомо ложное отречение от Бога и, плача, плюют на Крест, который протягивает им стонающий командор. Так или иначе, ни один свидетель не выглядит исповедующим иную веру, не обнаружено даже следов тайной доктрины. Под конец те, кто восходит на костер, умирают, провозглашая свою веру в Бога.

Тем не менее совокупность обвинений включала существенный аспект: существование упрощенной исповеди, возлагавшей ответственность то на орден в целом, то на командоров, которые председательствовали на церемонии вступления в орден, что наполовину извиняло запуганных вступающих, - то на умерших, поскольку факты, о которых расспрашивали узников, восходили ко времени двадцати- или тридцатилетней давности. Одним ударом узаконивали упразднение ордена Храма, представив его полностью развращенным, а потому неисправимым и должным исчезнуть.

Однако чем дальше по времени отстояли подобные извращения, тем более невероятными они казались, поскольку вменить их требовалось таким людям, как Амальрику де Ла Рошу, известному своей набожностью и порядочностью, другу и слуге Людовика Святого и папы Урбана IV; или такому осмотрительному, пользовавшемуся весьма высокой репутацией дипломату, каким был Ронслен де Фос. Можно также обратить внимание на тот факт, что Гийом де Боже провел на Западе два года после своего избрания в 1272 г. и посетил все командорства Франции, Испании и Англии. Никто во время процесса не посмел посягнуть на его память. Если приписываемая тамплиерам практика действительно распространилась во Франции, разве не нашлось бы кого-нибудь, чтобы покаяться или пожаловаться ему на нее? Секрет капитула не имел силы перед магистром, который на одном капитуле мог заставить говорить о том, что было сказано или проделано на другом, и даже пользовавшимся правом действовать, вовсе не советуясь с капитулом, согласно мнению своего совета.

К концу ноября великий инквизитор опросил сто сорок тамплиеров, - как рыцарей, так и сержантов, - из которых сто тридцать четыре признались по двум, трем или четырем главным пунктам обвинения. Среди тех, кто видел идола или поклонялся ему, - Гуго де Перо, признание которого, датированное 9 ноября, распространяется почти на все обвинения вплоть до самых гнусных. Смотритель сознался другу, встреченному в Курии в начале октября, "что орден Храма был обвинен в некоторых вещах перед Папой и королем, а что до него, то он очень хочет спасти собственную жизнь, если сможет". [539]

В это время во всех бальяжах и сенешальствах королевства подобными допросами занимались сборные комиссии, составленные из братьев-доминиканцев и рыцарей или сержантов короля. Известно совсем немного подробностей, а протоколы касаются лишь небольшого числа тамплиеров; донесения отправили Ногаре его друзья, которые поторопились сообщить ему о первых результатах. Следует помнить, что до настоящего времени дошли только признания; за небольшим исключением только их и записывали. Однако известно, что были и сопротивлявшиеся: те, кто до конца отказывался предать свой орден; те, кто, рискуя жизнью, отказывался от признаний; те, кто повесился в темнице из страха уступить под пыткой, и много других, умерших от мучений и истощения, лишенных церковного предсмертного покаяния - тридцать шесть тамплиеров скончались в Париже от пыток.

Папа узнал о происходившем только после ареста в Курии Гуго де Перо; Филипп Красивый не потрудился проинформировать об этом официально Климента V, и Папа колебался до 27 октября, прежде чем написать королю. Тогда он сделал это в тоне сурового

упрека, однако жесткость письма была сведена на нет выбором послов, - кардиналов Этьена де Сюизи и Беранже Фредоля, известных привязанностью к королю. Последующие переговоры будут идти через них.

Падение Моле и других великих бальи полностью изменило позицию папы Климента. 27 ноября он обнарудовал буллу "Pastoralis praeeminentiae" [540], которой повелевал арестовать тамплиеров и завладеть их имуществом во всех странах, где был учрежден орден; в преамбулу принимались и включались объяснения, предоставленные Филиппом относительно первопричины процесса. Но Папа в полной мере заблуждался насчет последствий: булла отдавала орден и его имущество на растерзание светских властей и пробуждала алчность всех, кто надеялся принять участие в дележе добычи.

Едва только король и его уполномоченные поняли, что стали хранителями и управляющими имуществом ордена Храма со всеми возможностями грабежа, дело тамплиеров, - будь они невинны или виновны, - стало неизбежно проиграно. Возможно, именно натиск своры на раненое животное заставил Климента V осознать серьезность собственной ошибки. В начале декабря он направляет в Париж двух кардиналов, чтобы разъяснить королю, что тамплиеров, как монахов, следует передать под охрану духовных лиц. Филипп не испытал никаких затруднений: он передал узников в руки Беранже Фредоля и Этьена де Сюизи, но эта целиком символическая передача ничего не изменила в их участи. Узников распределили между парижским Тамплем, замком Корбей, замком Море-сюр-Луэн и прочими укрепленными местами. Перевести тамплиеров в новые места заключения не было трудно... Однако присутствие кардиналов в Париже несколько обнадеживало обвиняемых: Моле и Перо отказались от своих признаний, и, возможно, по этому случаю магистру удалось передать некоторым заключенным воощенные дощечки, на которых он нацарапал несколько слов, заклиная братьев вернуться к первоначальным показаниям, когда король и кардиналы будут обходить их темницы. Но этим поступком Моле только предоставил более действенную инициативу инквизиторам, ибо всякий еретик, отказывающийся от своих признаний, попадал в категорию *relaps* [человека, вновь впавшего в ересь] и рисковал быть осужденным на костер. Жестокость и ирония участи, выпавшей тамплиерам, заключалась в том, что *relaps*, не признавая себя нераскаившимся еретиком, протестовал, утверждая, что никогда не отпадал от истинной веры.

Протесты, отстаивающие невинность рыцарей, бесцеремонность короля Филиппа и скептицизм некоторых кардиналов, снова склонили чашу весов в пользу тамплиеров. В течение февраля 1308 г. Климент отменил полномочия инквизитора и передал дело в Курию. [541]

К концу 1307 г. Гийом де Ногаре мог поздравить себя с успехом, превзошедшим его ожидания, и поворот Климента, вне сомнений, принес ему горькое разочарование. Легист понял, что следует искать новое оружие; он воззвал к Сорбонне, предложив докторам теологии два вопросника, дабы доказать, что король имел право вести процесс против тамплиеров - своих подданных и мирян; и стало быть, имущество ордена должно оставаться под его присмотром, будучи предназначенным *на нужды Святой Церкви*. Несколькими колкими и жесткими штрихами Ногаре описывает тревогу и колебания Жака де Моле:

Магистр сделал первое публичное признание, а потом сказал, что сделал его из страха перед пытками, а затем - что первое признание было правдивым <...> Сначала, горюя из-за плотского стыда, он умолял, чтобы ему учинили допрос, дабы его братья не сказали, что он их добровольно погубил: ему ответили, что были свидетели, публично показавшие против него, и ввиду этого его не подвергли пытке. Он не подавал никаких признаков страха. [542]

Что касается Гуго де Перо (который пошел много дальше Моле в своих свидетельских показаниях), то не был ли он обвинен в том, что заполучил более тысячи соискателей посредством кощунственного ритуала? В этих обстоятельствах, вопрошал Ногаре, следует ли считаться с их отпирательствами? Можно ли предположить, что тамплиеры невинновны? Таким образом, канцлер отвечал на все вопросы, которые задавал, посредством логической ошибки, что указывала, в каком смысле должны высказываться доктора. Но последние в своих ответах были весьма сдержанны и явно смущены навязанной им ролью арбитров.

Ногаре и его коллеги решили в конце концов пренебречь этим и воззвать к Генеральным

штатам, как поступил ранее Пьер Флотт, чтобы обрести поддержку против Бонифация VIII. Между 24 и 29 марта были разосланы приглашения духовенству, вассалам короны и каждому городу, где имелись ярмарка и рынок. Для пушей действенности одновременно были посланы строгие инструкции королевским чиновникам, которых обязывали следить, чтобы приглашения достигли цели.

Согласно ответам, представленным духовенством, знатью и народом. Генеральные штаты, собравшиеся в Туре, почти исключительно состояли из прокуроров, предназначенных исполнять приказы короля и защищать "перед всеми и против всех" интересы лиц, их назначивших. Их не уполномочивали судить тамплиеров, поскольку прокуроры не могли действовать, превышая свои права, долг и компетенцию. Этим можно объяснить податливость, если не равнодушие, ассамблеи по отношению к уже опозоренному и поставленному вне общества ордену. Почти все делегаты были готовы заявить, что тамплиеры виновны и заслуживают смерти. Но когда Филипп снова спросил парижских теологов, какой процедуре нужно следовать, последние смогли только снова сказать, что процесс относится к ведению Церкви. Ногаре и Плезиан ждали этого и приготовились к решающей схватке с Климентом V. [543]

Из Тура Филипп и его двор отправились в Пуатье, где 29 мая на публичном собрании в "королевском зале" дворца состоялась настоящая репетиция схватки между королем и Папой. Поскольку Климент все еще отказывался принимать Ногаре, тот велел заменить себя Гийомом Плезианом, который поднялся на нечто вроде помоста и оттуда от имени короля произнес резкую обвинительную речь, предварительно составленную легистами. [544]

Иисус еще не одерживал над врагами Своей Церкви и истинной веры такой необыкновенной победы - столь же восхитительной, великой и быстрой, сколь и полезной, необходимой, как Он недавно это сделал <...>, чудесным образом обнаружив ересь коварных тамплиеров!

Легист говорил по-французски, а не на латыни, что указывает, какой публике (исключая слушателей духовного звания) он адресовался, и также - на политический характер его пространной проповеди. К этой победе он приобщил короля Франции и народ его королевства, донесших Папе о мерзостях ордена Храма; и, понизив тон, добавил к заранее подготовленному тексту грубое заключение:

Итак, Святой Отец, поелику король, бароны и весь народ этого королевства просят, чтобы это дело было закончено быстро, пусть будет вам угодно как можно раньше поставить в нем точку. В противном случае нам придется говорить с вами на другом языке!

Два духовных лица, архиепископы Нарбонны и Буржа, выразили подобные же чувства, хотя и более вежливым по отношению к Папе образом, и именно тогда, когда Климент V, несмотря на врожденную застенчивость, взял слово, его выражения доказывают, что он понимал маневры короля. Климент объяснил, что до восшествия на Святой престол он не уделял много внимания тамплиерам, но впоследствии знал и любил многих из них, как и орден в целом, поскольку считал их благими мужами. Однако если они и впрямь таковы, как их представляют, то возненавидит их и будет вести судебное разбирательство против них таким образом, какой был бы к чести Божией. В заключение Папа пообещал как от себя, так и от имени своих кардиналов решать дело "не затягивая, но и без спешки и достойным Церкви образом".

К концу следующего месяца Плезиан представил Папе семьдесят два тамплиера, желающих, - сказал он, - дать показания о *разложении* ордена. Вероятно, речь шла об узниках, содержащихся в течение предшествующего года в замке Корбей под наблюдением инквизитора отца Эмбера. Климент, следуя собственным заявлениям, решил допросить их сам, однако известно, что он все переложил на четырех кардиналов: Беранже Фредоля и Этьена де Сюизи, которые длительное время были приближенными короля, Пьетро Колонну, со времени Ананьи тесно связанного с Ногаре, и такую бесцветную личность, как Ландульфо Бранкаччо. Если Папа старался провести серьезное расследование, то худших заседателей выбрать было трудно; однако его выбор следует истолковать как новую уступку легистам, причастным к делу

Бонифация VIII. [545] В Пуатье рассказывали, "что Филипп хочет повелеть выкопать и сжечь кости усопшего Папы", а в Курии было достаточно "бонифацианцев", чтобы влиять на решения Климента. Пожертвовать тамплиерами казалось меньшим злом - и Святой престол ими пожертвовал.

5 июля Климент вернул полномочия верховному инквизитору; эта уступка, по его собственному признанию, была для него очень тягостна и казалась противоречащей его чести. [546] Он поставил два условия: чтобы тот призвал ко Святому престолу магистра ордена Храма, генерального смотрителя и командоров Франции, Кипра, Нормандии, Аквитании и Прованса и чтобы расследование по делу ордена Храма было предпринято папской комиссией, выбор членов которой Климент оставлял за собой. Рядовых тамплиеров он предал суду епархиальных комиссий, составленных из двух кафедральных каноников, двух братьев-францисканцев, двух братьев-доминиканцев и инквизиторов, имевших право присоединиться к комиссии по своему усмотрению.

Обычно подчеркивают бесспорное - что тамплиеры предстали только перед церковными судами, но тогда к этому следовало бы добавить, что это всегда были чрезвычайные суды. Для обвиняемых было бы естественным предстать перед епископским судом своего диоцеза; но старинные привилегии приводили в Курию всякое дело, касаемое до ордена Храма, и таким образом отменяли полномочия епископата. Когда Климент учредил специальные комиссии, к которым имели доступ инквизиторы, он одновременно лишил тамплиеров и гарантий, предоставляемых обычной судебной процедурой, и тех судебных процедур, которые сопутствовали процессу в Курии.

Начиная с ареста тамплиеров и до приговора, вынесенного на Вьенском Соборе, закрывшем дело ордена, обвиняемые избежали участия инквизиции только с февраля по июнь 1308 г. - период, когда Папа тщетно пытался взять расследование в свои руки.

20 июля Филипп покинул Пуатье, оставив там Ногаре, Плезиана и архиепископа Нарбоннского. Это несколько не улучшило положение Климента, ибо Плезиан и Жиль Эйслен беспрестанно изводили его как делом тамплиеров, так и делом Бонифация VIII. Старый враг Бонифация, Никколо Орсини, разыскивал в Риме свидетелей обвинения, готовых представить более или менее правдоподобные, а прежде всего - скабрзные свидетельства об усопшем Папе. И Климент, мучимый тревогой, чувствующий, что его предали собственные кардиналы, начинал опасаться за свою личную безопасность. Тем не менее он попытался сделать последнее усилие в пользу ордена Храма; сохранив за собой право лично судить магистра и его великих балы, Климент потребовал их присутствия в Пуатье. Для обоих легистов стало важным воспрепятствовать подобной очной ставке, не показав вида, что отказывают в столь законной просьбе. Жак де Моле, Гуго де Перо, Жоффруа де Шарне, командор Нормандии, Жоффруа де Гонвиль, командор Аквитании и командор Кипра Рембо де Карон покинули Париж под надзором королевского сержанта Жана де Жанвиля. Климент вызвал также командоров Франции и Прованса; их не доставили, несомненно, оттого, что они были среди "упорствующих", которые ни в чем не сознались.

Под предлогом сильной усталости или болезни некоторых сановников ордена конвой остановился в Шиноне. Для тамплиеров, надеявшихся на Климента, было настоящей пыткой видеть грубую демонстрацию, что власть Папы не выходит за границы Курии. Запуганный, опустошенный, опасющийся попасть в ловушку, Папа довольствовался тем, что послал к рыцарям трех кардиналов - все тех же - с полномочиями выслушать обвиняемых и отпустить им грехи. Кажется, именно в этот момент Климент прекратил борьбу и отказался лично допрашивать тех, кого оставлял для своего суда; побежденный и униженный, он, возможно, почувствовал постыдное облегчение, когда умыл руки. Он покинул Пуатье 13 августа и остановился в Лузиньяне, чтобы дожидаться троих кардиналов, отправившихся 14 августа в Шинон.

Здесь мы подходим к одному из самых таинственных событий всего дела, ибо, несмотря на отчет, представленный Фредодем и его коллегами, и дату - 20 августа, мы почти совершенно не знаем, что же произошло во время пребывания папских посланцев в замке, за исключением

того, что, возможно, Ногаре и Плезиан там уже находились к тому моменту. [547] Присутствие королевских легистов проливает новый жестокий свет на возобновившиеся признания пяти тамплиеров, покинувших Париж в надежде быть выслушанными лично Климентом. Прибытие кардиналов, даже с поручением от Папы произвести определенное расследование, не принесло им никакой действенной помощи. Какой путь к спасению оставался им? Отказаться от своих признаний и снова отдаться во власть верховного инквизитора, который мог наложить печать молчания на все их протесты? Подчиниться призывам Церкви, надеясь на отпущение грехов и освобождение? И вновь они избрали покорность.

Впрочем, возможно, роковая роль Ногаре и Плезиана по отношению к ним полностью и не проявилась бы, предложи канцлер компромисс: пусть великие бальи подтверждают свои признания; пусть кардиналы даруют им отпущение грехов и ходатайствуют перед королем об их прощении. Ногаре и Плезиан в этих условиях выступили бы гарантами королевского милосердия; кардиналы приняли бы это решение с облегчением; магистр и его соратники, видя, как тронуты кардиналы, уступили бы - чему послужит мужество "упорствующих", если их протесты канут в небытие? Конечно, предварительные обсуждения были, так как трое кардиналов, прибывших в Шинон 14 августа, начали официальные допросы только в четверг 17 августа, заставив предстать перед судом командора Кипра. Он сознался по двум статьям - отречение и плевки на крест; затем последовал командор Нормандии Жоффруа де Шарне, который молча отрекся от большей части своих признаний, оставив только признание в отречении. Жоффруа де Гонвиль, командор Аквитании, сопротивлялся в течение дня и пытался оправдаться полностью. Гуго де Перо был вызван в воскресенье утром, а Жак де Моле - вечером; оба попросили дать им время на размышление до следующего дня, но в понедельник Перо повторил свое признание в первоначальной форме, и Моле поступил так же.

Кардиналы составили донесения 20 августа, после восьмидневного пребывания; они похвалили покорность магистра, генерального смотрителя и командора Кипра, что дает возможность предположить, что два других командора обнаружили большую решительность; на самом деле от них добились лишь полупризнания. Экземпляр отчета, подписанный "Г. и Г." (Гийом де Ногаре и Гийом де Плезиан), был доставлен Жаном Жанвилем королю, и кардиналы присоединились к Курии, где Папа незамедлительно обнародовал буллу "Faciens misericordiam". [548]

Этой буллой учреждалась комиссия, возглавляемая архиепископом Нарбоннским, для сбора свидетельств обвинения или оправдания ордена Храма, рассматриваемого по существу как монашеский, и для подготовки процесса (уже не процесса над отдельными тамплиерами); рассмотрение должно было состояться на Соборе во Вьенне в октябре 1310 г. Таким образом, Климент предоставлял последний шанс обвиняемым заставить себя услышать, но подавая одну руку, он отнимал другую, излагая историю дела в выражениях, явно приемлемых для короля и оставлявших лишь немногие сомнения в виновности ордена Храма. Булла, датированная 12 августа, была подготовлена в форме черного наброска, когда Курия еще пребывала в Пуатье, а отрывок, относящийся к расследованию в Шиноне, был добавлен по возвращении кардиналов, но до того, как булла была окончательно переписана.

Одновременно, допуская возможность полного оправдательного приговора, Климент постановил, чтобы имущество ордена было предоставлено для защиты Святой Земли; легкость, с которой Филипп принял это решение, зачастую расценивается как доказательство его незаинтересованности. Но в 1308 г. в окружении Филиппа снова заговорили о крестовом походе и предлагали выкупить у соперничающих претендентов - кипрских Лузиньянов и неаполитанских Анжуйцев - их предполагаемые права на иерусалимскую корону, дабы в будущем создать апанаж [*7] для младшего сына короля Франции; впоследствии предлагали основать новый духовно-рыцарский орден, магистра которого всегда бы избирали из французской королевской семьи, передав ему нетронутое имущество тамплиеров. [549]

Для канцлера переговоры в Пуатье являлись полуудачей в деле Бонифация VIII, поскольку Папа согласился начать расследование в Авиньоне только следующей зимой, и почти полным успехом в деле тамплиеров. Плезиан заставил Климента принять перечень

собранных Ногаре обвинений, бремя много более тяжкое, чем все, что до сих пор было сформулировано против ордена Храма; отныне папским уполномоченным поручалось руководить расследованием во всех христианских странах, где орден владел командорствами.

Из-за задержки, в которой обоюдно ответственны и король, и Папа, епархиальные комиссии начали заседать только в следующем, 1309, году. Почти год томились тамплиеры в застенках, многие умерли в темницах, лишённые отпущения грехов и церковных обрядов; другие, по собственным словам Климента, "поддались отчаянию и отказались от своих мнений". И если иные, чтобы получать огонь, свечу, более обильную пищу долгой и суровой зимой, подчинились требованиям тюремщиков, можно ли этому удивляться?

Другая булла, обнародованная 30 декабря 1308 г., во время пребывания Климента в Тулузе, предавала отлучению всех, "какого бы положения они ни были <...>, не исключая епископского преосвященства", кто помогал тамплиерам советом или поддержкой. Это было весьма ясное обращение к епископам, в чьих руках оказалась бы участь рыцарей Храма. Для Климента орден Храма стал раненым животным, которое не хочет умирать и которое следует добить.

Тот же набат для тех, кто хотел его услышать, недавно отзвучал в виде процесса Гишара, епископа Труа, начавшегося в августе 1308 г. [550] Гишар, родом из скромной семьи в окрестностях Труа, сделал карьеру в Церкви и стал поверенным и доверенным человеком вдовствующей королевы Наваррской Бланки д'Артуа и ее дочери Жанны Шампанской, супруги Филиппа Красивого; благодаря ей Гишар был назначен епископом Труа в 1298 г. Два года спустя его обвинили два доносчика - один из них был шпионом Ногаре - в соучастии в темном деле о растратах доходов вдовствующей королевы; смерть последней в 1302 г. спасла Гишара от преследований, и он вернул королеве Франции сорок тысяч ливров в возмещение ущерба. Но Жанна Шампанская никогда не простила епископа, и когда она в апреле 1305 г. скоропостижно скончалась, возможно, он плохо скрыл, сколь малое сожаление он испытывает по этому поводу. Это был человек гордый и вспыльчивый, с трудом переносивший немилость.

Папа объявил Гишара невиновным в возведенных на него обвинениях, что, казалось, закрыло дело. Но в августе 1308 г., в момент, когда Климент доверил судьбу тамплиеров епископату, епископ Труа был обвинен в более тяжком преступлении - в том, что явился причиной смерти королевы, наведя на нее порчу. Главным обвинителем стал обитавший в лесу близ Труа отшельник, который утверждал, что Гишар однажды вечером пришел в его пустыньку, сопровождаемый монахом братии св. Иакова, своим "наставником в магии", и вместе они изготовили восковую куклу, которую окрестили Жанной, потом разломали ее, прокалывая булавами тело - что должно было повлечь смерть королевы Франции, ибо епископ не скрывал личности своей жертвы. Он облегчил свою совесть три года спустя после смерти Жанны Шампанской перед бальи Санса. Поскольку было признано, что светский суд не может судить духовное лицо, бальи велел архиепископу Санскому задержать епископа и сам выступил *зачинщиком* [истцом] в деле. Предположительно Гийом де Ногаре непосредственно не вмешивался в процесс Гишара, но в материалах имя его писца появляется неоднократно, как и имя его осведомителя, флорентийца Ноффо Деи, сыгравшего в этом деле ту же роль, что и Эскиус из Флуарака в деле ордена Храма.

Когда 7 октября в присутствии архиепископа Санского и двух других епископов - все ставленники короля - начался процесс, Гишар так энергично защищался, что Курия отложила дело; после перерыва обвинители представили два списка новых обвинений, из которых один подлежал ведению Гийома де Ногаре.

Воображение королевских писцов поработало, - пишет Абель Риго, историк Гишара, - второе обвинение было, возможно, более тяжким и серьезным, чем первое <...> и теперь оно давило на епископа чудовищным грузом, странным образом вобрав в себя самые разные жалобы. Это была бесформенная груда, в которой, однако, чувствуется порядок, наведенный умелой рукой-творение изворотливого ума, пера и души тех легистов, которые теми же методами, в том же стиле одновременно преследовали рыцарей ордена Храма и память Бонифация VIII.

Обвинение представило более двухсот свидетелей, многие из которых говорили о том, что знали только по слухам, дабы доказать "публичную диффамацию" [*8] - существенный фактор во всех процессах, запущенных Ногаре. Как и все прочие, последний, после показательного начала, увяз в ней, и в марте или апреле 1311 г. - дата обозначает конец влияния Гийома де Ногаре на короля - все документы и, возможно, само обвинение были переданы в Курию, где Гишар закончил свои дни в 1317 г. Что касается доносчика Ноффо Деи, то он был повешен в Париже в 1313 г. после смерти своего покровителя - канцлера. Согласно "Большим Французским хроникам", он сознался у подножия виселицы, что обвинил епископа Труа ложно. [551]

Папский дворец был на краткий срок захвачен; Папа был подвергнут побоям (Колонна будто бы нанес ему пощечину, не сняв латной перчатки) и грубым оскорблениям. После этого Ногаре и его союзники ретировались.

Ср. Евангелие от Луки, 9,62. Возложение руки на плуг - символический оборот для изъявления готовности совершить служение Богу.

Гасконь, наряду с множеством иных французских территорий, в тот период входила в состав державы Плантагенетов Английских.

Точно так же (*лат.*) . Традиционный оборот для открытия нового параграфа.

Course (фр.) - в данном случае каперство, род узаконенного пиратства.

Псалом 132 (*Се что добро*) , воспевающий совместную жизнь праведных единоверцев.

Апанаж - удел; впадение, выделяемое младшему члену династии "на прокорм" (от *pain, panis*: хлеб).

Диффамация - покушение на доброе имя, репутацию; попытка обесславить, опозорить.

ГЛАВА XXV Кто захочет защищать орден Храма?

Согласно намерениям Климента V, папские уполномоченные, производившие следствие по процессу ордена Храма, должны были вести расследование, заседаая в Провансе, Сансе, Реймсе, Руане, Туре, Лионе, Бордо, Бурже, Нарбонне и Оше. Для этого были назначены архиепископ Нарбонны, епископы Байе, Манда и Лиможа с шестью другими духовными лицами. Эта разъездная комиссия, которая могла бы оказаться действенной, королю не понравилась; последний повелел, чтобы большую часть тамплиеров содержали либо в Париже, либо в провинциях Санса или Тура и потребовал, чтобы расследование велось в Париже. Климент, думавший теперь только о деле Бонифация VIII, оставил решение за уполномоченными, которые склонились перед волей короля и начали работу в Париже 8 августа 1309 г. с составления циркулярного письма, в котором перечислялись все братья ордена Храма, пожелавшие ответить за свой орден, представ, начиная с 12 ноября, перед комиссией в большом зале резиденции архиепископа Парижского. [552]

Ни одному члену комиссии нельзя было приписать личную симпатию к тамплиерам; наиболее известный из них. Жиль Эйслен, архиепископ Нарбоннский, со времени дела епископа Памье переметнулся в лагерь короля. Но, как специалисты по каноническому праву и как люди Церкви, они обладали своего рода профессиональным корпоративным сознанием. Дело ордена Храма, по крайней мере, заканчивалось там, где оно должно было бы начаться - перед апостолическим [*1] следствием. Святой престол приказал начать расследование, и оно было произведено. Уполномоченные, или, по крайней мере, большая часть их, занимались своим делом с настойчивостью, которую нельзя недооценивать, но истину старались установить больше из уважения к самой процедуре, нежели заботясь о правосудии.

12 ноября комиссия собралась, и члены ее терпеливо прождали пять дней, но никто не был доставлен. По истечении этого времени велели призвать архиепископа Парижского, который явился сказать, что побывал в темницах, где содержались магистр, генеральный смотритель и прочие братья, и что Моле и некоторые другие выразили желание защищать свой орден. На следующий день привезли Гуго де Перо, который только попросил, чтобы не растратили имущество ордена; он отказался говорить о чем-либо ином, и его снова увезли.

26 ноября сержанты короля привели магистра ордена Храма, главного свидетеля, от которого зависело - будет ли продолжено расследование. Но Моле, как и Перо, ответил на вопрос обиняком; по его словам, он намерен изложить правду о своем ордене через свидетельства королей, прелатов и светских князей. Уполномоченные советовали ему "обратить внимание на то, что он уже признался в своей вине и вине вышеназванного ордена". Затем, чтобы дать ему время поразмыслить, они велели читать по-латыни и переводить на французский апостолические послания, назначающие следствие. Во время этого чтения, "и особенно когда прочитали, в чем названный магистр, как предполагалось, исповедался преподобным отцам, присланным Великим понтификом", Жак де Моле выказал великое удивление и заговорил о наказании, которого заслуживали подобные извращения, - на это уполномоченные возразили, "что церковь судила тех, кого она считала еретиками, и передавала осужденных светскому суду".

Историки, изучавшие материалы процесса, вопрошали себя, какова была истинная причина оцепенения Жака де Моле. Изменили или вычеркнули три кардинала некоторые части его исповеди в Шиноне? Или он думал, что исповедь, закончившаяся папским отпущением грехов, сохранена в тайне? К несчастью. Моле не осмелился продолжить до конца свою мысль, и его протест остался заведомо неясным, тогда как угроза, заключенная в ответе уполномоченных, была слишком определенной. Вероятно, присутствие Гийома де Плезиана, пришедшего якобы случайно, крайне способствовало замешательству магистра. Однако именно к Плезиану обратился Жак де Моле, чтобы испросить совета; после одного разговора наедине Плезиан публично заявил, что "любит магистра, потому что они оба - рыцари, и что он хочет помешать подвергнуть его опасности", а Моле, покоренный этим, ответил, "что хорошо видит, что рисковал совершенно запутаться вместо того, чтобы хорошенько рассудить" и попросил отсрочку на восемь дней, что и было ему предоставлено. [553]

На следующий день для защиты ордена явился тамплиер Понсар де Жизи, командор Пейена, и его свидетельство, подобно удару меча, разорвало сотканную легистами сеть обвинений.

Он говорит, что все обвинения, касающиеся отречения от Иисуса Христа, плевка на Крест, мужеложства и прочих гнусностей, были ложными, и все то, в чем братья ордена (и сам он) исповедались ранее, было ложным, и они сделали сие только потому, что их пытали <...> а также оттого, что тридцать шесть братьев ордена умерли в Париже, как и множество других в прочих местах, вследствие пыток и мучений.

Расспрошенный уполномоченными, он описал пытки, которые претерпел, и предложил себя для защиты ордена, если ему предоставят на его расходы средства ордена Храма и если он сможет посоветоваться со своими священниками-братьями Рено Орлеанским и Пьером Булонским; последний ранее вел дела ордена Храма по доверенности в римской Курии.

И поскольку брат Понсар де Жизи говорил, что боится, как бы его не заключили в более суровую темницу, так как он вызвался защищать орден <...> сеньоры уполномоченные приказали прево Пуатье [Филиппу де Воэ] и Жану де Жанвиллю никоим образом не издеваться над ним <...>

Что не помешало Понсару де Жизи умереть в том же году. [554]

В тот же день сержант Эймон де Барбон сказал, что его подвергали пытке три раза, что он выдержал пытку водой и что в течение девяти недель его держали на хлебе и воде. "Его тело страдало, а душа плакала, и он много вытерпел ради ордена". Три года он был привратником Заморского магистра и не знает ничего дурного ни о магистре, ни об ордене Храма.

Имеется текст указаний, данных архиепископом Парижским уполномоченным от диоцезов, обязанным "примирить" тамплиеров; инструкции полны крайней жестокости в отношении тех узников, которые "все отрицают и отрицали всегда", и по всем статьям подтверждают жалобы свидетелей. [555]

Ясно, что эти свидетельства оказали действие на некоторых уполномоченных, которые отныне руководили допросами с большей мягкостью и пониманием. Если бы Жак де Моле в ходе второго допроса говорил с таким же чистосердечием, расследование могло бы принять

иной оборот. Но после трех дней размышлений магистр возвратился еще более нерешительным, чем когда-либо, а в присутствии Гийома де Ногаре, явившегося наблюдать за свидетельскими показаниями, не было ничего успокаивающего. Моле подчеркнул, что он всего лишь бедный и необразованный (не знающий латыни) рыцарь, уяснивший, однако, что Папа оставил за собой право судить его вкуче с некоторыми великими бальи; ввиду этого, сказал он, говорить он будет только в присутствии Святого Отца. Тем самым магистр еще раз упустил возможность защитить орден Храма.

Продолжение расследования было перенесено на 3 февраля, но и в этот день дело, кажется, все еще не сдвинулось с мертвой точки. Жиль Эйслен отпросился; ему только что поручили охрану печати во время отсутствия Гийома де Ногаре, вызванного в Авиньон в связи с процессом, касающимся Бонифация VIII, [556] Ногаре и Плезиан отбыли, будучи в немилости, и возможно, они сами об этом уже знали, ибо Филипп IV, находивший, что с него достаточно, обязал их вести тяжбу как частных лиц, не позволив пользоваться во время дебатов королевским именем или авторитетом перед Курией.

Уполномоченные снова запаслись терпением до 6 февраля, - дня, когда потянулась вереница свидетелей, и резкий спад напряжения касался связанным с отъездом королевских легистов. Но равным образом очевидно, что люди короля уже занимались узниками, и только "смирившиеся", исповедь которых свидетельствовала о покорности, были приведены для дачи показаний.

В первый день были представлены шестнадцать тамплиеров, из которых пятнадцать пожелали защищать орден Храма. На следующий день их было тридцать три - двадцать два сержанта, два капеллана и - единственный в своем роде факт - семь лимузенских рыцарей, среди которых одному, Бертрану де Сартжу, принадлежит в дальнейшем значительная роль. 9 февраля комиссия допросила пятьдесят защитников, почти исключительно братьев-сержантов. Вероятно, многие из этих людей, простых и глубоко благочестивых, уповали на что-то вроде победы на "Божьем суде", полного очищения, которое бы громогласно провозгласило невиновность тамплиеров и привело бы в замешательство клеветников.

С 10 до 19 февраля свидетельств в защиту ордена становилось все больше. 14 февраля двое тамплиеров, заключенных в темницу в Сансе, предъявили составленное для них письмо Жана де Жанвиля, где говорилось о "доброй исповеди". С этим письмом они должны были сообразовываться, и оно же угрожало костром, ежели они не будут строго придерживаться его; один из них, Лоран де Бон, командор Эпейи, в самом деле был заживо сожжен три месяца спустя. [557]

Жан де Жанвиль и его коллега Филипп де Воэ, видимо, почувствовали тогда, что дела идут слишком быстро; они представили нескольких свидетелей, то ли нерешительных, то ли враждебно настроенных; среди прочих - казначея ордена Храма Жана де Ла Тура и старого духовника короля Гийома д'Арбле. В тот же день вернулся Моле, дабы умолить комиссию написать Папе, - с целью призвать в Курию сановников ордена Храма, пока еще не слишком поздно.

Однако, если великие бальи хранили молчание, простые бальи ордена Храма с великой отвагой брали на себя его защиту. В четверг 14 марта папские уполномоченные заставили вызвать восемьдесят тамплиеров, чтобы зачитать им составленный против их ордена обвинительный акт. Этот труд, состоящий из ста двадцати семи статей и проверенный Ногаре, обобщает чудовищные утверждения, составленные таким образом, чтобы предоставить обвинителям возможность всякий раз, когда они сочтут необходимым, менять позицию. Там можно было различить и осколки извращенной правды: веревку, носимую как знак целомудрия, поцелуй вступающего, даваемый в момент пострижения, тайну, которой тамплиеры окружали свои капитулы, и "прощение", предоставленное командору, который председательствовал на дисциплинарных собраниях. Как и для обвинения папы Бонифация, Гишара или Бернара Сессе, Ногаре умело смешивал подлинные, но легко объяснимые и бесцветные факты с обвинениями невероятными, но недоказанными и потому более трудными для опровержения!

В тот же четверг следствие собрало в саду при епископской резиденции всех

находившихся тогда в Париже тамплиеров, желавших защищать свой орден: среди них насчитывалось пятьсот сорок четыре сержанта, двадцать девять священников и двадцать два рыцаря, - всего пятьсот девяносто пять человек. После чтения обвинительного акта, составленного на латыни, и буллы "Facient misericordiam" уполномоченные хотели приказать перевести эти документы, но тамплиеры все вместе закричали, что чтения на латыни им достаточно и что они не имеют особенной охоты слышать, как эти лживые и чудовищные гнусности будут повторены по-французски. Поскольку они все предложили себя для защиты, архиепископ Нарбоннский посоветовал им избрать шесть или десять "прокуроров или синдиков" в качестве глашатаев. Выбор тамплиеров пал на Пьера Булонского, поверенного ордена при римской Курии, и Рено де Провена, командора Орлеанского Дома, обоих - священников; также на двух рыцарей, Гийома де Шанбонне, командора Бландеи (в Крезе) и Бертрана де Сартижа, командора Карла (в графстве Вьеннском); эти четверо попросили о встрече с магистром и командорами провинций, чтобы законным образом назначить прокуроров - на что уполномоченные ответили, что магистр и некоторые из великих бальи отказались защищать орден Храма "в состоянии, в коем они пребывали". Тогда архиепископ Нарбоннский приказал им поторопиться и избрать прокуроров или синдиков в тот же день, ибо дата Собора приближалась. Однако епископ Байе пообещал, что нотариусы посетят все места заключения тамплиеров в Париже и запишут, в чем состоит желание каждого.

Не без коварства Жиль Эйслен вменил в вину узникам затягивание дела, ответственность за что в действительности несли только их тюремщики. Он подстроил тамплиерам ловушку, предложив им назначить "прокуроров или синдиков". По "Speculum Juris" [558] , своду канонического права, составленной ок. 1271 г., синдик, представляющий монашеский орден, должен быть назван в присутствии по крайней мере двух третей коллегии, большая часть членов которой должна согласиться с предложенным выбором; но этот выбор не законен, "если один [синдик] утвержден сегодня, а другой - завтра, один - здесь, другой - там, ибо синдик должен назначаться торжественно, ответственными приглашенными". Что же касается того, было ли одобрение настоятеля существенным или нет, взгляды разделились, но по общему мнению, достаточно, чтобы это согласие было дано "быстро и в течение краткого времени".

Этот текст, составленный за тридцать лет до процесса, как нельзя лучше подошел к случаю тамплиеров, не позволяя законно назначать синдика для защиты ордена Храма. Фактически этот термин употребил лишь архиепископ Нарбоннский, его коллеги говорили только о прокурорах. Опять же по "Speculum Juris" не имеет значения, какое лицо или ассоциация вправе его назначить, дабы действовать через него: но этот прокурор обладал только той властью, которую его избиратели могли ему делегировать. А какие права могли передать шестьсот братьев ордена Храма, почти все сержанты? Их прокуроры не смогли бы говорить от имени ордена Храма ни на каком суде; и несомненно, следует признать за Пьером Булонским, предвидевшим это, правовую осведомленность, которая избавила защитников ордена от оплошности, присоветованной уполномоченными Папы.

Со второй половины марта и до 5 апреля нотариусы добросовестно посетили все места заключения тамплиеров в Париже, помещенных в командорстве Тампля и в аббатстве Сен-Женевьев-де-Буа или маленькими группами содержавшихся в маленьких частных домах. Можно удивляться, что имелось столько жилищ, могущих служить тюрьмой для десяти-двадцати задержанных. Их держали в ножных оковах, но на условиях "домашнего ареста", доставляя им простыни, скатерти, полотенца и прочее. Побывав во всех темницах и выполнив не без сострадания возложенную на них миссию, нотариус Флоримон Донадье и его коллеги смягчились до такой степени, что высказали личное мнение:

Поскольку мы увидели, что многие братья просили, дабы им позволили посоветоваться с братьями Рено де Провеном и Пьером Булонским, мы обратились к сеньору епископу Байе, коему было угодно, чтобы эти два вышеозначенных брата с братьями Гийомом де Шанбонне и Бертраном де Сартижем были препровождены ко всем группам, вызвавшимся для защиты < ... > и чтобы некоторые из нас, нотариусов, пошли туда с ними.

Благодаря этому четверо защитников смогли посетить все темницы; их единодушно

избрали как представителей, не назначив, однако, прокурорами.

7 апреля Пьер Булонский, которого предыдущая его деятельность делала как бы глашатаем, вслух зачитал перед комиссией защитительную речь, представленную им как простой ответ. Он сказал, что король, обманутый клеветниками, ввел в заблуждение Папу и что таким образом оба они обмануты ложными свидетельствами. Пьер горячо оспорил "публичную диффамацию" - существенный факт, коль скоро дело ведется против ордена Храма. [559] В самом деле, если Ногаре и изложил эту клевету, то подтвердить ее мог только посредством сфабрикованных писаний, таких, как памфлет "Прошение французского народа", произведение легиста Пьера Дюбуа.

Жан Монреальский, престарелый командор Авиньонского Дома, представил защитительную речь, написанную по-французски и раскрывающую состояние привилегий, предоставленных ордену Святым престолом; он утверждал, что многим помешали приехать в Париж в качестве свидетелей.

Уполномоченные отвергли все аргументы защитников. По их словам, тамплиеры находились в темницах Папы, а их имущество - в его руках. Справедливость диффамации не подлежит сомнению, ибо ее подкрепляет булла "Facient misericordiam". Ни на какую привилегию нельзя было бы сослаться в противовес инквизиторам, расследующим вопрос о ереси. Но в ответ на множество прошений, представленных заключенными, уполномоченные смогли только констатировать, что "сии вещи выходят за рамки их собственной власти, но они с удовольствием попросят ответственных лиц сотворить для указанных братьев всяческое добро, какое смогут, и обращаться с ними человечно и уважительно <...>" - заключение, которое не оставляло больше сомнений в несостоятельности церковной власти.

Однако Жан де Жанвиль и Филипп де Воэ посчитали целесообразным найти двух свидетелей вне ордена. 13 апреля Жискар де Марзиаке, престарелый сенешаль Тулузы и ректор университета в Монпелье, прибыл рассказать трагикомическую историю своего племянника Гуго Маршана, сорокалетнего студента права, которого дядюшка посвятил в рыцари и понудил вступить в орден Храма. Гуго был там крайне несчастен; он велел изготовить печать с надписью *Sigillum Hugonis perditum* [печать пропавшего Гуго (*лат.*)], которую, вздыхая, показывал друзьям. Впрочем, он пробыл у тамплиеров только месяц, потом вернулся в свою семью и через восемнадцать месяцев умер. Как утверждал Жискар, он верил в ту пору, когда племянник называл себя погибшим, что это "по причине самоистязания, которому следовали тамплиеры", но разоблачения процесса открыли ему глаза.

Повествование о несчастьях семьи Марзиаке объясняет этот странный рассказ лишь частично. В разгаре дела епископа Памье сенешаль был смещен с должностей и судим за "нарушения своих обязанностей и различные злоупотребления"; король переусердствовал в приговоре, лишив Жискара и обоих его братьев всего их имущества. Обвиненный твердил о своей невиновности, и папа Климент ходатайствовал за него. [560] Выступление Марзиака на процессе тамплиеров представляется более понятным, если учесть, что его собственное будущее зависело от возможного королевского прощения, которое он и получил в следующем году. Очевидно, что превратности судьбы заставили Гуго сменить удобную жизнь вечного студента на монашеское состояние, в котором он совершенно не преуспел. И то, что тамплиеры позволили ему уехать и что он никогда не сделал никаких разоблачений - даже на смертном одре, - указывает, как кажется, на то, что ему нечего было разоблачать...

Другое, "часто упоминаемое и малопонятное", свидетельство Рауля де Преля, нотариуса, имеет такое же простое объяснение. Нотариус, бывший другом Жерве де Бове, командора Лаона, поведал, что последний сказал ему, будто "есть некое малое собрание статутах его ордена, которое он покажет охотно, но другое, более секретное, он не позволит увидеть ни за что на свете". С одной стороны, речь идет о латинском уставе (узаконенном Собором в Труа), который существовал во многих экземплярах и в общем был известен; с другой стороны, о "Своде", или внутренних статутах ордена Храма, о которых не сообщалось никому вне ордена и которые находились только у бальи и главных командоров. [561]

С 13 по 30 апреля добивались свидетельских показаний, - этим занялась и сама комиссия.

23 февраля последовало новое прошение от Пьера Булонского и его коллег, жаловавшихся на насилие и одновременно на лицемерные любезности, расточаемые защитникам: тем, кто подтвердит свои первоначальные показания, власти обещали жизнь, свободу, пожизненную ренту - речь шла о том, чтобы только покинуть полностью осужденный и погибший орден. 10 мая Рено де Провен и его компаньоны потребовали дать возможность немедленно переговорить с уполномоченными, которые приняли их в епископской часовне; четыре тамплиера явились с целью подать жалобу, поскольку архиепископ Санский (Филипп де Мариньи) готовился судить как упорствующих еретиков большое число защитников ордена Храма. Архиепископ Нарбоннский возразил, что комиссия не рассматривает это дело;

Пьер Булонский упросил уполномоченных вмешаться или, по крайней мере, предоставить ему двух нотариусов для составления воззвания в Санае в качестве политического инструмента, так как, по его словам, не нашлось никого, кто пожелал бы взять это на себя.

Тамплиеры покинули капеллу, но тут же удалился и Жиль Эйслен, говоря, "что отправляется слушать или служить мессу". Его коллеги могли выразить апеллирующим только формальное сочувствие: архиепископ Санский был хозяином в своей епархии, они не могли вмешиваться.

12 мая, при открытии заседания, комиссии стало известно, что пятьдесят четыре тамплиера, вызвавшихся защищать свой орден, были осуждены епископом Санским как упорствующие еретики и переданы в руки светской власти, чтобы быть сожженными заживо. Уполномоченные спешно отправили посланцев к архиепископу, "дабы просить его <...>; снизить к отсрочке исполнения приговора, тем более что <...> в этот смертный час и с опасностью для своих душ они [тамплиеры] торжественно заверяли, что их орден и они сами были неправо обвинены в преступлениях, кои им вменяют. Кроме того, труд уполномоченных станет невозможным, ежели эта казнь состоится, ибо свидетели поражены ужасом и оцепенением до такой степени, что больше не знают, о чем сами говорят".

Если и правда, что комиссия не имела права вмешиваться в творимое архиепископом Санским, то вне сомнения, личного вмешательства Жилия Эйслена в его двойном качестве хранителя печати и папского представителя было бы достаточно, чтобы задержать, а может быть, и предотвратить эту массовую казнь. Эйслен поостерегся сделать такой шаг: в Курии для Ногаре и Плезиана дела оборачивались плохо, и можно было полагать, что отставка канцлера предreshена. Оба архиепископа соперничали в рвении перед королем и жертвовали тамплиерами ради собственного честолюбия.

13 мая при допросе брата-сержанта Эмери де Вильерле-Дюка разыгралась душераздирающая сцена. Он видел, как накануне в телегах везли на казнь пятьдесят четыре брата ордена; и продолжая клясться, что все грехи, приписываемые ордену Храма, - чистая клевета, заявил, что из страха перед подобной смертью сам бы не устоял, если бы от него потребовали признания в том, что он убил самого Господа.

Казненные 12 мая - сожженные заживо на кострах, разложенных на полях близ крепости Сен-Антуан - приняли смерть с величайшим мужеством, к возмущению королевских хронистов, которые написали: "Но страдая от боли, они в своей гибели ни за что не пожелали ничего признать: за что их души <...> будут вечно прокляты, ибо они ввели простой люд в превеликое смятение". [562] По словам другого свидетеля, тамплиеры не переставали кричать, что "их тела принадлежат королю, а души Богу".

Пятеро других тамплиеров были сожжены в Париже 27 мая, один из них, Жак де Таверни, был исповедником короля. Архиепископ Реймский велел сжечь девять братьев ордена в Санае приблизительно в то же время: таким образом, всего оказалось шестьдесят восемь жертв. Сколько еще умерло в темнице? Этого никто никогда не узнал.

Осознавшие, наконец, собственное бессилие и истинные намерения короля, уполномоченные отложили расследование до октября. Осталось только два защитника ордена Храма, - рыцари Гийом де Шанбонне и Бертран де Сартиж; Рено де Провен был отрешен от должности, а Пьер Булонский сумел бежать. Быть может, последний и был одним из девяти тамплиеров, которые позднее объявились на Соборе во Вьенне и которых папа Климент бросил

в темницу.

Уполномоченные чаще заседали не в приорстве, а в доме, названном "Змеиный", который принадлежал аббатству Фекаан в приходе св. Андрея, покровителя ремесел. Узники, представленные комиссии, отныне были только свидетелями обвинения, озабоченными тем, как согласовать сказанное ими с признаниями, которых добивались инквизиторы и епархиальные комиссии. Значительная часть сохраняла, однако, сожаление о навсегда утраченном образе жизни ордена; к монотонному признанию непристойных и абсурдных ритуалов они примешивали воспоминание о подлинной церемонии принятия в орден Храма, церемонии серьезной и прекрасной, предваряющей монашескую жизнь не слишком суровую, но достойную и почетную. Из ста двадцати семи статей обвинения, собранных Ногаре, они признали только три или четыре, касающиеся их вступления в орден Храма, то есть те статьи, которые легисты ставили на первое место и по поводу которых допрашивали инквизиторы. Что до всего остального, то тамплиеры отвечали (за малым исключением), что ничего не знают, и уполномоченные поостереглись настаивать. Таким образом, приписывавшееся храмовникам отречение от Христа оставалось делом необъяснимым, немотивированным, безосновательным, бессвязным ~ отрицанием, за которым не стояло никакого альтернативного признания. 5 июня 1311 г., более чем восемнадцать месяцев спустя после начала папского расследования, уполномоченные собрались в Мобюиссоне, чтобы формально закрыть дело. Был заслушан двести тридцать один свидетель, привезенные из всех провинций, то есть очень малая часть сообщества французских тамплиеров, если считать, что во Франции существовало более пятисот командорств. Протоколы были отосланы в Курию в ожидании открытия Вьеннского Собора.

Подобные комиссии, заседавшие и в других странах Запада, не смогли собрать никаких убедительных доказательств вины. В Испании, где тамплиеры пользовались всеобщим уважением. Собор, состоявшийся в Саламанке в 1310 г., отбросил все обвинения в ереси. В Мае Деу, главном командорстве королевства Майорки, братья произнесли прекрасную и энергичную речь в защиту своего Дома. На Кипре, где вся знать, горожане и священники засвидетельствовали храбрость, набожность и добрую славу тамплиеров, единственная противоречащая нота прозвучала от командора ордена Госпитальеров.

Труды английской комиссии, сведенные под заглавием "Diminutio laboris" (Умаление труда), включали невероятное количество рассказов из вторых рук, распространяемых народом, а нередко и духовенством. Это были банально недоброжелательные по отношению к монахам рассказы, какие нравилось повторять мирянам. Орден утратил свою популярность в этой стране, где его отождествляли с иностранцами - провансальцами и гасконцами, которых ненавидели, или же с финансовыми агентами Рима, которых не любили еще больше. Но, за исключением одного отступника, обвиняемые с полным убеждением утверждали, что их собратья, находящиеся во власти французского короля, возводили на себя напраслину из страха или по принуждению. [563]

Стремясь сформировать представление на основе общественного мнения, которое господствует в деле тамплиеров, сталкиваешься с одним противоречием. На уровне простых человеческих отношений монахи-воины не были нелюбимы; за время процесса никто не приходил жаловаться на них. Но невысказанные подозрения приставали к ордену из-за его автономии, независимости власти. Это отчасти рождалось и из таинственности, которой тамплиеры окружали свои церемонии. Сомнение вызывало и давнее обвинение в сговоре с сарацинами. Более чем столетие все поражения, понесенные крестоносцами, обычно приписывали предательству, в особенности - предательству духовно-рыцарских орденов, в частности, - тамплиеров. Извратить факты было нетрудно; но быть может, истинный источник подобной атмосферы осуждения следует искать в едких обвинениях императора Фридриха II, созвучных главной теме процесса; как мы помним, император обвинил братию ордена Храма в слишком радушном приеме дамасских послов и в тайном присутствии при отправлении мусульманских ритуалов. Логически отступничество тамплиеров должно было бы привести к открытому признанию исламской веры, к тому, чтобы "поднять палец и провозгласить Закон",

за отсутствием этого - отступничество, в котором обвиняли их, обращалось в ничто. Это, возможно, наилучшее доказательство невинности тамплиеров. [564]

Когда в октябре 1311 г. во Вьенне собрался Собор, Климент V считал свое положение определенно укрепившимся. Вопреки всему, он вышел победителем из авиньонского испытания, поскольку "процесс над памятью Бонифация VIII" перерос в "расследование о добром рвении короля". [565] Подобный компромисс был выторгован новым камергером короля Ангерраном де Мариньи, заменившим Ногаре в качестве ближайшего советника Филиппа Красивого. Ибо, как это хорошо понял Ногаре, оправдаться в споре с покойным Папой означало для Филиппа допустить, что король мог бы оказаться виновен и его действия подверглись бы суду, в данном случае - суду Святого престола. Договорились (в явном противоречии с общеизвестными фактами), что король в деле Ананьи действовал по просьбе "неких кардиналов или иных особ римской Курии", и духовная власть, после длившихся в течение десяти лет бурь, под коими рухнул орден Храма, вновь обрела теоретическое верховенство над властью светской. Ногаре получил отпущение грехов, Ангерран де Мариньи - Золотую Розу [*2] и признательность Климента V.

Во Вьенне первое впечатление членов Собора представляется скорее благоприятным для ордена Храма; в начале ноября явилось девять братьев, дабы взять на себя его защиту. Кажется, они утверждали, что тысяча пятьсот или две тысячи тамплиеров прятались в горах в окрестностях Лиона и готовились помочь в защите ордена. Трудно поверить, что было столько спасшихся, но Климент испугался, бросил девятерых братьев в темницу и удвоил собственную охрану. В послании Филиппу он просит поторопиться с приездом, ибо король всегда заставлял себя ждать.

В течение декабря обсуждали форму, которую следовало придать процессу ордена Храма; почти все члены Собора согласились просить защиты для ордена. Только пять человек голосовали за его уничтожение: Жиль Эйслен, к тому времени ставший архиепископом Руанским, и четверо других французских клириков. Однако большинство полагало, что выбор защитников следует оставить за Папой. Вполне определенно обозначилась оппозиция против всякой попытки светского государя присвоить имущество ордена Храма: всех интересовала, увы, не участь тамплиеров, а дележ добычи.

В начале своего понтификата Климент V составил план объединения обоих военных орденов, - Храма и Госпиталя, - в один; он вернулся к этому замыслу - в том, что касалось имущества ордена Храма, - проявив властность и настойчивость, что удивило весь Собор. Поговаривали, что Мариньи и Карл де Валуа благоволили госпитальерам. Большинство прелатов было против такого объединения; учитывая все обстоятельства, они предпочли бы, как раньше, скорее меряться силой, бороться с обоими орденами, соперничавшими между собой, нежели иметь дело с одним объединенным, который в результате своего внезапного обогащения сделается непреодолимой силой.

Наконец 20 марта Филипп со своим судом прибыл во Вьенн. 22 марта Климент отважился на решающий шаг, предварительно провозгласив упразднение ордена Храма без его формального осуждения.

То, что сделал Папа, - писал поверенный арагонского короля своему государю, - он сделал не посредством права, не путем правосудия, но упреждающим образом, говоря, что существование ордена вредно <...> Очень хорошее впечатление произвел епископ Валенсии, сказав, что сначала следует отделить добрых от дурных <...> Ибо орден еще остается, - произнес он, - и в нем пребывают еще добрые люди, а в [самом] ордене, учреждения коего были святы и праведны, нет греха, но есть грех в их нынешней нетвердости. И я верю, - добавил поверенный, - что мнение сие должно быть угодно Богу и людям, изучающим это дело непредвзято. [566]

Только в последние дни апреля, после отъезда Филиппа и его советников, в деле было произнесено последнее слово. Климент купил согласие короля, предоставив ему оммаж (вассальную клятву) епископского города Лиона, каковым Филипп стремился заручиться еще в начале своего правления. Такой успех стоил отказа от имущества ордена Храма, на которое ни

один светский государь не мог законно претендовать. Французские денежные фонды ордена, в которых Филипп так никогда и не отдал отчета, уже наполнили высохший колодец королевской казны.

6 мая состоялась церемония закрытия. Климент кратко изложил итоги работы Собора и зачитал многочисленные буллы, относящиеся к тамплиерам, с которыми предлагалось обойтись по их заслугам. *Смирившихся* и тех, кто ни в чем не сознался, должны были поместить либо в старые командорства ордена Храма, либо в другие монастыри. Еретиков предполагалось наказать по каноническим законам, беглецов - перечислить, дабы они могли предстать перед судом. Климент оставил за собой право судить магистра, генерального смотрителя, командоров Нормандии, Аквитании и Кипра и камергера магистра Оливье де Ла Пена. [567] Владения ордена Храма в миру Папа целиком передал ордену Госпитальеров, за исключением госпитальеров на Иберийском полуострове. Тамплиеры Арагона и Каталонии были признаны невиновными Собором, который состоялся в Таррагоне, а тамплиеры Кастилии - Собором в Саламанке. В Португалии архиепископ Лиссабонский очистил рыцарей Храма от всяких подозрений, а в 1319 г. король Дионисий основал орден Христа, чтобы собрать братьев под старым именем Бедных рыцарей Христовых. В этом же году на землях Арагона, Валенсии, Каталонии, Сицилии и Корсики был основан орден Святой Марии Монтесской, дабы, по просьбе арагонского короля, собрать уцелевших тамплиеров и остатки их имущества. Папа Иоанн XXII утвердил оба новых института; Монтесский орден был подчинен ведению рыцарей ордена Калатравы, [*3] наследовавших имущество ордена Храма в Кастилии. [568]

Вот-вот упадет занавес по последнем акте трагедии, и главные актеры, как если бы их роли уже были сыграны, исчезают один за другим. Кардинал Этьен де Сюизи умер во Вьенне во время Собора, а немного спустя за ним последовал его коллега архиепископ Тулузский. Гийом де Ногаре "отправился путем всего плотского" 11 апреля 1313 г.; [569] хотя он все еще был канцлером, его влияние ослабело, и смерть его прошла почти незамеченной. Гийом де Плезиан только на несколько месяцев пережил своего сотоварища; он продолжал служить королю до самой кончины в ноябре 1313 г. [570]

22 декабря того же года, - после смерти обоих легистов, - Климент назначил трех кардиналов вынести решение по делу магистра и великих бальи: последнее предательство по отношению к этим людям, которых он обманывал лживыми обещаниями. Эти заседатели, возглавлявшиеся доминиканцем Никола де Фреовилем, должны были также определить судьбу французских тамплиеров; несмотря на предписания Вьеннского Собора, они осудили на вечное заточение тех, кто ни в чем не сознался. Потом, проверив материалы судебных документов, относящихся к магистру и трем великим бальи (командор Кипра умер), всех четверых осудили на пожизненное заключение - наказание много более суровое, чем постановления Собора, касавшиеся "смирившихся" тамплиеров. Но кардиналы слишком много знали, чтобы освободить Жака де Моле и его товарищей, выразивших намерение "рассказать иное", нежели их признания на процессе, как только позволят обстоятельства. [571]

18 марта 1314 г. архиепископ Санский и трое кардиналов-заседателей представили свой приговор четырем сановникам ордена Храма на эшафоте, воздвигнутом напротив портала собора Парижской Богоматери; магистра привезли в Париж из темницы в Жизоре. На паперти собралась огромная толпа, дабы выслушать приговор, который должны были огласить публично. Но как только решение о пожизненном заключении было зачитано осужденным, магистр и командор Нормандии громко провозгласили невиновность своего ордена и отказались от показаний, к изумлению кардиналов, которые полагали, что ставится последняя точка в этом деле. Покуда де Моле верил обещаниям Климента, он старался держаться: потеряв надежду, он мог только умереть. Иноземные купцы, "находившиеся там", рассказывали, что магистр обернулся к толпе и "очень громко произнес, что все сказанное в написанном - ложь и что он ни сказал ничего такого, ни признался в таковых деяниях, но что они были добрыми христианами. И при сих словах сержант ударил его ладонью по устам так, что он [магистр] не смог больше говорить". [572]

Кардиналы снова передали де Моле и Шарне прево Парижа, который велел их сторожить

в капелле у паперти, пока не разойдется толпа. По словам Жана де Сен-Виктора, кардиналы якобы хотели посоветоваться об участии этих двух тамплиеров, но король и его совет уже были проинформированы об инциденте и приняли решение сжечь их как нераскаившихся еретиков, хотя не присутствовало никого из духовных лиц, дабы воззвать к светской руке власти. Костер сложили на Камышовом острове, расположенном между королевским садом и церковью августинских монахов, на нынешней набережной Больших августинцев, - по странному стечению обстоятельств красные огни Нового моста отражаются в Сене на месте мучений Жака де Моле, будто для того, чтобы навечно сохранить память о нем.

Магистр ордена Храма приготовился умереть спокойно и даже с каким-то воодушевлением, что произвело глубокое впечатление на собравшихся, среди которых находился поэт-хронист Годфруа Парижский: свидетельство последнего тем более ценно, что он разделял обвинения, выдвигаемые против тамплиеров.

С наступлением ночи сержанты короля посадили на повозку де Моле и Шарне, чтобы тайком отвезти на остров. Там магистр сам, добровольно, разделся и терпеливо сносил грубости сержантов; когда его собрались привязать к столбу, он попросил разрешения сложить ладони и в последний раз помолиться. Еще он заверил, что орден Храма невиновен и что он оставляет Богу заботу отомстить за собственную смерть и смерть братьев. По словам свидетелей, он якобы добавил - относительно себя, - что отступил перед страхом пытки и льстивыми ласками Папы и короля. Его последними словами, согласно Годфруа Парижскому, была просьба к палачам повернуть его лицом к собору Богоматери, когда те привязывали его к столбу.

Он обратил к ним свою просьбу

И таким образом погиб,

И так благостно принял смерть,

Что каждый был этим изумлен. [573]

Годфруа де Шарне, последний товарищ великого магистра, умер с тем же мужеством, что и Жак де Моле; Гуго де Перо и Жоффруа де Гонвиль, не последовавшие за ними в их возвышенном бунте, навсегда исчезли во мраке темниц.

Папа Климент V не восстановил своего здоровья после суровой зимы во Вьенне; он удалился во Вьеннское графство, где жил, окруженный кардиналами и своими родственниками, и не желал более давать аудиенций. В апреле 1314 г., несколько недель спустя после смерти де Моле, он серьезно заболел в Монтиле, близ Карпантраса; его заставляли принимать растолченные изумруды - смертоносное средство, которое должно было вскоре его и погубить. Он пожелал, чтобы его перевезли в Бордо, но 20 апреля того же года умер в Рокморе-на-Роне. 29 ноября в Фонтенбло умер Филипп IV Красивый, последние годы которого были омрачены семейными драмами, фландрской войной и народным возмущением.

* * *

Великое приключение тамплиеров длилось почти два столетия. Их история - как в период расцвета, так и на закате - относится к золотому веку феодализма, эпохе крестовых походов и Соборов, - оба этих начала нашли выражение в духовно-рыцарских орденах. Устав ордена Храмовников, до сих пор малоизвестный, остается одним из наиболее достойных внимания документов, который дошел до нашего времени от той эпохи; устав учит братьев ордена вести жизнь суровую и трудную, но беспрестанно соотноситься с разумными предписаниями, благопристойностью и вежеством. Путь, начертанный орденом, держится на равном расстоянии и от рыцарской пышности, и от иноческой бедности; он не допустил образования наемничества, ни отшельничества, еще меньше - мистики, но собрал "мужей добрых и рассудительных", призванных служить христианскому народу.

Гуго де Пейен и его товарищи воплотили облик монаха-рыцаря; их преемники создали стиль жизни, некое фундаментальное качество которого обнаруживается и сегодня в уцелевшем наследии ордена Храма, в его сдержанной и элегантно архитектуре, в восхитительных манускриптах тамплиеров, письменных свидетельствах собственного образа мыслей и действий. Храмовники не всегда придерживались наставлений своего устава, и это было одной из причин их гибели; но существовала истинная гармония между их целями и духом эпохи.

В начале XIV в. все меняется. Сталкиваются интересы наций, вырисовываются новые классы; могли ли тамплиеры сохраниться, - даже без грубого вмешательства французского короля, - в новом климате? Приходится сомневаться в этом. Тридцать лет спустя после падения тамплиеров их полностью забыли, за исключением народных легенд, которые представляли их командорства как места с привидениями, где в ночи звучал голос: "Кто хочет защищать орден Храма?". Много позднее первые романтики заинтересовались проклятым орденом, но только для того, чтобы его мистифицировать и извратить его историю. Лишь сравнительно недавно архивисты и археологи принялись расшифровывать документы и расчищать руины, - и благодаря их изысканиям начинает проступать истинное лицо ордена Храма.

Т. е. папским; традиционный термин, указывающий на то, что Папа, как преемник св. Петра, стоит во главе апостольского преемства.

Особая награда Святого престола.

Духовно-рыцарский орден, основанный в Кастилии в 1158 г.; один из важнейших крестоносных орденов Иберийского полуострова.

Примечания

1. Титул является подражанием античному *Magister equitum* (начальник, наставник всадников).

2. La Regle du Temple, ed. H. de Curzon.//Soc. de l'Histoire de France. 1886. Далее: Regle. Французская редакция. Пролог, § 1-3. Первая фраза дословно воспроизведена из Устава св. Бенедикта .

3. Regle, § 5.

4. Idem, § 6.

5. Письмо св. Бернара ставит под сомнение его собственное присутствие. Он пишет Матвею Альбанскому : "Fuit quidem parere paratum cor meum; sed non aequae et corpus meum." [Хотя сердце мое было готово явиться , но иначе было с моим телом (лат .) .], и т . д . См .: Migne J.P. Patrologie cursus completus sive bibliotheca universalis... ecclesiae Latinae... (известно как "Patrologia Latina"; далее: Migne и номер тома.). Vol. 182, p.123; послание XXI. Paris, 1841-1864.

6. Migne, Vol. 166, p.1361 sq.

7. Guillelmus Malmesbiriensis. Gesta regum Anglorum. London, 1887.

8. Ныне известен как св. Роберт Молесмский .

9. Waddell H. The Wandering Scholars. London, 1927. P. 93-94.

10. Regle, латинская редакция, § 7.

11. Иво Шартрский, послание 66 к Гуго, епископу Лионскому.//Migne, Vol. 162.P.83.

12. Regle, французская редакция. § 6.

13. Св. Бернар. Послание XXXIX к Тибо, графу Шампанскому.//Migne, Vol. 162.P.83.

14. Idem.

15. Recueil des Historiens des Croisades. Paris, 1841-1906 [Series II]: Historiens occidentaux. Т. III. P. 468. Фульхерий Шартрский; гл. VII.

16. Grousset R. Histoire des Croisades. Paris, 1935. Т. I. P.322-329.

17. Vitry, Jacques de. Historia orientalis. Paris, 1597. Cap. LXV, fol. 115.

18. Albon G.A.M.J.A. Cartulaire general de l'Ordre du Temple. Paris, 1913. n.V.

19. Henriquez Chrisostomo. Regula... ordinis Cisterciensis. Anvers, 1630. P. 532-537.

Приводит письмо, написанное Балдуином II из Иерусалима аббату Клервоскому в пользу тамплиеров, и переданное братьями-рыцарями Андре и Гундомаром. Оригинал исчез; слог весьма сомнителен, и д'Альбон рассматривает письмо как апокриф. Отец Энрикес обнаружил имя Андре де Монбара в "Житии св. Бернара". Гундомар - испанское имя, которое не встречается больше ни в одном документе Ордена Храма.

20. Regle, французская версия; § 7.
21. Vitry, loc. cit.
22. Templum Domini в Иерусалиме .
23. Евгений III, 1145-1153.
24. Витри забывает, что рыцари не носили крест "с самого начала".
25. Гийом Тирский приводит те же цифры.//Recueil des Histoires des Croisades. Histoires Occidentaux. Т. I. Paris, 1844. P.520-521 (К н .XII, гл .VII).
26. Когда писал Витри, ее уже не было, так как Святой Град принадлежал мусульманам; но до самого конца рыцари считали Соломонов Храм своим "Главным Домом".
27. Regle, французская версия. §3.
28. Regle des chevaliers du Temple. Национальная библиотека в Париже. Mss. Nouveau Fonds Latin 15045. Изд. А. де Кюрзоном (см. прим. 1).
29. Орден находился еще в начале своего становления; скоро, само собой разумеется, за усопшего будут молиться только братья того же командорства.
30. Мода, введенная, по словам Ордерика Виталия, графом Фульком IV Анжуйским по прозвищу Глотка (1043-1109), чтобы скрыть свои уродливые ступни.
31. "Косматым". Как сообщает А. де Кюрзон со ссылкой на "Словарь костюма" Кишера, рыцари Ордена Храма поначалу носили ворсистые (velus) плащи; позднее, в своей гордыне, они воспользовались игрой слов, чтобы носить бархат (velours). Regle, §21, прим .
32. Regle. Introd., p.III.
33. Ордерик Виталий , pars III. Lib. XII//Migne, Vol. 188. P. 893.
34. Гийом Тирский //Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux. Т. I. P. 520.
35. Regle, французская версия. §68.
36. Тереза, дочь Альфонса VI Кастильского. Ее первый муж Генрих, граф Португальский (ум. в 1112 г.) был внуком Роберта I, герцога Бургундского, и правнуком Роберта II Французского: Mas Latrie, Tresor de chronologie. Paris, 1889. P. 1737,1568.
37. Англосаксонская хроника за 1128 год. Цитируется Беатрис Лис : Lees B . Records of the Templars in England in the 12-th Century. Vol. IX. London, 1935. P. XXXIX.
38. Albon, op. cit. n. VII (23 марта 1127 - 27 мая 1128 гг .). Idem, n. XVI, 13 сент. 1128 г. Дарение согласовано с Тьерри Эльзасским, который наследовал Гийому Клитону как граф Фландрии.
39. Lees, p. xivijj-xj.
40. Albon.n.XVII.
41. Idem, p. 373, п . IV. 23 марта 1138 г .
42. Idem.n.VIII.
43. Idem, p. 23-24, п . XXXI. "Nivardus, cognomine Paganus de Mondisderio, miles Templis Domini devotus, cui Hugo magister militum Templi curam rerum suarum turn tempore commiserat in partibus istis". [Нивард, прозываемый Басурманом (Paganus, Païen), из Мондисдерия, верный рыцарь Храма Господня, коему магистр рыцарей Храма Гугон препоручил тогда попечение о своих делах в сих краях (*лат.*)]. Список пребенд братии Храма по годам; ИЗО г., Бове.
44. Curzon H. de. La Maison du Temple a Paris. Paris, 1888. P. 27; Национальный Архив в Париже, К. 23, piuce 15.
45. Grousset R. Eropce des Croisades. Paris, 1949. P. 1-2.
46. Albon, op. cit., n. XX.
47. Возможно, из той же семьи, что и Пон де Риго, магистр в Провансе и Испании, а позже, между 1184 и 1207 гг., - на Западе. Риго (ныне - в департаменте Приморские Альпы) было командорством ордена Храма.
48. Albon, op. cit, n. XXXIII.
49. Idem, п. XXXVIII, 8 июля 1131 г.
50. Idem, n. XLII, 19 сентября 1132 г. Эрменгард VI Урхельский, 1102-1154.
51. Также см .: Forey A.J. The Templars in the Corona de Aragon. Oxford, 1973. P. 15 seq.

52. Mariana, Jean de. Histoire generale d'Espagne, T. II. P. 493-528. Цит . по : Piquet J. Des banquiers au Moyen Age: les Templiers. Paris. P. 232.
53. Albon, op. cit, n. VI.
54. Idem, n. XL, октябрь 1131 г., в Байонне.
55. Idem, n. CXLV (1137-1143); Roehricht R. Regesta regni hierosolymitani. Innsbruck, 1893. Additamentum 1972. 16 сентября 1140. Раймон дю Пюи, магистр ордена Госпитальеров, по соглашению с патриархом Иерусалимским уступает Раймунду Беренгарию треть королевства Арагонского, завещанную Гробу Господню. Письмо Раймона магистру ордена Храма, вероятно, должно датироваться тем же годом. [Орден братьев Госпиталя св. Иоанна Крестителя Иерусалимского (орден Госпиталя, орден св. Иоанна; отсюда члены ордена - иоанниты, госпитальеры) - один из наиболее значительных духовно-рыцарских орденов Средневековья, частый союзник и неизменный соперник ордена Храма. Основан в сер. XI в. как братство для ухода за больными и путниками; затем реформирован как духовно-рыцарское сообщество и утверждён в качестве ордена в 1113 г. буллой папы Пасхалия II; существует и поныне под именем Мальтийского ордена (Державный Рыцарский и Странноприимный орден Св. Иоанна в Иерусалиме, на Родосе и Мальте)]
56. Albon, op. cit, n. CCCXIV. 27 ноября 1143 г., Жерона.
57. "Sicut ex hoc cum predicto Lup Sancio convenire poteritis".
58. "Cum divina clementia illud in meam tradiderit... cum Deo illud mihi dignatus fuerit reddere".
59. Albon, op. cit, n. X. 19 марта 1128 г. Ратифицировано Альфонсом Португальским 14 марта 1129 г. Idem, n. XXIV.
60. Albon G.A.M.J.A. Bullaire ms. de l'Ordre de Temple. В собрании Национальной библиотеки в Париже: Nouv. acq. lat. 1 a 4, t.I. P.127.
61. Idem. T. I. P.215. Булла Александра III (1166-1179) от 13 апреля. Повинность была заменена одной унцией золота в год.
62. King E.J. Knights Hospitallers in Holy Land. London, 1931. P. 311.
63. Regle. § 3 прим .
64. Antine M.F., Dom; Clemencet C., Dom; Durand U., Dom. L'Art de verifier les dates. Maitres du Temple. P. 512 sq. со ссылкой на: Menage. Histoire de Sable. Pp. 32, 204, 415.
65. Гийом Тирский. Кн. XV, гл. VJ//Recueil des Historiens des Croisades. T. I, Ire partie. P.665.
66. Albon. Cartulaire general, n. III.
67. L'Art de verifier les dates, loc. cit.
68. Буллы : "Omne datum optimum", "Militia Dei", "Quantem Utilitatem", "Milites Templi".
69. Опубликовано Деранбуром : Autobiographie d'Ousama ibn Mounkidh. Paris, 1886 (изд. Школы восточных языков).
70. Albon. Cartulaire general. (1119-1150).
71. Idem, n. LXVIII (1133).
72. Lees, op. cit P.10 прим . Оригинал в коллекции Британского музея: Cotton Nero E6, fol. 267 (ок. 1189-1193). Любопытно, что Джейн являет единственный пример просителя, придерживавшегося всех формальностей латинского устава, т. е. давшего обет пред епископом, который и послал ее, вместе с подтверждением, к магистру.
73. Albon. Cartulaire general, n. XXVII (1129-1132).
74. Цит. по: Piquet, p. 225.
75. Albon. Idem (Bullaire), n. V. P. 375.
76. Albon. Bullaire ms. T.I. P.262.
77. Гийом Тирский. Кн. XII перев., гл. VII//Recueil des Historiens des Croisades. Historiens occidentaux. Vol.I. Ire partie. Pp. 520, 521.
78. Иннокентий III уже освободил от уплаты десятины цистерцианский орден; Ключинский монастырь тем не менее ее платил. - Ep. S. Bernardi, 228 et 352. "Иннокентий, если он и нуждался в том, чтобы добиваться поддержки Бернара, несомненно снискал его

благодарность, пожаловав цистерцианскому ордену самое обширное изъятие из епископской юрисдикции, какое только можно вообразить. Папа подтвердил все орденские права собственности, даровав ему абсолютную свободу избрания аббатов и исключение из любых обложений десятиной". - Fletcher C.R.L. Making of Western Europe. Т.II. P.136 прим. Тамплиеры обладали подобными же привилегиями.

79. Albon. Cartulaire general (Bullaire). n. X. P. 382.

80. Albon. Bullaire ms. T.I. P.171.

81. Idem. P. 206.

82. Idem. P. 266.

83. Idem. P. 223.

84. Albon. Cartulaire general (Bullaire). n.VIII. P.381.

85. Round J.H. Geoffrey de Mandeville. P.224 и прим, со ссылками на изд. в 1830 г. Monasticon Anglicanum У.Дагдейла (IV, 142) и на Рэмсейскую хронику.

86. Albon. Bullaire ms. T.III. P.252, 286. Буллы Александра IV "Sicut dilectifilii" (31 января 1255) и "Soletannuere" (6 сентября 1255).

87. Regle. § 11.

88. Idem. § 11.

89. Idem. § 12-13.

90. Булла "Milites Templi"; Albon. Cartulaire general (Bullaire). P. 381.

91. Regle. § 17.

92. Idem. § 18.

93. Idem. § 20.

94. Idem. § 21.

95. Idem. § 23.

96. Migne. Т . 149. Р . 703-704. Я обязана этой информацией профессору Лидского университета Гамилтону Томпсону.

97. Regle. § 39-40.

98. Idem. § 45.

99. Idem. § 55.

100. Idem. § 64.

101. "De Laude Novae Militiae ad Milites Templi" св . Бернара//Migne. Т.182. P.918 sq. Между 1128 г. и смертью Гуго де Пейена 24 мая 1136 г.

102. Иоанн Солсберийский (In: Policrati, Lib. VII, cap. xxj) о тамплиерах говорит, что они - почти единственные из людей - могут вести законную войну. Migne. Т .182. Р .924.

103. Прочие главы в аллегорической форме описывают топографию Святой Земли.

104. В собрании Национальной библиотеки в Париже: V.N. nouv. acq. franc. 1977.

105. Albon. Cartulaire general, n. XLV (1132).

106. См. выше послание св. Бернара.

107. Гийом Тирский. Кн. XV, гл. VI//Recueil des Historiens... T.I. Ire partie. P.665.

108. Migne. Т. 182 (Письмо св. Бернара, CCLXXXIX); Albon. Idem. n. CCCXL. Без даты (1142-1152).

109. Зенги, Нуреддин, Саладин, Бейбарс.

110. Campbell G. A. The Crusades. London, 1935. P. 199-212.

111. Орифламма [aurea flamma - золотой пламень (лат.)] первоначально была лишь хоругвью или знаменем аббатства Сен-Дени. Ее красное полотнище было покрыто золотыми языками пламени.

112. Curzon. La Maison du Temple a Paris. P. 13 прим .; Dugdale W. Monasticon Anglicanum. London, 1830. VoL VI, Part II, p. 819: "Hoc donum in capitulo [...] Parisiis fuit feci, domino aposfolico Eugenio presente et ipso rege Francorum, [...] et fratribus militibus Templi alba chlamide indutis CXXX presentibus". [Сие дарение было совершено в Париже, в присутствии господина нашего, апостольского преемника Евгения и самого короля Французского, и ста тридцати братьев-рыцарей Храма, облеченных в белые плащи" - в тексте хартии дарения, совершенного

Бернаром де Байелем (*лат.*)].

113. "Postmodum tempore Eugenii papae cruces de panno rubeo suis assuerunt mantellis a parte sinistra ut esset eis tarn triumphale signum pro clipeo ne fugerunt pro aliquo infideli" ["Со времени папы Евгения кресты из алой ткани нашили на свои плащи с правой стороны, дабы был сей столь победоносный знак им щитом, да не побегут ни от какого неверного" (*лат.*)]. Матвей Парижский . *Historia Angliae*. I. A222. Цит . по : Curzon. *Idem*. P. 5 прим .

114. Ernoul. *Chronique*. Paris, 1871. P. 8. Цит. по: Curzon. *Idem*. P. 66: "Знаком одежды Гроба Господня является алый крест с раздвоенными концами (такой носят госпитальеры), а принадлежащие к ордену Храма носят простой алый крест".

115. Odon de Diagilo в кн .: Migne. Т . 185. P . 1203-1246.

116. *Idem*. Lib. VI.

117. Людовик VII аббату Сугерию в: Migne. Т . 186. P . 1374.

118. *Idem*. Ep. LVIII. P. 1378. Людовик VII аббату Сугерию.

119. Гийом Тирский. Кн. XVII. Гл. I в : *Recueil des Historiens...* Т. I. II e partie. P. 759. L'Art de verifier les dates считает, что Робер де Краон умер до 1148 г. и магистром Ордена был тогда Эввар де Бар, потому что Одон де Дей и Людовик VII называли его "магистром" (*magister*) . Путаница может проистекать из того, что он был магистром Франции [*Maitre de France*] , употребление титула "Magister" весьма неопределенно. См .: Leonard E . G. *Introduction au Cartulaire manuscrit du Temple*. Paris, 1928. P. 16 sq.

120. Гийом Тирский. Кн. XVII, гл. XXVII//*Recueil des Historiens...* Т. I. IIe partie. P. 753.

121. *Idem*. Главы II-VII.

122. Булла от 30 марта 1150 г. называет Эввара де Бара "магистром", а Робера - "доброй памяти". *Albon. Cartulaire general (Bullaire)*. P. 386, n. XXII.

123. *Albon. Cartulaire general*, n. DLXXXIX, 14 мая 1150 г. (оригинал - в собрании Национального архива в Париже, К. 23).

124. Roehricht. *Regesta Regni Hierosolymitani*, 216, 1150 г .

125. L'Art de verifier les dates, со ссылкой на Цистерцианский месяцеслов. Он умер 25 ноября. Во время его пребывания во Франции в сане магистра ордена Храню Петр Достопочтенный из Ключни писал ему с просьбой простить Умбера де Боже, собрата Дома, возвратившегося во Францию без разрешения капитула: "Я прошу вас, и даже советую по-дружески, ежели вам есть в чем [его] упрекнуть, умолчите об этом пока что и предоставьте его своей совести... полагаю, что было бы добрым делом поговорить нам об этом до вашего отъезда из Франции...". Первая часть письма содержит комплименты магистру и его ордену. Не слишком зная, что сказать, ключнийский аббат заимствует обильно и буквально из "Похвалы" св. Бернара: Migne. Т. 189. P. 454.

126. *Idem*. Т. 182. P. 493. Послание CCLXXXVIII св. Бернара.

127. *Idem*. Т. 155. P. 1087. "Johannis Wirburgensis Presbyterii Descriptio Terrae Sanctae".

128. *Les Itineraires a Jerusalem et description de la Terre Sainte*, XIe - XIIIe siecle. Paris, 1882.

129. Ernoul. Он пишет после потери Иерусалима в 1189 г.

130. Migne. *Op. cit.*

131. "Напротив южной лестницы (от мечети Омара) находится мечеть Аль-Аксар, базилика в честь Пресвятой Богородицы, обращенная в мечеть халифом Омаром. Она не представляет большого интереса, но под мечетью есть обширное подземелье, известное под названием Конюшен Соломона. Это сооружение внушительного вида, 83 м в длину и 60 м в ширину, составленное из тринадцати арочных сводов, поддерживаемых восьмьюдесятью тремя столбами, некоторые из которых монолитные. Материалы, составляющие столбы, наверняка весьма древние по происхождению, столбы сложены из камней громадных размеров, но было бы затруднительно сказать, творение ли это Соломона или же Ирода. Не вызывает сомнений то, что подземелье, впечатляющее по своим пропорциям, служило конюшнями, так как еще видны кольца, к которым привязывали лошадей." Delmas H. *Egypte et Palestine*. Paris, 1896. P. 341.

132. *Regle*. Статуты, § 306.

133. "В палатах, а лучше бы сказать - в трапезной...". *Idem*. § 23; См.: Rey E. *Etude sur les*

Monuments de l'Architecture militaire des Croises. Paris, 1871. P. 70.

134. Migne. Т. 182. P. 918 sq. "De Laude Novae Militiae..." св. Бернара.

135. Regle; раздел, посвященный общинной жизни.

136. Migne. Т.155.

137. Regle. § 374.

138. Curzon. La Maison du Temple a Paris. P. 64.

139. Regle. Статуты, § 139.

140. Idem. Статуты маршала.

141. Idem. Статуты хранителя одежд.

142. Idem. Статуты, § 139 sq.

143. Idem. Статуты туркополье.

144. Migne. Т. 155. P. 1087 loc. cit.

145. Grousset. Europee des Croisades. P. 159.

146. Ousama ibn Mounkidh. P. 485 sq.

147. Ираклий, кн. XVII, гл. XII (1149 г.)//Recueil des Historiens des Croisades. Т. I, IIe partie. P. 777.

148. Idem. Кн. XVII, гл. XXVII (1153 г.). P. 804-805. По поминальной книге ордена Храма в Реймсе, Бернар де Тремеле умер 16 августа 1153 г.

149. Achery L. de, Dom. Spicilegium sive collectio veterum aliquot scriptorum. Т. VIII. Paris, 1655-1677. P. 405. Тридцать седьмая проповедь Жака де Витри.

150. Ousama, loc. cit. См. также: Rey E. Geoffroy Foucher, Grand Commandeur du Temple. Paris, 1894.

151. Гийом Тирский, Кн. XVIII, гл. IX//Recueil des Historiens... Т. I. IIe partie. P. 834.

152. Rey. Idem.

153. Деранбур, издатель и комментатор усамы ибн Мункида, полагает, что "Меченый" был не кем иным, как Бертраном де Бланфором, ставшим пленником в 1157 г. Рей, напротив, находит выкуп в тысячу динаров малым для магистра ордена Храма.

154. Андре де Монбар умер 17 января (Поминальная книга ордена Храма в Реймсе). Бертран де Бланфор был магистром уже 2 ноября 1156 г. (Roehricht. Regesta... P. 322. Хартия Балдуина III). Однако булла "Oficii nostri" Адриана IV от 16 апреля 1156 г. адресована "нашему дорогому сыну Андре де Монбару".

155. Albon. Cartulaire general, n. CLX.

156. Albon. Bullaire ms. Т. I. P. 116. Булла Адриана IV "Quantum Streniu" от 13 ноября 1153 г.; Гийом Тирский, Кн. XVIII, гл. XII-XIV//Recueil des Historiens... Т. I. IIe partie. P. 837-842.

157. Migne. Т. 155. P. 1272.

158. Idem. P. 1273-1274.

159. Idem. P. 1127. Привилегия Балдуина III Гробу Господню от 1144 г. Переписчик Картулярия сделал из брата Жоффруа Фуше "Gaufridus et Fulcherius, ambo fratres Templi" [т. е. Гальфрида и Фульхерия, "оба - братья Храма"].

160. Albon. Cartulaire general. P. 246. п. CCCXC.

161. Migne. Т.155. P.1280; Roehricht. Regesta, 396.

162. Migne. Idem.

163. Ираклий. Кн. XIX, гл. XVIII-XIX//Recueil des Historiens... Т. I. IIe partie. P. 910.

164. Rey. Geoffroy Foucher...

165. Ираклий, op. cit.

166. Гийом Тирский. Кн, XX, гл. VI//Recueil des Historiens... Т. I, IIe partie. P. 948.

167. Поминальная книга ордена Храма в Реймсе.

168. Rey. Idem.

169. См. превосходный труд J. Piquet. Des banquiers au Moyen Age: Les Templiers. Пике в деталях исследует финансовые приемы тамплиеров, чем доказывает большое знание предмета. Он приводит многие типы банковских операций, к которым обращаются тамплиеры: регулярные денежные займы в Домах ордена Храма, займы драгоценностей, ценных предметов

и бумаг; займы нерегулярные, текущие счета клиентов, займы и авансы; секвестры и сдачи на хранение; выплаты рент; переводы на расстояние.

170. Albon. Cartulaire general, n. CXI.

171. Piquet. Op. cit. P. 236.

172. См. выше, гл. V.

173. Albon. Bullaire ms. T.I. P.207. Архиепископом Реймским был Анри, брат короля Людовика VII, цистерцианский аббат.

174. Idem. P. 245.

175. Migne. T.155. P.1272. Речь идет о "Готье Бризбаре", который в одной из грамот назван свидетелем в Палестине в 1165 г. (Roehricht. Regesta, 381). Возможно его отождествление с Готье де Барут, магистром Франции в 1166 г. (Leonard, loc. cit.), возвратившимся в Палестину в 1166 г. (Roehricht. Regesta, 446; 462); Бризбары были сеньорами Барутскими.

176. Mathieu, Westmonasteriensis, anno 1260. Roehricht. Regesta, 1290.

177. Leonard. Op. cit. P.119.

178. Piquet. Op. cit. P.25.

179. Он был "менялой" в 1193 г.; командором - в 1202 г.; казначеем - с 1204 по 1227 гг. Leonard. Op. cit. P. 119.

180. Roehricht. Regesta, 1049 (1233 г.).

181. См. выше.

182. Johann. Sarisberiensis Epistolae. Мне, однако, не удалось найти это письмо.

183. Migne. T. 155. P. 1220.

184. Об этом см.: Lees. Op. cit. Introduction.

185. Idem. P. xxxix.

186. Idem. P. xxxij.

187. Idem. P. xj-xij.

188. Idem. P. xlvij.

189. Idem. P. xliij.

190. Idem. P. xlvij-ix.

191. Idem. P. xlv и прим. 7.

192. Migne. T.155. P.1169-1170.

193. Lees. Op. cit. P.1.

194. См. хроники Роджера Ховедена, аббата Бенедикта, Гervasия Кентерберийского.

195. Lees. Op. cit. P. liij.

196. Hoveden R. de. Magistri Rogeri de Houedene Chronica. Vol. I. London, 1868. P. 218.

197. Lees. Op. cit. P. liij и 158.

198. Idem. P. liv; Hoveden, Vol. I. P. 64; Gervase of Canterbury. The Historical Works... Rolls Series. Vol. I. London, 1879. P. 177.

199. Gervase. Loc. cit., "Tostes sancto Homero"; Hoveden, loc. cit.

200. Lees. Op. cit. P. liv.

201. Idem.

202. Idem. P. lvij.

203. Meyer P. La Bible Francaise au Moyen Age//Romania XVII, 1888. P. 121 sq.

204. Accroissement des mss latins et francaise 1875-1891. Paris, 1891. P. 59.

205. Regle. § 677.

206. Idem. § 1; 9.

207. Idem. Статуты, § 77-189.

208. Leonard. Op. cit.

209. Regle. Статуты магистра, § 77-89.

210. Национальный архив в Париже. S. 2154, No.18. Церковь на печати изображает Храм Господень (Templum Domini), иначе - мечеть Омара, которую также называли Храмом Соломона.

211. Regle. Статуты сенешаля, § 99-100.

212. Idem. P. 87, прим. 3.
213. Vitry. *Historia Orientalis*. Cap. LXV.
214. Regle. Статуты маршала, § 101-109.
215. О таких торгах говорится в "Иерусалимских ассизах" - своеобразной "конституции" крестоносного королевства, записанной уже на Кипре попечением Жана д'Ибелена.
216. Regle. Статуты командора королевства [Иерусалимского], § 110-119.
217. Idem. Статуты хранителя одежд, § 130-131.
218. Idem. Статуты командора Иерусалима, § 120-124.
219. "История" Иракия, Кн. XXIII, гл. XLIII//*Recueil des Historiens...* Т.II. P.65.
220. Regle. § 138-147.
221. "Деяния киприотов"//*Recueil des Historiens des Croisades [Serie V]: Documents Armeniens*. Т.II. P.788, § 412.
222. Regle. Статуты туркополье, § 169-172.
223. Idem. Статуты подмаршала, § 169-172.
224. Idem. Статуты знаменосца, § 177-179.
225. Каталонский устав опубликован: *Un nouveau manuscrit...*//*Annuaire-Bulletin de la Societe de Histoire de France*. Paris, 1889. Далее: Regle catalane.
226. Regle, § 148-155.
227. Idem. § 156-160.
228. Idem. § 161-168.
229. *L'Art de verifier les dates.*; Du Cange C. Dufresne, Sieur. *Ligneages d'Outre-mer* (изд. Э. Рей). Paris, 1840; Гийом Тирский/ Кн. XVII. Pp. 759, 782, 796; Кн. XVIII. P. 841.
230. Roehricht. *Regesta*, 465-466.
231. Гийом Тирский. Кн. XX, гл. XXII//*Recueil des Historiens...* P. 982.
232. Поминальная книга ордена Храма в Реймсе.
233. Гийом Тирский. Кн. XXI, гл. XXIX//*Recueil des Historiens...* P. 1057.
234. Du Cange, op. cit.
235. Joinville J. de. *Le livre des saintes paroles et des bonnes actions de saint Louis*. Paris, 1874. P. 161.
236. Гийом Тирский. Кн. XX, гл. XXXII//*Recueil des Historiens...* P. 997-999.
237. Albon. *Bullaire ms*. Т.1. P.311; Rhymer T. *Foedera*. Vol.I. London, 1816. P. 44. .
238. "История" Иракия. Кн. XXIII, гл. XXXIV//*Recueil des Historiens...* P. 50-52.
239. Du Cange. Op. cit.
240. Leonard. Op. cit. P. 24.
241. Laborde F. de, Delaborde H. F. et al. *Layettes du tresor des chartes*. Vol.5. Paris, 1909. P.70. Хартии аббатства Божией Матери Иосафатской.
242. *L'Art de verifier les dates.*; Поминальная книга ордена Храма в Реймсе.
243. Leonard. Op. cit. Pp. 16; 24.
244. "История" Иракия. Кн. XXIII, гл. XXXIV//*Recueil des Historiens...* P.52.
245. *Itinerarium Regis Ricardi*. London, 1864. P.6.
246. *De expugnatione*. London, 1864. P. 215.
247. "История" Иракия. Loc. cit.
248. Albon. *Bullaire ms*. Т.1. P.406. Булла Климента III "Quamvis Omne Tempore" от 4 марта 1188 г.
249. "История" Иракия. Кн. XXIII, гл. LXI//*Recueil des Historiens...* Т.II. P.93 и прим.
250. Migne. Т.201. Pp. 1408, 1410.
251. Поминальная книга ордена Храма в Реймсе. Амбруаз говорит, что де Ридфор умер "на пятницу в сентябре". Ambroise. *L'Estoire de la Guerre sainte du trouvere Ambroise*. Paris, 1867.
252. Idem. Прим. Гастона Пари, p.LXXXIX.
253. "История" Иракия. Кн. XXIV, гл. XIX//*Recueil des Historiens...* Т.II. P.130.
254. Jean Renart, *Le Roman de la Rose* (Guillaume le Dole). Bruxelles, 1930.
255. *L'Art de verifier les dates* цит. Menage. *Histoire de Sable*.

256. Roehricht. Regesta, p. 701 и прим. со ссылкой на: Itinerarium regis Ricardi. Кн. II. Гл. XVIII.
257. Ambroise. Стихи 4580-4585.
258. Он был "cambitor" (менялой) парижского Дома рыцарей Храма в 1193 г.; командором Дома - в 1204 г.; казначеем - до 1227г. Leonard. Op. cit. P. 119; Piquet. Op. cit. P. 25.
259. Piquet. Op. cit. P. 4.
260. Ambroise. Стихи 5200-5230.
261. Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Orientaux. Т. V. P. 32.
262. Ибн Алатир (1191-1192)//Idem. Т. I, 2e partie. P.47.
263. Ambroise. Стихи 5721-5723.
264. Idem. Стихи 5870-5880.
265. Idem. Стихи 5990-5993.
266. Idem. Стихи 5865-5870.
267. Idem. Стихи 6941-6943.
268. Idem. Стихи 6850-6865.
269. По поводу подобной критики стратегии Ричарда см.; Lamb Н. The Crusades. Vol. II, The Flam of Islam.
270. Ambroise. Стих 7212.
271. Idem. Стихи 7260-7280.
272. Idem. Стихи 7635-7650.
273. Idem. Стихи 7690-7720.
274. Idem. Стихи 7821-7782, версия Гастона Пари.
275. Idem. Стихи 10251-10265.
276. Ernoul. Chronique. Гл. XXVI. P.296.
277. По поминальной книге, он скончался "28 сентября"; Жильбер Эраль стал магистром в продолжение 1194 г.
278. Laborde, Delaborde et al. Op. cit P. 90.
279. Roehricht. Regesta, Additamentum. Иерусалим, август 1184 г.
280. Leonard. Op. cit. P. 24; 46; 16.
281. Магистр 1219-1229; Leonard. Op. cit. P. 25.
282. Магистр 1246-1249; Leonard. Op. cit. P. 95.
283. Магистр 1250-1253; Leonard. Op. cit. P. 114.
284. Leonard. Op. cit. P. 26 прим.; Miret y Sans J. Las Cases des Templers... en Catalunya. Barcelona, 1910.
285. Leonard. Op. cit. P. 16.
286. Albon. Bullaire ms. Т. II P.16. Булла Целестина III "Intentionam tuam" от 14 марта 1194 г.
287. Regle. § 12; 64.
288. Albon. Cartulaire general (Bullaire). n. V.
289. Idem. n. VIII.
290. Albon. Bullaire ms. Т. I. P.171. Булла Александра III (1160-1176) "Dilecti filii nostri".
291. Idem. P. 282. Булла Александра III "Intelleximus" от 23 марта 1175г.
292. Idem. P. 318. Булла Александра III "Dilecti filii... post concilium..." от 6 июля 1181 г..
293. Idem. P. 368. Булла Урбана III "Dilecti filiis..." от 30 января 1186г.
294. Migne. Т. 214. P. 816. Послания Иннокентия III. Кн. II, послание CCLVII, от 13 декабря 1199.
295. Albon. Bullaire ms. Т. II. P. 164. Булла Иннокентия III "Si deligenter attenditis" от 9 ноября 1204 г.
296. Piquet. Op. cit.
297. Migne. Т.215. P.1218. Послания Иннокентия III. Кн. X, послание CXXI от 13 сентября 1207 г.
298. "История" Ираклия. Кн. XXVII, гл. V//Recueil des Historiens... Т. II. P. 222.

299. Migne. Т. 214. Р. 522. Послания Иннокентия III. Кн. X, послание DLXVIII от 31 января 1198 г.
300. См. выше, гл. X.
301. Roehricht. Regesta, Additamentum, 787a. Филипп де Плессье был магистром в декабре 1201 г. Он подписывал соглашение с магистром ордена св. Иоанна по поводу прав тамплиеров в Валансии.
302. Albon. Bullaire ms. Т. II. Р. 198. Булла Иннокентия III "Licet quibusdam..." от 9 июля 1209 г.
303. Migne. Т. 214. Р. 819. Послания Иннокентия III. Кн. II, послание CCLIX (1199) "Illustri rege armeniorum...".
304. Раймунд III Триполитанский, умерший бездетным, оставил свой феф князьям Антиохийским.
305. Recueil des Historiens des Croisades. Documents Armeniens.
306. Migne. Т. 214. Р. 775-779. Послания Иннокентия III. Кн. II, послания CCXVII и CCXX от 24 ноября 1199 г.
307. Idem. Р. 810. Послание CCLII (1199).
308. Idem.
309. Idem. Послание CCLIX (1199).
310. Idem. Р. 1003. Кн. III, послание XLIII от 1 октября 1201 г. Письмо армянского короля.
311. Du Cange. Op. cit. Р. 202-203.
312. Migne. Idem. Р. 815. Кн. II, послание CCLV.
313. Idem.
314. Idem. Т. 215. Р. 558. Кн. VIII, послание II от 2 марта 1205 г.
315. Roehricht. Regesta, n. 794. Письмо кардинала св. Праксидии.
316. Migne. Idem. Р. 687. Послание CXIX (1205). Письмо армянского короля.
317. Idem.
318. Idem. Р. 564. Кн. VII, послание CLXXXIX от 18 января 1204 г.
319. Roehricht. Regesta, 794.
320. Migne. Idem. Р. 687. Послание CXIX (1205). Султан Алеппо был последним сыном Саладина. Иннокентий всегда выказывал ему расположение, надеясь на его обращение.
321. Roehricht. Idem.
322. Migne. Т. 216. Р. 18. Кн. XII, послание VIII от 5 марта 1209 г.: "de discordia inter illustram regem Armeniae et dilectos filios fratres militiae Templi; necnon et inter comitem Tripolitanum ac regem eundem". [О раздоре меж сиятельным королем Армении и возлюбленными чадами, братьями воинства Храма; а равно и между графом Триполитанским и оным же королем.]
323. Idem. Т. 215. Р. 558. Кн. VIII, послание I от 5 марта 1205 г.
324. Idem. Р. 564. Кн. VII, послание CLXXXIX от 18 января 1204 г.
325. Поминальная книга ордена Храма в Реймсе.
326. Национальный архив в Париже. S. 4999. Я обязана этой информацией г-ну Роже Мэресу.
327. "История" Ираклия. Кн. XXXI, гл. VI/Recueil des Historiens... Р. 314.
328. Migne. Т. 216. Р. 54. Кн. XII, послание XLV от 4 июня 1209 г.
329. "История" Ираклия. Кн. XXXI, гл. VI/Recueil des Historiens... Р. 317.
330. Migne. Idem. Р. 430. Кн. XIV, послание LXIV от 18 мая 1211 г.
331. Idem. Р. 792. Кн. XVI, послание VII (1213).
332. Idem. Р. 784. Послание II от 28 февраля 1213 г.
333. Roehricht. Regesta, 465 (13 августа 1169 г.): "Pro castro Safeta nunc fratribus Templi donate..." [Напротив Сафетского замка, данного ныне братьям Храма... (лат.)].
334. "Historia captationis Damiatae" Оливье Схоластика, опубликованная Томасом Коулом в: Historia Anglicanae Scriptores. Vol. II. Oxford. 1687.
335. "История" Ираклия. Кн. XXXI, гл. XIII/Recueil des Historiens... Р. 325.

336. Rey. Etudes... Рей замечает, что цемент стен замка Паломника замешивали из морских ракушек.
337. Оливье Схоластик. Op. ей. P. 437-438.
338. Deschamps P. Les Chateaux des Croisees en Terre Sainte. Vol. I-II. Paris, 1934-1939.
339. Lawrence T.E. Crusades Castles. London, 1936.
340. Rey. Op. cit. P. 79 sq.
341. Idem.
342. Idem.
343. Lawrence. Op. cit.
344. Baluze. Miscellanea. T. I. Paris, 1678. Col. 228-231.
345. Roehricht. Regesta, 1096, 1102.
346. Albon. Bullaire ms. T.I. P.330. Булла Луция III "Cum fratres" от 12 ноября 1182 г. См. также: Lees. Op. cit. P. xxvij.
347. Albon. Idem. P.171. Булла Александра III "Dilecti filii nostri...".
348. Idem. P. 368. Булла Урбана III (1186-1187) "Quanto majora".
349. Idem. P. 165. Булла Александра III (1160-1176) "Audivimus et audientes...".
350. Idem. T. II. P. 42. Булла Иннокентия III "Non absque dolore..." от 27 мая 1195 г.: "Привилегии, чтобы тот, кто подымет руку на братьев или на их имущество, был отлучен".
351. Idem. P. 68. Булла Иннокентия III "Cum de viris..." от 3 февраля 1198 г.
352. Regle. Принятие брата, § 676.
353. Albon. Idem. P. 71. Булла Иннокентия III "Dilecti filii nostri..." от 4 января 1198 г. ; Ibid., P. 221. Булла "Cum dilectis filiis" (27 июня 1213), уже издававшаяся в 1198, 1206, 1209, 1213 гг.).
354. Regle. § 121.
355. Itineraires francais a Jerusalem. 1882. P. 229.
356. Piquet. Op. cit. P.30.
357. Migne. T. 214. P. 418. Послания Иннокентия III. Т. I. Кн. I. Послание CDXXXVII от 2 декабря 1198 г.
358. Idem. Послание CDXXXVIII, та же дата.
359. Idem. P. 775. Кн. II. Послание CСVII (1199).
360. Idem. P. 737. Послание CLXXIX (1199).
361. "История" Иракия. Кн. XXX, гл. XI//Recueil des Historiens... Т. II. P. 302.
362. Migne. T. 214. Послания Иннокентия III. Т. I. Кн. II. Послание CLXXXIX, пп. 737, 1199.
363. Recueil des Historiens ... Т. II. P.306. Lib. XXX. Cap. XIII.
364. Migne. T. 216. P.434. Кн. XIII. Послание LXIX.
365. Regesta Honorii III. Roma, 1888-1895. 102 (12 ноября 1216 г.).
366. Idem, 885 (24 ноября 1217г.).
367. Оливье Схоластик. Op. cit.
368. "История" Иракия. Кн. XXXI. гл. XVI//Recueil des Historiens... P.338.
369. Regesta Honorii III, 1580, 3 августа 1218 г.
370. Idem. 1779, 2 января 1219 г.. Cf. N. 1815.
371. Idem. 1824, 2 января 1219 г.
372. Idem. 2195, 7 сентября 1219 г.
373. "История" Иракия. Кн. XXXII, гл. VIII//Recueil des Historiens... P.338.
374. Оливье Схоластик. Op. cit., гл. X, p. 442: "Comes Marchiae et comes Barri et filius ejus qui ibidem diem clausurunt extremum, cum fratre Willelmo de Carnoto magistro Templi". [Граф Марки, и граф Барский, и сын его, которые в один и тот же день отмучились, с братом Виллельмом Карнутским (по названию галльского племени карнутов, на земле которых был основан будущий Шартр), магистром Храма (*лат.*)]. Именно из-за ошибки переписчика у Матвея Парижского Гийом Шартрский предстает сыном графа Барского, L'Art de verifier les dates следует заблуждению; Поминальная книга ордена Храма в Реймсе.

375. Idem.
376. Regesta Honorii III, 2195, 7 сентября 1219 г.
377. Оливье Схоластик. Op. cit..
378. Idem.
379. Regesta Honorii III, 2338, 24 февраля 1220 г .
380. "История" Ираклия. Кн. XXXI, гл. XV//Recueil des Historiens... P. 348.
381. Ernoul. Chronique. P. 435.
382. Regesta Honorii III, 2513, 1 июля 1220 г.
383. Idem. 2600, 6 августа 1220 г.
384. Idem. 2710, 22 сентября 1220 г.
385. Оливье Схоластик. Op. cit..
386. Matthew Paris. Chronica majora. Т. III. P. 64: Повествование о 1216-1239 гг. Далее это изд.: Матвей Парижский.
387. См. выше, гл. VII.
388. Ernoul. P. 436: "Орден Храма и Госпиталя согласились с этим миром".
389. Матвей Парижский. Op. cit. P.68.
390. Barker E. The Crusades. London, 1925. P. 77; "История" Ираклия. Кн. XXXI, гл. XIX//Recueil des Historiens... P. 355.
391. Regesta Honorii III, 3478, 3931, 4262.
392. Матвей Парижский. P.180 (1216-1239 гг.).
393. Idem. P.128. Письмо Герольда, патриарха Иерусалимского.
394. Idem.
395. Idem.
396. Ernoul. P.437.
397. На том основании, что Амальрик II Лузиньян получил корону Кипра из рук представителя Империи.
398. Матвей Парижский. P.179 и далее.
399. Idem.
400. Idem.
401. Idem. Т. IV. P. 302.
402. Roehricht. Regesta, 1039, 4 октября 1232 г .
403. " Деяния киприотов "//Recueil des Historiens... Documents Armeniens. Т. II. P. 724-725.
404. Idem. P. 727.
405. Матвей Парижский. Т. IV. P. 141.
406. Idem. P. 288.
407. Roehricht. Regesta, 1115.
408. См.: Lamb H. March of the Barbarians. London, 1941.
409. Письмо, приводимое Гарольдом Лэмбом. Op. cit. P. 141, без ссылки.
410. Матвей Парижский. P. 307. Письмо магистра ордена св. Иоанна.
411. "Ротленовский манускрипт"//Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux. Т. II. P. 564.
412. Матвей Парижский. Loc. cit..
413. Idem. P.305.
414. Histoire litteraire de France. Vol. XVIII. Paris. P. 209-249.
415. Vitry Jacques de. Historia Orientalis, ed. 1611.
416. См. гл. XIV.
417. Achery. Op. cit; Vitry. Op. cit. P. XX-405 и далее.
418. Выгравировано госпитальерами на стене дворца Крака.
419. Douet d'Arcq. Collection de sceaux de l'Empire. Т. III. Paris, 1868. P. 241 и далее.
420. Le Roman de la Rose. Стихи 3878-3897 и прим.
421. Barbazon, Meon. Fabliaux et Contes. P. 1808; "Библия" Гио де Провена. P. 307-393.
422. Carriere V. Histoire et Cartulaire des Templiers de Provins. Paris, 1919.

423. Cohen G. Chretien de Troyes. Paris, 1958.
424. Idem.
425. См. гл. IV "Французский устав".
426. Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль. М., 1974.
427. Сведения приведены в "Libre do feyts", мемуарах Иакова I Арагонского.
428. Cohen G., Reau L. L'Art et la Litterature au Moyen, Age. Paris, 1940. P.378; 405.
429. Regle, монастырская жизнь.
430. Breviaire du Temple. Национальная библиотека в Париже, ms. latin 10478. Введение брата Кирилла из пьяченцкого кармелитского монастыря, 1756.
431. Regle, церковные службы.
432. Idem. Статуты брата-лекаря.
433. Ernoul. Chronique.
434. Delaville-le-Roulx. Un nouveau manuscrit de la Regle du Temple. Archives de la Couronne d'Aragon, 2344. Cartas Reales//Annuaire Bulletin de la Societe de l'Histoire de France, 1889.
435. Духовно-рыцарский орден, ведший военные действия и одновременно содержавший госпитали. Братия ордена изобиловала прокаженными, покровителем которых считался св. Лазарь. Рыцари-лазариты носили зеленый крест.
436. Regle, начало обычных капитулов.
437. Lizerand. Les depositions Jacques de Molay. Paris, 1913. P. 4 и прим. ; Michelet J. Proces des Templiers. T. I. Paris, 1841. P. 91.
438. Иуст Аббат в: Magna Bibliotheca Patrum XIV, 2, 3. Цит. в: Coulton. Five Centuries of Religion. Vol.III. London, 1923. P.319.
439. Regle. § 545-549.
440. Regle catalane. P. 207, XLV.
441. Regle. § 554.
442. Regle catalane. P. 207, XLIV.
443. Idem. P.213.
444. Idem. P.205, XLII.
445. Regle. § 569; Roehricht. Regesta, 1096.
446. Regle catalane. P. 208, XLVII.
447. Regle. § 588.
448. Адаптация фразы Станисласа Фюме, сказанной по совершенно иному поводу.
449. Idem. § 605.
450. Idem. § 608.
451. Idem. § 606.
452. Idem. § 610.
453. Idem. § 640.
454. Idem. Введение, p. xiiij.
455. Roehricht. Regesta, 1127; 1176.
456. Boulenger. La vie de Saint-Louis. P. 101.
457. Roehricht. Regesta, 1176; 1183.
458. "Ротленский манускрипт". P. 589 и далее.
459. Joinville. P. 65.
460. "Ротленский манускрипт". P. 602.
461. Joinville. P. 77.
462. "Ротленский манускрипт". P. 604.
463. Joinville. P. 95.
464. Roehricht. Regesta, 1191; Матвей Парижский. Т. VI. P. 191-197.
465. Joinville. P. 134-135.
466. Idem. P. 180 и далее .
467. Leonard. Op. cit. P. 26 и прим.
468. Albon. Bullaire ms. T. III. P. 258. Булла Александра IV "Dilecti filio" от 11 мая 1255 г.

469. Roehricht. Regesta, 1201.
470. "История" Ираклия. Кн. XXXIV, гл. IV//Recueil des Historiens... P.445.
471. "Деяния киприотов"//Recueil des Historiens... P.745 и далее.
472. Regle. § 567-7.
473. Roehricht Regesta, 1251; Duchesne. SS rerum Franciae, 272.
474. Roehricht. Regesta, 1290.
475. Idem. 1299.
476. Idem. 1303.
477. Albon. Bullaire ms. Т. III. P. 400.
478. Leonard. Op. cit. P. 114.
479. Roehricht. Regesta, 1347; Bib. De l'Ecole des Chartes, 1888. P. 291-293.
480. Regle catalane. P. 205-211, XLVIII.
481. Albon. Bullaire ms. Т. III. P. 397. Булла Урбана IV от 13 августа 1263 г.; Idem. Т. IV. P. 4. Булла Климента IV от 1 марта 1265; P.12. от 31 марта 1265 г. и P. 13 (1265).
482. Recueil des Historiens des Croisades. Documents Armeniens. Т. II. P. 753.
483. Idem. Historiens Occidentaux. I. II. P. 495, прим. С (Ираклий).
484. Histoire litteraire de France. Т. XXXII. P. 57 и далее.
485. В собрании Национальной библиотеки в Париже: Fonds ancien. Fr. 856 (Fol. 367). Опубликовано Райнуаром в "Choix de Poesie des Troubadours".
486. Michelet. Proces... Т. II. P. 305.
487. "История" Ираклия. Кн. XXXIV, гл. XVII//Recueil des Historiens... P. 463.
488. Деяния киприотов. P. 779.
489. Roehricht. Regesta, 1378.
490. Деяния киприотов, III//Recueil des Historiens des Croisades. Documents Armeniens. Т. II. Introduction, p. CCXXXIX.
491. Деяния киприотов. P. 792 и далее.
492. "История" Ираклия. Кн. XXXIV, гл. XXXVI//Recueil des Historiens... P.481.
493. Деяния киприотов. P. 792 и далее.
494. Idem.
495. Idem. P. 802 и далее.
496. Idem. P. 804 и далее.
497. Эмир Салах, начальник Арсенала; "Деяния киприотов", прим. к стр. 806.
498. Idem. P.807.
499. Idem. Прим. к стр. 808. "Dehliz", вестибюль, передняя.
500. Idem. Прим. к стр. 802. "Qara Bogha", черный бык.
501. Боже носил "не свою надежную кирасу, но легкую кирасу, чтобы быстро надевать по тревоге". Можно отметить, что речь идет о кованых латах, а не о кольчуге; должно быть, это один из образцов новой моды.
502. Piton C. Le Temple a Paris. Paris, 1911.
503. Piquet. Op. cit. P. 167.
504. Ibid., P. 182-184.
505. Национальный архив в Париже. J. 490/741.
506. Dupuy P. Histoire du differend d'entre Philippe le Bel et Boniface VIII (Preuves). Paris, 1655. P. 253. Булла "Litterae super excusationibus" от 7 сентября 1304 г.
507. О Бернаре Сессе см: Dupuy. Op. cit. P. 622 и ниже; Martene. Thesaurus novum anecdotorum. Vol. I. Paris, 1717. P. 1319 и далее; Digard. Philippe le Bel et Saint-Siege. Т. II. Paris, 1936; Vaissete, Dom. Histoire generale du Languedoc. Т. IX. P. 216 и далее.
508. Ullmann W. Medieval papalism. P.156; Национальный архив в Париже. J.491b/769.
509. Dupuy. Op.cit. P. 56-59.
510. Ibid., p.101 и далее.
511. Об Ананьи см.: William of Hundleby's account of the Anagni outrage//Catholic Review. Vol.XXXII. N. 2 (июль 1946 г.); Melville M. Guillaume de Nogaret et Philippe le Bel//Revue de

- l'histoire de l'Eglise de France. T. XXXVI. N. 127. 1950.
512. Национальный архив в Париже. J. 491/b/796.
513. Национальный архив в Париже- J. 491/b/797 bis.; Holtzmann R. Wilhelm von Nogaret. Fribourg-en-Brigau, 1898. P. 253 doc. II. Оба документа были известны П. Дююи, который, однако, не поместил их в своей Histoire du differend...
514. Об избрании Климента V см.: Lizerand G. Clement V et Philippe le Bel. Paris, 1910.
515. Baluze E. Vitae paparum avenionensis. T. II. Paris, 1698. P. 176-185, в соответствии с оригиналом документа в фондах Национальной библиотеки: ms. lat. 10919, fol. 151-3 (дата, приведенная Балюзом, очевидно не точна).
516. Petit J. Charles de Valois. Paris, 1900. P. 107, со ссылкой на: Regestum Clementi V. T.I. Rome, 1880. P.132.
517. Idem. 1035.
518. Viard J. Les Journaux du Tresor soces Philippe IV le Bel. Paris, 1940. N. 2200, 3524 (1299), 4480 (1301).
519. Mignon R. Inventaires d'anciens comptes royaux. Paris, 1899. P. 279,n.2163: "Tholose et Albiensis: Compotus J. de Sancto Justo et G. de Nogaret militis, missorum ad dictam senescalliam... a domino rege pro captione judeorum in eadem senescallia in festo Magdalene 1306" [В Тулузе и Альби : присоединился к Ж . де Сен - Жюсту и Г . де Ногаре , рыцарям , посланным в названные сенешальства (округа) от государя короля для конфискации (имущества) иудеев в обоих сенешальствах , в день св . Марии Магдалины в 1306 году (лат.) - цитата из отчетного журнала чиновника]; Baluze. Vitae paparum. T. I.
520. Piquet. Op. cit. P. 167.
521. Finke H. Papsttum und Untergang des Templerordens. T. II. Munster, 1907. Doc. 88.
522. Finke. Op. cit. Doc. 57; письмо Эскиуса Иакову II Арагонскому: "Я тот, кто вам раскроет..." и т.д.
523. Baluze. Vitae paparum. P. 9.
524. Finke. Op. cit. Doc. 23; письмо Жана де Бургона Иакову II от 4 мая 1307 г.: "Rex franciae recessus est... magister militii Templi debet hie esse cito" [Король Франции отбыл... магистр рыцарей Храма скоро должен быть здесь (лат.)].
525. Baluze. Op. cit. P. 73; Национальный архив в Париже. J. 461/1.
526. Ibid., P.100; Амори Оже был приором церкви Пресвятой Девы Марии в Аспирано.
527. Lizerand. Le dossier de l'affaire des Templiers. Paris, 1923. P. 17. Doc. II; Национальный архив в Париже. J. 413/22.
528. Finke. Op. cit. Doc. 29; письма инквизиторам Тулузы и Каркассона. Из собрания Арагонского коронного архива.
529. Национальная библиотека в Париже. Nouv. acq. lat. (Fonds d'Albon). Bullaire ms. du Temple. T. II. P. 331. Булла Гонория III "Cum dilecti filii fratres nullum habeant episcopum..." от 12 января 1218 г.; Ibid., T. III. Булла Григория IX "Quieti vestri providere volentes..." от 31 октября 1227 г.
530. Finke. Op. cit. Doc. 143; Regle, § 538 и далее.
531. Regle. § 657 и далее.
532. Lizerand. Le dossier de l'affaire des Templiers. P.24 и далее.
533. Leonard E. G. Catalogue des Maisons du Temple en France, passim.
534. 140 протоколов допросов в Париже (окт.-нояб. 1307 г.) + 72 свидетеля, заслушанных в Курии (июнь 1308 г.) + 595 собранных в Париже (март 1310 г.) + 13 протоколов допросов в Кане, 45 - в Кагоре, 6 - в Каркассоне, 7 - в Бигорре, 68 - в Клермоне (июнь 1309 г.) = 946, но эти списки частично перекрывают друг друга.
535. Fournier P. Les Officialites au Moyen Age. Paris, 1880. P. 278, Le Tribunal de l'Inquisition; Gui V. Practica inquisitionis heretice pravitatis. Paris, 1886.
536. Papsttum und Untergang. T. II. Doc. 32; письмо, адресованное Иакову II Арагонскому, 27 октября 1307 г.; Lizerand. Les Depositions de Jacques de Molay//Moyen Age, 2e Serie. T. XVII. Paris,1913.

537. "Ira et Dolor": "E Vaphomet obra de son poder" - [И Магомет заставил заблистать свою власть] - и в той же поэме: "Они сделали мечеть (bafomerie) из монастыря Святой Марии". Такая же трансформация термина обнаруживается в шотландской балладе "Славная страна Бафоме" (Bonny Bahome), в которой рассказывается об отъезде в Сирию по обету [ср. также старорусские модификации имени исламского пророка: "Бахмет", "Бохмет"].
538. Исключение сделали лишь для инквизиторов Кагора и Каркассона, у которых уже был опыт ведовских процессов.
539. Michelet J. Proces des Templiers. Т. II. P. 373. Свидетельство Матвея Аппасского.
540. Dupuy P. Histoire de la condamnation des Templiers. Paris, 1700. P.222.
541. Lizerand. Clement V et Philippe le Bel. P. 108-112.
542. Finke. Papsttum... Т. II. Doc. 69-70.
543. Picot G. Documents relatifs aux etats generaux et assemblees reunis sous Philippe le Bel. Paris, 1901. P. xlvj и ниже.
544. Finke. Papsttum... Т. II. Doc. 88 (Пуатье, 30 мая 1308 г.).
545. Baluze. Vitae paparum. Т. I. P.20; второе жизнеописание Климента V: "Templari circa LXXII... qui ex mandate papae Clementis transmittuntur ad cardinales quibus examinatio commissa fuerat" [Храмовники, числом около семидесяти двух... переданные по приказу папы Климента кардиналам, коим было поручено расследование]. Национальный архив в Париже. J. 413/1bis.
546. Национальный архив в Париже. J. 416/3 - Булла, адресованная верховному инквизитору, от 5 июля 1308 г.; J. 416/9 - Булла, адресованная духовенству Франции, изданная в тот же день.
547. Baluze. Vitae paparum. Т. II. Отчет кардиналов из Шинона; Finke. Papsttum... Т. II. Doc. 154.
548. Michelet. Op. cit. Т. I. P. 2-7.
549. Petit J. Charles de Valois. Paris, 1900. P. 104-113.
550. Rigault A. Le Proces de Guichard, eveque de Troyes. Paris, 1896. P. 1308-1313.
551. Les grandes Chroniques de France. Т. VIII. Paris, 1920-1953. P.294.
552. Michelet. Op. cit. Т. I, passim.
553. Ibidem. P. 32; Lizerand. Le dossier de l'affaire des Templiers. Paris, 1923. Doc. X, 1.
554. Michelet. Op. cit. Т. I. P.517 (ранее 8 февраля 1311 г.).
555. Lizerand. Le dossier... Doc. IX.
556. Vaissete-Molinier. Histoire de Languedoc. Т. X. P. 215. Завещание Ногаре было составлено в Париже в феврале 1310 г.
557. Michelet. Op. cit. P. 42; 71.
558. Durand G. Speculum Juris. Т. I. P. 226.
559. Michelet. Op. cit. P. 126.
560. Vaissete-Molinier. Op. cit. P. 226.
561. Michelet. Op. cit. Т. I. P. 175; Regle. P. vij. Делавиль-ле-Ру находит "надуманным" различие, проведенное Кюрзоном между уставом и "Сводом"; но это различие делают сами тамплиеры - "ни один брат не должен держать у себя ни устав, ни свод..."
562. Grandes Chroniques de France. Т. VIII, гл. LXV. P. 272.
563. Schottmueller K. Der Untergang des Templerordens. Т. II. Berlin, 1887. P.78; 141.
564. Матвей Парижский. Rolls Series. Т. IV. P. 302. Письмо Фридриха Ричарду Корнуэльскому, 1244 г.
565. Hoefler C. Rueckblick auf Papst Bonifaz VIII/Abhandlungen der Koniglische Bayrische Akademie der Wissenschaften. Historische Klasse. Munchen, 1843. Выражение оригинала : "Processus super zelo"; см . также : Muntz. Etude sur les Roses pontificales//Academie des Incriptions et Belle-Lettres. Paris, 1895.
566. Finke. Papsttum... Т. II. Doc. 139.
567. Regesta Clementi V. Т. V. 8781. Папа спас своего камергера, который вступил в орден госпитальеров и стал командором Ла Капелль-Ливрон.
568. Montagnac G. de. Histoire des chevaliers templiers. Paris, 1864. Автор приводит

истинный смысл имени "Barhomet" (Р. 120).

569. Finke H. Acta Aragonensia. T. I. Munster, 1908. P. 463.

570. Henry. Guillaume de Plesians//Moyen Age, 1892.

571. Recueil des Historiens de France. T. XX. P. 600-609.

572. " Деяния киприотов "//Recueil des Historiens de Croisades. Documents Armeniens. T. II. P. 870; Villani. Istorie fiorentine. Vol. VIII. Firenze, 1825. P. 92.

573. Стихотворная хроника Годфруа Парижского//Recueil des Historiens de France. T. XXII, A 144 и ниже.

Список великих магистров ордена Храма

ПРИМЕЧАНИЕ: в документах ордена его руководитель носит титул просто "магистра". В Уставе его называют "наш магистр, брат такой-то". Титул "великого магистра" первоначально появился в папских буллах, где надо было проводить различие между руководителем ордена и его подчиненными.

1. Гуго де Пейен (1118-1136)
2. Робер де Краон (1136-1149)
3. Эврар де Бар (1149-1150)
4. Бернар де Тремеле (1150-1153)
5. Андре де Монбар (1153-1156)
6. Бертран де Бланфор (1156-1159)
7. Филипп де Милли (1169-1170)
8. Одон де Сент-Аман (1170-1180)
9. Арно де Ла Тур Руж (1180-1184)
10. Жерар де Ридфор (1184-1189)
11. Роберт де Сабле (1191-1193)
12. Жильбер Эраль (1193-1201)
13. Филипп де Плессье (1201-1209?)
14. Гийом Шартрский (1209?-1219)
15. Пере де Монтегаудо (1219-1232?)
16. Арман Перигорский (1232-1244? (без вести пропал в битве при Газе)
- 17 Гийом де Соннак (1246?-1250)
18. Рено де Вишье (1250-1256 (или 1252?)
19. Тома Берар (1256 (52?)-1273)
20. Гийом де Боже (1273-1291)
21. Тибо Годен (1291-1294)
22. Жак де Моле (1294-1314)

www.e-puzzle.ru